

И. К. ПЕРИХ

Избранное

Н. К. РЕРИХ

Избранное

Художник *И. А. Гусева*

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1979

РОССИЙСКИЕ
ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ

P2
P 42

Составитель В. М. Сидоров

P 70302—176
M-105(03)79 109—79 4702010200

© Издательство «Советская Россия». 1979 г.,
составление, вступительная статья,

РЕРИХ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

В наш XX век, век узкой специализации, фигура Николая Константиновича Рериха представляет собой уникальное явление. Разносторонность его дарования такова, что невольно напрашивается сравнение с великими творцами Ренессанса, и прежде всего — с Леонардо да Винчи. Общеизвестны слова Джавахарлала Неру: «Когда я думаю о Николае Рерихе, я поражаюсь размаху и богатству его деятельности и творческого гения. Великий художник, великий ученый и писатель, археолог и исследователь, он касался и освещал множество аспектов человеческих устремлений».

Не сразу, но постепенно, шаг за шагом, мы открываем для себя грани этой изумительной, этой всепроникающей деятельности. Величие жизни и творчества Рериха предстает перед нами все отчетливей, все полнее. Таинственные или малоизвестные страницы его биографии (Трансгималайское путешествие, американский период жизни) прояснены исследованиями последнего времени. Если несколько лет тому назад можно было писать: «Рериха-художника мы знаем, Рериха-писателя, Рериха-поэта мы знаем понаслышке или не знаем вовсе», — то теперь такое заявление не соответствовало бы истине. Два издания сборника «Письмена» (1974 и 1977 гг.) познакомили нас с поэтическим творчеством Рериха. Образцы его прозы представлены в книгах «Н. К. Рерих. Из литературного наследия» и «Зажигайте сердца». Вышел в свет дневник азиатской экспедиции художника «Алтай — Гималаи». Но, конечно, работа над творческим наследием Рериха продолжается, и радость многих открытых нас несомненно ждет впереди.

* * *

Напомню некоторые факты биографии художника.

Николай Константинович Рерих родился в 1874 году в Петербурге. Летние дни мальчик проводит в отцовском имении Извара. Торжественная и строгая красота северных пейзажей захватывает его воображение, будит в нем художника. Устами главного героя повести «Пламя» — не случайно главный герой повести художник — он скажет:

«Вообще помни о Севере. Если кто-нибудь тебе скажет, что Север мрачен и беден, то знай, что Севера он не знает. Ту радость, и бодрость, и силу, какую дает Север, вряд ли можно най-

та в других местах. Но подойди к Северу без предубеждения. Где найдешь такую синеву далей? Такое серебро вод? Такую звонкую медь полуночных восходов? Такое чудо северных сияний?»

В Академии художеств — Рерих окончил ее в 1897 году — он попал в мастерскую Куинджи, замечательного художника и человека высокой нравственной чистоты. Он стал для юного воспитанника не только учителем живописи, но и учителем жизни. Недаром на склоне лет, вспоминая о Куинджи, Рерих соединяет с его именем священное индийское понятие — Гуру¹.

В качестве дипломной работы Рерих представляет в Академию художеств полотно с выразительным названием «Гонец». Сюжет взят из древнерусской истории. Гонец в ладье спешит к отдаленному поселению с тревожной вестью, что восстал род на род. Картина принесла Рериху известность. Тут же на конкурсной выставке Академии художеств она была приобретена для своей галереи П. М. Третьяковым. О молодом художнике заговорили. Восторгались неожиданным свечением красок. Объявляли родоначальником исторического пейзажа. Но Лев Николаевич Толстой, который познакомился с фотокопией картины, увидел в ней то, чего не увидели другие: он почувствовал в образе Гонца символ высокой жизненной силы:

«Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь все равно снесет. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет».

Эти слова станут для Рериха напутствием. Не раз обратится он к воспоминаниям о встрече с Толстым, не раз пафос толстовских слов воскреснет в его обращениях и письмах к своим ученикам и последователям. Рерих писал:

«Будьте проще и любите природу. Проще, проще! Вы творите не потому, что «нужда заставила». Поете, как вольная птица, не можете не петь. Помните, жаворонок над полями весною! Звенит в высоте! Рулите выше!»

Решающей для жизни и всей духовно-творческой работы Рериха была его встреча с Еленой Ивановной Шапошниковой, правнучкой фельдмаршала Кутузова, выдающейся женщиной двадцатого столетия, подвиг которой в должной мере еще не оценен. «Спутницей, другиней и вдохновительницей» называет Рерих свою жену. Бок о бок с мужем прошла она по героическому маршруту Великого Индийского пути. Николай Константинович пишет:

¹ Гуру — великий учитель, духовный наставник.

«Е. И. первая русская женщина, проделавшая такой путь. А тропы азийские часто трудны — и узкие горные подъемы, и речные броды, и трещины, и тарбаганьи норы. Ну да и встречи с разбойными головами тоже не очень приятны. Но замечательно присутствие духа Е. И. в самый опасный час. Точно Жанна д'Арк она восклицает: «Смелей! смелей!» Да, было много опасных встреч, и всегда проходил без страха, без вреда. Так шли».

Нынешний вице-президент музея имени Н. К. Рериха в Нью-Йорке Зинаида Григорьевна Фосдик, близко знавшая Рерихов, рассказывает:

«Такой семьи я еще не встречала. Это был единственный брак, в котором люди любили и уважали друг друга и считались с мнением другого все время, каждый час и минуту. Не было не только разногласия или упрека, но даже тени непонимания».

И Елену Ивановну, и Николая Константиновича объединяла тяга к Индии, к завоеваниям духовной культуры Индии. Перу Елены Ивановны принадлежат труды, воскрешающие поэзию восточной мудрости, в частности книга «Основы буддизма», вышедшая в свет под псевдонимом Натальи Рокотовой. А степень ее участия в творческой работе мужа такова, что он настаивает: на полотнах должны стоять две подписи — его и Елены Ивановны.

В начале века Рерих вырастает в крупнейшего художника России. В 1909 году он становится академиком. В его картинах причудливо переплетаются история и современность, фантастика и реальность. Зрителей восхищает одухотворенность его полотен, их поэтическая пластичность и целостность. В этот так называемый «русский» период творчества Рериха в его произведениях со все нарастающей силой звучат восточные мотивы. Глубокий интерес к Индии, к ее истории и культуре материализуется не только в живописных, но и в литературных сюжетах. Темы сказок «Девассари Абушту», «Лаухми (Лакшми) Победительница», «Граница царства» (они напечатаны в первом томе собрания сочинений Рериха, вышедшем в 1914 году) заимствованы из индийской мифологии.

Нетрудно заметить, что творчество Рериха густо насыщено символикой. Но символ для Рериха отнюдь не «тайнопись неизреченного». Нет. В его художественной системе символ обеспечен конкретным содержанием, он несет в себе ясный и определенный призыв. И современники остро чувствуют это. Как пророческое воспринимают они аллегорическое полотно «Град обреченный», написанное в канун первой мировой войны. Огнедышащий дракон окружил телом своим город, наглухо закрыл все выходы из него. Именно эта картина дала повод Горькому

назвать художника «величайшим интуитивистом современности».

Предчувствием грядущего переворота пронизано стихотворение «Подвиг», датированное предреволюционным 1916 годом. «Мальчик», «вестник», к которому обращены призывные строки стихотворения, в поэтическом словаре Рериха имеет определенное значение. Это — творец, художник, которому ныне выпала принципиально новая миссия.

Волнением весь расцвеченный,
мальчик принес весть благоую.
О том, что пойдут все на гору,
о сдвиге народа велели сказать.
Добрая весть, но, мой милый
маленький вестник, скорей
слово одно измени.
Когда ты дальше пойдешь,
ты назовешь твою светлую
новость не сдвигом,
но скажешь ты:

подвиг!

Октябрьская революция застала Рериха в Финляндии. По настоянию врачей вот уже второй год он живет в тишине, на пустынном побережье Ладожского озера. Его мучают постоянные пневмонии и бронхиты. Здоровье то улучшается, то ухудшается. В мае семнадцатого положение дел принимает такой тяжелый оборот, что художник вынужден составить завещание.

Лишь летом 1918 года затяжная полоса болезней остается позади. Можно подумать о поездках, об активной творческой работе. Рерих отправляется в Копенгаген (где устроена его выставка), затем в Англию и оттуда — в США. Здесь он прожил почти три года.

С триумфальным успехом идут выставки картин Рериха в городах Америки. Успех сопутствует и другим начинаниям художника. Он создает институт объединенных искусств, в самом названии которого воплощена его сокровенная мысль о синтезе всех видов творческого устремления. Идея сотрудничества народов на почве культуры легла в основу учрежденных им международных организаций: «Венец мира» и «Пылающее сердце». Организации Рериха ширятся, растут. Музей, носящий его имя, занимает вначале скромное помещение, но вскоре перебирается в трехэтажный особняк, а затем в 27-этажный небоскреб над Гудзоном...

Пребывание Рериха за рубежом породило немало догадок, легенд, кривотолков. Внешние обстоятельства, казалось бы, давали повод считать художника эмигрантом. До последнего времени кое-кто был склонен разделять это мнение. Но быть вдали

от Родины — еще не значит быть эмигрантом. Рерих им не был ни формально, ни по существу.

Во-первых, никогда Рерих не терял русского подданства. Было две возможности узаконить свое положение за рубежом: или получить так называемый пансеновский паспорт, являвшийся официальным «видом на жительство» для русских эмигрантов в то время, или стать подданным другой страны (при известности Рериха это бы не составило никакого труда). Но Рерих отверг для себя как первую, так и вторую возможность. Он продолжал считать себя гражданином страны, имя которой стало синонимом революции. Кстати, белые эмигранты очень быстро почували в Рерихе своего врага. Их газеты говорили с Рерихом языком угроз и клеветы. По доносу эмигрантов в Харбине арестовывают книгу художника «Священный дозор». Основываясь на эмигрантских слухах, английский посол доносил из Пекина, что Рерих является членом партии большевиков.

Во-вторых, вся деятельность Рериха за рубежом — и об этом наглядно свидетельствуют дневники художника, документы, ставшие достоянием гласности в наши дни, — служила утверждению тех идей, что несла с собой повая революционная Россия. Ныне с полной определенностью можно сказать, что художник видел свою миссию в том, чтобы развеивать предубеждение против нашей страны, чтобы содействовать сближению всех истинно прогрессивных элементов планеты с нашей страной. В 1922 году состоялась встреча Рериха с одним из возможных кандидатов на пост президента США от республиканской партии. Это был человек широких взглядов и смелой ориентации, и Рерих считал возможным изложить программу действий для политического деятеля, которая, по его мнению, имела бы самые благое последствия для мира. А пункты этой программы были: признание Советской страны, сотрудничество с нею, тесный экономический и политический союз. Не следует забывать, что беседа проходила в те дни, когда слово «советский» было устрашающим пугалом для буржуазного обывателя.

Учеником Рериха объявляет себя будущий вице-президент США Генри Уоллес. Он становится убежденным сторонником советско-американского сотрудничества. Этому курсу ближайший помощник Рузвельта особенно активно содействует в годы войны...

Америка явилась трамплином для будущей научно-художественной экспедиции Рериха в глубины азиатского континента. Эту идею он вынашивал давно. Гипотеза о единых корнях индийской и русской культур, которой придерживался художник, требовала основательных доказательств и подтверждений фак-

тами. Рерих полагал, что изучение Индии даст соответствующий материал. Первая мировая война помешала его планам, но не сорвала их окончательно. В 1923 году экспедиция, снаряженная на средства американских общественных организаций, сочувствующих мыслям Рериха, начинает путь по Великому Индийскому маршруту. Ее целью было «проникнуть в таинственные области Азии, в тайны философии и культуры безмерного материка». Предполагалось изучить памятники древности, отметить следы великого переселения народов, собрать сведения о современном состоянии религии и обычаев в странах Азии. И конечно, намечались чисто художественные задачи.

Характерный штрих: Рерих составил завещание — в случае его гибели все имущество экспедиции и картины переходят в собственность русского народа.

Путешествие разбилось на несколько этапов — были остановки, перерывы — и длилось в общей сложности пять с половиной лет. Состав участников экспедиции менялся, но три человека прошли весь путь от начала до конца: Николай Константинович, Елена Ивановна и их сын Юрий Николаевич Рерих, востоковед, глубокий знаток живых и мертвых языков народов Азии.

Уже на первых этапах путешествия произошли знаменательные встречи, которые заставили художника отложить на время научные исследования. Прервав экспедицию, Рерих направляется в Москву со специальной миссией: передать советскому правительству послание махатм, духовных учителей Востока. В июне 1926 года Рерих имел беседу с наркомом иностранных дел Чичериным и вручил ему письмо. Текст послания махатм впервые был опубликован в 1965 году в журнале «Международная жизнь».

«На Гималаях мы знаем совершаемое Вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения домов общего Блага!

Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признали своевременность Вашего движе-

ния и посылаем Вам всю нашу помощь, утверждая Единение Азии! Знаем, многие построения совершатся в годах 28—31—36. Привет Вам, ищущим Общего Блага!»

Николай Константинович передал также от имени тех же махатм ларец со священной для индийцев гималайской землей: «На могилу брата нашего махатмы Ленгна» — так было сказано в послании.

Трудно переоценить значимость этого события. С высоты нашего времени становится понятным, что это не было актом сугубо символического характера, что это было актом пророческого предвидения, закладкой камня в фундамент индийско-советской дружбы, которая ныне является столь важным фактором мира во всем мире.

Надо полагать, что от английской разведки, давно и пристально наблюдавшей за передвижениями Рериха, не ускользнула его московская поездка. Содержание письма махатм было, конечно, неизвестно, но разве не то же самое утверждалось в книгах «Община» и «Основы буддизма», изданных Рерихом в 1927 году в Улан-Баторе? «Учитель Ленин знал ценность новых путей. Каждое слово его проповеди, каждый поступок его нес на себе печать незабываемой новизны... Желающий посвятить себя истинному коммунизму действует в согласии с основами великой матери». Этого было более чем достаточно, чтобы объявить Рериха большевистским эмиссаром и агентом Коминтерна.

По официальным и тайным звеньям британского аппарата отдается распоряжение: всеми имеющимися средствами сорвать экспедицию, ни в коем случае не допускать ее появления в Тибете и Индии. Знаменательно, что руководство операцией поручалось резиденту английской разведки Бейли, тому самому Бейли, который готовил в 1918 году контрреволюционный мятеж в Ташкенте и который, судя по многим данным, ставшим ныне известными, был причастен к расстрелу 26 бакинских комиссаров.

В деликатных и сложных случаях британские мужи предпочитают действовать чужими руками. Так они поступили и на этот раз. Тибетскому правительству, независимость которого была чистой фикцией, направляется рекомендация: сорвать русскую экспедицию. Нет нужды говорить, что рекомендация имела силу приказа.

20 сентября 1927 года движение экспедиции останавливает тибетский отряд. Отобраны паспорта. Отобрано оружие. Рерих и его спутники, по существу, на положении пленников. Ударили морозы. Путешественники очутились в условиях суровой алпы на

высоте четырех с половиной тысяч метров. Без теплых палаток. Без теплого белья.

Пять с половиной месяцев держат тибетцы экспедицию под неотступным наблюдением, обрекая ее на медленное умирание. Рерих пишет: «Из ста двух животных мы потеряли девяносто два. На тибетских нагорьях остались пять человек из наших спутников».

Но дух русских исследователей не сломлен. И в конце концов (сказалось давление общественного мнения) получено разрешение продолжить маршрут в направлении индийского княжества Сикким. Являя цинизм и редкостное лицемерие, как желанного гостя встречает Бейли Рериха, которого ему, увы, не удалось уничтожить. В путевом дневнике художника мы читаем: «После Сеполя мы спустились через Тангу и в Галток и были радушно встречены британским резидентом полковником Бейли, его супругою и махараджею Сиккима».

Итак, годы напряженных трудов и опасностей позади. Заключена экспедиция, которая продолжила и во многом завершила исследования великих русских путешественников Пржевальского и Козлова. Рерих выговаривает себе право поселиться в долине Кулу, у подножия Гималаев. На базе богатейших материалов экспедиции создается гималайский институт научных исследований. Институт с поэтическим названием «Урусвати» («Свет утренней звезды») ставит целью объединить усилия ученых всего мира по изучению фауны и флоры Азии, по изучению истории и искусства народов Азии. Деятельность института, во главе которого становится Юрий Рерих, была прервана второй мировой войной...

Из окон дома Рериха открывается величественная панорама горных вершин, увенчанная снегом. Здесь художник пишет знаменитую гималайскую серию картин, по справедливости считающуюся вершиной его мастерства. В этот так называемый «индийский» период творчества он все чаще обращается к русским сюжетам: «Богатыри просыпаются», «Святогор», «Настасья Микулична». словно подчеркивая условность деления своего творчества на те или иные периоды, художник записит в записную книжку следующие слова: «Повсюду сочетались две темы — Русь и Гималаи».

Отсюда, из дальнего индийского селения, он руководит движением за подписание Пакта о защите культурных ценностей во время военных действий. Это движение захватило миллионы людей, но победа пришла, когда художника уже не было в живых. В 1954 году в Гааге была заключена Международная конвенция, в основу которой лег Пакт Рериха,

С Гималайских вершин звучит его предостерегающий голос: «Темные тайцы и явно сражаются... Человечество находится в небывалой еще опасности». Рерих зовет к бдительности, объединению, борьбе. «Тьма должна быть рассеиваемá беспощадно, с оружием света и в правой, и в левой руке».

Здесь он встретил известие о Великой Отечественной войне и сразу включился в кампанию активной поддержки Советскому Союзу. Он направляет в фонд Красной Армии деньги, вырученные от продажи картин. Сыновья Рериха Юрий и Святослав обращаются к советскому послу с просьбой принять их в ряды действующей армии.

Здесь он принимает Джавахарлала Неру. В дневнике Рериха появляется запись: «Славный, замечательный деятель. К нему тянутся... Мечтают люди о справедливости и знают, что она живет около доброго сердца. Трогательно, когда народ восклицает: «Да здравствует Неру!»

Здесь после окончания войны он готовится к возвращению на Родину. Хлопочет о въездных документах, упаковывает картины в ящики. Здесь среди радостных хлопот и волнений его настигают болезнь и смерть.

Летом 1974 года, в канун столетнего юбилея художника, мне посчастливилось побывать в доме, по представлениям индийцев, священном, ибо здесь жил и работал Гуру (так называли и называют в Индии Рериха). Меня принимал сын Николая Константиновича — известный художник Святослав Рерих.

Мимо магнолий и голубых кедров по крутой тропе мы спускаемся к мемориалу Рериха. Горы, поросшие соснами. Внизу мерцает и рокочет Биас, река, обязанная своим именем легендарному мудрецу, автору Вед. Обелиск представляет собой осколок горного утеса, занесенного с далекой вершины. На камне высечены слова. В переводе с языка хинди они звучат так:

«Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, отвечающего 15 декабря 1947 года. ОМ РАМ».

— Когда сжигали тело отца,— говорит Святослав Николаевич,— его лицо было повернуто на север. В сторону России.

* * *

Мы имеем немало свидетельств об отношении к литературному творчеству художника со стороны его выдающихся современников. Известно, как высоко ценил стихи Рериха Алексей Максимович Горький. Он определял их величественным словом «письмена», раскрывая и подчеркивая тем самым характерную особенность поэзии Рериха. Ведь «письмена» — не рядовые начер-

тательные знаки, которые могут без труда уложиться в сознании человека. Это нечто важное, монументальное по идейному и историческому смыслу. Аккумулируя в себе опыт не только одной личности, но и многих поколений, «письмена» представляют собой как бы некие заповеди, обращенные к человечеству. «Особое духовное сродство» с Индией находил в поэтических медитациях Рериха Рабиндранат Тагор. А знаменитый индийский писатель и вдумчивый литературовед профессор Генголи, сопоставляя художественное и литературное творчество Рериха, пишет: «...его легкое, не требующее усилий перо, соперничая иногда с его кистью, беспрестанно исторгает жемчужины очерков, статей и духовных воззваний».

Работа над словом идет у художника параллельно работе с кистью, а иногда и опережает ее. Любопытно отметить, что Рерих-литератор заявил о себе раньше, чем Рерих-живописец. Очерк «Сарычи и вороны» был опубликован, когда его автору исполнилось пятнадцать лет. А через год читатель имел возможность познакомиться с другим произведением будущего художника — «Дневники охотника».

Начинал Рерих, как и многие, со стихов. Конечно, они подражательны. Баллады «Ушкуйник», «Ронсевальское сражение» написаны под влиянием Алексея Константиновича Толстого, поэта, полюбившегося художнику на всю жизнь. Эти ранние литературные опыты Рериха знаменательны тем, что в них явно обозначился интерес к истории, к фольклору. Богатство устных народных сказаний, осмысленное и преобразованное творческим воображением художника и писателя, становится неотъемлемой частью его духовного мира.

Поэтому естественно и закономерно обращение Рериха к жанру сказки. Юный писатель не боялся трудностей и опасностей жанра: здесь, как нигде, легко поддаться соблазну стилизации, впасть в подражание. Являя подлинную оригинальность, Рерих реформирует традиционную форму легенды и сказа. Динамизм повествования держится не сюжетом — сюжет у Рериха прост и безыскусен, — а внутренним переживанием, мыслью, которая неотступно владеет героями рассказа. Сказка Рериха приближена к нравственно-философской притче, но она лишена категоричности поучения, столь свойственной притче. Автор не настаивает, а спокойно и ненавязчиво предлагает разобраться в существе вопроса. Назидательные ноты смягчены лиризмом повествования, поэтической недосказанностью.

Авторская мысль не скользит по поверхности, она устремляется вглубь, стараясь раскрыть новые стороны жизни, не всегда заметные с первого взгляда. Умудренный опытом Гримр-ви-

кинг из одноименной сказки Рериха заявляет, что у него нет друзей. Заявляет вопреки очевидности. Соседи хором возражают ему: тот выручил Гримра в беде, тот спас его в минуты опасности. Но Гримр настаивает на своем и проясняет мысль: «У меня не было друзей в счастье».

«Все нашли слова викинга Гримра странными и многие ему не поверили». Так кончается сказка. Но этот конец — начало размышления читателя, перед которым поставлен вопрос и который — если он читатель думающий — не вправе отмахнуться от него.

Чувствуется, что сказки Рериха выросли из его стихотворных опытов; неспроста перекликаются они с его поздними зрелыми поэтическими вещами. Сказки подчас разительно напоминают стихи, напоминают не только содержанием (и те и другие носят характер философской медитации и притчи), но и напевностью и самой ритмической организацией текста. Характерным примером могут служить навеянные народным преданием «Страхи» с их чрезвычайно выразительной звукописью.

На поляну вышел журавль и прогорланил:

«Берегись, берегись!» И ушел за опушку.

Наверху зашумел ворон;

«Конец, конец».

Дрозд на осине орал:

«Страшно, страшно».

А иволга просвистела:

«Бедный, бедный».

Высунулся с вершинки скворец, пожалел;

«Пропал хороший, пропал хороший».

И дятел подтвердил:

«Пусть, пусть».

Сорока трещала:

«А пойти рассказать, пойти рассказать».

Граница между сказками и белыми стихами Рериха зыбка и условна. И недаром художник, составляя поэтический сборник «Цветы Мория», включает в него легенду «Лакшми Победительница», лишь слегка поправив ее.

Напряженная работа Рериха (как живописная, так и литературная) выявляет поразительное единство всех аспектов его творчества. Сюжеты стихов и сказок нередко перекочевывают на полотна. Индийскую тему «Граница царства» Рерих использует дважды: вначале он пишет сказку, потом картину с тем же названием. Можно привести и противоположные примеры, когда образы картин становились персонажами его литературных произведений. Но, конечно, говорить о вспомогательном или иллюстративном характере стихотворного и прозаического материала было бы ошибкой. Вообще творческая индивидуальность Рериха

отличалась монолитностью и целеустремленностью, и потому сферы его деятельности невозможно механически изолировать, а тем более противопоставить друг другу. Строгой демаркационной линии здесь провести нельзя. Рерих неспроста варьирует те или иные темы и мотивы. Свою мысль он хочет донести до не-зримого собеседника и с помощью слова, и с помощью красок — все равно как — но донести!

Направленность жизни Рериха predeterminedла его интерес к проблемам художественного творчества. Личность творца, характер его миссии, его нравственный облик становятся одним из главных предметов пристального внимания Рериха.

Творческий дар — дар необычный. Он несопоставим с любыми другими дарами жизни. В «Детской сказке» руки царевны помогают многие претенденты. Знатным именем похвальноется князь древнего рода, громкой славой соблазняет ее воевода, безмерные богатства сулит ей гость заморский. А что же предлагает певец? «Веру в себя». И царевна, у которой мудрое сердце, принимает верное решение. «Хочу веры в себя; хочу идти далеко; хочу с высокой горы смотреть на восход!»

«Я скажу, что сам боярин при живописателе человек простой, ибо ему Бог не открыл хитрости живописной», — заявляет один из персонажей исторической новеллы «Иконный терем», старик изограф. В этих словах — не гордыня, а понимание значимости своего труда, утверждение личности художника, которому в описываемое время (действие происходит в царствование Алексея Михайловича) приходилось униженно ломать шапку перед тем же самым боярином.

Пожалуй, ни в одной литературной вещи Рериха так не чувствуется художник, как в новелле «Иконный терем». Ярко и красочно, с тонким знанием деталей воспроизведена внешняя обстановка иконописной мастерской; тщательно выписан даже орнамент на двери, даже покрой одежды.

«Двери иконного терема висят на тяжелых кованых петлях, лапка петель длинная, идет она во всю ширину двери, прорезанная узором. Заскрипели петли — отворилась дверь, пропуская в терем старых изографов и с ними боярина и дьякона. Пришли те именитые люди с испытаниями. Сего ради дела изографы разделись в дорожную, жалованную одежду: однорядки с серебряными пуговицами, фрезы камчатные с золототкаными завязками, кафтаны куфтерные, охаби зуфные, штаны суконные с разводами, сапоги сафьяновые — так знатно разделись изографы, так расчесали бороды и намазали волосы, что и не отличить от боярина».

Но не только внешние реалии воссоздает автор. Он воссоздает

ту духовно-правственную атмосферу, в которой рождались шедевры русского искусства. В словах мастера, обращенных к своим слушателям — для вящей убедительности он использует постановление Стоглавого Собора, — живет великая забота о высоком уровне искусства.

«Не всякому дает Бог писать по образу и подобию и кому не дает — им в конец от такового дела престати, да не Божие имя такового письма похуляется. И аще учнут глаголати: «...мы тем живем и питаемся» и таковому их речению не внимати. Не всем человекам иконописцем быти: много бо и различно рукодействие подаровано от Бога, им же человеком пропитатись и живым быти и кроме иконного письма».

В таком ответственном деле, как творчество, не может быть поблажек, ибо они нанесут непоправимый ущерб. Вот почему так суровы Учителя искусства. В рассказе «Старинный совет», выдержанном в духе итальянской новеллы эпохи Возрождения, старый живописец говорит своему незадачливому ученику, который за долгие годы учебы так и не понял простой истины — лишь в самостоятельной работе раскрывается лик прекрасного:

«Бепвенуго, выйди за двери и иди к сапожнику Габакуку и скажи: возьми меня мять кожи, я не знаю, что такое «красиво». А ко мне не ходи и лучше не трогай работы своей».

Вопрос о качестве — краеугольный вопрос не только для эстетики, но и для этики Рериха. Впоследствии в одной из статей он напишет:

«Понявший строй жизни, вошедший в ритм созвучий, внесет те же основы и в свою работу. Во имя стройных основ жизни он не захочет сделать кое-как. Доброкачественность мысли, доброкачественность воображения, доброкачественность в исполнении ведь это вся та же доброкачественность или Врата в Будущее...»

«Доброкачественность или Врата в Будущее». Поэтому для Рериха казалось бы специальный вопрос о качестве, об исполнении (как известно, формалисты придавали ему самоудовлетворяющее значение) перерастает в вопрос нравственный, имеющий непосредственное отношение к личности творца и его духовному миру.

Внутренний мир человека для Рериха-писателя — объект космической значимости. Ведь любое движение души (подчас даже незначительное), любое побуждение может вызвать резонанс в окружающем мире. Нет ничего тайного, что не стало бы явным. Вот почему все мы ответственны не только за поступки, но и за мысли. Вот почему требование нравственной цельности и чистоты, предъявляемое нам, по мнению Рериха, не максимали-

стское, а разумное и естественное требование. «Сегодня маленький компромисс, завтра маленький компромисс, а послезавтра большой подлец». Эту мысль Рерих раскрывает на остроситуационном материале повести «Пламя».

Казалось бы, незначительную ошибку совершает герой повести — знаменитый художник, когда поддается уговорам издателя. Тот хочет выпустить в свет репродукции его картин, имевших большой успех на последней выставке. Но художник не желает расставаться с полотнами даже на короткое время. Тогда издатель предлагает следующий вариант: ученик художника сделает точные копии картин, а эти копии воспроизведут в печати. Художник дает согласие. Копии сделаны. Отправлены в типографию. Но случилось непредвиденное. Пожар. Типография гибнет в пламени.

И тут выясняется: издатель выдал копии за оригиналы и застраховал их на крупную сумму. Страховое агентство выплачивает премию художнику. Тот в ужасе и отчаянии: он оказался невольным участником мошенничества. Деньги он жертвует на нужды искусства, но это не успокаивает его. Разгорается пламя недостойных страстей — страхов, сомнений, бессильного гнева.

Но картины-то целы. И вот художник идет на новый обман. Он объявляет, что восстановил свои прежние сюжеты. Памятуя о недавнем успехе, устраивает выставку. Страшный удар поджидает его. Люди, восхищавшиеся его полотнами на прошлой выставке, теперь равнодушно и скучающе взирают на них. «Исписался»... «Талант ослабел»... — говорят они вначале тихо, а потом уже и громко. А потом о том же самом пишут газеты. Художник становится жертвой собственного обмана, начавшегося с маленького компромисса.

Одна ложь влечет за собой другую, и вот создается круг, из которого как будто бы невозможно выйти. Если это страшно для обычного человека, то для творца, для художника — страшно вдвойне. Для него это может превратиться в трагедию. Из тупика, в котором он очутился, герой «Пламени» видит лишь единственный выход: решительный разрыв с прошлым, бегство в дальние страны.

Исследователи творчества Рериха давно и совершенно справедливо отметили биографичность многих страниц повести. Карельский пейзаж, на фоне которого протекала каждодневная жизнь художника, здесь воспроизведен с фотографической точностью. Несомненно также, что главный герой выражает мысли самого автора, когда говорит: «Картины мои мне нужны, мне близки, пока я творю их. Как только песнь пропоется, она уже

отходит далеко. После окончания я уже не согласен с картиною». И все же ставить знак равенства между героем повести и автором — а это если не говорится впрямую, то как бы подразумевается — нельзя. Сюжет повести основывается на определенных фактах жизни Рериха, но он сознательно заострен, дабы подчеркнуть мысль о пагубности малейшей нравственной уступки. Рерих в 1918 году переживает трудный период, он на переломном рубеже, но смятение и отчаяние, в напряженной атмосфере которых задыхается его двойник в повести, художнику неведомы. Куда больше его характеру отвечает мудрое, но не лишенное горечи прозрение лирического героя стихотворения «Оставил», написанного в те же дни, что и «Пламя».

Я приготовился выйти в дорогу.
Все, что было моим, я оставил.
Вы это возьмете, друзья.
Сейчас в последний раз обойду
дом мой. Еще один раз
вещи я осматриваю. На изображенья
друзей я взгляну еще один раз.
В последний раз. Я уже знаю,
что здесь ничто мое не осталось.
Вещи и все, что стесняло меня,
я отдаю добровольно. Без них
мне будет свободней.

В повести «Пламя» есть слова, носящие программный характер не только для художника, но и для любого человека: «Мы окружены чудесами, но, слепые, не видим их. Мы напоены возможностями, но, темные, не видим их». Рерих не раз напоминает об этом. Любителям чудес и феноменов он заявляет: мир, окружающий нас, и есть феномен подлинно чудесный. В повседневности таится возможность того, что люди именуют сказкой. Красота жизни разлита повсюду. Она мерцает даже в том, что на первый взгляд кажется будничным и малоинтересным.

Художник в полной мере обладал этим великим умением — видеть необыкновенное в обыкновенном. В начале века Рерих совершает поездку по древнему пути из варяг в греки. В очерке, оразившем это путешествие, он искренне удивляется сетованиям живописцев на жизнь, не посылающую им тем и сюжетов. «Все переписано», — утверждают они.

«Вот бедные! — они не замечают, что кругом все ново бесконечно, только сами-то они, вопреки природе, норовят быть старыми и хотят видеть во всем новом старый шаблон и тем приучают к нему массу публики, извращая непосредственный вкус ее. Точно можно сразу перебрать неисчислимые настроения, разлитые в природе, точно субъективность людей ограничена? Говорят, будто нечего писать, а превосходные мотивы, доступные

даже для копииста и протоколиста, остаются втупе, лежат под самым боком петропутыми».

Самого художника копиистом или протоколистом не назовешь. Путевые очерки Рериха — они составляют особую главу его литературного наследия — это не хроника впечатлений, объединенных случайностью маршрута или преходящим настроением. Картины природы, описания запомнившихся встреч, — все это незаметно вырастает в обобщающую мысль. Чувствуется, что текст организован неким внутренним сюжетом; все здесь подчинено единой цели. Записки «По старине» завершает вдохновенное заключение, обращенное к согражданам:

«...Пора русскому образованному человеку узпать и полюбить Русь. Пора людям, скучающим без новых впечатлений, заинтересоваться высоким и значительным, которому они не сумели еще отвести должное место, что заменит серые будни веселою, красивою жизнью.

Пора всем сочувствующим делу старины кричать о ней при всех случаях, во всей печати указывать на положение ее. Пора печатно неумолимо казнить невежественность администрации и духовенства, стоящих к старине ближайшими. Пора зло высмеивать сухарей-археологов и бесчувственных педантов. Пора вербовать новые молодые силы в кружки ревнителей старины, — пока, наконец, этот порыв не перейдет в национальное творческое движение, которым так сильна всегда культурная страна».

Заметки датированы 1903 годом. Именно тогда родилась у Рериха мысль, которой было суждено великое будущее, — о необходимости защиты культурных ценностей. Правда, официальной поддержки в то время она не получила.

Внимательно исследуя шедевры древнерусского зодчества, открывая для себя красоту работ неизвестных мастеров прошлого, Рерих приходит к выводу, имевшему большие последствия для всей истории нашей культуры. В очерке «По старине» он пишет:

«Даже самые слепые, даже самые тупые скоро поймут великое значение наших примитивов, значение русской иконописи. Поймут и завопят и заахают. И пускай завопят! Будем их вопление пророчествовать — скоро кончится «археологическое» отношение к историческому и народному творчеству и пышнее расцветет культура искусства».

Сейчас, когда русские иконы украшают музеи всего мира, это кажется азбучной истиной. Но тогда, в начале XX века, это было неслыханной дерзостью. Предсказания художника воспринимались на уровне курьеза. Он ведет настоящее сражение с эстетствующими критиками, вкусы которых целиком ориентированы на Запад; они-то и считали иконы серыми примитивами,

Конечно, Рерих был не единственным первооткрывателем древнерусского искусства. Но он первый посмотрел на произведения наших иконописцев под определенным, профессиональным углом зрения, он первый заговорил о великом культурном и эстетическом значении их труда.

Путевые дневники Рериха — в особенности поздних лет: «Алтай — Гималаи», «Сердце Азии» — имеют признаки качественно нового жанра. Они уникальны уже тем, что в них соседствуют ученый и поэт. Параллели, которые по законам школьной геометрии не пересекаются, здесь сливаются в единую нерасторжимую линию, как бы ведущую в сокровенную суть явлений и проблем. Научная мысль в книгах Рериха одухотворена, опоэтизирована, а поэтическая интуиция подкреплена строгой логикой научно проверенных фактов.

Вехи трансгималайского пути зафиксированы на полотнах и этюдах Рериха (за время экспедиции их накопилось несколько сотен). Эти же вехи воскресают на страницах дневника художника. Он восхищается красотой гималайских вершин, пророчит великую будущность Алтаю («Это строительная хозяйственность, петронутые недра, радиоактивность, травы выше всадника, лес, скотоводство, гремящие реки, зовущие к электрификации — все это придает Алтаю незабываемое значение!»).

Удел Рериха — опережать время. Некоторые из его наблюдений, лаконично и буднично зарегистрированных в дневнике, впоследствии станут сенсацией. В записках Рериха можно встретить упоминание о снежном человеке: он пересказывает туземную версию о загадочных косматых великанах. По представлениям местных жителей, это — стражи горных ашрамов великих мудрецов.

Рассказ художника о секте огненных фанатиков Бонпо в наши дни может стать предметом специального научного исследования. Литература черной веры мало изучена, их книги не переведены, сообщает Рерих. Но ему удалось попасть в их храм и наблюдать обряды. Рерих отмечает, что хождение в храме совершается против солнца, что свастика изображена в обратном направлении.

Известно, что мистическая основа фашизма, прорывающаяся временами в полубезумных откровениях Гитлера, уходит корнями в Тибет. Свастика — вернее, ее обратное изображение — фюрер взял отсюда. В книге французских авторов Повеля и Бержье «Утро магов» (ее сокращенный вариант публиковался у нас в журнале «Наука и религия» под названием «Какому богу поклонялся Гитлер?») рассказывается о строго засекреченных экспедициях третьего рейха в район Тибета. Характер экспедиций до сих пор тайна. Тайной остается и появление на берлинских улицах в май-

ские дни сорок пятого года трупов тибетцев в немецких солдатских мундирах. И кто знает: может быть, сведения Рериха (не вызвавшие еще должного внимания) помогут пролить свет на все эти тайны, пренебрежение которыми так дорого уже стоило человечеству?

«Сердце Азии» густо насыщено легендами. Как бы образуя книгу в книге, они выстраиваются в определенный ряд, выявляя поразительное единство сюжетов разных стран и народов. В самом подборе легенд ощущается четко продуманный принцип. Чтобы понять его, надо уяснить себе отношение Рериха к сказке, легенде, преданию. В творчестве художника они играли основополагающую роль. Смешение реального и легендарного, пожалуй, самая характерная особенность его стиля. Грань между ними у него на редкость подвижна. На его картинах реальные предметы, окружающие нас, незаметно приобретают сказочные очертания; в контурах облаков и гор внезапно различаешь величественно-одухотворенные лики, а персонажи сказаний (Гесэр-Хав, Матерь Мира) «заземлены», наделены человеческими чертами.

Понимание краеугольной значимости легенды у художника не только эмоция, не только интуиция; оно базируется на опыте, наблюдениях, на глубоком изучении исторического материала. Рерих исходит из убеждения, что «о малом, о незначительном человечество не слагает легенд». Но правильно ли мы читаем легенду? Рерих полагает, что по большей части неправильно: мы усваиваем лишь внешнее начертание образа, не пытаемся проникнуть в первоизданность его смысла. Мы забываем, что язык легенд — это язык древних символов, а он нами утрачен — и его надо восстанавливать:

«Знание преобразуется в легендах. Столько забытых истин сокрыто в древних символах. Они могут быть оживлены опять, если мы будем изучать их самоотверженно».

Знание, не исчезнувшее, а лишь преобразованное, Рерих и старается извлечь из древних источников, и на базе легенд, как на самой крепкой основе, он уже в ранний перпод творчества строит смелые гипотезы. Примером могут служить строки об Атлантиде: «Летали воздушные корабли. Лился жидкий огонь. Сверкала искра жизни и смерти. Силою духа возносились каменные глыбы». Тот же самый целенаправленный подход к народным преданиям мы находим в «Сердце Азии». Из разных источников почерпнуты сведения об одном и том же камне, упавшем с далекой звезды. «Он появляется в различных странах перед большими событиями». Его владельцами были царь Соломон, полководец Тимур, император Акбар. Рерих высказывает предположение, что камень не просто выдумка, не просто символ, что он — реальность,

Ход его рассуждений лишен всякого предубеждения. Почему бы в самом деле не быть камню? Почему бы ему как своеобразному посланцу космоса не аккумулировать в себе пекую, еще неведомую человечеству энергию, действие которой и породило пугающие и вдохновляющие легенды?

Художник одушевлен мыслью, парадоксальной для его времени, но отнюдь не для нашего, найти «объединительные знаки между древнейшими традициями Вед и формулами Эйнштейна». Рерих увлечен этой мыслью, может быть, даже слишком увлечен. Трудно, пожалуй, в наше время с полной определенностью судить о том, что подразумевал Будда под символом железного змия, окружающего землю и переносящего тяжести. Может, это действительно было предвидением, и он имел в виду сеть будущих железных дорог (так полагал Рерих)? А может, это просто аллегория, имеющая сугубо нравственный смысл? Во всяком случае важно отметить, что Рерих, углубляясь в страну таинственных символов и загадочных явлений, не витает в песязаемых облаках мистики, а старается стоять на твердой почве реальных фактов. Особое внимание Рериха привлекает складывающееся в те годы нравственно-духовное учение синтетической Агни Йоги. Ссылки на огненную йогу (Агни — огонь по-русски), цитаты из нее можно встретить не только в «Сердце Азии», но почти во всех поздних работах Рериха. Агни Йога, по его мнению, точно отвечает характеру наступившей эпохи, когда космос стал проявлять повышенный интерес к нашей планете и когда человечество приблизилось к овладению тонкими видами энергий. Рерих радуется тому обстоятельству, что мысли махатм, запечатленные в Агни Йоге, находятся «в полном согласии с новыми проблемами науки». Не ухода от жизни, не отшельничества требует эта современная йога. Наоборот. «Она говорит: не уходите от жизни, развивайте способности вашего аппарата и поймите великое значение психической энергии — человеческой мысли и сознания, как величайших факторов».

Призывы махатм конкретны, практичны. Может быть, поэтому Рерих подчас прибегает к другому термину, называя Агни Йогу «Живой этикой».

Собственно, такой же практический заряд несет в себе и призыв, венчающий книгу, — «Приди в Шамбалу!», ибо это не зов в страду неведомую и недосыгаемую, а это приглашение проникнуть по примеру Рериха в эзотерическое ядро легенд и преданий, приблизиться к источнику, реальному и прекрасному, энергией которого дышат поэтические символы сказаний. Это — призыв к углубленной внутренней работе. Такая работа — если будет вершиться она в чистоте сердца и устремлении духа — приведет

к тому же источнику, из которого выросли легенды и сказки, предания и песнопения...

Известно, какой невероятной, сверхчеловеческой работоспособностью обладал Рерих. До сих пор спорят о числе его полотен. Одни называют цифру: пять тысяч, другие — семь. «Я много раз видела его в процессе работы, — рассказывает вице-президент музея имени Н. К. Рериха в Нью-Йорке Зинаида Григорьевна Фосдик. — Перед ним стояло три или четыре мольберта. И он подходил то к одному, то к другому, одновременно завершая несколько сюжетов». По свидетельству Святослава Николаевича, два-три часа (а иногда и менее) уходило у его отца на статью или очерк. Если же прибавить к этому, что почти не было дня, когда бы художник не сидел за письменным столом, то становится понятным, почему так велико и многообразно его литературное наследие. Десять томов вышло при жизни художника. Но ведь сколько еще не опубликовано! Какая масса матернала разбросана по архивам, находится в рукописях. «Листы дневника», в которых художник рассказывает о своей жизни и творческой биографии, мы знаем пока лишь в извлечениях.

Публицистика Рериха — и в этом убедиться легко — феномен своеобразный. Порою здесь затруднительно определить жанр: что это — статья, очерк, эссе? Современники Рериха, восхищенные возвышенным настроением его произведений, окрестили их стихами в прозе. Но, пожалуй, еще точнее выразил их сущность индийский профессор Генголи, когда назвал эти стихи в прозе духовными воззваниями.

Главный зов художника — «зов о культуре». Это естественно: вся его жизнь шла под знаком «Мир через Культуру», он был автором Пакта о защите культурных ценностей (современники называли этот Пакт Красным Крестом Культуры). Характерны названия его статей: «Культура — почитание свега», «Культура — сотрудничество», «Культура — победительница». Очень часто эти статьи представляют собой послания организациям, посвящим имя Рериха. В те годы во многих странах мира возникли общества, пропагандирующие гуманистические идеи художника. Рерих беспощаден ко всем проявлениям буржуазного индивидуализма и ханжеского лицемерия. В многочисленных статьях и выступлениях он утверждает культуру как высокое понятие жизни, очищая его от наслоений (в частности, он подчеркивает принципиальное различие между двумя понятиями, которые нередко склонны путать, — «культура» и «цивилизация»). «Дума о Культуре есть Врата в Будущее» — вот его убеждение, его лозунг.

Публицистически-очерковые материалы Рериха на редкость разнообразны. Широта их диапазона удивительна. Некоторые из

них являются образцами тонкого литературоведческого анализа (статьи о фольклорных источниках, эссе о Гете). Другие написаны в форме воспоминаний. Их ценность для нас тем более значительна, что речь в них идет о людях, оставивших неизгладимый след в истории общечеловеческой культуры. Это — Толстой и Тургенев, Стасов и Горький, Блок и Андреев.

В книгах Рериха можно встретить письма, которые по тем или иным соображениям он находит возможным опубликовать. Имя, как правило, опущено. Иногда это имя можно расшифровать. Так, например, своеобразное эссе о России адресовано писателю Всеволоду Никаноровичу Иванову, автору исторических повестей «Черные люди» и «Императрица Фике». Судя по содержанию письма, писатель направил художнику на отзыв главы из своей книги о Рерихе. В других случаях имя угадать невозможно. Да это, наверно, и не нужно. Имя существенной роли здесь не играет; важны проблемы, на которых сосредоточено внимание.

Жизненность и актуальность мыслей и лозунгов Рериха говорит о том, что он умел угадать, умел увидеть тенденцию развития. А это — признак истинного гения. Некоторые его выступления — те, в которых поставлены вопросы о защите природы, охране старинных памятников, — настолько своевременны, что кажутся адресованными непосредственно нам. Примечательно, что вопросы не только поставлены, но и намечены конкретные пути их позитивного решения (а это тоже — скажем прямо — случается нечасто).

Замечательна целеустремленность эстетической программы Рериха. Она бескомпромиссна к искусству распада. «Жуткими предвестниками» называет Рерих абстрактные картины. В письмах художника, помеченных последним годом его жизни (1947-м), отношение к авангардистам подтверждено с предельной ясностью:

«...Надо думать, скоро молодежь потребует истинное искусство вместо крикливой мишуры в роде Шагалов. Недаром французы зовут его шакалом. Эта кличка подходяща для всей этой своры. Бывает, в нашем саду шакалы как завоют, как заляются визгом и лаем — точно бы случилось что-то серьезное. А на поверку были просто шакалы, даже охотники на них не зарятся. ...Мишура дурного вкуса реет над миром мрачным предвестником. В ней зарождение всяких вандализмов — и активных, и пассивных. Психоз дурного вкуса — опасная эпидемия. Молодежь калечится, а на костылях далеко не уедешь».

«Очевидно, по Европе прогуляются пикассизм и фюмизм... Лишь бы идти по лучшим векам, а всякий фюмизм — синкромизм, кубизм, фомизм, даданзм, сюрреализм, экспрессионизм, футуризм — всякие эфемериды пусть себе совершают свой однодневный

путь. И сердиться на них не следует, они сами впадают в «ридикюль»¹. И запрещать их нельзя — они отражали состояние общественности».

Нравственно-эстетическая программа Рериха лишена и намека на академизм или декларативность. Она, эта программа, отражала характер всего его творчества, основным мотивом которого было столкновение сил света и тьмы. Недаром свой метод Рерих называет героическим реализмом. И недаром в конце жизни он сближает два понятия: «героический реализм» и «социалистический реализм». Иногда они выступают у него как синонимы. 24 мая 1945 года художник записывает в дневнике:

«В Москве готовится выставка «Победа». Честь художникам, запечатлевшим победу великого Народа Русского. В героическом реализме отобразятся подвиги победоносного воинства».

«Народ Русский». Эти слова художник пишет с большой буквы. Была тема, к которой постоянно обращались его мысли, к которой тяготело его творчество. Эта тема — Россия, ее история, ее культура.

Подводя итоги многолетних странствий, Рерих заносит в дневник: «Ни на миг мы не отклонялись от русских путей. Именно русские могут идти по нашим азийским тропам». Трогательно читать его признание, сделанное в письме к Булгакову, секретарю Л. Н. Толстого: «А хорошо быть русским, хорошо говорить по-русски, хорошо мыслить по-русски».

Но, конечно, «мыслить по-русски» не означало и не могло означать национальной ограниченности и замкнутости. Наоборот. Та черта русского характера, которую принято называть «всемирной отзывчивостью», с особой силой проявилась и в жизни, и в творчестве Рериха. Художник видит величайшее историческое достижение в том, что именно в советское время понятия «Россия» и «человечество» сочетаются разумно. Эти понятия — «Россия» и «человечество» слиты воедино и в статье Рериха «Завет», которая является завещанием великого художника и великого мыслителя.

«...Вот что завещаю всем, всем. Любите Родиву. Любите Народ Русский. Любите все народы на всех необъятностях нашей Родины. Пусть эта любовь научит полюбить и все человечество».

В. СИДОРОВ

¹ Французское выражение, означающее «попасть в смешное положение».

ДЕТСКАЯ СКАЗКА

В очень известном и большом городе жил старый царь, вдовец. У царя была дочь, невеста. Царевна далеко славилась и лицом и умом, и потому многие весьма хорошие люди желали сосватать ее. Среди этих женихов были князья, воеводы, и гости торговые, и ловкие проходимцы, которые всегда толкаются в знатных домах и выискивают, чем бы услужить; были разные люди. Царевна назначила день, когда могут прийти к ней женихи и сказать громко при ней и при всех, что каждый надеется предоставить своей жене; царевна была мудрая. Женихи очень ожидали этого дня, и каждый считал себя лучше всех других. Один перед другим хвалились женихи: кто именитым родом за тридевять поколений, кто богатством, но один из них ничем не хвалился и никто не знал, откуда пришел он. Он хорошо умел складывать песни; песни его напоминали всем их молодые, лучшие годы, при этом он говорил красиво и его любили слушать, даже забывая спросить, кто этот певец. И хотя он не был князем, но все женихи обращались с ним, как с равным.

В назначенный день все женихи оделись получше и собрались в палату, к царю. Согласно обычаю, женихи поклонились царю и царевне. Никого не пустил вперед князь древнего рода, за ним слуги несли тяжелую, красную книгу. Князь говорил:

— Царевна, мой род очень знатен. В этой книге вписано более ста поколений...— И князь очень долго читал в

своей книге, а под конец сказал:— И в эту книгу впишу жебу мою! Будет она ходить по палатам моим, а кругом будут образы предков весьма знаменитых.

— Царевна,— говорил именитый воевода,— окрест громко и страшно имя мое. Спокойна будет жизнь жене моей и поклонятся ей люди — им грозно имя мое.

— Царевна,— говорил залитый сокровищами заморский торговый гость,— жемчугом засыплю жену мою; пойдет она по изумрудному полю и в сладком покое уснет на золотом ложе.

Так говорили женихи, но певец молчал, и все посмотрели на него.

— Что же ты принесешь жене своей?— спросил певца царь.

— Веру в себя,— ответил певец.

Улыбнувшись, переглянулись женихи, изумленно вскинул глазами старый царь, а царевна спросила:

— Скажи, как понять твою веру в себя?

Певец отвечал:

— Царевна! Ты красива, и много я слышал об уме твоём, но где же дела твои? Нет их, ибо нет в тебе веры в себя. Выходи, царевна, замуж за князя древнего рода и каждый день читай в его алой книге имя свое и верь в алую книгу! Выходи же, царевна, замуж за именитого гостя торгового, засыпь палаты свои сверкающим золотом и верь в это золото! В покое спи на золотом ложе и верь в этот покой! Покоем, золотом, алыми книгами закрывайся, царевна, от самой себя! Моего имени нет в алой книге, не мог я засыпать эту палату золотом и куда иду я — там не читают алой книги и золото там не ценно. И не знаю, куда иду я, и не знаю, где путь мой, и не знаю, куда приду я, и нет мне границ, ибо я верю в себя!..

— Обожди,— прервал певца царь,— но имеешь ли ты право верить в себя?

Певец же ничего не ответил и запел веселую песню; улыбнулся ей царь, радостно слушала ее царевна, и лица всех стали ясными. Тогда певец запел грустную песнь; и примолкла палата, и на глазах царевны были слезы. Замолчал певец и сказал сказку; не о властном искусстве говорил он, а о том, как шли в жизнь разные люди и пришлось им возвращаться назад, и кому было легко, а кому тяжело. И молчали все, и царь голову опустил.

— Я верю в себя,— сказал певец, и никто не смеялся над ним.— Я верю в себя,— продолжал он,— и эта вера

ведет меня вперед; и ничто не лежит на пути моем. Будет ли у меня золото, впишут ли имя мое в алых книгах, по поверю я не золоту и не книге, а лишь самому себе, и с этою верой умру я, и смерть мне будет легка.

— Но ты оторвешься от мира. Люди не простят тебе. Веря лишь в себя, одиноко пойдешь ты и холодно будет идти тебе, ибо кто не за нас — тот против нас, — сурово сказал царь.

Но певец не ответил и снова запел песню. Пел он о ярком восходе; пел, как природа верит в себя и как он любит природу и живет ею. И разгладились брови царя, и улыбнулась царевна, и сказал певец:

— Вижу я — не сочтут за врага меня люди и не оторвусь я от мира, ибо пою я, а песня живет в мире и мир живет песней; без песни не будет мира. Меня сочли бы врагом, если бы я уничтожил что-либо, но на земле ничто не подлежит уничтожению, и я создаю и не трогаю оплотов людских. Царь, человек, уместивший любовь ко всей природе, не найдет разве в себе любви — к человеку? Возлюбивший природу не отломит без нужды ветки куста, и человека ли сметет он с пути?

И кивнула головой царевна, а царь сказал:

— Не в себя веришь ты, а в песню свою.

Певец же ответил:

— Песня лишь часть меня; если поверю я в песню мою больше, чем в самого себя, тем разрушу я силу мою и не буду спокойно петь мои песни, и не будут, как теперь, слушать их люди, ибо тогда я буду петь для них, а не для себя. Все я делаю лишь для себя, а живу для людей. Я пою для себя, и пока буду петь для себя, дотоле будут слушать меня. Я верю в себя в песне моей; в песне моей — все для меня, песню же я пою для всех! В песне люблю лишь себя одного, песней же я всех люблю! Весь для всех, все для меня — все в одной песне. И я верю в себя и хочу смотреть на любовь. И как пою я лишь для себя, а песнью моею живлю всех, — так пусть будет вовеки. Поведу жену в далекий путь. Пусть она верит в себя и верою этой дает счастье многим!

— Хочу веры в себя; хочу идти далеко; хочу с высокой горы смотреть на восход!.. — сказала царевна.

И дивились все.

И шумел за окном ветер, и гнул деревья, и гнал на сухую землю дожденосные тучи — он верил в себя.

ГРИМР-ВИКИНГ

Гримр, викинг, сделался очень стар. В прежние годы он был лучшим вождем и о нем знали даже в дальних странах. Но теперь викинг не выходит уже в море на своем быстроходном драконе. Уже десять лет не вынимал он своего меча. На стене висит длинный щит, кожей обитый, и орлиные крылья на шлеме покрыты паутиной и серою пылью.

Гримр был знатный человек. Днем на высоком крыльце сидит викинг, творит правду и суд и мудрым оком смотрит на людские ссоры. А к ночи справляет викинг дружеский праздник. На дубовых столах стоит хорошее убранство. Дымятся яства из гусей, оленей, лебедей и другой разной снеди.

Гримр долгое темное время проводит с друзьями. Пришли к нему разные друзья. Пришел из Медвежьей Долины Олав Хаки с двумя сыновьями. Пришел Гаральд из рода Мингов от Мыса Камней. Пришел Эйрик, которого за рыжие волосы называют Красным. Пришли многие храбрые люди и пировали в доме викинга.

Гримр налил в ковш меду и подал его, чтобы все пили и каждый сказал бы свою лучшую волю. Все говорили разное. Богатые желали почета. Бедным хотелось быть богатыми. Те, которые были поглупее, просили жизни сначала, а мудрые заглядывали за рубеж смерти. Молодые хотели отличиться в бою, им было страшно, что жизнь пройдет в тишине без победы.

Гримр взял ковш самый последний, как и подобает хозяину, и хотел говорить, но задумался и долго смотрел вниз, а волосы белой шапкой легли на его лоб. Потом викинг сказал:

— Мне хочется иметь друга, хоть одного верного друга!

Тогда задвигались вокруг Гримра его гости, так что закрипели столы, все стали наперебыв говорить:

— Гримр,— так говорил Олав, который пришел из Медвежьей Долины,— разве я не был тебе другом? Когда ты спешил спасти жизнь твою в изгнании, кто первый тебе протянул руку и просил короля вернуть тебя? Вспомни о друге!

С другой стороны старался заглянуть в глаза Гримра викинг Гаральд и говорил, а рукою грозил:

— Эй, слушай, Гримр! Когда враги сожгли усадьбу твою и унесли казну твою, у кого в то время жил ты? Кто с тобою строил новый дом для тебя? Вспомни о друге!

Рядом, как ворон, каркал очень старый Эйрик, прозвищем Красный:

— Гримр! В битве у Полуночной Горы кто держал щит над тобою? Кто вместо тебя принял удар? Вспомни о друге!

— Гримр! Кто спас от врагов жену твою? Вспомни о друге!

— Слушай, Гримр! Кто после несчастного боя при Тюленьем заливе первый пришел к тебе! Вспомни о друге!

— Гримр! Кто не поверил, когда враги на тебя клеветали? Вспомни! Вспомни!

— Гримр, ты сказал неразумное слово! Ты, уже седой и старый, много видал в жизни! Горько слышать, как забыл ты о друзьях, верных тебе даже во времена твоего горя и несчастий.

Гримр тогда встал и так начал:

— Хочу я сказать вам. Помню я все, что вы сделали мне; в этом свидетелями называю богов. Я люблю вас, но теперь вспомнилась мне одна моя очень старинная дума и я сказал невозможное слово. Вы товарищи мои, вы друзья в несчастьях моих, и за это я благодарю вас. Но скажу правду: в счастье не было у меня друзей. Не было их и вообще, их на земле не бывает. Я был очень редко счастливым; даже нетрудно вспомнить, при каких делах.

Был я счастлив после битвы с датчанами, когда у Лебединого мыса мы потопили сто датских ладей. Громко трубили рога; все мои дружинники запели священную песню и понесли меня на щите. Я был счастлив. И мне говорили все приятные слова, но сердца друзей молчали.

У меня не было друзей в счастье.

Был я счастлив, когда король позвал меня на охоту. Я убил двенадцать медведей и спас короля, когда лось хотел бодать его. Тогда король поцеловал меня и назвал меня лучшим мужем. Все мне говорили приятное, но не было приятно на сердце друзей.

Я не знаю в счастье друзей.

Ингерду, дочь Минга, все называли самую лучшую деву. Из-за нее бывали поединки, и от них умерло немало людей. А я женою привел ее в дом мой. Меня величали, и мне было хорошо, но слова друзей шли не от сердца.

Не верю, есть ли в счастье друзья.

В Гуле на вече Один послал мне полезное слово. Я сказал это слово народу, и меня считали спасителем, но и тут молчали сердца моих друзей.

При счастье никогда не бывает друзей.

Я не помню матери, а жена моя была в живых недолго. Не знаю, были ли они такими друзьями. Один раз мне пришлось увидеть такое. Женщина кормила бледного и бедного ребенка, а рядом сидел другой — здоровый, и ему тоже хотелось поесть. Я спросил женщину, почему она не обращает внимания на здорового ребенка, который был к тому же и пригож. Женщина мне ответила: «Я люблю обоих, но этот больной и несчастный».

Когда несчастье бывает, я, убогий, держусь за друзей. Но при счастье я стою один, как будто на высокой горе. Человек во время счастья бывает очень высоко, а наши сердца открыты только вниз. В моем несчастье вы, товарищи, жили для себя.

Еще скажу я, что мои слова были невозможными и в счастье нет друга, иначе он не будет человеком.

Все нашли слова викинга Гримра странными, и многие ему не поверили.

ДЕВАССАРИ АБУНТУ

Так поют про Девассари Абунту.

Знала Абунту, что сказал Будда про женщин Ананде, и уходила она от мужей, а тем самым и от жен, ибо где мужи, там и жены. И ходила Абунту по долинам Рамны и Сокки и в темноте только приходила в храм. И даже жрецы мало видели и знали ее. Так не искушала Абунту слов Будды.

И вот сделалось землетрясение. Все люди побежали, а жрецы наговорили, что боги разгневались. И запрятались все в погребах и пещерах, и стало землетрясение еще сильнее, и все были задавлены. И правда, удары в земле были ужасны. Горы тряслись. Стены построек сыпались и даже самые крепкие развалились. Деревья поломались, и, чего больше, реки побежали по новым местам.

Одна только Девассари Абунту осталась в доме и не боялась того, что должно быть. Она знала, что вечному богу гнев недоступен, и все должно быть так, как оно есть. И осталась Девассари Абунту на пустом месте, без людей.

Люди не пришли больше в те места. Звери не все вернулись. Одни птицы прилетели к старым гнездам. Научилась понимать птиц Девассари Абунту. И ушла она в тех же нарядах, как вышла в долину, без времени, не зная места, где живет она. Утром к старому храму собирались к ней птицы и говорили ей разное: про умерших людей, части которых носились в воздухе. И знала Абунту многое занимательное, завершенное смертью, неизвестное людьми.

Если солнце светило очень жарко, летали над Девассари белые павы, и хвосты их сверкали, и бросали тень, и трепетащем нагоняли прохладу. Страшные другим грифы и целебесы ночью сидели вокруг спящей и хранили ее. Золотые фазаны несли лесные плоды и вкусные корни. Только не знаем, а служили Абунту и другие птицы — все птицы.

И Девассари Абунту не нуждалась в людях. Все было ей вместо людей: и птицы, и камни, и травы, и все части жизни. Одна она не была. И вот, слушайте изумительное, Абунту не изменилась телом, и прав ее оставался все тот же. В ней гнева не было; она жила и не разрушалась.

Только утром рано прилетели к Девассари лучшие птицы и сказали ей, что уже довольно жила она и время теперь умереть. И пошла Абунту искать камень смерти. И вот приходит в пустыню, и лежат на ней многие камни, темные. И ходила между ними Абунту и просила их принять ее тело. И поклонилась до земли. И так осталась в поклоне и сделалась камнем.

Стоит в пустыне черный камень, полный синего огня. И никто не знает про Девассари Абунту.

ЗАМКИ ПЕЧАЛИ

Идете по замку.

Высокая зала. Длинные отсветы окон. Темные скамьи.
Кресла.

Здесь судили и осуждали.

Еще зала, большая. Камин в величину быка. Колонны резные из дуба.

Здесь собирались. Решались судить.

Длинные переходы. Низкие дверки в железных заплатах. Высокий порог.

Здесь вели заподозренных.

Комната в одно окно. Посредине столб. На столбе железные кольца и темные знаки.

Здесь пытали огнем.

Высокая башня. Узкие окна. Узкая дверка. Своды.

Здесь смотрели врага.

Помещение для караула. Две старые пушки. Горка ядер. Пять алебард. Ободок барабана.

Сюда драбанты кого-то тащили убить.

Ступеньки вниз. На колоннах своды. У пола железные кольца.

Здесь были осужденные.

Подвал. Перекладина в своде. Дверка на озеро. Большой плоский камень.

Последняя постель обреченных.

Двор у ворот. Камни в стенах. Камни на мостовой. В середине столб с кольцом.

Кольцо для шеи презренного.

Молельня. Темный, резной хор. Покорные звери на ручках кресел.

Здесь молились перед допросом.

Тесная ниша. Долгое окошко в залу совета. Невидимое око, тайное ухо.

Здесь узнавали врагов.

Исповедальня. Черный дуб. Красная с золотом тафтяная завеса.

Через нее о грехе говорили.

Малая комната. Две ступени к окну. Окно на озеро. Темный дорожный ларец. Ларец графини.

Около него не слышно слова печали.

Не в нем ли остались искры радости или усмешка веселья?

Или и в нем везли горе?

Все, что не говорит о печали, слезы выели из серого замка.

Проходила ли радость по замку?

Были в нем веселые трубы. Было твердое слово чести. Было познание брака.

Все это унесло время.

Долго стоят по вершинам пустые, серые замки.

И время хранит их смысл.

Что оставит время от наших дней? Проникнуть не можем. Не знаем.

Если бы знали, может быть, убоялись.

СТРАХИ

Стояли дубы. Краснели рудовые сосны. Под ними в заросших буграх глели старые кости. Желтели, блестели цветы. В овраге зеленела трава. Закатилось солнце,

На поляну вышел журавль и прогорланил:

— Берегись, берегись!— И ушел за опушку.

Наверху зашумел ворон:

— Конец, конец.

Дрозд на осине орал:

— Страшно, страшно.

А иволга просвистела:

— Бедный, бедный.

Высунулся с вершинки скворец, пожалел:

— Пропал хороший, пропал хороший.

И дятел подтвердил:

— Пусть, пусть.

Сорока трещала:

— А пойти рассказать, пойти рассказать.

Даже снегирь пропищал:

— Плохо, плохо.

И все это было. С земли, с деревьев и с неба свистели, трещали, шипели.

А у Дивьего Камня за Медвежьим оврагом неведомый старик поселился. Сидел старик и ловил птиц ловушками хитрыми. И учил птиц большими трудами каждую одному слову.

Посылал неведомый старик птиц по лесу, каждую со своим словом. И бледнели путники и робели, услышав страшные птичьи слова.

А старик улыбался. И шел старик лесом, ходил к реке, ходил на травяные полянки. Слушал старик птиц и не боялся их слов.

Только он один знал, что они ничего другого не знают и сказать не умеют.

КЛАДЫ

— От Красной Пожни пойдешь на зимний восход, будет тебе могилка-бугор. От бугра на левую руку иди до Ржавого ручья, а по ручью до серого камня. На камне конский след стесан. Как камень минуешь, так и иди до малой мшаги, а туда пять стволов золота Литвою опущено.

В Лосином бору, на просеке, сосна рогатая не рублена. Оставлена неспроста. На сосне зарубки. От зарубок ступай напрямик через моховое болото. За болотом будет каменистое место, а два камня будут больше других. Стань промеж них в середину и отсчитай на весенний закат сорок шагов. Там золота бочонок схоронен еще при Грозном царе.

Или еще лучше. На Пересне от Княжьего Броду иди на весенний закат. А пройдя три сотни шагов, оберни в полгруди, да иди тридцать шагов вправо. А будет тут рва старый, а за рвом пневое дерево, и тут клад положен большой. Золотые крестовики и всякий золотой саряд, и положен клад в татарское разорение.

Тоже хороший клад. На Городище церковь, за нею старое кладбище. Среди могил курганчик. Под ним, говорят, старый ход под землею, и ведет ход в пещерку, а в ней богатства большие. И на этот клад запись в Софийском соборе положена, и владыка новгородский раз в год дает читать ее пришлым людям.

Самое трудное скажу. Этот клад хоронен со смертным зарокom. Коли сумеешь обойти, коли противу страхов пойдешь — твое счастье.

За Великою Гривой в Червонный ключ опущено разбойными людьми много золота; плитою закрыто, и вода спущена. Коли сумеешь воду от земли отвести да успеешь плиту откопать, — твое счастье большое.

Много кладов везде захоронено. Говорю — не болтаю. Дедами еще положены верные записи.

Намедни чинился у меня важный человек. Он говорил, а я услышал:

— В подземной Руси, — сказал, — много добра схоронено. Русь берегите.

Сановитый был человек.

Про всякого человека клад захоронен. Только надо уметь клады брать. Неверному человеку клад не дастся.

Пьяному клад не брать. Со скромными мыслями к кладу не приступай. Клад себе цену знает. Не подумай испортить клад. Клады жалеть надо. Хоронили клады не с глупым словом, а с молитвою либо с заклятием.

А пойдешь клад брать, иди смиренно. Зря не болтай. На людях не гуляй. Свою думу думай. Будут тебе страхи, а ты страхов не бойся. Покажется что, а ты не заглядывайся. Криков не слушай. Иди себе бережно, не оступайся, потому брать клад — великое дело.

Над кладом работай быстро. Не оглядывайся, а пуще всего не отдыхай. Коли захочешь голос показать, пой тропарь богородничный. Никаких товарищей для кладов никогда себе не бери.

А, на счастье, возьмешь клад, — никому про него не болтай. Никак не докажи клад людям сразу. Глаз людской тяжелой, клад от людей отвык, — иначе опять в землю уйдет. И самому тебе не достанется, и другому его уж труднее брать. Много кладов сами люди попортили, по своему безобразию.

— А где же твой клад, кузнец? Отчего ты свой клад не взял?

— И про меня клад схоронен. Сам знаю, когда за кладом пойду.

Больше о кладах ничего не сказал черный кузнец.

ГРАНИЦА ЦАРСТВА

В Индии было.

Родился у царя сын. Все сильные волшебницы, как знаете, принесли царевичу свои лучшие дары.

Самая добрая волшебница сказала заклятие:

— Не увидит царевич границ своего царства.

Все думали, что предсказано царство, границами безмерное.

Но вырос царевич славным и мудрым, а царство его не увеличилось.

Стал царствовать царевич, но не водил войско отодвинуть соседей.

Когда же хотел он осмотреть границу владений, всякий раз туман покрывал граничные горы.

В волнах облачных устилались новые дали. Клубились облака высокими грядами.

Всякий раз тогда возвращался царь силою полный, в земных делах мудрый решением.

Вот три ненавистника старые зашептали:

— Мы уstraшаемся. Наш царь полон странною силою. У царя нечеловеческий разум. Может быть, течению земных сил этот разум противен. Не должен быть человек выше человеческого.

Мы премудростью отличенные, мы знаем пределы. Мы знаем очарования.

Прекратим волшебные чары. Пусть увидит царь границу свою. Пусть поникнет разум его. И ограничится мудрость его в хороших пределах. Пусть будет он с нами.

Три ненавистника, три старые повели царя на высокую гору. Только перед вечером достигли вершины, и там все трое сказали заклятие. Заклятие о том, как прекратить силу:

— Бог пределов человеческих!

Ты измеряешь ум. Ты наполняешь реку разума земным течением.

На черепахе, драконе, змее поплыву. Свое узнаю.

На единороге, барсе, слоне поплыву. Свое узнаю.

На листе дерева, на листе травы, на цветке лотоса поплыву. Свое узнаю.

Ты откроешь мой берег! Ты укажешь ограничение!

Каждый знает, и ты знаешь! Никто больше. Ты больше. Чары сними.

Как сказали заклятие ненавистники, так сразу алою цепью загорелись вершины граничных гор.

Отвратили лицо ненавистники. Поклонились.

— Вот, царь, граница твоя.

Но летела уже от богини доброго земного странствия лучшая из волшебниц.

Не успел царь взглянуть, как над вершинами воздвигся нежданный пурпуровый град, за ним устлалась туманом еще невиданная земля.

Полетело над градом огневое воинство. Заиграли знаки самые премудрые.

— Не вижу границы моей,— сказал царь.

Возвратился царь духом возвеличенный. Он наполнил землю свою решениями самыми мудрыми.

ИКОННЫЙ ТЕРЕМ

I

На Москве в государевом Иконном тереме творится прехитрое и прекрасное дело. Творится в тереме живописное дело не зря, как-нибудь, а по уставу, по крепкому указу, ведомому самому великому государю царю и государю патриарху. Работаются в тереме планы городов, листы печатные, исполняются нужды денежного двора, расписываются болванцы, трубы, печи, составляют расчеты, но главная работа — честное иконописное дело; ведется оно по разному старинному чину. Всякие иконные обычаи повелись издавна, со времен царя Ивана Васильевича, со Стоглавого собора и много древнее еще от уставов афонских.

По заведенному порядку создается икона. Первую и главную основу ее положит знаменщик и назнаменит на липовой или на дубовой доске рисунок. По нему лицезщик напишет лик, а долицевщик — доличное все остальное: ризы и прочие одеяния. Завершит работу мастер травного дела, и припишет он вокруг святых угодников небо, горы, пещеры, деревья; в проскребку наведет он золотые звезды на небо или лучи. Златописцы добрым сусальным золотом обведут венчики и поле иконы. Меньшие мастера: левкащики и терщики готовят левкас, иначе говоря, гипс на клею для покрытия иконной холстины, мочат клей, трут краски и опять же делают все это со многими тайнами, а тайные те наказы старых людей свято хранятся в роде и только сыну расскажет старик, как по-своему сделать левкас или творить золото, не то даст и грамоту о том деле, но грамота писана какой-нибудь мудреной тарабарщиной. Подначальные люди готовят доски иконные, выклеивают их, выглаживают хвощом; немало всякого дела в Иконном тереме и меньшему мастеру терщику, немало и дьяку, и окольничему, правящему теремное приказное дело.

Шибко идет работа в тереме. А идет шибко работа за то, что великий царь всея Руси Алексей Михайлович подарил иконников окружную грамотою, сам бывал в тереме и часто жалуется тщливых мастеров своею царскою брагою да романею, платьем знатным и всякою прочею милостию. Но не только за царскую ласку идет живописное дело с прилежным старанием, а и потому, что дело это

свято, угодно оно Богу, прятало честь от самого Христа Господа «аще изволих лицо свое на убрусе Авгарю царю без писания начертати», почтется оно и от святых апостолов, и работают живописное дело люди всегда по любви, не по наказу и принуждению.

Утром, на восходе красного солнышка, от Китай-города из Иконной улицы, где живет много иконников, гурьбами, дружно идут на работу мастера, крестятся на маковки храмов кремлевских и берутся за дело. Надевают замазанные в красках да в клею передники, лоб обвяжут ремненным либо пеньковым венчиком, чтобы не лезли в глаза масляные пряди волос, и творят на ногтях или на доске краски. Кто работает молча, насупясь, кто уныло тянет стихиры, подходящие под смысл изображения, иной же за работой гуторит, перекидывается ласковым либо спорным словом с товарищем, но письмо от таких разговоров поруки не терпит, ибо знает свое дело рука; если же приходится сделать тонкую черту или ографить рисунок прилежно, то не только спор замолкает, а и голова помогает локтю и плечу вести линию, сам язык старательствует по губам в том же направлении.

Не божественные только разговоры, а мирские речи ведут иконники и шутки шутят, но шутки хорошие, без скверного слова, без хулы на имя Господне и честное художество.

Собрались в терем разные мастера — и жалованные, и кормовые, и городовые всех трех статей; на статьи делятся по своему художеству: иконники первой статьи получают по гривне, мастера второй статьи по 2 алтына по 5 денег, а третьестепенные иконописцы по 2 алтына по 2 деньги. Кроме денег иконникам идет и вино дворянское, и брага, и мед цеженный, а с кормового да с хлебного двора яства и пироги.

Некоторые именитые изографы: Симон Ушаков, Богдан Салтанов и другие прошли не в терем, а в приказную избу оружейной палаты — там они будут свидетельствовать писание новоприбывшего из Вологды молодого иконника и скажут про него изографы: навычен ли он писать иконное изображение добрым, самым лучшим письмом, а коли не навычен, то дьяк объявит неудалому мастеру, что по указу великого государя он с Москвы отпущен и впредь его к иконным делам высылать не велено, а жить ему на Вологде по-прежнему.

Промеж работы ведутся разговоры про новую окружающую грамоту. Сгорбленный, лысый старик изограф с картофельным носом, важно подняв палец, самодовольно оглядывает мастеров и твердит место грамоты — видно, крепко оно ему полюбилось:

— «...Тако в нашей царской православной державе икоп святых писателие тщаливии и честнии, яко истинниие церковници церковнаго благолепия художници да почтутся, всем прочим председание художникам да восприимут и кисть разноцветно употреблена тростию или пером писателем да предравенствуют». Не всякого человека почтит великий государь таково ласковым словом!

— Да так и во вся времена было. Еще Стоглав велит почитать живописателей «паче простых человек».

— А что такое паче? Коли перед простым человеком шапку ломаешь, то перед иконником надо две сломать?

— И кто есть простой человек? Я скажу, что сам боярин при живописателе человек простой, ибо ему Бог не открыл хитрости живописной.

— Коли не твоего разума дело — не суесловь: всякому ведомо, что есть почитание иконописцев, честных мастеров. Почитаются они и отцами духовными, и воеводами, и боярами, и всеми людьми,— вступился старик,— и похваляется тем, что сам антиохийский патриарх Макарий челом бил государю на присылке икон, вот-де какво русское иконописание, а того не вспомнил старый, что патриарху иначе и негде было бы удобнее докучиться об иконах. Впрочем, это рукоделию московских изографов — не в укор сказано.

Говорят и дивуются мастера, как выходец шаховой земли изограф Богдан Салтанов поверстан по московскому дворянскому списку; такому делу, чтобы иконник верстался в дворяне — еще не бывало примера. О Салтанове голоса разделились: одни подумали, что пожалован он за доброе художество, другие подумали, что за принятие православной веры. От шахового выходца Салтанова заговорили и о прочих всяких иноземцах; вспомнили, как непочтительно отнеслись некоторые из иноземцев к благословию патриарха и как за то патриарх разгневался и приказал им по одежде быть отличными от русских людей. Одни не прочь и за иноземцев, а другие на них — зачем-

де часто великий государь жалует заморских мастеров лучше, чем своих, а по художеству и свои, часом, не хуже взбодрят.

— Воц, поди, Лопудного мастера хвалили, нахвалили, а он того доучил, что сами ученики его челобитье подали, как мастер их живописному мастерству не учил. И была то не выдумка, а правда, после чего поотнимали у него учеников и отдали Даниле Вухтерсу.

Особенно нападает на заморских мастеров длинный иконник, с ременным венчиком на прямых льняных волосах; по его речи выходит, что нечего иноземцам потворствовать, коли своим жалованья не хватает, и указывает он на Ивашка Соловья, иконника оружейной палаты, отставленного за скорбь и старость, и как скитался он сам-четверть с женишкою и с робятишки между двор, где день, где ночь, и наги, и босы, о чем и челобитье писал Соловей государю и просился хоть в монастырь поступить.

Но длинному возражают, на память приводят, как государь и патриарх входят даже в самые мелкие нужды иконников, коли до них дело доходит:

— Так-таки и отписал патриарх: Артем побил мужика Панку, от воров боронясь, хотя бы и больше перерезал, от них боронясь, все же малая его вина.

— Что говорить, грех государю, коли об иноземцах паче своих брежение имеет, и свои государеву пользу блюдут накрепко: Ушаков, как отрезал, боярам сказал, что грановитые палаты вновь писать самым добрым письмом прежнего лучше или против прежнего в такое время малое некогда: приходит время студеное, и стенное письмо будет не крепко и не вечно. И ведь все думали, что переписывать осенью станут, а как Симон-от отрезал, так и отложили.

III

Двери иконного терема висят на тяжелых кованых петлях, лапка петель длинная, идет она во всю ширину двери, прорезная узором. Заскрипели петли — отворилась дверь, пропустила в терем старых изографов и с ними боярина и дьяка. Пришли те именитые люди с испытания. Сего ради дела изографы разоделись в дорогую, жалованную одежду: однорядки с серебряными пуговицами, фезези камчатные с золототкаными завязками, кафтаны куфтерные, охабни зүфные, штаны суконные с разводами, сапоги сафьяновые — так знатно разоделись изографы, так рас-

чесали бороды и намазали волосы, что и не отличишь от боярина.

На испытание вологжанин, крестьянский сын Сергушко Рожков, написал вновь иконного своего художества воображение, на одной дщке образ Всемиловитого Спаса, Пречистыя Богородицы и Иоанна Предтечи. И, по свидетельству московских изографов Симона Ушакова с товарищи, Сергушко оказался мастер добрый. Иконники окружают нового товарища, спрашивают, кто у него поручники, потому за новопринятого должны поручиться иконники бывалые, должны поручиться в том, что если Сергушко у государевых иконописных дел быть не учнет или сбежит или забражничает, и на поручиках пеня Государя Царя; расспрашивают, откуда Сергушко родом; каково теперешнее художество на Вологде, как живут мастера вологодские, и слушают Сергушкины сказки.

Сергушко рассказывает, что Матвей Гурьев — иконник обманом ушел из Знаменского монастыря с Вологды и живет на Тотме, Агей Автомаков да Дмитрий Клоков устарели, Сергей Анисимов стемнел, а которые иконники сверх того есть и те у государева иконного и у стенного и не у какого письма не бывают, потому что стары и увечны и писать никакого письма не видят и разошлись в мир для ради недороды хлебные кормиться Христовым именем, ибо люди они старые, и увечные, и скудные, и должные. Слушают иконники невеселые вологодские сказки, глядят на старый кафтан Сергушкин; неуместен такой кафтан в светлом тереме, смешны заплаты при золототканых окрутах. Помялись, потупились и опять расспрашивают Сергушку, каким письмом пишут иконы по вологодским селам и глухим местам, не пишут ли там иконы с небрежением, лишь бы променять темным поселянам невеждам? Хранят ли древние переводы? Об этом-де дал государь грозную грамоту, когда дошла до него весть о неискусных живописцах Холуйских.

С окольниковым разговаривает только что вошедший в терем заморский мастер цесарской земли Данило Вухтерс; подошел он к боярину с низкими поклонами, хитро, выгибая тонко обутые ноги, и говорит (толмач переводит), а смысл его речи такой, что только, мол, ради пресветлой неизреченной милости царя и многомилостивого и похвального жалованья решился он на трудную поездку в Московию; улаживается Вухтерс с боярином, сколько он будет получать жалованья; порешили: будет получать

Вухтерс денег 20 рублей, ржи 20 четвертей, пшеницы 10, круп грешневых четверть, гороху две чети, солоду 10 чей, овса 10 чей, мяса 10 полоть, вина 10 ведер. Поскупил Вухтерс набавить 5 белужек, да 5 осетров — набавили и напишут поручную — будет Вухтерс учить русских мастеров писать мастерством самым мудрым.

Отошел боярин от Вухтерса и теперь решает с дьяком и с жалованными мастерами: откуда способнее вызвать иконников на время росписи Успенского собора, ибо для этой работы не хватит теремных и городских мастеров московских. Степенно приказывает боярин дьяку:

«Изготовь, Артамон, грамоту во Псков, чтобы сыскали по росписи и сверх росписи иконописцев всех, что ни есть: и посадских людей, и боярских, и княжеских, и монастырских, и торговых, и всяких людей, у кого ни буди, только чтобы стенному церковному письму прорухи не было».

Сыскать и вызвать мастеров надо неспроста, надо наблюдать строгую очередь, иначе будут жалобы, что-де иным иконописцам в дальних волокитах чиятся многие убытки и разоренье, а других вовсе к стенному письму не емлют. Хорошим мастерам везде дело есть; добрыми мастерами всякий дорожит; с великим нехотеньем отпускают их в ненасытную Москву. Лишь бы сохранить иконника и воеводы и даже духовные люди — игумены и архиереи — идут на обман, готовы сообщить в государев терем облыжные сведения, нужды нет, что их уличат в бездельной корысти, и шлют к ним самопальных с грозными указами, а святые отцы и государевы слуги все же покажут добрых мастеров в безвестном отсутствии и укроют их в монастырских кельях — уж такая всюду необходимость в истинствующих иконниках.

IV

— Смилуйся, пресветлый боярин, не дай вконец разориться! — пробирается к боярину ободранный мужичонко и, дойдя, кланяется земно.

— Докучаюсь тебе, боярин, о сынишке моем, иконной дружины ученике. Смилуйся, отец, на парнишку! Вконец изведет его мастер корысти ради, и грозы нет на него, потому и сбежать от него невозможно — больно велика пеня показана. Вот и список с поручной.

Дьяк принимает поручную; молча просматривает ее, сквозь зубы процеживает: «дожив своих реченых лет не

сбежать и не покрасть»,— и вполголоса читает боярину:

— «...а будет сын его Ларионов, не дожив урочных лет от меня пократчи сбежит, взяти мне в том Ларионе по записи за рядом двадцать рублей». Да, пеня немалая представлена, уж пятнадцать рублей и то большая пеня, а двадцать и того несообразнее. А дело-то в чем? — спрашивает дьяк, недовольный, что судьбище будет при всех, при боярине, и не придется ему, дьяку, распорядиться с челобитчиком, по-своему, по-приказному, и не будет ему, дьяку, никакой пользы.

— Бью челом на мастера икононого Терентия Агафонова,— зачастил мужичонка,— что взял парнишку моего в учение, и тому пошел без малого год третий, а живописному письму не учил, только выучил по дереву и по полотнам золотить. И ученье мастера этого негоже; учит он не в ученика пользу, а в свою; промеры телесные дает неверные, ни ографить, ни знаменить искусно, ничему не учил. А что парнишко напишет добрым письмом по своему разумению, и то мастер альбо похуляет, альбо показывает работою ученика иного, своего племянника, и моему парнишке ни пользы, ни чести не выходит. И на том смилуйся, боярин, и пожалуй взяти мне парнишку моего Ларивонку домой без пени!—кланяется мужичонка, а позади его выдвигается тощий человечек в темной однорядке и, заложив руку за пазуху, кашлянув, переминаясь, начинает:

— И в учении Стоглавого собора в главе 43 сказано есть: аще кому не даст Бог такового рукоделия, учтет писати худо или не по правильному заветчанию жити; а мастер укажет его горазда и во всем достойна суца и покажет написание иного, а не того и святитель, обыскав, полагает такового мастера под запрещением правильным, яко да и прочии страх примут и не дерзают таковая творити. Сказано есть во Стоглаве, а посему повинен мастер Агафонов, что дружит ко своему племяннику и тем неправое брежение к Государеву делу имеет. Племяннику его не открыл Бог рукоделия, и коли Агафонов своею нелепою хитростью устроит племянника своего в Тереме, и на том царскому делу поруха...

— А ты что за человек? — перебивает его дьяк.

— Он, значит, свояк мой Филипко; парнишку моего жалко ему. Еп, парнишко-то, добрый, да вот неудача в мастерере вышла, прости, Создатель! А что Агафонов на племяннике на своем душою кривит,— это точно, и племян-

ник — от его живет бездельно, беспутно шапствует, а парнишко мой за него виноват.

— Челобитье твое большое и хитрое, — нахмуривается боярин (и нахмуривается не тому, чтобы жалел царское дело, а тому, что не скоро придется ему уйти из терема домой). — На народе негоже судиться, идите в Приказную избу; туда позвать и Терентия; он где работает? здесь? — распорядился боярин.

— Терентий не в тереме сейчас пишет, а в пещерах от Красного крыльца.

— Посылайте за ним; пусть не мешкает, бросает работу и бегом идет в Приказ, — уходит боярин, с ним дьяк и челобитчики.

Иконники притихли; знают, что над товарищем стряслося недоброе, но знают и то, что недоброе это заслужено, хотя не только Терентию, а и некоторым иным мастерам грозит та же гроза за дружество и милость к своим родным.

— Да, — решает Симон Ушаков, — а все знают, что Симон зря слова не скажет, — все то корысть, все то шапство, а любви к делу не видно. Продает Терентий хитрость свою живописную, богоданную, только о себе думает: и поделом ему, коли наложат на него прещение и будет он сидеть без работы. Не завидуй, веди своего ученика честно, не криви душой, не укрывай таланта. Недаром не любили молодые Терентия!

Молчат иконники; многие понурили головы, глядят на работу, не поднимают глаз. Думается им: «хорошо говорить Симону, не все такие, как он», а в душе они уже не любят Ушакова, зачем он знатен в художестве, зачем все слушают его, зачем он говорит правдивое слово. Но, слава Богу, думают так не все, и больше половины искренно кивают головою Симону на добром слове его. Такими мастерами, как Симон, и держится живописное дело. Теперь не так скоро опять загудит говор, не так скоро усмехнется кто-нибудь. В полдень отобедают, отпоуживают, а там и до конца работы недолго.

В углу старый иконник — борода крупными куделями упала на грудь, нос сухой с горбинкой, глаза глубоко запали в орбитах, — протяжно ударяя на «о», поучает молодого:

— ...дали ему святую воду и святые мощи, чтобы, смешав святую воду и святые мощи с красками, написал святую и освященную икону. И он писал сию святую икону и только по субботам да воскресеньям приобщался пищи,

и с великим радением и бдением в тишине великой совершил ее...

«Что-то Оленка?» — мелькает о человеческом у молодого, а изограф уже угадывает его мысли, еще строже впивается в него своими стальными глазами и твердит внушительно:

— Спаси Бог нынешних мастеров! Многие от них пишут таковых же святых угодников, как и они сами: толстобрюхих, толсторожих, и руки и ноги яко стульцы у каждого. И сами живут не истинно, не помнят, да подобае живописцу быть смиренну, кротку, благоговейну, не празднословцу, не смехотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьянице, не грабежнику, не убийце, но и пачежь хранити чистоту душевную и телесную со всяким опасением. А не можешь тако пребыти до конца, то женись по закону и браком сочetaйся и приходи ко отцем духовным и во всем изведайся, и по их наказанию подобае жити в посте и молитвах и воздержании со смиренномудрием, кроме всякого зазора и с превеликим тщанием пиши образ Господа; да мятутся люди страстями телесными, ты же, духовно ревнуя ко славе честнаго художества, подвизайся кистию и словом добрым. Не всякому дает Бог писати по образу и подобию и кому не дает — им в конец от таковаго дела престати, да не Божие имя таковаго письма похуляется. И аще учнуть глаголати: «мы тем живем и питаемся», и таковому их речению не внимати. Не всем человеком иконописцем быти: много бо и различно рукодействия подаровано от Бога, им же человеком препитаться и живым быти и кроме иконнаго письма... — поучает мастер.

Закату не осилить слюдяных оконцев. В Тереме темнеет. Расходятся иконники. Не блестят венчики и узоры на ризах. Дрожат темные очертания ликов и острее сверкают большие белые очи угодников. Сумрак ползет из углов, закутывает серым пологом запасы иконных досок и холстины, мягчит тени станков. Истоиво и мерно звучит поучение о добром живописном рукоделии.

Творится в Иконном тереме хитрое и красное дело.

СТАРИННЫЙ СОВЕТ

В одной старинной итальянской рукописи — кажется, пятнадцатого столетия — начальные страницы и все украшения книги были вырваны благородною рукою любителя библиотек — простодушно рассказывается о том, как пришел ученик к учителю-живописцу Сано ди Пьетро за советом о своей картине.

Учитель трудился над спешной работой и не мог прийти на зов ученика, начавшего самостоятельно картину «Поклонение волхвов» для небольшой сельской церкви Спеннского округа.

Учитель сказал:

— Мой милый, я дал слово настоятелю Монтефалько не покидать своего дома, пока не закончу заказанное им «Коронование Пресвятой Девы». Но скажи, в чем сомнения твои. Я боюсь, не слишком ли долго проработал ты у меня, — что теряешься теперь перед своею работой.

— Почтенный учитель, — сказал ученик, — картина моя сложна, и трудно мне сочетать отдельные части ее. Как лучше писать темную оливковую рощу на красноватом утесе, вдали. Видны ли там стволы деревьев и насколько отчетлив рисунок листвы?

— Мой милый, пиши так, как нужно тебе.

— Плащ Богородицы полон золотого рисунка. Лучше ли перебить его мелкими складками или павести рисунок в больших плоскостях?

— Сделай его так, как нужно тебе.

— Почтенный учитель, ты слишком занят превосходною работою своею, я лучше помолчу до времени ближайшего отдыха.

— Мой милый, я не думаю отдыхать скоро, а тебе нельзя терять время, если в картине твоей так много неоконченного. Я все слышу и отвечаю тебе, хотя и с некоторым удивлением.

— Головы воинов, сопровождающих царей, многочисленны; найти ли для них общую линию или дать каждую голову и из частей получить абрис толпы?

— Просто так, как тебе нужно.

— Я сделал кусты на дальних полях и полосами струи реки, но захотелось дать их отчетливо, как только иногда видит свежий глаз. Захотелось в воде увидеть волны и

челнок на них и даже весло в руках гребца. Но ведь это вдали?

— Нет ничего проще; сделай так, как нужно.

— Учитель, мне делается страшно. Может быть, все-таки скажешь мне, стоит ли короны царей сделать выпуклыми или только для венцов оставить накладное золото?

— Положи золото там, где нужно.

— Мне приходит в мысль, не сделать ли на ягнятах волокна шерсти. Положим, они почти не видны, но вспомни, какие шелковистые, мягкие пряди лежат на ягнятах, так и хочется сделать их тонкою кистью, но в общей картине они почти не видны.

— Делай их так, как нужно.

— Учитель, я не вижу в ответах твоих совета моему делу. Я знаю, что все должно быть так, как нужно, но как нужно — затемнилось у меня сейчас.

— Скажи, ставил ли тебе какие-нибудь условия работы отец Джиованни?

— Кроме срока, никаких условий. Он сказал: Бенвенуто, напиши хорошее изображение «Поклонение трех волхвов Пресвятому Младенцу» и я заплачу тебе десять дукатов из монастырских сумм. Потом назначил срок работы и размеры доски. Но во время работы являлись мне разные мысли от желания сделать лучшее изображение. И к тебе, учитель, по-прежнему обратился я за добрым советом. Скажи, что же значит, «как нужно»?

— Как нужно, значит, все должно быть так, как хорошо.

— Но как же так, как хорошо?

— Несчастный, непонятливый Бенвенуто, о чем мы всегда с тобой говорили? Какое слово часто повторял я тебе? Так, как хорошо, может значить лишь одно — так, как красиво.

— А красиво?

— Бенвенуто, выйди за двери и иди к сапожнику Габакку и скажи: возьми меня мять кожи, я не знаю, что такое «красиво». А ко мне не ходи и лучше не трогай работы своей.

После этой истории в рукописи идет сообщение о рецептах варки оливкового масла и об употреблении косточек оливы. Затем еще рассказ о пизанском гражданине Чирилли Кода, погребенном заживо. Но два последних рассказа для нас интереса не представляют.

ЗНАМЕНΙΑ

Из темной кладовки вышел человек и прошел на дворовую лестницу. Шел быстро, точно скрывался. Шел какими-то неслышными шагами.

Как он зашел в кладовку? Зачем там был? Куда ушел? Почему шел неслышно?

Не узнать. Не придумать.

В людской зазвонил комнатный звонок. Звонил долго и сильно. А никто не звонил; никто никого не звал.

Почему звонок сам зазвонил?

Никак не узнать.

В комнате тетушки Анны Ивановны завертелась дверная ручка. Завертелась сильно. Несколько раз перевернулась. А никто до нее не дотронулся.

Зачем ручка крутилась? Что это значит?

Странно и непонятно.

В столовой в один день прошли семь мышей.

Никогда такого не бывало, а тут семь сразу.

Откуда пришли? Зачем вылезли?

Непонятно, но неспроста.

Кухарка вечером вернулась домой в большом страхе. Туман стоял. Шла она по Длинному переулку, а навстречу ей идет белая лошадь. Идет из тумана одна, без человека. Идет, тихо ступает. Шума никакого не слышно. Так и прошла. Ушла в туман.

Откуда — неведомо. Куда — неизвестно.

Страшно вспомнить.

Поздно вечером случилось самое страшное: лопнула картина на доске. Висела, висела себе тихо и вдруг с большим треском лопнула прямо через лицо святого Иеронима.

Почему именно вечером лопнула?

Это уже совсем плохо.

Весь канун сочельника наполнился непонятными и странными делами. Не только нам, но и прислуге и всем большим стало ясно, что случится страшное что-то. Даже тетушка Анна Ивановна сказала:

— Не к добру!

В буфетной горничная Даша шептала Аписье Петровне, экономке:

— Дурной шалит! Дай-ка позову доброго, — тот мигом все утишит.

Но Анисья Петровна предупредила:

— Не зови! Не поминай! Позвать-то легко, а поди потом убери его. Так-то, бывало, позовешь, придет легко, по первому голосу, а уйти не уходит. На уход надо знать тоже крепкое слово.

Кто он, дурной? Кто он, добрый? Почему кто-то пришедший не уйдет?

Все это было особенно: все было чудесно.

Говорили мы тихо. Шептали все новые догадки. Новые причины придумывали. Одна другой несбыточней, одна другой красивей.

Все ужасающие возможности были сказаны. Новый звонок, стук или голос наполняли нас трепетом жутким и небывалым.

Садилась мы близко-близко друг к другу. Верили, любили и трепетали.

А в постелях, пока не уснули, стало и совсем страшно. И двери в темную комнату стали как-то приотворяться. И пол скрипел под невидимым шагом. И прохладным вихрем тянуло откуда-то. У порога стояло настоящее.

Утром все побледнело. А дядя Миша пришел и стер огневое вечернее слово.

Все объяснилось.

Черный человек оказался новым слесарем и ходил неслышно в калошах. Оказалось, кот улеся на кнопку звонка. В дверной ручке испортилась старая пружина. Белая лошадь ушла с каретного двора, и ее скоро поймали. А мыши пришли сразу после отъезда кондитера.

За трещину на картине дядя Миша очень сердился и говорил, что уже три года просил «на паркет переложить» картину, иначе она должна была расколоться. За небрежность к картине дядя Миша даже на шумел.

От страхов ничего не осталось. Не пришли ни дурной, ни добрый. Все стало обычным, и мирным, и скучным.

После того у нас никогда ничего не бывало. Даже сны прекратились. Знаков особенных нет ни на чем.

Знаменый ждем! Знаменый просим!

ПЛАМЯ

Письмо

В измятом холщовом пакете я получил наконец письмо. Часть пакета была залита дождем или волною. Почти полгода я ожидал это письмо. Пока шло мое. Пока шел ответ. Ответ, вероятно, был задержан ледоходом и весенней распутицей.

Да и мог ли я ожидать ранее ответа на мои вопросы? Подумайте, скоро ли обернется письмо, на котором надо написать: «по дороге до города оттуда переслать по реке до устья Передать в село для пересылки с оказией до перевала, где вручить крестьянину..... села, а ему указано, как доставить по принадлежности». Решаю напечатать письмо в том виде, как я его получил. Для меня и для многих оно — исторический документ об известном лице, материал для историка искусства. Для других содержание письма объяснит то, что их еще недавно так волновало и так удивляло. А для тех, которым без имен и местностей (я опущу лишь имена и название мест) письмо моего друга будет малопонятным и лишенным местного интереса, те пусть посмотрят на письмо, как на страницу нашей сложной современности.

«Пламя» — так назову я это письмо. Мой друг употребляет в письме это слово неоднократно. Для него оно имеет особое значение.

Пусть друг мой простит, когда узнает, что я напечатал его частное письмо в точном изложении. В письме, видно, он допускает мысль, что содержание могло бы пригодиться писателю для театра. Но я счел нужным напечатать письмо так, как получил его.

Те, кто не верил человеку, пусть поверят залитому волною письму.

«Ты нашел меня. Ты хочешь, действительно хочешь, чтобы я сам написал тебе обо всем происшедшем со мною. Отчего я уехал? Отчего скрылся? Где живу?»

Ты пишешь о выдумках и ложных историях, обо мне распускаемых... Пусть, пусть, пусть.

Все описанное уже отошло от меня. Смотрю на прошлое, как на чужую жизнь. Или как — на сон. Второе — вернее.

Сознаюсь, всякие выдумки меня теперь мало тревожат — выяснять я ничего не должен. Но если ты хочешь знать все, как было? — слушай.

Просто так «как было».

Ты спросил, где я сейчас? Слушай.

На севере. На острове. На горе стоит дом. За широким заливом темными увалами встали острова. Бежит ли по ним луч солнца, пронизывает ли их сказка тумана — их кажется бесчисленно много. Несказанно разнообразно.

Жилья не видно.

Когда солнце светит в горах особенно ярко, — на самом дальнем хребте что-то блестит. Мы думаем, что это жильё. А может быть, это — просто скала. Налево и сзади — сгрудились скалы, покрытые лесом. Черные озерки в отвесных берегах. На одном месте камни напоминают старую основу жилища. Нам кажется, что раньше давно здесь уже кто-то жил. На огромном валуе кажется выбитой цифра 3 (три) или буква З. По лесам иногда представляются точно старые тропинки, неведомо как возникшие. Незаметно исчезающие...

А может быть, все это — просто наше воображение...

Массив нашего острова очень древен. По всем признакам вулканические образования давно закончились. На таких массивах можно бы осуществить нашу давнюю мысль постройки храма, где сохранятся достижения культуры нашей расы. Где на самых прочных материалах, самыми прочными способами будут запечатлены все лучшие достижения человечества. Будут изваяны лучшие чертежи и вырезаны наиболее полезные формулы. При непрочности наших обычных материалов, при невероятной хрупкости наших обычных материалов, при невероятной хрупкости бумаги, красок и всего — такое хранилище было бы величественно. Тайник знания. Знание для знания. Великое творчество.

Опять мечтания...

Молчаливый человек на черной сойме иногда привозит нам запасы пищи, книги и вести из нашего прежнего мира. Измятые, желтые листки, точно опавшие листья с далеких деревьев.

Тот же человек увозит вести от нас и нашу работу. Увозит. За далекой Чертовой горой скрывается его парус. Точно в бездну бросаем. И не знаем, кто ждет наши послышки. И так дробится власть людей. Так размельчается власть вещей рукотворных.

При отъезде человека на сойме нами овладевает какое-то странное чувство. Но никто не произнесет вслух, что хотелось бы уехать с ним, туда дальше поселка, где много бочек и рыбы. Через несколько часов это чувство проходит. Человеческое влияние опять нас минует. Такое же странное чувство наполняет нас всякий раз, когда вдали черной точкой покажется сойма. Он ли? Один ли? Впрочем, и это ощущение скоро проходит. Надо изгонять эти ощущения. В основе их — малодушие.

Но человекообразием мы все же не покинуты. В облачных боях носятся в вышине небесные всадники. Герои гонятся за страшными зверями. В смертельных поединках поражают темного змея. Величественно плавают волшебницы, разметав волосы и протягивая длинные руки. На скалах выступают великие головы и величавые профили, грознее и больше изваяний Ассирии.

Если же я хочу посмотреть на труд, войну, восстание, то стоит пройти к ближнему муравейнику. Даже слишком человекообразно.

Не буду говорить, насколько мы все всегда заняты. Сколько всегда остается неисполненной работы.

Не буду говорить о чудесах нашего края. О глубоких, эмалевых красках камней. О самородках серебра, меди, свинца. О парчовых, затейливых коврах мха.

Не буду описывать прекрасные картины заката и восхода. Не скажу о великих грозах и сказочных туманах. О сверкающем снеге не буду говорить. Пройду мимо веселых игр волн под утесом.

Не скажу о пещерах и скалах, таких извилистых, таких причудливых...

Не остановлюсь на разноцветной весенней листве, на пышном золоте осенних уборов. Даже не скажу о тайнствах засыпающей и вновь проснувшейся природы...

Все это остановило бы внимание настолько, насколько все это вечно чудесно. А это было бы длинно. И не скоро удалось бы перейти к той истории, которую хочу записать. Мне хотелось только намекнуть тебе о том, что мы видим, что мы слышим. И почему мы любим нашу гору, наш остров.

Вообще помни о Севере. Если кто-нибудь тебе скажет, что Север мрачен и беден, то знай, что он Севера не знает. Ту радость и бодрость и силу, какую дает Север, вряд ли можно найти в других местах. Но подойти к Северу без предубеждения. Где найдешь такую синеву далей? Та-

кое серебро вод? Такую звонкую медь полуночных восходов? Такое чудо северных сияний?

Надо писать так, как было.

Часто мы не верим хроникам и запискам старинных художников. Почему? Неужели в нашем представлении они непременно должны были изменять и приукрашать события? Не верим ли мы, зная себя? Не доверяем ли яркой жизни среди серых потемок? Среди тюрьмы, в которую мы пытаемся жизнь обратить?

Но жизнь всегда ярка. Лучше, чем сама жизнь, все равно не выдумать.

Только надо припомнить и сложить именно так, как было. Надо уметь понять истинное первое впечатление. Надо уметь выявить сущность, очистить ее от случайных придатков, хотя бы отдельно и поучительных.

Все это один раз по просьбе уже было описано мною. Кажется, даже лучше и подробнее было написано. Но рукопись, видимо, пропала при пересылке, что совсем неудивительно, — ведь путь очень труден.

Еще один раз, — последний, я заставлю себя для тебя записать все бывшее. Если не все, то хоть главные части; если и этому письму не суждено дойти, то значит — не судьба.

Вот отчего выстроил я дом на горе, которую исследователи назвали моим именем. Вот почему я начал отыскивать эту мою гору. Вот почему я часто повторяю слово «пламя».

Теперь мое пламя уже другого цвета. Я спокойно могу определить цвет пламени бывшего. Спокойно я не назову людей, злобно раздувших огонь. Люди уже прошли. Но обстоятельства остались. Их припомнить можно. Обернуться глазом добрым. Без имен. Без времени.

Ты знаешь, друг, что картины мои мне нужны, мне близки, только пока я творю их. Как только песнь пропоется, она уже отходит далеко. После окончания я уже не согласен с картиною. Охотно изменяю ее. Даже уничтожаю. Мысль и уменье стремятся вперед. Все сделанное ранее уже слишком несовершенно.

Чтобы избежать последствий вражды моей к ранее написанным вещам, жена моя взяла себе все оконченные картины. Мне спокойнее, если я знаю, что уже не властен изменить прежнюю вещь.

Так же было и с сюитой картин, объединенных названием «Айриана Ваэджа».

Уж давно хотел я вместо отдельных вещей, случайпо показанных, произвольно разбросанных, сделать ряд картин, подчиненных одной сущности. Сочиненных, спаянных в незыблемом соответствии красок и формы.

Ты ведь знаешь, что обычаи наших выставок меня всегда удручали. Какая-то подотчетность, подневольность. Торговля в храме. Будни — в празднике. Праздник — в буднях. Наши выставки разве это праздники творчества? Право — поделщина. Отчет. Обязанность. Конторская книга. Все это со временем изменится, Всему найдется свое место.

Теперь о картинах.

Трудно было остановиться на пределах желанного цикла картин. Предположений было много. Но одно казалось узким. Другое — ничтожным. Третье — неизобразимым. Но все в искусстве создается не теориями, не надуманными учениями, не узким направлением, а только стихийно. Только под знаком водительства духа. Это водительство подсказывает, что нужно делать...

Вообще будьте осторожны с теориями искусства. Если вам скажут о теориях и поставят их во главу творчества — не верьте. В этом уже скрыто чье-то бессилие. Это не важно.

Мощь искусства именно в его безотчетности, в его, повторяю, стихийности, в его благой интуиции. Только в таких устремлениях — победа искусства, его таинственная убедительность и заразительность. Интуиция открывает подлинную радость духа.

Сколько бы тебе ни твердили о значении произведения, но, если оно само не сообщает тебе свое непосредственное очарование — все уверения, все законы будут бессильны.

В чем это очарование? В чем истинная правда произведения? Где границы радости и подъема сообщаемого искусством? Насколько разнообразны выявления искусства? — Мы не знаем. К счастью, не знаем. Но чувствуем эту беспредельную, несказуемую тайну.

Если мы не знаем о каждодневных предметах. Если мы не знаем о душе человеческой. Если мы не знаем, что такое электричество, то нам ли знать о значении и пределах искусства? Нам ли знать о всех способах его выявления?

Благо, что искусство есть, что мы его ощущаем, что оно дает и заполняет лучшие стороны жизни. Может быть, единственно ценные стороны жизни. Да будет благословенно все, что проходит в жизни под знаком водительства духа.

Совершенно непонятно, почему около искусства всегда гнездится столько вражды и ненависти, уже далеко за пределами соревнования. К чему?

Может быть, и эти темные знаки нужны. Не они ли порождают мистическую Голгофу искусства? Она нужна при всяком подвиге. А в искусстве нужен подвиг. Слышишь, необходим!

Заварился и оформился задуманный ряд картин. После двадцатилетней работы и борьбы с разными явлениями жизни я удалился надолго от всяких случайных общений. Покинул разные должности, хотя бы и очень почетные. Отбросил весь шум и беготню, которые мы часто принимаем за жизнь. Даже от многих друзей отошел.

Ковал мою «Ваэджу».

Люди объявили, что я бросил работать. Другие шептали, что я обзумел. Но я ничего не слушал. Твердо помнил, что в этой жизни ценен лишь труд творчества. Только он дает спокойствие мысли. Только он открывает глаза на красоты, нас окружающие и не замеченные лишь в суете случайных человеческих общений.

Если бы люди знали, как часто они вредят друг другу. Как легко избежать это. Какой поток благодати легко может залить пламя злобы?

В тишине, среди прекрасных поездок. Среди восхождений на одинокие горы я написал двадцать пять вещей.

Они составляли неразрывное целое. Должны были быть как ожерелье из самоцветов. Их должно было смотреть лишь в определенном порядке. Так, чтобы светились не только краски одной картины, но и соседние вещи были бы так же нужны, как и части каждой картины между собою. То же задание было и в отношении распределения формы и линий.

Не знаю, удались ли картины? Были ли они хороши? Знаю только, что в течение работы, среди неизбежных сомнений, эти картины дали мне много радости.

По обычаю я отдал законченные картины моей жене.

Вскоре, через ближайших друзей, узнали о законченном цикле. Воздвиглось жестокое любопытство и друзей,

и тех людей, которые называют себя любителями искусства. Все хотели увидеть мои картины.

Чтобы понудить меня показать им картины, люди пускались на всякие выдумки. Одни утверждали, будто картины вообще не существуют. Будто я уже давно бросил работать и провожу время в бесцельной праздности. Другие рассказывали и шептали, что хотя какие-то картины и написаны, но они так плохи, что и показать их нельзя. Третьи сочиняли, что тайное общество, в которое я вступил, не разрешает показать творения непосвященным. Четвертые болтали о неслыханных иностранных предложениях, на которые я будто бы уже согласился, а вещи уже уложены и навсегда вывозятся в чужую страну.

Всякий выдумывал по-своему, и все это сопровождалось шумом и обидами.

Если что недоступно, оно всегда особенно занимает людей. Всеми выдумками и пелепыми домогательствами люди заставили меня решиться показать картины. Жена противилась этому. И теперь слышу голос жены моей, говорившей:

...«Не хочу выставлять эти вещи. Именно эти. Они мои. Я знаю, я чувствую, что не должна показать их. Смейтесь! Я знаю, что мое чувство — ничто для вас!» И я тоже слышал эти слова. И я все-таки промолчал. И мне тоже было тяжело, но обещание уже было вырвано...

Зачем я допустил эту уступку? Зачем обратил я праздник труда в страдание? Зачем сам способствовал росту лжи?

Так, значит, должно было быть.

В назначенный день собрались все позванные. Были обиды, недоразумения... кому-то не передали приглашения... кто-то пришел незванный. Не все ли равно? Пришло много разнообразных людей. Были художники, писатели, любители, друзья.

Смотрели долго. Подробно. Шептались. Водили друг друга по кругу картин.

Потом начался мой праздник. Я увидел, что труд мой не пропал. Недоброжелательство потонуло в общем подъеме. Произошло то, чем ценно искусство. Созданное оказалось убедительным. Заразило зрителя. Сделало его участником действия.

Стали требовать, чтобы я выставил эти вещи. Я отказался. Я был тверд, несмотря на все соображения о все-

общем достоянии искусства, о всенародном значении творчества. Жена поддержала меня.

Тогда возникла новая опасность. Владелец крупных изданий зажегся мыслью издать мои картины. Издать новым, каким-то замечательным способом. Он оставался долго. Остался после всех. Невероятными доводами он убедил и меня, и жену мою. Мы разрешили воспроизвести картины его способом. Мы сделали уже вторую ошибку.

Затем возникло новое, казалось, непреодолимое препятствие. Для нового способа издания картины должны были быть хотя на короткое время перенесены в печать.

Жена наотрез отказала выпустить вещи из дома. И вот возникла ужасная выдумка. Добиваясь издать картины, этот человек предложил сделать с картин точные копии и перенести в печать только копии. Этот человек был дьявольски изобретателен. Он все умел объяснить, — «краски в воспроизведении тона всегда несколько изменятся, и потому точные копии будут вполне достаточны».

Произошла третья ошибка. Дьявольская выдумка оказалась приемлемой.

Этот же дьявол нашел того, кто бы мог сделать точные копии. Кто сохранил бы мой характер письма и избежал чего бы то ни было лишнего...

Помнишь ты того молодого художника, который несколько раз был моим помощником. Вещи ему очень нравились, и он охотно согласился скопировать их. Кроме того, издатель заплатил ему щедро, а это давало ему возможность выполнить давнюю мечту. Побывать в Мексике для розысков остатков Атлантиды. В этих мечтах об Атлантиде я же был виноват. Неужели я буду препятствовать их осуществлению? Пусть едет. Пусть ищет Атлантиду. А я опять молчаливо согласился. Промолчал там, где должен был запретить.

Милый очень прилежно работал над копиями. Сделал их точно и быстро. Работал углубленно и, видимо, с подъемом. Копии я утвердил.

Копии были перенесены в печать. Мой сотрудник спешно уехал в Мексику. Искал ли он Атлантиду? Нашел ли? Вернулся ли теперь? Ведь о нем более ничего не знаю.

И тебя, мой друг, тоже не было тогда. Мне кажется, если бы ты был тогда со мною, что-то сложилось бы иначе. И я не имел бы повода писать тебе теперь отсюда письмо.

Значит, опять произошло так, как нужно.

Все это время были мы в какой-то тревоге. Где-то что-то непоправимое совершалось, но мы не знали, а только чуяли это. Ждали известия. Ждали звонков. Смотрели на часы. А что ждали, и не знали.

И настолько встревожились, настолько напряглись нервы, что, когда издатель, бледный, ворвался с криком: «Печатня сгорела! Картины погибли!» — мы даже не удивились. Вот оно обрушилось то, что уже висело над нами. Мы еще не знали размеров разрушения, но ощутили водоворот. Стало холодно. Что-то подкралось. Что нужно было сделать, мы не знали. Повторяли: «вот оно».

То, молчаливое, вошло.

И замкнулся извилистый круг. Одна ошибка родила другую.

Все разгласилось.

Хуже всего, что издатель очень крупно застраховал картины, не указав, что это копии. Это было бы ему невыгодно. И он умолил, оказывается, еще раньше моего уехавшего сотрудника о молчании.

Страховое общество прислало мне премию за картины. Крупную премию. Оказывается, издатель всюду утвердил слух о том, что ему удалось достать мои подлинные вещи.

Выходило, что я точно сделался соучастником его.

Промолчав вначале, я не знал, что сказать потом.

Когда мне прислали страховую премию, я не мог оставить ее у себя. Не принять ее я тоже не мог (ты чувствуешь и мольбы и угрозы издателя). На всю сумму я купил картин и отдал их музею.

Помнишь, как объяснили тогда мой поступок?

Кто-то сказал, что я хотел подкупить общественное мнение. Для чего подкупить? Глупо. Уже цепь волочилась за мною.

А пламя уже разгоралось.

Чужое несчастье всегда приятно людям. Я оказался в глазах их несчастным. Сердца людей всегда открыты вниз. Если они вообще открыты.

Кроме того, картины уже не существовали. Никого они более не задевали. Никому не причиняли тайных неприятностей.

Сердца всех раскрылись.

Трудно представить себе изошренность всех сожалений. Ты издали все-таки слышал об моих происшествиях. Да и трудно было не слышать.

Пожар скромной печатни заблестел на весь мир. Не преувеличиваю.

Какие образцовые письма я получил. Теперь у меня лучшие образцы соболезнования. Все слова стали еще более яркими, тяжелее при осмотре картин.

Различные общества почтили меня прочувствованными адресами. Иностранные академии избрали меня почетным членом. Географическое общество назвало моим именем вновь открытую гору на севере.

Подумай только, какой повод для писаний.

Пропал труд двадцати лет. Мечта жизни, наконец воплощенная, истреблена беспощадной стихией. Истреблена накануне обнародования. И целый ряд благородных свидетелей выступил. И показания их становились все ярче. Право, я сам готов был поверить всему случившемуся, если бы за драпировкой не стояли оригиналы.

Я был подавлен.

Молчал.

На молчанье мое не обижались. Приписали его горю. Наоборот, молчанье мое только усиливало потоки сочувствия.

Какие красивые статьи появились в печати! Сколько красивых слов!

А картины стояли укрытые у нас. И с каждым днем необходимость окутывала их больше и непроницаемее.

Издатель извивался змеей. Каждый приход его вызывал во мне ужас. А он все приходил. Сторожил. Берег посеянную им ниву.

Почему тебя не было со мною? С тобою мы решили бы что-нибудь.

Мой сотрудник не давал о себе вестей. И сейчас я еще не знаю, вернулся ли он? или погиб среди поисков светлой сказки? Одно безумие порождает другое. Я пробовал рассказать друзьям о том, что подлинные картины целы. Они качали головами и советовали мне развлечься и начать новую работу.

А за спиной издатель делал им знаки и шептал, что именно оригиналы у него сгорели. Когда же наконец я призвал его и грозно убеждал открыть истину, он умолял пощадить его, ибо у него уже не было путей отступления. Он делался даже преступником. Загнанный в угол, он показал зубы и намекнул о моем невольном попустительстве.

А тебя все не было. А пламя разгоралось.

Я продолжал безумие начала.

Я решил показать еще раз подлинные картины.

Опять картины стояли на прежних местах.

Было то же самое освещение. На полу лежали те же ковры. И казалось, сам воздух мастерской был тот же.

И люди были те же. За исключением трех, четырех случайных, все сошлись.

Так же ходили по кругу. Так же шептались.

Но глядели смущенно.

Они не поверили.

Долго молчали потом. Искали часы. Вспоминали о назначенных часах.

Куда-то спешили. И ласково, ласково жали руку.

Они не поверили.

Смотрели — слепые. Слушали — глухие. Неужели мы видим только то, что хотим увидеть?

Скрылся издатель. Все разошлись. Молчание.

Мы знаем и слышим, что сознание правоты всегда дает мощь и силу перенести все, решительно все.

Это так и есть.

Но ведь для этой мощи нужен покой, тишина.

Нужна пустыня тишайшая. Нужен храм пустынный со всем великолепием облачного зодчества.

А когда такой храм далеко?

Когда пламя то пылает?

Вот тогда оно блестит. Оно затемняет.

И когда я через несколько дней понял, что мне не поверили, что картины найдены плохими повторениями — тогда алое пламя возникло.

О том, что не поверили, начал я узнавать стороной. Постепенно. Как-то глухо и мягко. Но в мягкости этой была беспощадность. Люди знали бесповоротно, что за время молчания я спешно повторил мои картины. Люди видели ясно, что повторения были несравненно хуже, слабее оригиналов.

Да и немудрено. В спешке. В огорчении.

Можно ли сделать так же хорошо, если первое достижение было так общепризнанно блестяще?

Да и не стал ли мастер слабеть?

Всегда приятно первому найти момент ослабления. Даже просто заподозрить ослабление гораздо проще и гораздо менее ответственно, нежели решиться утверждать восхождение.

Не так ли?

К тому же все знали о том, что оригиналы были превосходны, что они сгорели, что спешные копии должны быть слабее.

Это ясно. Это и дети поймут. А «умудренный» человеческий ум разве может иначе мыслить?

Люди доказательно знали, что перед ними повторения. Это тоже ясно. И вот когда к этой ясности прибавится еще целый ряд человеческих ясностей, тогда затемняется глаз и мутнеет ум.

В печать проникли сообщения. Тоже мягко и постепенно.

Опять хвалили мои прежние вещи. И тонко, тонко, как лезвие ножа, добавляли — повторения всегда далеки от оригинала...

Пламя пылало.

Из темных углов высывалась гримаса издателя и, скаля зубы, твердила:

— Ведь говорил, надо было сжечь оригиналы. Была бы вместо них куча золы, а на ней покоилась бы тишина и слава. А теперь куда вы пойдете с вашей правдой? Куда завела вас эта правда? Сожгли бы, и пепел все покрыл бы...

Вот какие гримасы появились. Эти гримасы, освещенные пламенем, были страшны.

В ошибках надо уметь сознаваться.

Первая ошибка была, когда я согласился показать картины. Раз сердце говорило против, не следовало соглашаться. Но ведь всегда трудно отделить первое верное ощущение от следующих житейских наслоений.

Вторая ошибка — когда я промолчал о выдумках и проделках издателя. Но всего не предусмотреть. Как предугадать, если чьи-то мысли направятся во зло? И все-таки его жаль. Жаль человека, который хотя и небескорыстно и заблужденно, но все-таки служил искусству. Ведь об искусстве много говорят, но в уклад жизни оно вошло еще так мало. Так мало к искусству истинной непреодолимой потребности.

Третья ошибка — когда решил, в последнем доверии к людям, вторично показать картины. Тем довел до ложных ощущений всех, которые вторично увидели подлинные вещи.

Без вторичных смотрин все эти люди сохранились бы без ошибки. Я их обманул тем, что ради истины показал правду. Наши глаза так несовершенны, а ощущения духа

так засорены у большинства современных людей, что обмануться в том, что они видят, совсем не трудно.

Не изумлен ли ты, что я пишу о моем потрясении спокойными словами. Точно не о своем. Сознаюсь, так говорю я теперь. Но тогда мыслил я совершенно иначе.

Тогда пылало алое пламя. Пламя гнева. Пламя безумия. Оно застлало глаза. Заполнило смысл сущности.

Теперь я уже могу говорить другими словами. И пламя не красно уже. И я могу не обвинять человечество. Да и виноваты ли те люди?

И так все знали, что в несравненно худшем виде повторены прежние превосходные картины. Пробежало даже мнение, что сам ли я писал прежние вещи. Кто-то даже сообщил, что известны те иностранные художники, которые за большое вознаграждение работали для меня. В оправдание мне приводились примеры из истории искусства, когда работы Фабрициуса принимались за работы Рембрандта.

Все эти суждения постепенно докатывались до меня. Докатывались беспощадно и преувеличенно. В бесконечном кошмаре. Каждый газетный лист, каждый звонок был вестником новых измышлений. И потом эти анонимные письма. Кому есть досуг измышлять их?

Пылало красное пламя. И вспомнить несносно. Решили мы бросить развалины и пепелища. Уехали на любимые наши высоты. Наскоро построили дом. Осели на мшистых коврах. Начал я мыслить. Даже начинал работу.

Но и здесь тащилась цепь.

На этот раз настоящая, железная. От шума цепи мы раз проснулись.

Около нашего дома тащили цепь. И шумели. И цепь звякала. Тащили ее беспощадно. Точно переехали жизнь.

Оказалось: через нас должна пройти железная дорога. Не ближе, не дальше. Через нас. Пришли строители. Сказали, что нас нужно срыть. Мы не у места. Через нас путь пройдет. Прошли. Звенели цепью. Стучали.

И опять бесповоротно. И человечески ясно.

Пламя пылало.

Куда нам деваться? Показалось тесно.

Я вспомнил о горе, о моей собственной горе. Начали о ней узнавать. Писали. Спрашивали. После долгих трудов отыскали. Собрались на ней поселиться.

Во время долгого пути были приступы малодушия. Те же приступы были во время устройства жилья. Ведь

все давалось так трудно. Всего было. Но ведь это всегда так бывает, Человечество всегда ползет, как раки из корзины; все сомневается; куда-то стремится, не понимая ценной сущности стремлений своих.

Среди блужданий и сомнений всегда приходят нелепые, недостойные мысли. Показалось, что некуда податься. Привиделось, что все закрыто. Что все кончилось. Закрыто. Кончилось,— среди необъятного мира. Среди всей необозримости данных человеку возможностей. Теперь и вспомнить — стыдно.

Вособще, бойтесь алого пламени.

Оно выедаёт все ценные условия восхождений и ясного сознания. Это пламя — пламя судороги, припадка, но жить и созидать среди этого пламени нельзя. И как при некоторых болезнях надо менять место, так от алого пламени надо спастись бегством. Стыдного тут ничего нет. Просто нужно сознательно сохранить силы. Направить их к ценному труду. Право, все так необозримо. Так хорошо! И у нас есть труд. Труд, наполняющий все время. Труд, в далеком идеале анонимный, в котором мы ответственны лишь перед собою.

Еще смешная подробность. Вскоре после отъезда моего на север кому-то пришла мысль похоронить меня. Все, что мы не видим, нам кажется несуществующим. Это было крайне поучительно, по огорчений не принесло. К тому же мы кончали постройку дома. Работали спешно, и далекие статьи и заметки нас только позабавили. Выиграли лишь собственники моих картин, ибо вещи сразу еще поднялись в цене. Да и старая ненависть поизжила: ведь смерть и голод — это то, чего люди больше всего боятся. Это более всего объединяет.

Знаем, что суждения все переходящи. Всегда по два, по три раза в течение века меняются приговоры людей. И ничего они не значат, ни худое, ни хорошее. А избранные имена составляют чаще всего не что иное, как имена массовые, среди которых скрыто очень многое для нас, случайно поглощенное жизнью. Не знаем многое.

Но знаю я, что работаю. Знаю, что работа кому-то будет нужна. Знаю, что пламя мое уже не алое. А когда сделается голубым, то и об отъезде подумаем.

И будет все так, как должно быть.

Хочу радоваться.

Человек, находясь в природе, всегда похож на ребенка. Ребенку случается видеть тяжелый, мучительный сон. Но

стоит ему только открыть глаза, и он снова увидит себя в раю.

Прежде мы говорили: познание есть скорбь. Теперь скажем: познание есть радость. Ибо восторг радости глубже скорби.

Отчего затемнело? Отчего помутнело сознание?

Одна мать, держа на руках своего младенца, спрашивала, что есть чудо? Спрашивала, отчего чудеса не встречаются в нашей жизни. Держа в руках чудо, она спрашивала о том, что есть чудо?

Мы окружены чудесами, но, слепые, не видим их. Мы напоены возможностями, но, темные, не знаем их. Придите. Берите. Стройте.

Но приказ звучит.

Пламя меняет цвет.

Я чувствую силу начать новую страницу жизни. Мне ничто не мешает. Бывшее уже не касается меня.

И глаз мой вперед обращен. Потому я и записал в последний раз для тебя о бывшем. Меня все это более не касается. И со встречными людьми мы прикоснемся уже новыми гранями сущности. Я рассказал тебе точно сказку, пригодную для театра, сказку о том, как мы смотрим — слепые. Как мы слышим — глухие.

Кому она пригодится, сказка моя?

Но не только для театра может она пригодиться. При случае ты можешь ее рассказать тем людям, которые себя считают непреложными знатоками искусства, которые высокомерно раздают определения и наименования. Чувствуют ли ушедшие мастера, что выкраивается из их творчества?

Знатокам пригодится мой случай из жизни. Или для собственного успокоения они сочтут все описанное вымыслом?

Будет так, как должно быть.

Медведь вышел на меня, но остался я цел. Огонь касался меня, но не сторел я. Подломился лед подо мною, но не утонул я. В тумане остановилась повозка у стремнины, но не погиб я. Лошадь оступилась на горной тропинке, но удержался я. Терял накопленные богатства и не горевал я. Был призываем к власти, но не поддался. Злобная погоня неслась за мною, но не настигла. Клевета и ложь преследовали меня, но побеждала правда. Был обвиняем в убийстве человека, но пережил и это измышление зла. Сидел со злобными лукавцами, но уберегся. Бедствовал

с глупцами, но устоял. Так было нужно. Это правда, никому не сказанная.

Сказал Иоани: «не более, придется много для Родины потрудиться». А ведь после болезни он не видал меня десять лет. И узнал. Остановил и сказал.

Во всех бедствиях приближались новые люди. Нежданые. И протягивали руку. И предупреждали зло. И несли помощь.

Вот стоим перед темною. Знаем властные зовы и провозвестия, не знаем происходящее.

Не знаю о друзьях. Не обменяю друзей моих на врагов. И горжусь, что эти друзья были друзьями. Знайте — это друзья мои.

И врагами моими горжусь. Врагами мне посланы те, кого постыдно было бы друзьями считать.

Назвать нашу жизнь бедной нельзя. Жизнь была особенной. Немногие ее знали. Волком, в стае, я никогда не ходил. Пусть буду медведем, лишь бы волком не быть. Поймете?

Делаю земной поклон учителям. Они внесли в жизнь нашу новую опору. Без отрицаний, без ненавистных разрушений они внесли мирное строительство. Они открывали путь будущего. Они облегчали встречи на пути. Встречи со злыми, встречи с глупыми и с безумными...

И природа помогала в этих встречах. В ней забывались люди. В ней копилась сила против злобы и против глупости. Невежество и пошлость. Еще страшнее злобы они.

Где оно — облако благодати, чтобы покрыть ожесточение сердца? Какою молитвою молчания можно вернуть тишину? Каким взором можно взглянуть в бездну неба? Все строения разрушаются бездонным творчеством облачным. Не в храм рукотворный, но в пустыню тишайшую отдам молитву мою. Выше облачных сводов не созидалось храмов. Ярче звезд и луны не светили огни торжеств. Измышления человеческие не испеняли грознее молнии. Не уносили из жизни мощнее урагана. Где отличить то, что должно погибнуть, и то, что должно породить следствия. В великана Голнафа верили толпы и что для них был Давид?

Среди безумия толпы, что им чудо? Какими бы словами ни говорить людям о чуде, они будут глухи к этим словам. Понятия вражды и ссоры им гораздо ближе. Нужно уничтожить все, что угрожает и вредит мирному строительству, знанию и искусству. Всякая распушенность

мысли погибнуть должна. Всякая невежественность погибнуть должна.

Кончится черный век паш.

Что произойдет еще?

Неужели еще раз увижу себя расстроенным? Неужели еще придется уйти в тишину? Кто уж заставит меня сделать это? Как будут выглядеть эти люди? Но тогда, друзья, вы узнаете все немедленно, чтобы сердце ваше не ожесточилось напрасно. И тогда расскажу не только тебе, друг, но и другим, которых я еще не узнал.

Расскажу смелым искателям, опьяненным загадками; расскажу чтецам звездных рун, чьи души привлекаются песней. И там, где вы можете знать, вы будете презирать доказательства. Эти смешные нелепые показания свидетелей. Слепых и глухих. Друзья мои, я вас еще не знаю, но вы уже проходите близко. Озаренные пламенем. Друг, ты, может быть, торопишься куда-то по делу?

Или спешешь на обед? Или должен вежливо отвечать на какие-то случайные вопросы? И тебе сейчас далеки мои строки?

Шучу. Знаю, что эти строки тебе близки. И душа твоя не торопится. Идет твердо. Уже не боится влияний...

Больше писать не могу. Человек на сойме кончил свой лов. Торопит с ответом. Если не успею отослать теперь, задержу месяца еще на два. А может быть, и дольше.

Уже нагромождаю второпях. Хочется еще многое сказать. Так ты получишь? Где получишь?

Кончу.

Мы увидимся. Непременно увидимся.

Не только увидимся, но после работы еще поедем с тобою или в или на берега в Туда, где нас ждут, где ждет нас работа. Ведь для этой гармонии жизни уже работают реально и, в братстве, возводят ступени храма.

Звучит благовесть. Даже сюда залетают зовы.

Кончу словами белой книги. Помнишь, ее мы любили вместе читать:

«Знай, что то, которым проникнуто все сущее, неразруσιμο. Никто не может привести к уничтожению то Единое, незыблемое.

Преходящи лишь формы этого Воплощенного, который вечен, неразрушим и необъятен,

Поэтому сражайся».

Милый, веди свою битву! Мощно веди! Разве мы не увидимся? Знаем, где ждут нас.

Душевно с тобою

Кончаю тем, чем начал.

Прости меня, друг, если я напечатал твое письмо.

Знаю, ты простишь мне. О тебе писалось всегда много ложного. Часто твои дела истолковывались неверно. Так же и будет много писаться. Такие же будут толкования. Но ты всегда стремился к ясности. Мечтал о возможности жизни, открытой перед лицом всех людей. Мечтал о ясном труде. Ты вспоминаешь нашу милую белую книгу.

Продолжу из нее:

«Взирай лишь на дело, а не на плоды его. Да не будет побуждением твоим — плоды деятельности.

Отказываясь от привязанности, оставаясь одинаково уравновешенным в успехе и в неудаче, совершай деяния в слиянии с Божественным».

Верю, что ты вернешься. Жду тебя, друг мой,

Ты lo la. Сентябрь 1918

ПО ПУТИ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ

Плывут полунощные гости.

Светлой полосой тянется пологий берег Финского залива. Вода точно напиталась синевой ясного, весеннего неба; ветер рябит по ней, сгоняя матово-лиловатые полосы и круги. Стайка чаек спустилась на волны, беспечно на них закачалась и лишь под самым килем передней ладьи сверкнула крыльями — всполошило их мирную жизнь что-то, мало знакомое, невиданное. Новая струя пробивается по стоячей воде, бежит она в вековую славянскую жизнь, пройдет через леса и болота, перекатится широким полем, подымет роды славянские — увидят они редких, незнакомых гостей, подивуются они на их строй боевой, на их заморский обычай.

Длинным рядом идут ладьи; яркая раскраска горит на солнце. Лихо завернулись носовые борта, завершившись высоким, стройным носом-драконом. Полосы красные, зеленые, желтые и синие наведены вдоль ладьи. У дракона пасть красная, горло синее, а грива и перья зеленые. На килевом бревне пустого места не видно — все резное: крестики, точки, кружки переплетаются в самый сложный узор. Другие части ладьи тоже резьбой изукрашены; с любовью отделаны все мелочи, изумляешься им теперь в музеях и, тщетно стараясь оторваться от теперешней практической жизни, робко пробуешь вос-

произвести их — в большинстве случаев совершенно неудачно, потому что, полные кичливого, холодного изучения, мы не даем себе труда постичь дух современной этим предметам искусства эпохи, полюбить ее — славную, полную дикого простора и воли.

Около носа и кормы на ладье щиты привешены, горят под солнцем. Паруса своей пестротой наводят страх на врагов; на верхней белой кайме нашиты красные круги и разводы; сам парус редко одноцветен — чаще он полосатый: полосы на нем или вдоль, или поперек, как придется. Середина ладьи покрыта тоже полосатым паметом, накинут он на мачты, которые держатся перекрещенными брусьями, изрезанными красивым узором, — дождь ли, жар ли, гребцам свободно сидеть под наметом.

На мореходной ладье народу довольно — человек 70; по борту сидит до 30 гребцов. У рулевого весла стоят кто посаповитей, поважней, сам конунг там стоит. Конунга можно сразу отличить от других: и туры рога на шлеме у него повыше, и бронзовый кабанчик, прикрепленный к гребню на макушке, отделкой получше. Кольчуга конунга видала виды, заржавела она от дождей и от соленой воды, блестят на ней только золотая пряжка-фибула под воротом да толстый браслет на руке. Ручка у топора тоже богаче, чем у прочих дружинников, — мореный дуб обвит серебряной пластинкой; на боку большой загнутый рог для питья. Ветер играет красным с проседью усом, кустистые брови насупились над загорелым, бронзовым носом; поперек щеки прошел давний шрам.

Стихнет ветер — дружно подымутся весла; как одномерно бьют они по воде, несут ладьи по Неве, по Волхову, Ильменю, Ловати, Днепру — в самый Царьград; идут варяги на торг или на службу.

Нева величава и могуча, но исторического настроения в ней куда меньше по сравнению с Волховом. На Неве берега позастроились почти непрерывными, неуклюжими деревушками, затянулись теперь кирпичными и лесопильными заводами, так что слишком трудно перевестись в далекую старину. Немыслимо представить расписные ладьи варяжские, звон мечей, блеск щитов, когда перед вами на берегу торчит какая-нибудь самодовольная дачка, ну точь-в-точь — пошленькая слобожанка, восхищенная своею красотою; когда на солнышке сияют бессмысленные разноцветные шары, исполняющие немаловажное назначение — украсить природу; рдеют охряные фрон-

тоны с какими-то неправдоподобными столбиками и карнизами, претендующими на изящество и стиль, а между тем любой серый сруб — много художественнее их.

За всю дорогу от Петербурга до Шлиссельбурга выдается лишь одно характерное место — старинное потемкинское имение Островки. Мысок, заросший понурыми, серьезными пихтами, очень хорош; замкоподобная усадьба вполне гармонирует с окружающим пейзажем. Уже ближе к Шлиссельбургу Нева на короткое время как бы выходит из своего цивилизованного состояния и разворачивается в привольную северную реку, — серую, спокойную, в широком размахе, обрамленную темной полосой леса. Впрочем, это мимолетное настроение сейчас же разбивается с приближением к Шлиссельбургу. Какой это печальный город! Какая заскорузлая провинция, — даже названия улиц и те еще не прививаются среди обывателей.

Левее города, за крепостью, бурой полосой потянулось Ладожское озеро. На рейде заснуло несколько судов. Все как-то неприветливо и холодно, так что с удовольствием перебираешься на громоздкую машину, что повезет по каналу до новой Ладоги. Накрепленная набок, плоскодонная, какой-то овальной формы, с укороченной трубой, она производит впечатление скорей самовара, чем пассажирского парохода, но все ее странные особенности имеют свое назначение. Главное украшение парохода — труба — срезана, потому что через пароход часто приходится перекидывать бечевы барж, идущих по каналу на четырех лохматых лошаденках; глубина канала заставляет отказаться от киля и винта; тенденция к одному боку является вследствие расположения угольных ящиков, а почему их нельзя было распределить равномернее — этого мне не могла объяснить пароходная прислуга.

Затрясся, задрожал пароход, казалось, еще больше накренился набок, и мы тронулись по каналу, параллельно Ладожскому озеру, с быстротою 6 верст в час. Случайный собеседник, знакомый с местными порядками, успокаивает, — что, вероятно, придем вовремя, если не сцепимся со встречною баркою или не сядем на мель, — и то и другое бывает нередко.

Через вал канала то и дело выглядывает горизонт Ладожского озера. Среди местных поверий об озере ясно сказывается влияние старины: озеро карает за преступления.

Подобные рассказы сводятся к следующему типу. По-

варился мужичок на чужие деньги, убил своего спутника во время пути в Ладогу по льду и столкнул труп на лед. Сам поехал дальше и заснул. Просыпается — уже ночь; поднялся ветер, снег дочиста сдуло со льда; понесло мужика вместе с лошадей прочь с дороги неведомо куда. Увидал мужик, что дело плохо, потому что при сильном ветре бог весть как далеко занести может и, чего доброго в полынью попадешь; отпряг он лошадь, вывернул оглобли, заострил концы и пошел по знакомым примстам: пускай и лошадь, и санки, и все пропадает, лишь бы самому от смерти уйти. Крепчает ветер, слепит вьюгой глаза, затупились колья, не цепляются они больше за лед, и мужика понесло по ветру. Среди снежного моря зачернелось что-то, ближе и ближе — прямо на чернизину летит мужик. Смотрит, перед ним убитый товарищ; хочет свернуть в сторону — не слушаются ноги, зацепляют за труп, подламывается лед, и убийца вместе с убитым тонут в озере. Интересный осколок Новгородских былин! Последняя картинка этого эпизода, когда роковым образом встречается убийца со своею жертвою, — очень художественна.

По правую сторону парохода низкая болотная местность, среди нее где-то, по словам местного пассажира, притаилась богатая раскольничья деревня, пробраться в которую можно лишь в удобное зимнее время. Небось в таком уголке сохранилось немало интересного: и песни, и поверья, и окруты старинные — делается обидно, почему теперь не зима. Мимо тянутся баржи, носы часто украшены хитрыми резными коньками, невольно напрашивающимися на параллель с байекским ковром. С одной грузной беляной стряслась беда — затонула, широко расплылись массы дров. На берегу примостился ее экипаж, выстроили шалашик, развели огонь, варят рыбку, мирно и спокойно, словно и зимовать здесь собрались.

Серый, однообразный пейзаж тянется вплоть до самой Новой Ладоги. Сравнительно поздно возникшая, она, конечно, не может дать ни художественного, ни исторического материала; за ней впереди чувствуется что-то более значительное: в 12 верстах от нее историческое гнездо — Старая Ладога. Скучно дожидаться волховского парохода: торопясь, на почтовых, скачешь туда по прекрасной шоссированной дороге. Слева местами выглядывает Волхов — берега песчаные, заросли сосной и вереском. Потом дорога возьмет правее и пойдет почти вплоть до самой Старой Ладоги по обычному пологому пейзажу, с лесом на гори-

зонте. Из-за бугра выглянули три кургана — волховские сопки. Большая из них уже раскопана, но со стороны она все же кажется очень высокой. Выбираемся на бугор — и перед нами один из лучших русских пейзажей. Широко развернулся серо-бурый Волхов с водоворотами и светлыми хвостами течения посередине; по высоким берегам сторожами стали курганы, и стали не как-нибудь зря, а стройным рядом один красивее другого. Из-за кургана, наполовину скрытая пахотным черным бугром, торчит белая Ивановская церковь с пятью зелеными главами. Подле самой воды — типичная монастырская ограда с белыми башенками по углам. Далее в беспорядке — серые и желтоватые остовы посады, вперемежку с белыми силуэтами церквей. Далеко блеснула какая-то главка, опять подобие ограды, что-то белеет, а за всем этим густо-зеленый бор — все больше хвоя; через силуэты елей и сосен опять выглядывают вершины курганов. Везде что-то было, каждое место полно минувшего. Вот оно, историческое настроение.

Когда вас охватывает настроение, словно при встрече с почтенным старцем, невольно замедляете походку, голос становится тише, и вместе с чувством уважения вас наполняет какой-то удивительный покой, будто смотрите куда-то далеко, без первого плана.

Поэзия старины, кажется, самая задушевная. Ей основательно противопоставляют поэзию будущего; но почти беспочвенная будущность, несмотря на свою необъятность, вряд ли может так же сильно настроить кого-нибудь, как поэзия минувшего. Старина, притом старина своя, ближе всего человеку... Именно чувство родной старины наполняет вас при взгляде на Старую Ладугу. Что-то не припоминается в живописи ладожских мотивов, а между тем сколько прекрасного и типичного можно вывезти из этого забытого уголка — осколка старины, случайно сохранившегося среди окрестного мусора, и как легко и удобно это сделать. (Совершить такую поездку, как видно из приведенных подробностей пути, чрезвычайно просто.)

Мне приходилось встречать художников, песяющих на судьбу, не посылающую им мотивов.

«Все переписано, — богохульствуют они, — справа ли, слева ли поставлю березку или речку, все выходит старое. Вам, историческим живописцам, хорошо, — у вас угол непечатый, а нам-то каково, современным, и особенно пейзажистам».

Вот бедные! Они не замечают, что кругом все ново бесконечно, только сами-то они, вопреки природе, пороят быть старыми и хотят видеть во всем новом старый шаблон и тем приучают к нему массу публики, извращая непосредственный вкус ее. Точно можно сразу перебрать неисчислимые настроения, разлитые в природе, точно субъективность людей ограничена? Говорят, будто нечего писать, а превосходные мотивы, доступные даже для кописта и протоколиста, остаются втуне, лежат под самым боком нетронутыми.

Да что говорить о скудных художниках, которым не найти мотива!.. я почти уверен, что даже поэту пейзажа будет превосходная тема, если он в тихий вечер, когда по всему небу разбежались узорчатые, причудливые тучи, стоит на плоту, недалеко от Успенского монастыря в Ст. Ладоге и поглядит на крепостную церковь, посад, на далекий Никольский монастырь — все это, облитое последним лучом, спокойно отразившееся в засыпающем Волхове. Стоит только обернуться — и перед вами другой мотив, не менее прекрасный. Старый сад Успенского монастыря, стена и угловые башенки прямо уходят в воду, потому что Волхов в разливе. Сквозь уродливые, переплетшиеся ветки сохнувших высоких деревьев, с черными шапками грачовых гнезд по вершинам, чувствуется холодноватый силуэт церкви новгородского типа. За нею ровный нахотный берег и далекие сопки, фон — огневая вечерняя заря, тушающая первый план и неясными темными пятнами выдвигающая бесконечный ряд черных фигур, что медленно направляются из монастырских ворот к реке, — то послушницы идут за водою.

Ладожские церкви, такие типичные по внешнему виду, как и большинство церквей Новгородской области, внутри представляют мало интересного. Живопись нова и неудачна, древней утвари не сохранилось. Исключение представляет церковь в крепости — в ней уцелела древнейшая фресковая живопись. Подле каменной церкви приютилась тоже старинная, крохотная, серая деревянная церковочка — тип церкви какого-нибудь далекого скита. Вся она перекосилась, главка упала, и крест прямо воткнул в уцелевший барабан ее. Интересное крылечко провалилось, дверка вросла в землю. Церковочка обречена на паденье.

Подле крепости указывают еще на два церковных фундамента, открытых г. Бранденбургом, исследовавшим

местные древности. Раскопка Ладоги еще впереди.

Пишем этюды. Как обыкновенно бывает, лучшие места оказываются застроенными и загороженными. Перед хорошим видом на крепостную стену торчит какой-то несуразный сарай; лучший ракурс Ивановской церкви портится избой сторожа. Вечная история! Теперь хотя сами-то памятники начинают охраняться — на постройки или на починку дорог остерегаются их вывезить, и то, конечно, только в силу приказа, а настанет ли время, когда и у нас выдвинется на сцену неприкосновенность целых исторических пейзажей, когда прилепить отвратительный современный дом вплотную к историческому памятнику станет невозможным, не только в силу строительных и других практических соображений, но и во имя красоты и национального чувства. Когда-то кто-нибудь поедет по Руси с этою, никому не нужною, смешною целью? — думается, такое время все-таки да будет.

На прощанье взбираемся к вершине кургана и фантазируем сцену тризны. Невдалеке от реки возвышается какой-то «холм», поросший вереском.

— А ведь там, смотри, на бугре когда-нибудь жило, стояло: может быть, городок был, — указывает на холм мой товарищ и затягивает: «Купался бобер».

Видно, и на него повеяло древним язычеством.

От Старой Ладоги до Дубовика характер берегов и течение реки не изменяются. Берега высокие, на самом откосе торчат курганы. Много портят пейзаж прибрежные плитоломни. Что-то выйдет из Волховских берегов, если подобная работа и впредь будет производиться так же ревностно? За поворотом исчезли последние признаки Старой Ладоги, и мы радуемся этому, потому что увозим от нее самые приятные воспоминания, пропустив мимо всю ее неприглядную обыденную жизнь, сосредоточившуюся, как заметно уже на второй день пребывания, лишь на прибытии парохода с низа или с верха.

Пароход дальше Дубовика нейдет — тут начинаются пороги, так что до Гостинопольской пароходной пристани (расстояние около 10 верст) надо проехать в дилижансе. Дилижанс этот представляет из себя не что иное, как остов большого ящика, поставленный ребром, с выбитыми дном и крышкою. Мы сели лицом к реке. Лошади рванули и проскакали почти без передышки до пристани. Дорога шла подле самой береговой кручи; несколько раз колесо оказывалось на расстоянии не более четверти от обрыва,

так что невольно мы начинали соображать, что, если на какой-нибудь промойне нас выкинет из дилижанса, упадем ли мы сразу в Волхов или несколько времени продержимся за кусты. А Волхов внизу кипел и шипел. Мы скакали мимо самых злых порогов. Несмотря на разлив, давно незапамятный, из воды все же торчали кое-где камни; подле них белела пена, длинным хвостом скатываясь вниз. Сила течения в порогах громадна: в половодье груженная баржа проходит несколько десятков верст в час. Целая толпа мужиков и баб правит ею; рулевого нередко снимают от руля в обмороке — таково сильно нервное и физическое напряжение.

Баржу гонят с гиком и песнями; личность потонула в общем подъеме. Вода бурлит, скрипят борты... Какая богатая картина! Название Гостинополь заставляет задуматься — в нем слышится что-то нетеперешнее. Наверное, здесь был волок, ибо против течения пройти в Волховских порогах и думать нечего. В Гостинополь же ладьи снова спускались и шли к Днепровскому бассейну. Может быть, до Дубовика шли в старину на мореходных ладьях (слово «дубовик» напрашивается на производство от дуб-лодка), а в Гостинополе сохранялись лодки меньшего размера — резные. Впрочем, становиться на точку таких предположений опасно.

В Гостинополе погрузились на пароход, что повезет нас до Волховской станции Николаевской дороги, — там опять пересадка. На палубе парохода целое стадо телят, лежат они связанные, жалобно мыча, — иных пассажиров не видно, но удивляться этому нечего, ибо поездки по Руси ведь совсем не приняты, да к тому же нельзя сказать, чтобы и сообщение было хорошо приспособлено; так мы приехали в Гостинополь в 8-м часу вечера, а пароход отходил в 3½ часа утра. Почему не в 5 или не в 4 — неизвестно. Впрочем, отхода его мы не дождались, ибо к тому времени уже спали крепким сном. Проснувшись заутро, товарищ выглянул в окошко:

— Ну, что там? красиво?

— Тундра какая-то! Болото и топь.

Часа через два я выглянул — опять низкое место, которое потянулось вплоть до станции Волхов. Знаменитое аракчеевское Грузино — нечто очень печальное, суровое, опустившееся, ничего общего не имеющее с тою великолепною декорацией, какую нам представляют его современные гравюры. На Волховской станции нас усердно

уговаривали продолжать путь по железной дороге и, наконец, посмотрели с сожалением, как на людей, действующих к явной своей невыгоде; для продолжения водного пути пришлось сидеть на станции от 11 часов утра до 5 утра же, тогда как поезд проходил через полчаса. Оставалось спать и спать, потому что в сером пейзаже, состоявшем из затопленных деревень, было мало интересного и красивого.

— Гуся, что ли, нарисовать на память о великом водном пути, — предложил я, и мы смеялись, вспомнив, как один художник объяснял цель и смысл художественных поездок: «...а то другой едет за тысячи верст и там коровой занимается или курицей самой обыкновенной, точно он дома не мог бы то же самое сделать с большим успехом и удобством», — говорил он.

Путь от Волховской станции до самого Новгорода ничем особенным не радует. Аракчеевские казармы, бесконечные пашни — все это благоустроено, но ординарно. Перед Новгородом несколько монастырей самого обыденного вида. Единственно красивое место за весь этот кусок пути — так называемые Горбы с остатками славного соснового бора, сильного и ровного, как щетка. Чем ближе двигались мы к Новгороду (местный житель никогда не скажет Новгороду, а подчеркивает Нову городу), тем сильнее и сильнее овладевало нами какое-то разочарование. Разочаровал нас вид Кремля, разочаровали встречные типы, разочаровало общее полное безучастие к историчности этого места. Что подумает иностранец, когда мы, свои люди, усумнились: да полно, господня ли это великий Новгород?

На мосту стояла старпца,
На мосту чрез сипий Волхов... —

вспомнил мой спутник, когда мы входили на мост, направляясь в Кремль. Но вместо старицы на мосту стоял отвратительного вида босяк с кровавой шишкой под глазом. Навстречу попало несколько мужиков — истые «худые мужички-вечники», за кого кричать, за что — все равно, лишь бы поднесли.

Софийский собор в лесах; там идет, как известно, капитальный ремонт. Уже давно было слышно, что, по какому-то странному стечению обстоятельств, важная задача расписать этот славнейший и древнейший русский собор миновала руки художников и выпала на долю артели

богомазов. На расстоянии как-то все смягчается, многое важное ускользает от внимания в заглазных рассказах, пока не увидишь воочию. Я думаю, и вы, кому придется читать эти строки, не обратите на них никакого внимания; кругом все тихо и смиренно, какое кому дело, что где-то в отжившем городе совершается нечто странное? А между тем это «нечто странное», если вдуматься, оказывается чрезвычайно знаменательным. На рубеже 20-го века, при возрастающем общем интересе к отечественным древностям, при новых путях религиозной живописи, один из лучших русских памятников старины расписывается иконописцами-богомазами, и притом — как расписывается! Жутко делается, когда лазишь по внутренним лесам храма мимо этих богомазных изображений — глубоко бездарных, сухих, пригодных разве в захолустную церковь сверхштатного городишки, а никак не уместных при соседстве с памятником тысячелетия Руси. Еще обиднее и гаже становится, когда осмотришь внизу превосходную древнюю фреску Константина и Елены и купольные изображения пророков и архангелов, наводящие на мысль: какой высоконациональный храм мог бы получиться из Софии под мастерскою кистью при таких основных базисах, каковы сохранившиеся остатки древних фресок; как стильно и художественно можно бы было заживить остальные стены! Какой богатый материал, какая возможность поддержать славный памятник с расцветом его, быть может, оживить целый город! — но вдруг все умышленно попирается, производится небольшая экономия..., а что впереди? — там хоть потоп. Если не хватает средств, то отчего попросту не заштукатурить стены, оставив лишь остатки древней росписи? Или уже покрыть и старую живопись богомазными изделиями, не заказывать г. Фролову удачные подражания древних мозаик, убрать сохранившиеся, чтобы и сравнения не было, как оно могло быть и как есть на самом деле, — по крайности, не было бы полумер. Если изгонять художественность и национальность, то уж гнать их основательно, по всем пунктам, без пощады.

Мне кто-то хотел объяснить, как это печальное событие произошло, говоря, что много было всяких мелких обстоятельств; но, полагаю, для истории будет знаменательно, выясняя развитие русского искусства в конце 19-го века, отметить крупный факт росписи первой русской святыни артелью богомазов, без участия пригоднейших к этому делу даровитых художников. Какое отрадное сведение,

в особенности для всех причастных к современному искусству! — и перед собою-то стыдно, еще стыднее перед иностранцами, когда они скажут, на этот раз вполне заслуженно: уж эти варвары!

Джон Рескин, услышав о таком деле, наверное бы писал о нем в траурной рамке.

Новгородская косность простирается до такого предела, что из 10 встречных лишь один мог указать, как пройти к Спасу, что на Нередице, — к древности, которая должна бы быть известна каждому мальчишке, да и была бы известна в европейском городе.

Не велик городской музей Новгородский, содержание его больше случайное, а местонахождение не совсем удачно, ибо для него пришлось погубить одну из кремлевских башен; но это не беда, если бы музей хоть сколько-нибудь интересовал обитателей, а то посетители его почти исключительно приезжие, тогда как среди местных жителей находятся некоторые, вовсе и не подозревающие о существовании городского музея или знакомые с ним лишь понаслышке.

Интересен Знаменский собор, хотя особою древностью он не отличается. Сени и внешняя галерея его, видимо, первоначально были открытые, на арках с грушами, — теперь они заложены, и довольно неблагоприятно: напр., внутри сеней новая кладка расписана «под мрамор» малярами, тогда как остальное пространство сплошь покрыто живописью. Можно представить, насколько выиграет обций характер собора, если восстановить эти типичные арки, само же восстановление не должно обойтись слишком дорого.

Наиболее цельное впечатление из всех новгородских древностей производит церковь Спаса на Нередице. Не буду касаться исторических и иных подробностей этой интересной церкви, сохранившей в сравнительной цельности настенное письмо, — такие подробности можно найти в трудах Макария (опис. Новгор. церк. древн., I, 798), Прохорова, Н. В. Покровского и в имеющем выйти в ближайшем будущем VI выпуске «Русских Древностей», изд. гр. И. И. Толстым и акад. Н. П. Кондаковым. Основанная в 1197 году князем Ярославом Владимировичем, Спасская церковь по древности, а главное, по сохранности, является памятником исключительным и надо желать, чтобы как можно скорее она была издана полным и достойным для нее образом.

С софийской стороны, из Воскресенской слободы (в которой тоже типичные и древние храмы: Фомы апостола и Иоанна Милостивого), мы перерезали Волхов, бесконечный в своем разливе, направляясь к Нередице. Дело шло к вечеру, солнце било желтым лучом в белые степы Спаса, одиноко торчащего на бугре, — пониже его лепится несколько избушек и торчат ивы, кругом же ровный горизонт. Такие одиночные, среди пустой равнины, церкви очень типичны для новгородского пейзажа: то там, то тут, при каждом новом повороте, белеют они. Проехали мы Лядский бугор, где в былое время стоял монастырь, само же название урочища будто бы производится от божества Ладо.

На горизонте Ильмени выстроился ряд парусов — они стройно удалялись. Чудно и страшно было сознавать, что по этим же самым местам плавали ладьи варяжские, Садко богатого гостя вольные струги, проплывала Новгородская рать на роковую Шелонскую битву...

Ракурс Спаса с берега, пожалуй, еще красивей, нежели его дальний вид. Колокольня несколько позднейшей постройки, но зато сам корабль очень строен и характерен. Живопись, сплошь покрывающая стены и теряющаяся во мраке купола, полна гармонии, ласкает глаз на редкость приятным сочетанием тонов, облагороженных печатью времени.

Надо торопиться полно и достойно издать этот памятник — он уже требует серьезного ремонта, для которого, как говорят, не хватает средств. На первые пужды необходимо хоть 5000 рублей — неужели сейчас же не найдется любителя старины, располагающего такой суммой? Есть много богатых людей, не жалеющих своих достатков на добрые дела; ремонт Спаса ведь тоже доброе дело, да еще какое!

Возвращаясь к дому с Шелони, я дожидался поезда в Шимске. Среди многочисленных вокзальных объявлений бросался в глаза изящный плакат Дрезденской художественной выставки, и невольно думалось: что Шимску искусство? да и будет ли когда оно для Шимска не пустым далеким звуком?

ПО СТАРИНЕ

I

Мы признали значительность и научность старины; мы выучили пропись стилей; мы даже постеснялись и перестали явно уничтожать памятники древности. Мы уже не назначим в продажу с торгов за 28 000 рублей для слома чудный Ростовский кремль с расписными храмами, с княжескими и митрополичьими палатами, как это было еще на глазах живых людей, когда только случайность, неимение покупателя спасли от гибели гордость всей Руси.

Ничего больше нашему благополучному существованию не нужно; и никакого места по-прежнему в жизни нашей старина не занимает. По-прежнему далеки мы от сознания, что общегосударственное, всенародное дело должно держаться всею землею, вне казенных сумм, помимо обязательных постановлений.

Правда, есть и у нас немногие исключительные люди, которые под гнетом и насмешками «сплоченного большинства» все же искренно любят старину и работают в ее пользу, но таких людей мало, и все усилия их только кое-как удерживают равновесие, а о поступательном движении нельзя еще и думать.

А между тем в отношении древности мы переживаем сейчас очень важное время. У нас уже немного остается памятников доброй сохранности, нетронутых неумелым подновлением, да и те как-то дружно запросили поддержку.

Где бы ни подойти к делу старины, сейчас же попадаешь на сведения о трещинах, разрушающих роспись, о провале сводов, о ненадежных фундаментах. Кроме того, еще и теперь внимательное ухо может в изобилии услышать рассказы о фресках под штукатуркой, о вывозе кирпичей с памятника на постройку, о разрушении городища для нужд железной дороги. О таких грубых проявлениях уже не стоит говорить. Такое явное искажение должно вымереть само: грубое насилие встретит и сильный отпор. После знаний уже пора нам любить старину, и время теперь уже говорить о хорошем, художественном отношении к памятникам.

Минувшим летом мне довелось увидеть много нашей настоящей старины и мало любви вокруг нее.

Последовательно прошли передо мною Московщина,

Смоленщина, вечевые города, Литва, Курляндия и Ливония, и везде любовь к старине встречалась малыми, неожиданными островками, и много где памятники стоят мертвыми.

Что же мы видим около старины?

Грозные башни и стены заросли, закрылись мирными березками и кустарником. Величавые, полные романтического блеска соборы задавлены ужасными домишками. Седые иконостасы обезображены нехудожественными добротными приношениями. Все потеряло свою жизненность. И стоят памятники, окруженные врагами снаружи и внутри. Кому не дает спать на диво обожженный кирпич, из которого можно сложить громаду фабричных сараев, кому мешают стена проложить конку, кого беспокоят безобидные изразцы и до боли хочется сбить их и унести, чтобы они погибли в куче домашнего мусора.

Так редко можно увидеть человека, который искал бы жизненное лицо памятника, приходил бы по душе побеседовать со стариною. Фарисейства, конечно, как везде, и тут не оберешься. А сколько может порассказать старина родного самым ближайшим нашим исканиям и стремлениям.

Вспомним нашу старую (переставрированную) церковную роспись. Мы подробно исследовали ее композицию, ее малейшие черточки и детали, и как еще мало мы чувствуем общую красоту ее, т. е. самое главное. Как скудно мы сознаем, что перед нами не страшная работа грубых богомазов, а превосходнейшая стенопись.

Между прочим, в Ростове мне пришлось познакомиться с молодым художником, иконописцем г. Лопаковым и случилось пожалеть, что до сих пор этому талантливому человеку не приходится доказать свое чутье и умение на большой реставрационной работе. Способный иконописец и сидит без дела, и около старых икон толпятся грубые ловкачи-подрядчики, даже по Стоглаву подлежащие запрещению касаться святых ликов, богомазы, которых в старое время отсылали с Москвы подальше.

Проездом через Ярославль слышно было, что предстоит ремонт Ивана Предтечи; следует поправить трещины. Но страшно, если, заделывая их, кисть артельного мастера разгуляется и по лазоревым фонам, и по бархатной мураве; получится варварское дело, ибо писали эти фрески не простые артельные богомазы, а добрые художники своего времени.

Мало мы еще ценим старинную живопись. Мне приходилось слышать от интеллигентных людей рассказы о странных формах старины, курьезы композиции и одежды. Расскажут о немцах и других иноземных чело- веках, отправленных суровым художником в ад на Страш- ном суде, скажут о трактовке перспективы, о происхож- дении форм орнамента, о многом будут говорить, но ни- чего о красоте живописной, о том, чем живо все осталь- ное, чем иконопись будет важна для недалекого будущего, для лучших «открытий» искусства. Даже самые слепые, даже самые тупые скоро поймут великое значение наших примитивов, значение русской иконописи. Поймут и за- вопят и заахают. И пускай завоят! Будем их вопление пророчествовать — скоро кончится «археологическое» отношение к историческому и к народному творчеству и пышнее расцветет культура искусства.

Мы переварили западных примитивов. Мы как будто уже примираемся с языком многих новейших индивидуа- листов. К нам много теперь проникает японского искус- ства, этого давнего достояния западных художников, и многим начинают нравиться гениальные творения япон- цев с их живейшим рисунком и движением, с их несрав- ненными бархатными тонами.

Для дела все равно, как именно, лишь бы идти достой- ным путем; может быть, хоть через искусство Востока взглянем мы иначе на многое наше. Посмотрим не скуч- ным взором археолога, а теплым взглядом любви и вос- торга. Почти для всего у нас фатальная дорога «через за- границу», может быть, и здесь не миновать общей судьбы.

Когда смотришь на древнюю роспись, на старые из- разцы или орнаменты, думаешь: какая красивая жизнь была. Какие сильные люди жили ею. Как жизненно и близко всем было искусство, не то что теперь,—ненужная игрушка для огромного большинства. Насколько древний строитель не мог обойтись без художественных украшений, настолько теперь стали милы штукатурка и трафарет. И добро бы в частных домах, а то и в музеях, и во всех общественных учреждениях, где не пауки и сырость долж- ны расцветать плафоны и стены, а живопись лучших художников, вдохновляемых широким размахом задачи. Насколько ремесленник древности чувствовал инстинк- тивную потребность оригинально украсить всякую вещь, выходящую из его рук, настолько теперь процветают не- лепый штамп и опошленная форма. Все вперед идет!

Грех, если родные, близкие всем наши памятники древности будут стоять заброшенными.

Не нужно, чтобы памятники стояли мертвыми, как музейные предметы. Нехорошо, если перед старинною в ее жизненном пути является то же чувство, как в музее, где, как в темнице, по остроумному замечанию де ла Сизеранна, заперты в общую камеру разнороднейшие предметы; где фриз, рассчитанный на многоаршинную высоту, стоит на уровне головы; где исключаящие друг друга священные, обиходные и военные предметы насильственно связаны по роду техники воедино. Трудно здесь говорить об общей целесообразной картине, о древней жизни, о ее характеристике. И не будет этого лишь при одном временном условии.

Дайте памятнику живой вид, возвратите ему то общее, в котором он красовался в былое время,— хоть до некоторой степени возвратите! Не застраивайте памятников доходными домами; не заслоняйте их казармами и сараями; не допускайте в них современные нам предметы — и многие с несравненно большей охотой будут рваться к памятнику, нежели в музей. Дайте тогда молодежи возможность смотреть памятники, и она, наверное, будет стремиться из тисков современности к древнему, так много видевшему делу. После этого совсем иными покажутся сокровища музеев и заговорят с посетителями совсем иным языком. Музейные вещи не будут страшною необходимостью, которую требуют знать, купно, со всеми ужасами сухих соображений и сведений во имя холодной древности, а наоборот, отдельные предметы будут частями живого целого, завлекательного и чудесного, близкого всей нашей жизни. Не опасаясь педантичной суши, пойдет молодежь к живому памятнику, заглянет в чело его, и мало в ком не шевельнется что-то старое, давно забытое, знакомое в детстве, а потом заваленное чем-то будто бы нужным. Само собою захочется знать все относящееся до такой красоты; учить этому уже не нужно, как завлекательную сказку схватит всякий объяснения к старине.

Как это все старо и как все это еще ново. Как совестно твердить об этом и как все эти вопросы еще нуждаются в обсуждениях! В лихорадочной работе куется новый стиль, в поспешности мечемся за поисками нового. И родит эта гора — мышь. Я говорю это, конечно, не об от-

дельных личностях, исключениях, работы которых займут почетное место в истории искусства, а о массовом у нас движении. Не успели мы двинуться к обновлению, как уже сумели выжать из оригинальных вещей пошлый шаблон, едва ли не горший, нежели прежнее безразличие. В городах растут дома, художественностью заимствованные из сокровищницы модных магазинов с претензией на новый пошиб; в обиход проникают вещи старинных форм, часто весьма малоприспособленные для употребления. А памятники, наряду с природой живые вдохновители и руководители стиля, заброшены, и пути к ним засорены сущью и педантизмом. Кто отважится пойти этой дорогою, разрывая и отряхивая весь лишний мусор, собирая осколки прекрасных форм?

III

В глухих частях Суздальского уезда хотелось найти мне местные уборы. Общие указания погнали меня за 20 верст в село Торки и Шошково. В Шошкове оказалось еще много старины. Во многих семьях еще носили старинные сарафаны, фаты и повязки. Но больно было видеть тайное желание продать все это, и не в силу нужды, а потому что «эта старинная мода прошла уже».

Очень редко можно было найти семью, где бы был в употреблении весь старинный убор полностью.

— Не хотят, вишь, молодые-то старое одевать,— говорил старик мужичок, покуда дочка пошла одеть полный наряд.

Я начал убеждать собравшихся сельчан в красоте нарядных костюмов, что носить их не только не зазорно, но лучшие люди заботятся о поддержании национального костюма. Старик терпеливо выслушал меня, почесал в затылке и сказал совершенно справедливое замечание:

— Обветшала наша старина-то. Иной сарафан или повязка, хотя и старинные, да изорвались временем-то, молодухам в дырках ходить и зазорно. И хотели бы поновить чем, а негде взять. Нынче так не делают, как в старину; может, конечно, оно и делают, да нам не достать, да и дорого, не под силу. У меня в дому еще есть старина, а и то прикупать уже из-за Нижнего, из-за Костромы приходится, и все-то дорожает. Так и проходит старинная мода.

Старик сказал правду! Нечем поновлять нашу вет-

шающую старину. Оторвались мы от нее, ушли куда-то, и все наши поновления кажутся на старине гнусными заплатами. Видел я попытки поновления старинных костюмов — в высшей степени неудачные. Если положить рядом прекрасную старинную парчу с дешевой современной церковною парчюю, если попробуете к чудной набойке с ее ласковыми синими и бурными топами приставить ситец или коленкор, да еще из тех, которые специально делаются «для народа», — можно легко представить, какое безобразие получается.

Современный городской эклектизм, конечно, прямо противоположен национализму; вместо нелепых попыток изобрести национальный костюм для горожан, не лучше ли создать почву, на которой могла бы жить наша вымирающая народная старина. Костюм не надо придумывать: века сложили прекрасные образцы его; надо придумать, чтобы народ в культурном развитии мог жить национальным течением мысли, чтобы он вокруг себя находил все необходимое для красивого образа жизни; надо, чтобы в область сказаний отошли печальные факты, что священники сожигают древние кички, «ибо рогатым не подобает подходить к причастию». Необходимо, чтобы высшие классы истинно полюбили старину. Отчего фабрики не дают народу красивую ткань для костюмов, доступную, не грубую, достойную поновить старину? Дайте почву и костюму, и песне, и музыке, и пляске, и радости. Пусть растет старинная песня, пусть струны балалаек вместо прекрасных древних ладов не вызванивают пошлых маршей и вальсов. Пусть и работает русский человек по-русски, а то ведь ужасно сказать, в местностях, полных лучших образчиков старины, издавно славных своею финифтью, сканным и резным делом, в школах можно встречать работы по образцам из «Нивы». Или еще хуже того: в Торжке, даже по гимназическим географиям знаменитом своим шитьем, не так давно была устроена земская школа с целью поддержать это ветшающее рукоделие и обновить его возвращением к старинной превосходной технике. Дело пошло на лад. Казалось бы, чего лучше — пашлась опытная руководительница и школа имеет прямое, отвечающее местным запросам назначение; вы подумаете, что новое земство позаботилось о расширении этого удачного дела? — ничуть не бывало. Оно пашло школу излишнею и на днях совсем упразднило ее, на погибель бросая исконное местное ремесло. При таких усло-

виях для себя разве сумеет народ сделать что-нибудь красивое? Единственно, если будет прочная почва, можно ждать и доброе дерево. Все знают, сколько цельного и прекрасного сохранили в своем быту староверы. Где только живет старина, там звучит много хорошего; живут там лучшие обычаи. Вот она старина-то!

Но не умеем мы, не хотим мы помочь народу опять найти красоту в его трудной жизни. Не с радостью собирателя, а бережно, только очень бережно можно отнимать у народа его остатки красоты, его дива дивные, веками им взлелеянные. Только строгими весами можно выверять равноценность сообщаемого нами народу и похищаемого у него.

В том же Шошкове меня поразила церковь чистотою своих форм: совершенный XVII век. Между тем узнаю, что только недавно справляли ее столетие. Удивляюсь и нахожу разгадку. Оказывается, церковь строили крестьяне всем миром и нарочно хотели строить под старину. Сохраняется и приятная окраска церкви, белая с охрой, как на храмах Романова-Борисоглебска. Верные дети своего времени, крестьяне уже думают поновлять церковь, и внутренность ее уже переписывается невероятными картинками в духе Дорэ. И нет мощного голоса, чтобы сказать им, какую несообразность они творят.

При такой росписи странно было думать, что еще деды этих самых крестьян мыслили настолько иначе, что могли желать строить именно под старину.

Теперь же нас — культурнейших — окружают совершенно иные картины. Несмотря на все запрещения, несмотря на опекуншу старины — комиссию, на глазах многих тают целые башни и стены. Знаменитые Гедеминовский и Кейстутовский замки в Троках пришли в совершенное разрушение. На целый этаж завалила рухнувшая башня стены замка Кейстута на острове. В замковой часовне была фресковая живопись, особенно интересная для нас тем, что, кажется, была византийского характера; от нее остались одни малоизвестные остатки, дни которых уже сочтены, из-под них внизу вываливаются кирпичи. Слышно, что замок в недалеком будущем кто-то хочет поддержать; трудно это сделать теперь, хоть бы не дать пицу дальнейшему разрушению. В Ковне мне передавали, что местный замок еще не так давно очень возвышался стенами и башнями, а теперь от башни остается очень немного, а по фундаментам стен лежат постройки. На

каком основании, по какому праву появляются эти лачуги на государственной земле, которая недоступна даже для общественных учреждений?

В Мерече на Немане я хотел видеть старинный дом, помнящий короля Владислава, а затем Петра Великого. По археологической карте дом этот значится существующим еще в 1893 году, но теперь его уже нет; в 1896 году он перестроен до фундамента. Городская башня разобрана, а подле местечка торчит оглоданный остаток пограничного столба, еще свидетеля Магдебургского права города Мереча, а теперь незначительного селения. Кое-где видна на столбе штукатурка, но строение его восстановить уже невозможно.

На самом берегу Немана в Веллонах и в Сапежишках есть древнейшие костелы с первых времен христианства. В Ковне и в Кейдапах есть чудные старинные домики, а в особенности один с фронтоном чистой готики. Пошли им бог заботливую руку — сохранить подольше. Много по прекрасным берегам Немана старинных мест, беспомощно погибающих. Уже нечему там рассказать о великом Зиче, Гедемине, Кейстуте, о крыжаках, о всем интересном, что было в этих местах. Из-за Немана приходят громады песков, а защитника леса уже нет, и лицо земли изменяется уже неузнаваемо.

На Изборских башнях только кое-где еще остаются следы узорчатой плитной кладки и рельефные красивые кресты, которыми украшена западная стена крепости. Не были ли эти кресты страшным напоминанием для крестоносцев, злейших неприятелей пограничного Изборска? Под толстыми плитными стенами засыпались подземные ходы, завалились тайники и ворота.

Знаменитый собор Юрьева-Польского, куда более интересный, нежели Дмитровский храм во Владимире, почти весь облеплен позднейшими скверными пристройками, безжалостно впившимися в сказочные рельефные украшения соборных стен. Когда-то эта красота очистится от грубых придатков и кто выведет опять в жизнь этот удивительный памятник?

Деревянная церковь на Ишне около Ростова, этот прекрасный образец архитектуры северных церквей, обшит досками и теперь обносится шаблонейшим заборчиком, вконец разбивающим впечатление темно-серой церкви и кладбища с тонкими березами. В медленном

разрушения теряют лицо живописные подробности Новгорода и Пскова.

И не перечесть всего погибающего, но даже там, где мы сознательно хотим отстоять старину, и то получается нечто странное. После долгого боя отстояли красивые стены Смоленска, «с великим тщанием» законченные при царе Борисе. Теперь даже вкладывают заплатки на них, но зато из старинных валов, внизу из-под степ вынимают песок. Я хотел бы ошибиться, но под стенами были видны свежие колеи около песочных выемок, а вместо бархатистых дерновых валов и рвов под стенами — бесформенные груды песка и оползни дерева, точно после злого погрома. Вот тебе и художественный общий, вот и исторический вид! И это около Смоленска, где песчаных свободных косогоров не объять взглядом¹. Обыкновенно у нас принято все валить на неумолимое время, а неумолимы люди, и время лишь идет по стопам их, точным исполнителем всех желаний.

Вокруг наших памятников целые серии именных ошибок, и летописец мог бы составить любопытный синодик громких деятелей искажения старины. И это следует сделать на память потомству.

IV

Несколько лет назад, описывая великий путь из варяг в греки, мне приходилось, между прочим, вспоминать: «Когда-то кто-нибудь поедет по Руси с целью охранения наших исторических пейзажей во имя красоты и национального чувства?»

С тех пор я видел много древних городищ и урочищ, и еще сильнее хочется сказать что-либо в их защиту.

Какие это славные места!

Почему древние люди любили жить в таком приволье? Не только в стратегических и других соображениях тут дело, а широко жил и широко чувствовал древний. Если хотел он раскинуться свободно, то забирался на самый верх местности, чтобы в ушах гудел вольный ветер, чтобы сверкала под ногами быстрая река или широкое озеро, чтобы не знал глаз предела в синюющих, заманчивых дальях. И гордо светились на все стороны белые вежи. Если же приходилось древнему скрываться от постороннего

¹ Чтобы составить понятие о грандиозности смоленских степ, ср.: И. И. Орлова, Смоленская стена, Смоленск, 1903.

глаза, то не знал он границы трущобности места, запырался он бездонными болотами, такими ломняками и буграками, что у нас и духу не хватит подумать осесть в таком углу.

После существующих городов часто указывает древнее городище, и всегда оно кажется гораздо красивее расположенным, нежели позднейший город. Знал так называемый «Трувор», где сесть под Изборском, у Словенского Ручья, и гораздо хуже решили задачу псковичи, перенесшие городок на гору Жераву. Городище под Новгородом по месту гораздо красивее положения самого города. Городище Старой Ладogi, рубленый город Ярославля, места Гродненского, Виленского, Венденского и других старых замков — лучшие места во всей окрестности.

Какова же судьба городищ? Цельные, высокие места мешают нам не меньше памятников. Если их не приходится обезобразить сараями, казармами и кладовыми, то непременно пужно хотя бы вывезти, как песок. Еще недавно видел я красивейший Городец на Саре¹ под Ростовом, весь искалеченный вывозкою песка и камня. Вместо чудесного места, куда, бывало, съезжался весь Ростов, — ужас и разоренье, над которым искренно заплакал бы Джон Рескин.

Но нам ли искать красивое? До того мы ленивы и нелюбопытны, что даже близкий нам красивый Псков и то мало знаем.

Никого не тянет посидеть на берегу Великой перед лицом седого Детинца; многим ли говорит что-нибудь название Мирожского монастыря, куда следует съездить хотя бы для одних изображений Спаса и Архангела в пределах. Старинные башни, рынок под Детинцем, паруса и цветные мачты торговых ладей, как все это красиво, как все близко от столицы. Как хороши старинные домики со стильными крылечками и оконцами, зачастую теперь служащие самым прозаическим назначением вроде склада мебели и кладовых. И как мало все это известно большинству, кислому будто бы от недостатка новых впечатлений.

Если и Псков мало знаем, то как же немногие из нас бывали в чудеснейшем месте подле Пскова — Печорах? Прямо удивительно, что этот уголок известен так мало.

¹ Городец на Саре, быть может, представляет не что иное, как первоначальное место Ростова. Раскопка, которую удалось произвести на остатках городища, дала несколько характерных предметов X, XII вв. Гнездовского типа.

По уютности, по вековому покою, по интересным строениям мало что сравняется во всей Средней Руси. Стены, оббитые литовцами, сбегают в глубокие овраги и бодро шагают по кручам. Церкви, деревянные переходы на стене, звонницы, все это тесно сжатое дает необыкновенно цельное впечатление.

Можно долго прожить на этом месте, и все будет хотеться еще раз пройти по двору, уставленному старинными пузатыми зданиями красного и белого цвета, еще раз захочется пройти закоулком между ризницей и старой звонницей. Вереницей пройдут богомольцы; из которой-нибудь церкви будет слышаться пение, и со всех сторон будет чувствоваться вековая старина. Особую прелесть Печорам придают полуверцы — остатки колонизации древней Псковской земли. Каким-то чудом в целом ряде поселков сохранились свои костюмы, свои обычаи, даже свой говор, очень близкий лифляндскому наречию. В праздники женщины грудь увешивают набором старинных рублей, крестов и брактеатов, а середину груди покрывает огромная выпуклая серебряная бляха-фибула.

Издали толпа — вся белая; и мужики и бабы в белых кафтанах; рукава и полы оторочены незатейливым рисунком черной тесьмы. Так близко от нас, презирающих всякую самобытность, еще уцелела подлинная характерность, и несколько сот полутемных людей дорожат своими особенностями от прочих.

Часто говорится о старине и в особенности о старине народной, как о пережитке, естественно умирающем от ядовитых сторон неправильно понятой культуры. Но не насмерть еще переехала старину железная дорога, не так еще далеко ушли мы, и не нам судить: долго ли еще могут жить старина, песни, костюмы и пляски? Не об этом нам думать, а прежде всего надо создать здоровую почву для жизни старины, чтобы в шагах цивилизации не уподобиться некоторым недавним просветителям диких стран с их тысячелетнею культурой. А много ли делается у нас в пользу старины, кроме казенных запрещений разрушать ее?

Поговорите с духовенством, поговорите с чиновничеством и с полицией, и вы увидите, какие люди стоят к старине ближайшими. Ведь стыд сказать: местная администрация, местные власти часто понятия не имеют об окружающей их старине. Не с гордостью укажут они на памятники, близ которых их бросила судьба и которыми они могут

наслаждаться; нет, они, подобно захудалому мужичонке, будут стараться скорее отделаться от скучных расспросов о вещах, их пониманию недоступных, и карты и сплетни куда важнее для них всей старины, вместе взятой.

Откуда же тут возьмется здоровая почва? Откуда сюда придет самосознание? И мы готовы заговорить хоть по-африкански, лишь бы не подумал кто, что свое нам дороже чужого. Старшее поколение, не имея в руках археологии русской, которая занимает свое место лишь за последнюю четверть века, мало знает старины; молодежь почему-то считает старины принадлежностью стариков. И как выйти из этого заколдованного круга? Каким путем удастся нам полюбить старины и понять красоту ее—просто неведомо.

Можно подумать, не нужны ли здесь еще какие-либо приказания. Не нужно ли еще отпуска казенных сумм?

Предвижу, что археологи скажут мне: дайте денег, укажите средства, ибо монументальные сооружения требуют и крупных затрат. Но не в деньгах дело; денег на Руси много; история реставрации Ростовского кремля и некоторых других памятников, наконец, сейчас переживаемое нами время ясно свидетельствует, что если является интерес и сознание—находятся и средства, да и немалые. Деньги-то есть, но интереса мало, мало любви. И покуда археология будет сухо научною, до тех пор без пророчества можно предсказать отчужденность ее от общества, от народа.

Картина может быть сделана по всем правилам и перспективы, и анатомии, и ботаники, и все-таки она может вовсе не быть художественным произведением. Дело памятников старины может вестись очень научно, может быть переполнено специальнейшими терминами со ссылками на тысячетомную литературу, и все-таки в нем может не быть духа живого, и все-таки оно будет мертво. Как в картине весь ее смысл существования часто заключается в каком-то необъяснимом словами тоне, в какой-то не поддающейся формуле убедительности, так и в художественном понимании дела старины есть много не укладывающегося в речи, есть многое, что можно только воспринять чутьем. И без этого чутья, без чувства красоты исторического пейзажа, без понимания декоративности и конструктивности все эти разговоры будут нелепой тарабарщиной.

Не о легком чем-то говорится здесь. Слов нет, трудно не утратить чувства при холодных основах знаний; много ли у нас профессоров-наставников, в которых горит

огонь живого чувства?.. Часто, раз только речь касается чувства, получается полная разногласица, но наученным опытом нельзя бояться ее — всегда из массы найдутся немногие, которым чувство укажет правду, и на этой правде закопошится общий интерес, а за ним найдутся и средства, и все необходимое.

Бесспорно, за эту четверть века много уже сделано для дела старины, но еще гораздо больше осталось впереди работы самой тонкой, самой трудной. И не такое дело старины, чтобы сдать ее в археологические и архивные комиссии и справлять триумф ее пышными обедами археологических съездов, да на этом и почтить.

Все больше и больше около старины накапливается задач, решить которые могут не одни ученые, но только в единении с художниками, зодчими и писателями.

В жизни нашей многое сбилось, спутались многие основы. Наше искусство наполнилось самыми извращенными понятиями. И старина, правильно понятая, может быть доброй почвой не только научной и художественной, но и оплотом жизни в ее ближайших шагах.

Я могу ожидать вопрос: «Вы дали неутешительную картину дела старины русской, но что же вы укажете как ближайший шаг к нравственному исправлению этого сложного дела?»

Что же мне оставалось бы ответить на такой прямой вопрос? Ответ был бы очень старый: пора русскому образованному человеку узнать и полюбить Русь. Пора людям, скучающим без новых впечатлений, заинтересоваться высоким и значительным, которому они не сумели еще отвести должное место, что заменит серые будни веселою, красивую жизнью.

Пора всем сочувствующим делу старины кричать о ней при всех случаях, во всей печати указывать на положение ее. Пора печатно неумолимо казнить невежественность администрации и духовенства, стоящих к старине ближайшими. Пора зло высмеивать сухарей-археологов и бесчувственных педантов. Пора вербовать новые молодые силы в кружки ревнителей старины, пока, наконец, этот порыв не перейдет в национальное творческое движение, которым так сильна всегда культурная страна.

СЕРДЦЕ АЗИИ

I

СЕРДЦЕ АЗИИ

Бьется ли сердце Азии? Не заглушено ли оно песками?

От Брампутры до Иртыша и от Желтой реки до Каспия, от Мукдена до Аравии — всюду грозные беспощадные волны песков. Как апофеоз безжизненности, застыл жестокий Такламакан, омертвив срединную часть Азии. В сыпучих песках теряется старая императорская китайская дорога. Из барханов торчат остовы бывшего когда-то леса. Оглоданными скелетами распростерлись изгрызанные временем стены древних городов. Где проходили великие путники, народы переселений? Кое-где одиноко возвышаются керексуры, менгиры, кромлехи и ряды камней, молчаливо хранящих ушедшие культы. Конечности Азии бьются вместе с океанскими волнами в гигантской борьбе. Но живо ли сердце? Когда индусские ноги останавливают пульс, то сердце их все же продолжает внутреннюю работу; также и с сердцем Азии. В оазисах, в кочевьях и в караванах живет своеобразная мысль. <...>

Конечно, трудно говорить о всей Центральной Азии подробно. Но в отрывочных характеристиках все-таки мы можем отметить и современное состояние этих огромных областей, и оглянуться на памятники славного прошлого.

Как и всюду, с одной стороны вы можете найти и замечательные памятники, и изысканный способ мышления, выраженный на основах древней мудрости, и дружелюбность человеческого отношения. Вы можете радоваться красоте и можете быть легко поняты. Но в тех же самых местах не будьте удивлены, если ужаснетесь и извращенным формам религии, и невежественности, и знакам падения и вырождения.

Мы должны брать вещи так, как они есть. Без условной сентиментальности мы должны приветствовать свет и справедливо разоблачать вредную тьму. Мы должны внимательно различать предрассудок и суеверие от скрытых символов древнего знания. Будем приветствовать все стремления к творчеству и созиданию и оплакивать варварское разрушение ценностей природы и духа.

Конечно, мое главное устремление, как художника, было к художественной работе. Трудно представить, когда удастся мне воплотить все художественные заметки и впечатления — так щедры эти дары Азии.

Никакой музей, никакая книга не дадут право изображать Азию и всякие другие страны, если вы не видели их своими глазами, если на месте не сделали хотя бы памятных заметок. Убедительность, это магическое качество творчества, необъяснимое словами, создается лишь наслаждением истинных впечатлений действительности. Горы везде горы, вода всюду вода, небо везде небо, люди везде люди. Но тем не менее, если вы будете, сидя в Альпах, изображать Гималаи, что-то несказуемое, убеждающее будет отсутствовать.

Кроме художественных задач, в нашей экспедиции мы имели в виду ознакомиться с положением памятников древностей Центральной Азии, наблюдать современное состояние религии, обычаев и отметить следы великого переселения народов. Эта последняя задача издавна была близка мне. Мы видим в последних находках экспедиции Козлова, в трудах профессора Ростовцева, Боровки, Макаренко, Толя и многих других огромный интерес к скифским, монгольским и готским памятникам. Сибирские древности, следы великого переселения в Минусинске, Алтае, Урале дают необычайно богатый художественно-исторический материал для всего общевропейского романеска и ранней готики. И как близки эти мотивы для современного художественного творчества. Многие звериные и растительные стилизации могли выйти из новейшей лучшей мастерской.

Основной маршрут экспедиции выразился в следующем обширном круге по срединной части Азии.

Дарджилинг, монастыри Сиккима, Бенарес, Сарнат, Северный Пенджаб, Равалпинди, Кашмир, Ладак, Каракорум, Хотан, Яркенд, Кашгар, Аксу, Кучар, Карашар, Токсун, Турфанские области, Урумчи, Тянь-Шань, Козеунь, Зайсан, Иртыш, Новоиколаевск, Бийск, Алтай, Сйротия, Верхнеудинск, Бурятия, Троицкосавск, Алтын-Булак, Урга, Юм-Бейсе, Анси-Джау, Шибочен, Наньшань, Шарагольчи, Цайдам, Нейджи, хребет Марко Поло, Кокушили, Дунгбуре, Нагчу, Шендза-Дзонг, Сага-Дзонг, Тингри-Дзонг, Шекар-Дзонг, Камца-Дзонг, Сепола, Ганток, Дарджилинг.

Следуя по горным перевалам перейденным, мы полу-

чаем следующий лист 35 перевалов, от 14 000 до 21 000 футов.

Соджи-Ла, Кардонг-Ла, Караул-Давап, Сассер, Дабзанг, Каракорум, Сугет, Санджу, Урту-Кашкарийн-Дабан, Улан-Дабан, Чахарийн-Дабан, Хенту, Нейджи-Ла, Кукушили, Дунгбуре, Тангла, Кам-Ронг-Ла, Тазанг-Ла, Ламси, Наптра-Ла, Тамакер, Шенца, Ланце-Нагри, Цагла, Лам-Линг, Понг-Чен-Ла, Дончен-Ла, Санг-Мо-Ла, Клегонг-Ла, Цуг-Чунг-Ла, Чжя-Ла, Уранг-Ла, Шару-Ла, Гулунг-Ла, Сепо-Ла.

Чтобы не возвращаться более к условиям перехода перевалов, нужно сказать, что, кроме перевала Тангла, за все эти многочисленные переходы никто из нашего каравана серьезно не пострадал. Но и в случае Тангла были особые условия. Была нервность, происшедшая от неясных переговоров с тибетцами, хотя и сам перевал имеет, несомненно, какие-то климатические особенности.

Юрий имел такую сильную атаку сердечной слабости, что почти упал с лошади, и доктор напц, применяя очень сильные дозы дигиталиса и аммония и восстанавливая кровообращение массажем, очень опасался за его жизнь. Лама Малонов упал с лошади и без чувств лежал на дороге. Кроме того, еще трое из спутников имели, как они выражались, сильные припадки «сура», выражавшиеся головной болью, ослаблением кровообращения, тошнотой и общей слабостью. Впрочем, подобная слабость в большей и меньшей степени часто сопровождает переход горных вершин. На перевалах нередко замечается также кровотечение, сперва из носа, а затем и из других менее защищенных мест. Тот же симптом часто выражается на животных после 15 000 футов высоты. Караванный путь через Кардонг, Сассер, Каракорум особенно обильно усыпан скелетами всех родов животных: лошадей, ишаков, яков, верблюдов, собак. Мы встречали на пути несколько брошенных ослабевших животных, из носу которых обильно текла струя крови. Неподвижные и дрожащие, они ожидали неизбежный конец свой. И действительно, конец их был неизбежен: спасти их могло бы лишь одно, а именно спустить их с 17—18 тысяч высоты, на которых они находились, на высоту 7—8 тысяч, но это было невозможно. В нашем караване были случаи кровотечения у животных и у людей, но без серьезных последствий. Вероятно, этому помогали меры, принятые нами перед каждым перевалом,

Неопытные люди могут думать, что перед трудною высотой следует подкрепиться обильной и мясной пищей, выпить вина и покурить. Но все эти три обстоятельства и являются главными врагами. Испытанные проводники ладакцы определенно сказали нам, что перед каждым перевалом как людям, так и животным благодетельным будет именно голод и ничто раздражающее не должно быть допускаемо. На каждый перевал мы шли с утра, задолго до солнечного восхода, и выпивали лишь небольшую кружку горячего чая. Коням же перед перевалами не давали ни овса, ни сена. Бывший с нами лама неоднократно страдал кровотечением, но семидесятилетний китаец-переводчик ни разу не чувствовал затруднений при переходах. Конечно, всякое лишнее движение или несоответствующая работа вызывали слабость, головокружение и у некоторых тошноту. Но несколько минут спокойствия восстанавливало нарушенное кровообращение.

Среди особенностей спешных перевалов мы подверглись так называемой снежной слепоте. Трое испытало ее в разных степенях. Калмык Кедуб, тибетец Кончок и я. Вся неприятность длилась от пяти до шести дней с разными следствиями. У меня был поражен правый глаз, и после двух дней в нем появились все изображения удвоенными совершенно ясно и четко. У Кедуба и Кончока появилось четыре изображения. Мы проверяли это показание и упорно получали тот же ответ. Не меньшую неприятность доставлял нам и особенно Е. И. так называемый горячий снег, когда снег от отраженного солнца дает нестерпимый жар, от которого некуда скрыться.

Мы имели еще три неприятности в караване, а именно: явления сердечные, от которых погибло трое, и явление простудное, унесшее двоих. Кроме того, несколько людей в караване страдало от цинги и в том числе заведующий транспортом П. Надо отметить, что в северном Тибете среди местного населения мы видели много случаев сильной цинги.

Кроме основного состава экспедиции из Е. И., Юрия и меня, в течение нашего долгого пути, кроме караванных слуг, мы имели ряд временных сотрудников. По Сиккиму с нами был Святослав и Лама Лобзанг Мингюр Дордже, известный знаток тибетской литературы, учитель большинства европейских тибетологов современности. Каждый, шествующий по Сиккиму, встречается с любезным отношением генерала тибетской службы, ныне на британской

службе, Ладен-Ла, который оказывает всяческое содействие путешественникам. В дальнейшем пути с нами шел в качестве китайского переводчика семидесятилетний офицер китайской армии Сайкен-Хо и калмыцкий лама Лобзанг. На Алтае с нами были З. Г. и М. М. Лихтман. После Урги в экспедицию вошел доктор Рябинин, заведующий транспортом Портнягин и две необычные помощницы Е. И., местные казачки сестры Людмила и Рая Богдановы, из которых младшей Рае при отправлении экспедиции было 13 лет. Думаю, что она была самой молодой из прошедших суровое нагорье Тибета. Присутствие трех женщин в экспедиции, разделивших все опасности жестоких морозов и трудности пути, должно быть определенно отмечено. В Шарагольчах перед Улан-Даваном к экспедиции из Китая подошел полковник К. и заведующий хозяйством Г.

Начнем с Сиккима.

Необыкновенно благостное впечатление производит эта благословенная страна, связанная с воспоминаниями о великих подвижниках религии. Здесь жил Падма Самбхава, основатель красношапочной секты; здесь проходил на Тибет Аттиша, возглашавший учение Калачакры; здесь по пещерам пребывали многие аскеты, наполняя пространство своими благими мыслями.

За Киченджунгой в подземельях и до сих пор пребывают затворники, и только дрожащая рука, протянутая по условному знаку за пищей, показывает, что физическое тело еще не отошло. Все 17 вершин Гималаев сияют над Сиккимом. С запада к востоку: Канг, Джану, Малый Кабру, Кабру, Доумпик, Талунг, Киченджунга, Пандим, Джубони, Симву, Нарсинг, Синиолчу, Пакичу, Чомомо, Лама Андем, Канченджау. Целая снеговая страна, меняющая свои очертания при каждом изменении света. Поистине непсчерпаемая впечатлениями и неустанно зовущая.

Нигде на земле настолько не выражены два совершенно отдельных мира, мир земной с богатой растительностью, с блестящими бабочками, фазанами, леопардами, енотами, обезьянами, змеями и всей неисчислимой животностью, которая населяет вечнозеленые джунгли Сиккима. А за облаками в неожиданной вышине сияет снежная страна, не имеющая ничего общего с кишмящим муравейником

джунглей. И этот вечпо волнующийся океан облаков и пепередаваемых разнообразий туманов!

Киченджунга одинаково обращала внимание как тибетцев, так и индусов. Здесь складывались вдохновляющие мифы творчества Шивы, выпившего яд мира для спасения человечества. Здесь из облачного бурления воздымалась блистающая Лакшми для счастья мира. Общее благостное впечатление поддерживается и монастырями Сиккима. На каждом бугре, на каждой вершине, сколько хватает глаз, вы замечаете белые точки — это все прилепились твердыни учения Падмы Самбхавы, официальной религии Сиккима. Махараджа Сиккима, живущий в Гантоке, глубоко привержен религии. Супруга его махарани, тибетского рода, является для Тибета совершенным исключением по своей просвещенности. Большинство монастырей Сиккима связано с теми или иными реликвиями и древними традициями. Здесь пребывал сам Падма Самбхава. Там учитель медитировал на скале, и если скала дает новые трещины, это значит, что окрестная жизнь уклоняется от праведного пути. Монастырь Пемаяндзе является официальным средоточием религии Сиккима. Подле монастыря еще сохранились развалины древнего дворца махараджи. Но гораздо большим духовным значением пользуется лежащий в одном переходе от Пемаяндзе старый монастырь Ташидинг. Туда каждому путешественнику следует заглянуть, хотя путь через бамбуковый мост над гремящим потоком труден. Мы были в Ташидинге в феврале, на тибетский Новый год, когда тысячная толпа из местных селений придает месту необычайную живописность. К этому же времени в Ташидинге совершается и ежегодное чудо с чашею.

Древняя каменная чаша ежегодно до половины наполняется водою и в присутствии лам и представителей махараджи запечатывается. Через год в день Нового года в присутствии тех же свидетелей ларец, в котором заперта чаша, распечатывается. Снимаются с чаши старинные ткани, в которые она обернута, и по состоянию воды произносится предсказание о будущем. Вода или убывает или, как говорят, иногда прибывает. Так, указывают, что в 1914 году, перед великой войной, вода сильно прибыла, что означало войну и бедствие.

Во всех монастырях Сиккима замечается приветливое отношение к иностранцам, и дружелюбная атмосфера ничем не нарушается. Настоятели монастырей охотно по-

казывают свои сокровища, среди которых немало предметов старинной прекрасной работы. Мы были в Сиккиме во время третьей неудачной эверестской экспедиции, и ламы говорили нам: «Удивляемся, зачем пелингам-иностранцам припимать на себя такие трудности по восхождению. Им не достичь успеха. Многие из наших лам бывали на вершине Эвереста, только они были там в тонком теле».

В этих местах многое, кажущееся странным для европейца, звучит совершенно естественно.

Недавно в Дарджилинге произошел характерный эпизод со стариком ламой. Во время какого-то уличного столкновения вместе с участниками беспорядков был захвачен полицией и старик лама, случайный зритель. Лама не протестовал и вместе с прочими был осужден на известное время ареста. Когда же истек срок ареста и лама должен был быть освобожден, он заявил, что просит его оставить в тюрьме, так как это самое спокойное место и наиболее пригодное для концентрации.

Сикким сопровождает нас чудесными благостными преданиями. В храме гремят гигантские трубы. Лама спрашивает: «Знаете ли, отчего так звучны большие трубы в буддийских храмах?» И поясняет: «Владыка Тибета решил призвать из Индии, из мест благословенного, ученого ламу, чтобы очистить основы учения. Чем же встретить гостя? Высокий лама, имев видение, дал рисунок новой трубы, чтобы гость был встречен неслыханным звуком. И встреча была чудной. Не роскошью золота, но ценностью звука. И знаете ли, отчего так звучны гонги во храмах? Серебром звучат гонги и колокольчики на заре утра и вечера, когда высокие токи напряжены. Их звон напоминает прекрасную легенду о высоком ламе и китайском императоре. Чтобы испытать звание и ясновидение ламы, император сделал для него сиденье из священных книг и, накрыв их тканями, пригласил гостя сесть. Лама сотворил какие-то молитвы и сел. Император спросил: «Если вы все знаете, как же вы сели на священные книги?» — «Здесь нет священных книг», — ответил лама. И изумленный император вместо священных книг нашел пустую бумагу. И дал император ламе дары и много колоколов ясного звона. Но лама велел бросить их в реку, сказав: «Я не могу донести все это. Если надо, то река донесет эти дары до моего монастыря». И река донесла колокола с хрустальным звоном, ясным, как волны реки».

И о талисманах поясняет лама: «Священные талисманы. Мать много раз просила сына принести ей священное сокровище Будды. Но молодец забывал просьбу матери. Говорит она: «Вот умру перед тобою, если не принесешь теперь мне». Но побывал сынок в Лхассе и опять забыл материнскую просьбу. Уже за полдня езды от дома он вспомнил, но где же найти в пустыне священные предметы? Нет ничего. Вот видит путник череп собачий. Решил, вынул зуб собаки и обернул желтым шелком. Везет к дому. Спрашивает старая: «Не забыл ли, сынок, мою последнюю просьбу?» Подает он ей зуб собачий и говорит: «Это зуб Будды». И кладет мать зуб на божницу и творит перед ним самые священные молитвы и обращает свои помыслы к своей святыне. И сделалось чудо. Начал светиться зуб чистыми лучами. И произошли от него чудеса и многие священные предметы».

Несмотря на краткость изложения, не могу не упомянуть еще о случаях волевых приказов, которые происходят в этих местах. Во время пребывания таши-ламы в Индии его спросили, правда ли, что он обладает какими-то особыми силами? Духовный вождь Тибета улыбнулся и не ответил. Но через несколько минут таши-лама исчез из вида. Дело происходило в саду, присутствовавшие бросились искать таши-ламу, но безуспешно. В это время в сад вошел один новый человек и был поражен необычайной картиной. Таши-лама спокойно сидел под деревом, а вокруг него суетились тщетно искавшие его люди. Или другой случай волевого воздействия. В поезде бенгальской железной дороги был обнаружен безбилетный садху, которого и высадили на следующей станции. Садху уселся на перроне недалеко от локомотива и остался недвижимым. Дали звонок к отходу поезда, но поезд не тронулся. Публика, недовольная высадкой «святого» человека, обратила на это внимание. Второй раз должен был тронуться поезд и опять не двинулся. Тогда пассажиры потребовали пригласить садху занять свое прежнее место, и святой человек торжественно был введен обратно в вагон, после чего поезд благополучно тронулся.

Не буду останавливаться на Бенаресе, но удивимся, что большая часть Сарната, памятного места, где Будда начал свою проповедь, еще лежит под буграми, нераскопанная. И те развалины, которые обнаружены сейчас, тоже вскрыты сравнительно лишь в последнее время. Странная судьба окружает большинство мест, связанных

с личными трудами основателя буддизма. Капилавасту в развалинах, Кушинагара тоже, Сарнат еще не вскрыт окончательно. В этом есть какое-то особое значение.

До недавнего времени некоторые ученые даже пытались доказать, что Готама Будда никогда не существовал. Несмотря на неоспоримые факты огромной буддийской литературы, несмотря на надписи на древних колоннах царя Ашоки, французский ученый Сенар в своем исследовании утверждал, что Будда никогда не существовал и есть не что иное, как солнечный миф. Но и тут точное знание восстановило человеческую личность Учителя Готамы Будды. Урна, датированная надписью, с частью воли и костей Будды вскоре была найдена в Пиправе, в непальском Терае. Такая же историческая урна с частью реликвий Учителя, положенная царем Канпшхой и найденная около Пешавара, также определенно свидетельствует о смерти великого первоучителя буддизма. Любопытно отметить, что последняя находка была сделана на основании записей старых китайских путешественников. Вообще нужно отдать справедливость старым китайцам за точность их описаний, в чем мы убеждались не раз.

Северный Пенджаб дает массу исторического материала как по древнейшей эпохе Индии, в Харапа, на севере Лахора, также и по индийскому средневековью от восьмого века нашей эры. Не забыт здесь и буддизм, хотя официально и непроявляемый. Готама-Риши, как местные пенджабцы и пахари называют Будду, находится в большом почете. Развалины древних буддийских храмов с явно буддийскими изображениями показывают, что и здесь, на древних путях из Тибета, религия буддизма давно процветала. В одной долине Кулу считается триста местных почитаемых риши. Эти места связаны с самыми большими именами. Говорится, что сам Арджуна из Кулу проложил подземный ход в Маникарн. Здесь же в махараджестве Манди находится знаменитое озеро Равалсар, соединенное в предании с именем Падма-Самбхавы. До сих пор множество лам со стороны Шипки перевала и Ротанга спускаются в долину для почитания памяти Учителя. Места, насыщенные воспоминаниями! Ведь Манди и Кулу являются тою замечательною странюю Захор, которой отведено такое внимание в тибетской литературе. Знаток местности доктор А. Х. Франке в своей книге «Древности индусского Тибета», стр. 123, приводит следующие указания д-ра Фогеля:

«Позвольте мне добавить несколько замечаний о Манди, собранных из тибетских исторических трудов. Не может быть сомнения в тождестве тибетского Захора с Манди. Во время нашего посещения Равалсара мы встретили многих тибетских паломников, которые сказали, что они идут в Захор, подразумевая махараджество Манди. В жизнеописании Падмы Самбхавы и в других книгах этого времени Захор часто поминается как место, где учитель жил — 750 после р. х. Знаменитый буддийский учитель Ракшита, ушедший в Тибет, родился в Захоре. Опять во время Ралпакана, 800 после р. х., мы находим утверждение, что во время царствования его предшественников множество религиозных книг было перенесено в Тибет из Индии, Захора и Кашмира. Захор был средоточием буддийского просвещения. Указывается, что под тем же царем Захор был завоеван тибетцами. Но во время его преемника апостата, царя Лангдармы, было принесено множество религиозных книг в Захор, чтобы спасти их от уничтожения. Между тибетцами существует предание о нахождении скрытых книг в Манди, и эта традиция, по всей вероятности, относится к упомянутым книгам. Мр. Ховель, британский правитель Кулу, передавал мне, что Такур Колонг в Лахуле был однажды извещен высоким ламой из Непала, где именно скрыты эти книги».

Видите, какие замечательные традиции связаны с Кулу и Манди. Ведь ученый мир до сих пор тщетно мечтает найти древнейшие экземпляры буддийских книг.

Не только буддийские памятники, не только имя Арджуны связано с долиною Кулу, но сам первый законоположенник Ману дал имя месту Манали. Здесь в долине Кулу жил Виаса, слагатель Махабхараты. Здесь Виасакунд — священное место исполнения всех желаний.

На границе Лахула имеются на скале изображения мужчины и женщины до 9 футов роста. О них рассказывают то же самое, как и об изображениях Бамиана в Афганистане, а именно, что рост их соответствует величине роста древних жителей этой местности.

Также насыщены древностью и области Кашмира. Здесь и Марганд, и Авантипур, связанные с расцветом деятельности царя Авантисвамина. Здесь множество развалин храмов шестого, седьмого, восьмого веков, в которых части архитектуры поражают своим сходством с деталями романеска. Из буддийских памятников почти ничто

не сохранилось в Кашмире, хотя здесь жили такие столпы старого буддизма, как Нагарджуна, Асвагоса, Ракхшита и многие другие, впоследствии пострадавшие при замене буддизма индуизмом. Здесь и трон Соломона и на той же вершине храм, основание которого было заложено сыном царя Ашоки. Не говорю о самом Шринагаре. Правда, в примитивных кладках набережных каналов и фундаментах строений можно видеть отдельные камни отличной резьбы, принадлежащие времени расцвета. Но это частичные обломки, не имеющие ничего общего с современным, чисто переходным состоянием города.

В Шринагаре впервые достигла нас любопытная легенда о пребывании Христа. Впоследствии мы убедились, насколько по Индии, Ладаку и Центральной Азии распространена легенда о пребывании в этих местах Христа, во время его долговременного отсутствия, указанного в писаниях. Шринагарские мусульмане рассказывают, что распятый Христос, или, как они говорят, Исса, не умер на кресте, но лишь впал в забытие. Ученики похитили его и скрыли, излечив. Затем Исса был перевезен в Шринагар, где учил и скончался. Гробница Учителя находится в подвале одного частного дома. Указывается существование надписи, что здесь лежит сын Иосифа; у гробницы будто бы происходили исцеления и распространялся запах ароматов. Так иноверцы хотят иметь Христа у себя.

Древний караванный путь от Шринагара до Леха делается в семнадцать переходов, но обычно предлагается задержаться на день или на два. Только случаи крайней поспешности могут заставить сделать этот путь без перерывов. Такие незабываемые места, как Маулбек, Ламаюра, Базгу, Саспул, Спитуг, заставляют остановиться и запомнить их как с художественной, так и с исторической стороны. Маулбек, теперь одряхлевший монастырь, судя по развалинам, когда-то был настоящей крепостью, отважно утвердившись на вершине скалы. Около Маулбека, на самой дороге, вы будете поражены древним гигантским изображением Майтрейи. Вы чувствуете, что не тибетская рука, но, вероятно, рука индуса во время расцвета буддизма трудилась над ним. Фахиэн, китайский путешественник, в своих записках упоминает в этих местах огромное изображение Майтрейи. Думаем, не относится ли его указание именно к этому изваянию. Когда мы уже под-

ходили к Хотану, случайно узнали, что на обратной стороне скалы, носящей изображение, находится древняя китайская надпись. По месту мы могли ожидать и санскритскую, и тибетскую, даже монгольскую надпись, но китайская надпись совершенно неожиданна. Пусть следующий исследователь осмотрит скалу Майтреи с обратной стороны. Двигаясь дальше, вы привыкаете к этим романтическим памятникам и постройкам, взлетевшим, как орлы, на безводные вершины. Но первое впечатление, как всегда, бывает самое поражающее.

Нужно было иметь и чувство красоты, и мужественную самоотверженность, чтобы укрепляться на таких высотах. Во многих подобных безводных жилищах в скалах были пробиты подземные ходы к реке, чтобы мог пройти груженный ослик. Эта сказка подземных ходов, как увидим, сложила многие, самые лучшие предания. Так же как и в Сяккиме, ладакские ламы оказались приветливы, терпимы к прочим верам и внимательны к путешественникам, как и подобает буддистам. Все три учения ламаизма выражены в Ладаке. Гелукпа — желтая вера, преподанная Дзонг-Капой; красношапочники, последователи Падмы Самбхавы, и даже Бонпо, так называемая черная вера, древнейшего добуддийского происхождения. Эти почитатели богов свастики представляют для нас еще не разрешенную загадку. С одной стороны, они являются колдунами-шаманами, извращающими буддизм, но с другой стороны, в их учениях сквозят какие-то полузабытые знаки друидического почитания огня и почитания природы. Литература Бонпо еще не переведена и не истолкована и во всяком случае заслуживает вдумчивого внимания.

С особенным интересом мы подходили к Ламаюре. Этот монастырь считается твердыней Бонпо. Конечно, Бонпо Ламаюры не настоящее. Оно уже значительно слилось с буддизмом. В монастыре имеется и изображение Будды, а также изображение Майтреи, что, как увидим, совершенно несовместимо с основами черной веры. Но сам монастырь и его местоположение совершенно исключительны по своей сказочности. Мы думали, если в Ладаке — в малом Тибете — находятся такие чудесные вещи, то что же должно быть в самом великом Тибете? Такое же величественно романтическое впечатление оставляет Базгу, где существующие храмы переплелись с развалинами. Эти развалины лежат на совести Зоравара

и прочих кашмирских завоевателей, которые на пути своем, завоеывая Ладак, нещадно истребляли буддийские монастыри. Все эти полуразрушенные остовы башен и каких-то длиннейших стен по зубцам скал — все это говорит о бывшем процветании Ладака и о мужественном духе его бывших созидателей. Имя великого героя Азии, Гессар-хана, овеивает эти места.

В Каладсе около старого форта на зыбучем мосту через желтый гремящий Инд вы слушаете повесть о том, как рука кашмирца Сукамира, разбитого ладакцами, в знак назидания была прибита на этом мосту. «Но, — добавляет рассказчик, — кошка съела эту враждебную руку, и для сохранения назидания ее пришлось заменить рукою одного умершего ламы». Таковы неожиданности судьбы. В Саспуле опять прекрасный храм с древнейшими изображениями Майтрейи. Хотя много написано о Ладаке, но чувствуется, что еще множайшее может быть открыто в этих местах и может дать потерянные вехи многих путей.

Так, уже на полпути от Кашмира на скалах начинают попадаться древние изображения. Их считают дардскими изображениями, приписывая основу их старым жителям Дардистана. Присматриваясь к этим типичным рисункам на поверхности скал, вы замечаете их два различных типа. Одни более новые, более сухие по технике. В них можно рассмотреть намеки на буддийские предметы, стилизованные субурганы и так называемые счастливые знаки буддизма. Но рядом с ними иногда на тех же самых скалах вы видите сочную технику, относящую вас к неолиту. На этих древних изображениях вы различаете горных козлов с огромными крутыми рогами, яков, охотников-стрелков из лука, какие-то хороводы и ритуальные обряды. Характер этих рисунков потому заслуживает особого внимания, что те же древние изображения мы видели на скалах около оазиса Санджу в Сензиане, в Сибирь, в Трансгималаях, и можно было узнавать их же, вспоминая Халристингары Скандинавии. Не будем делать выводов, но будем изучать и складывать.

В Ниму, маленьком месте на высоте около 11 000 футов перед Лехом, с нами произошло одно явление, на котором нельзя не остановиться, и было бы чрезвычайно желательно слышать об аналогиях. Был спокойный ясный день. Мы остановились в палатках. Около десяти часов вечера я уже спал, а Е. И. подошла к своей постели и хотела открыть шерстяное одеяло. Но едва она дотронулась до

него, как вспыхнуло большое розово-лиловое пламя цвета напряженного электричества, образовавшее как бы целый костер около фута высотой. Е. И. с криком «огонь, огонь!» разбудила меня. Вскочив, я увидел следующее. Темный силуэт Е. И., а за нею движущееся, определенно осветившее палатку пламя. Е. И. пыталась руками гасить этот огонь, но он костром вырывался из-под рук, рассыпаясь на части. Эффект от прикосновения был лишь теплота, но ни малейшего ожога, ни звука, ни запаха. Постепенно пламя уменьшалось и исчезло, не оставив на одеяле никаких следов. Нам случилось видеть различные электрические явления, но должен сказать, что явление подобной силы нам никогда не приходилось наблюдать. В Дарджилинге шаровидная молния была в двух футах от моей головы. В Гульмарге в Кашмире в течение трехдневной беспрестанной грозы с градом в голубинное яйцо мы наблюдали всевозможные виды молнии. В Трансгималаях неоднократно мы испытывали на себе различные электрические явления. Помню, как в Чунаргене на высоте около 15 000 футов, ночью проснувшись в палатке, я дотронулся до одеяла и был поражен синим светом, блеснувшим и как бы окружившим мою руку. Предполагая, что это явление могло произойти только в соприкосновении с шерстью одеяла, я тронул мою подушку. Эффект получился тот же. Затем я начал прикасаться к различного рода поверхностям — к дереву, бумаге, брезенту — и всюду получался тот же синий свет, неощутимый, без треска и без запаха.

Вся область Гималаев представляет исключительное поле для научных исследований. Нигде в мире не могут быть собраны воедино такие разнообразные условия. Высочайшие вершины до 30 000 футов, озера на 15 000 — 16 000 футах; глубокие долины с гейзерами и прочими минеральными горячими и холодными источниками; самая неожиданная растительность — все это служит залогом новых научных находений чрезвычайной важности. Если иметь возможность сопоставить научно условия Гималаев с нагорьями других частей света, то какие поучительные аналогии и антитезы могут возникнуть! Гималаи — это место для искреннего ученого. Когда мы вспоминали книгу профессора Милликана «Космический луч», мы думали, вот бы этому замечательному ученому произвести исследования у Гималайских высот. Пусть это будут не мечты, но пусть эти пожелания во имя науки обратятся в действительность.

Сам Лех — резиденция бывшего ладакского махараджи, теперь завоеванный Кашмиром, является типично тибетским городом с множеством глинобитных стен, с храмами и целыми рядами ступ субурганов, которые придают месту торжественную молчаливость. На высокой скале завершает город восьмэтажный дворец махараджи. По приглашению махараджи мы остановились там, занимая верхний этаж этой колеблющейся под порывами ветра твердыни. При нас рухнула одна дверь и часть стены, по виду с верхней плоской крыши заставляли забыть о непрочности древнего строения. Под дворцом расстился весь город. Базар, наполненный шумливыми караванами, фруктовые сады. За городом тянулись поля ячменя. Гирлянды звонких песен кончали дневную работу. Живописно ходили ладакские женщины в высоких меховых шапках с поднятыми ушами и длинной повязкой по спине, украшенной множеством бирюзы и металла. На плечи обычно накинута, как древнее византийское корзно, шкура яка, скрепленная пряжкой на правом плече. Более богатые носят это корзно из цветной ткани, еще более в этом наряде напоминая некоторые византийские иконы. И фибулы пряжки на правом плече мы могли бы найти в северных и даже скандинавских погребениях.

Недалеко от Леха на каменистом бугре пахотятся древние могилы, называемые доисторическими и напоминающие друидические древности. Также недалеко место стоянки монголов, пробовавших завоевывать Ладак. В этой же долине находятся несторианские кресты, еще раз напоминающие, как широко по Азии было распространено несторианство и манихейство.

В Лехе мы опять встретились с легендой о пребывании Христа. Индус почтмейстер Леха и некоторые ладакцы буддисты говорили нам, что в Лехе находится недалеко от базара пруд — и теперь существующий, — около которого росло старое дерево, под которым Христос говорил проповеди перед своим уходом в Палестину. С другой стороны, мы слышали легенду, рассказывающую о том, как Христос в юных годах прибыл с купеческим караваном в Индию и продолжал изучать мудрость в Гималаях. К этой легенде, так широко обошедшей Ладак, Сензия и Монголию, мы слышали несколько вариантов, но все они утверждали, что в течение лет отсутствия Христос находился в Индии и в Азии. Безразлично, откуда и как пришла эта легенда. Может быть, она несторианского про-

исхождения. Ценно видеть, что она произносится с полным доброжелательством.

Вообще вся атмосфера Ладака для нас осталась под необычайно благожелательным знаком. Без особых трудностей был собран караван для перехода через Каракорум на Хотан. Предлагались две дороги, одна через семь перевалов и другая по реке Шайоку с меньшим числом перевалов, но зато с долгим путем по воде. Люди каравана предпочитали горные перевалы, нежели в сентябре простудиться в довольно глубоком Шайоке. 19 сентября 1925 года мы вышли из Леха; и было время, ибо муссон Кашмира, обращаясь в снеговые тучи, уже подгонял нас на север.

Не успели мы выйти за город, как навстречу нам вышли местные женщины с освященным ячьим молоком и помазали им лбы людей и животных, желая удачного пути. И они были правы, ибо путь через перевалы может быть очень суров. Впоследствии в Хотане мы видели людей, привезенных с перевалов с почерневшими от мороженными ногами, и слышали рассказ, как за год до нас около Кардонга был найден замерзшим целый караван около ста лошадей. Люди были найдены стоящими в жизненных позах, некоторые, приложив руки ко рту, видимо, кричали последний призыв. И действительно, на высотах в морозное утро необычайно быстро наступает охлаждение конечностей. Заботливые ладакцы то и дело подбегали с предложением растереть ноги или руки.

Из семи перевалов этого пути — Кардонг, Караулдаван, Сассер, Деспанг, Каракорум, Сугет и Санджу — самый опасный оказался Сассер, а именно подъем по гладкой сферической поверхности ледника, где лошадь Юрия почти соскользнула.

Также неприятен последний перевал Санджу, где на скалистом кряже як должен был перескочить довольно широкую расселину. Не трогайте поводья, дайте опытному горному яку сделать свое дело. Перевал Сугет готовил нам неожиданное затруднение. Подъем на него с южной стороны очень легок. Но грянула сильная метель, и, подойдя к крутому спуску, мы убедились, что тропинка, идущая зигзагами вниз, совершенно занесена. У обрыва столпилось четыре каравана, около 400 коней и мулов. Сперва пустили партию опытных старых мулов без проводников, и осторожные животные, пробиваясь в глубоком снегу, нащупали узкую тропинку. За ними,

оступаясь и скользя, сошли остальные караваны. Из всех семи перевалов самый легкий оказался самый высокий Каракорум, что значит «черный трон», названный по темной скале, венчающей перевал.

Рассказать красоту этого многодневного снежного царства невозможно. Такое разнообразие, такая выразительность очертаний, такие фантастические города, такие многоцветные ручьи и потоки и такие памятные пурпуровые и лунные скалы.

При этом поражающее звонкое молчание пустыни. И люди перестают ссориться между собою, и стираются все различия, и все без исключения впитывают красоту горного безлюдья. По пути встречаются трогательные караванные традиции. Много раз мы видели оставленные тюки товаров, неизвестно кому принадлежащие, никем не охраняемые. Может быть, пали животные или обессилели, и товары оставлены до следующего случая. Но никто не тронет эту чужую собственность. Никто не дерзнет нарушить вековую традицию караванов. Мы улыбались, а что если бы в городе на улице оставить тюки не охраненной собственности? Все-таки в пустыне вы в большей безопасности.

<...> Даже животных мы видели мало. Встречных караванов тоже немного. Среди них нам попалось несколько верениц мусульманских паломников в Мекку, идущих с товарами заработать себе зеленую чалму и почетное прозвище хаджи. Дружественно встречаются караваны на ночевках. Помогают друг другу мелкими услугами, и над красным огнем костров поднимаются все десять пальцев в оживленных рассказах о каких-то необыкновенных событиях. Сходятся самые неожиданные и разнообразные люди, ладакцы, кашмирцы, афганистанцы, тибетцы, асторцы, балтистанцы, дардистанцы, монголы, сарты, китайцы, и у каждого есть свой рассказ, выношенный в молчании пустыни.

<...>

От Курула мы могли идти или обходным путем через Кокеяр, или через последний перевал Санджу на Санджу-оазис и Хотан. Выбираем более трудный, но краткий путь. Перед самым перевалом Санджу находим еще не описанные буддийские пещеры, или, как их называют местные жители, «киргизские жилища». Подходы к пещерам осыпались, и мы с завистью смотрим на высокие темные

отверстия, отрезанные от земли. Там могут быть и фрески, и другие памятники.

Около Санджу-оазиса горы понизились, переходя в песчаную пустыню. Кто видел Египет, тот поймет характер этой местности с ее розовыми отсветами. На последней скале мы увидели неолитический рисунок тех же горных козлов и отважных лучников, которые видели и в Ладаке. А впереди розовая мгла Такламакана и приветливый дастархан от местных старшин сартов. На другой день, уже за Санджу-оазисом, в полной пустыне мы увидели приближающегося навстречу одинокого всадника. Он остановился, зорко взгляделся и соскочил с коня, расстелив что-то на земле. Подъехав, увидели белую кошму и на ней дыню и два граната. Настоящая скатерть-самобранка, приветствие от незнакомого друга.

Двигаясь по барханам сыпучих песков иногда без всяких признаков пути, трудно представить себе, что мы идем по великой китайской императорской дороге, так называемой шелковой дороге, главной артерии старого Китая на запад. Кончились живописные мазары, места погребения горных киргизов, начались сартские мечети, пезамысловатые, так же как и сартские глинобитные домики, скучившиеся на маленьких оазисах среди угрозы песков.

Среди открытых песков три голубя подлетели к каравану и продолжали лететь перед нами, точно призывая куда-то. Местный житель улыбнулся и сказал: «Видите, святая птица зовет вас. Вам нужно посетить старый мазар, охраняемый голубями».

Свернули с пути к старому мазару и мечети и были окружены тысячами голубей, охраненных преданием, что убивший голубя этого мазара немедленно погибнет. По традиции купили зерна для голубей и двинулись дальше.

Десятое октября, но солнце еще так жарко, что сквозь сапог раскаленное стремя обжигает ногу.

За переход от Хотана на барханах показался ковыль и участились глинобитные домики. Мы вступаем в Хотанский оазис, в область, которую Фа-Сиен в 400 году нашей эры характеризует так:

«Эта страна богата и счастлива. Народ ее благоденствует. Они все принадлежат к буддизму. Их высшее удовольствие — религиозная музыка. Священнослужители в числе многих десятков тысяч принадлежат к Махаяне. Они все получают пищу от общественного хранилища».

Конечно, современный Хотан совершенно не отвечает характеристике Фа-Сиена. Длинные грязные базары и множество беспорядочных глинобиток мало говорят о богатстве и благоденствии. Конечно, буддизма не существует. Несколько китайских храмов открываются очень редко, и конфуцианские гонги не звали за все наше четырехмесячное невольное присутствие там.

<...> Как известно, старый Хотан паходился в девяти километрах от места теперешнего селения Ядкан. Старые буддийские места заняты мечетями, мазарами и мусульманскими жилищами, так что дальнейшие раскопки этих мест совершенно невозможны.

Сам Хотан находится сейчас в переходном состоянии. Он уже оторвался от старины. Высокое качество и толкость старинной работы ушла, а современная цивилизация еще не дошла. Все сделалось бесформенным, хрупким, каким-то эфемерным. Поделки из нефрита огрубели. Буддийские древности, еще недавно обильно доставляемые в Хотан из окрестностей, почти иссякли. Но, к нашему изумлению, появилось много подделок, сделанных иногда довольно точно и не без знания дела. Древности из Хотана должны быть очень точно исследуемы. Также мы видели в Хотане очень хорошо сделанные имитации ковров, по изданиям Британского музея. Если эти ковры будут называться имитацией, то это очень хорошо, но если они, после общеизвестных манипуляций, перейдут к антикварам, тогда это не хорошо. В основе своей Хотан все же остается богатым оазисом. Почвенный лес очень плодороден, и урожаи посевов и фруктов прекрасны.

Дайте этому месту хотя бы примитивные условия культуры, и процветание восстановится необычайно быстро. Народ очень понятлив, но в этом большом оазисе, насчитывающем более 200 000 жителей, нет ни госпиталя, ни доктора, ни зубного врача. Мы видели людей, погибавших от самых ужасных заболеваний без всякой помощи. Ближайшая помощь, но и то любительская, в шведской миссии в Яркенде, находится за неделю пути от Хотана.

Нужно сказать, что современные китайские правители этой области совершенно не заботятся о привлечении туда полезных культурных элементов.

Еще приближаясь к Хотану, мы слышали рассказы о том, как в прошлом году хотанский дао-тай Ма, действуя по приказу сензиянского генерал-губернатора Янь-Дуту, распял, а затем умертвил старого кашгарского титая.

Нам говорили по пути: «Лучше не ездите в Хотан, там дао-тай худой человек». Эти предупреждения оказались пророческими.

После первой официальной любезной встречи дао-тай и амбань Хотана заявили нам, что они не признают нашего выдачного по приказу пекинского правительства паспорта, не могут нам разрешить двинуться из Хотана, арестовывают оружие, запрещают научные работы, а также писание картин. Оказалось, что дао-тай и амбань не различают план от картин. Не буду останавливаться на этих неприятных перепитиях, доказавших все сумасбродство дао-тая. Скажу лишь, что вместо краткой стоянки нам пришлось пробыть в Хотане четыре месяца, и лишь благодаря содействию британского консула в Кашгаре, майора Гиллана, мы в самом конце января могли двинуться по пути Яркенд — Кашгар — Кучары — Карашар — Урумчи. Путь этот взял 74 дня.

Первая часть пути была еще по снежной пустыне, но к Яркенду в начале февраля последние снежные пятна исчезли, снова поднялись удушающие клубы песчаной пыли, но зато радовали первые листы плодовых деревьев. Амбань Яркенда оказался несравненно более просвещенным человеком, нежели хотанские власти. Он выражал глубокое негодование по поводу нелепых действий Хотана и указывал, что паспорт наш обычный, по которому он должен оказывать нам всяческое содействие. В Яркенде, в Янгихиссаре и в Кашгаре мы встречали дружескую помощь шведских миссионеров, которые снабдили нас многими сведениями о необыкновенном плодородии края и о богатстве минеральных залежей, совершенно неразработанных.

Кашгар со своими тройными стенами и песчаными утесами высокого берега производит впечатление настоящего азиатского города. И китайский дао-тай и британский консул встретили нас радушно. И опять все не признанное в Хотане оказалось совершенно подлинным. Даже оружие наше было полувозвращено нам, то есть предложено в закрытом ящике отвезти его в Урумчи генерал-губернатору. Впрочем, за все время пути до Урумчей нам ни разу не пришлось пожалеть о том, что оружие наше заперто. В Кашгаре поучительно было осмотреть за рекою, видимо, древнейшую часть города, где сохранилась значительная часть буддийской ступы, размерами похожей на большую ступу Сарната. Под Кашгаром находится

несколько древнебуддийских пещер, уже исследованных и сопровождаемых поэтическими сказаниями. В десяти километрах от Кашгара находится Мириам Мазар, так называемая гробница Марии, матери Христа. Легенда говорит, что после преследования Иисуса в Иерусалиме Мария бежала в Кашгар, где место ее упокоения отмечено доныне почитаемым мазаром.

От Кашгара до Аксу путь чрезвычайно томителен, как своею всепроникающей пылью, так и глубокими засасывающими песками и безжизненными лесами корявых карагачей, наполовину сожженных, ибо путники вместо костров часто поджигают дерево. В Аксу мы встретили первого китайского амбана, говорившего по-английски. Молодой человек мечтал поскорее вырваться из этих песчаных мест. Он же показал нам английскую шанхайскую газету, полученную им от почтмейстера в Урумчае, итальянца Кавальери. Я удивился, почему амбань не выписывает сам газеты, но впоследствии узнал, что всеяльный Янь-Дуту запретил своим подчиненным читать газеты. Дальше мы увидим оригинальные способы правления этого владыки всего Сензияна.

Окрестности Кучары уже изобилуют старыми буддийскими пещерными храмами, которые дали столько прекрасных памятников среднеазиатского искусства. Это искусство справедливо заняло такое высокое место среди памятников бывших культур. Несмотря на все внимание к этому искусству, мне кажется, что оно все-таки еще не вполне оценено, именно со стороны композиционно-художественной.

Место бывшего пещерного монастыря подле самых Кучар производит незабываемое впечатление. В ущелье как бы по амфитеатру расположены ряды разнообразных пещер, украшенных стенописью и носящих следы многих статуй, уже или уничтоженных или увезенных. Можно представить себе торжественность этого места во время расцвета царства Тохаров. Стенопись частично еще сохранилась. Невольно иногда сетуете на европейских исследователей, увезших в музеи целые части архитектурных ансамблей. Думается, что не будет нареканий перевозить отдельные предметы, уже потерявшие свою прикрепленность к определенному памятнику. Но не будет ли несправедливо с местной точки зрения насильственно рас-

эленять еще существующую композицию? Разве не было бы жаль разбить по частям Туанханг — самый сохранный из памятников Центральной Азии? Ведь мы не разрезаем по частям итальянские фрески. Но этому соображению есть и оправдание. Большинство буддийских памятников в мусульманских землях подвергались и посейчас подвергаются иконоборческому изуверству. Для уничтожения изображения разводятся в пещерах костры, и лица, где может достать рука, тщательно выцарапываются ножами. Мы видели следы подобных уничтожений. Труды таких замечательных ученых, как сэр Орел Стейн, Пельо, Леккок, Ольденбург, сохранили много тех памятников, которые по небрежности бывшей китайской администрации подвергались величайшей опасности быть уничтоженными. Старые среднеазиатские художники помимо ценных иконографических подробностей проявили такое высокое декоративное чутье, такое богатство деталей в гармонии со щедрой композицией решения больших плоскостей. Можете себе представить, сколько впечатлений накопляется, когда каждый день происходят те или иные наблюдения и щедрая старина и природа посылает неисчерпаемые художественные материалы.

Кучары — большой город, чисто мусульманский, и ничто не напоминает о бывшем Тохарском царстве, о высокой бывшей письменности и просвещении этого края. Говорится, что последний тохарский царь, теснимый врагами, вылетел из Кучар, унеся с собою все свои сокровища. Глядя на бесконечные извилистые горные кряжи, можно думать, что там есть достаточно места для сокрытия сокровищ. Так или иначе, старое сокровище этих мест ушло, но, глядя на богатые плодовые сады, можно думать, что и новое сокровище может быть при малейшем усилии легко накоплено.

От Кучар к Карашару мы уже не расстаемся с буддийскими древностями. По левую сторону пути в дымке появляются отроги великолепного Тянь-Шаня — небесных гор. Кто-то оценил их воздушно-голубые тона и назвал их правильно. В этих горах уже находятся и постоянные и кочевые монастыри калмыков. Карашарские, олётские, хошутские наездники сменяют сартские мусульманские города.

<...>

Временно удаляемся от Тянь-Шаня и ныряем в духоту Токсуна, турфанские области. Скорпионы, тарантулы,

подземные водяные арыки и нестерпимый жар, при котором даже местные люди не могут пройти и двух миль. Помимо замечательных памятников, помимо Матери Мира, эти места послали нам целый ряд сказаний и одну традицию о странствиях. В обычае Турфана было посылать молодежь в странствие под руководством опытных людей, ибо, как говорят турфанцы, «путешествие есть победа над жизнью».

В Карашаре и в Токсуне мы наблюдали прекрасные типы лошадей карашарской породы. Тот, кто помнит старинные китайские терракоты коней эпохи Танг, не должен думать, что эта порода исчезла. Именно карашарские кони живо напоминают ее. Особенно интересны кони с какими-то зеброобразными полосами. Не было ли в этой породе скрещенье с дикими куланами?

Урумчи является столицей Сенцзяна и местопребыванием грозного Янь-Дуту... <...> Меры правления Янь-Дуту не должны быть забыты в курьезах истории. Сам он считается образованным человеком и носит титул магистра. <...> При нас «магистр философии» наказывал местного бога за бездождие. Водяного бога били розгами, но он все же упорствовал и не давал дождя. Тогда ему отрубили руки и ноги и утопили в реке. А на место его возвели в божеское достоинство «местного черта». Разнообразные способы казни, видимо, хорошо известны «магистру философии». Он щедро применяет их к личным врагам и непокорным чиновникам. В «саду пыток» Октава Мирбо упущены два тонких изобретения. А именно: осужденному через глазницы продевают конский волос и начинают с внутренней стороны перепиливать переносицу. Или непокорного чиновника посылают в командировку, а в пути доверенные лица заклеивают его лицо китайской бумагой, покуда он не придет в вечно-покойное состояние. Также рассказываются опытные постановки убийства ненужных сановников. Почему-то это действие всегда происходит после сытного обеда, когда сзади появляется палач и неожиданно отсекает голову. В императорское время иногда предварительно объявлялся вновь дарованный титул.

По улицам Урумчей с громкими барабанами и с бесчисленными яркими знаменами проходят какие-то оборванные толпы, на ваших глазах разбегающиеся по перулкам; это войска Янь-Дуту. Счет войска происходит по шапкам, потому можно видеть арбу, на которой на ко-

льшках одето множество фуражек и шапок. Это все едут невидимые воины, а Янь-Дугу через иностранных представителей хитрыми манипуляциями пересылает в далекие банки огромные суммы серебра. Впрочем, этим богатством правителю не пришлось пользоваться. В двадцать восьмом году он был убит Фанем, комиссаром по иностранным делам. Странно было видеть это средневековье в наше время с ужасами пыток и глубокого суеверия. Новый Китай должен посылать на свои окраины особенно просвещенных людей.

И еще одно обстоятельство поразило нас во всем Сенцзяне. Это открытая купля-продажа людей: детей и взрослых. Еще в Хотане нам серьезно предлагали вместо найма прислуги купить несколько слуг и девушек, уверяя, что это гораздо удобнее и обходится гораздо дешевле. Хорошая девушка продается за 25 сар, то есть менее 20 долларов. Конюха можно было купить за 30 сар, а дети — те совсем дешевы, от 2 сар до 5. В Токсуне семипалатинская казачка, вышедшая замуж за китайца, показывала нам девочку киргизку, купленную ею за три сары. Это еще хорошо, что бездетная казачка купила ее, что называется, в дочери. А то сплошь и рядом вы можете слышать о настоящих ужасах. Кажется, на это явление в китайских областях не обращено достаточного внимания. Так же точно, как и на губительное курение опиума. Казалось бы, распространители и потребители этого бича человечества должны подлежать самой строгой каре, если сознание их до того умерло, что они не понимают, какое преступление и для себя и для будущих поколений они творят.

<...>

После Урумчей идет полоса, также любопытная не только в художественном отношении, но и в научном и бытовом. Здесь мы касаемся области, в которой уже находятся непосредственные памятники великого переселения народов в виде курганов и многообразных погребений с каменными фигурами. В бытовом отношении отроги Тарбагатайских гор, особенно со времен революции, изобилуют разбойничьими бандами. Киргизы, земли которых тут начинаются, хотя и совершенно похожи внешне на скифов, точно силуэты с кулобской вазы, но для современности мало пригодны. Их обычаи грабежа «барантчества» затрудняют окультурение. Кроме того, в местности Черного Иртыша изобилие золота порождает бродячие ско-

пища золотоискателей, с которыми лучше не сидеть у одного костра.

Опять вы поражаетесь, насколько богат этот край и насколько мало он исследован и совершенно неиспользован.

Не менее глух и заброшен Алтай, так пазываемая теперь Ойротия. Ойроты — вымирающее финно-тюркское племя — находятся на очень низкой ступени развития. Такие изношенные овчинные кафтаны и нечесанные волосы можно еще встретить в некоторых областях Тибета. Староверы, издавна поселившиеся в этом малодостигаемом краю, конечно, являются единственными крепкими хозяевами. Приятно было видеть, что староверы значительно отступили от многих религиозных предрассудков и мыслят о правильном хозяйстве, об американских машинах и приветливы к иностранцам, чего раньше не было.

Конечно, старый уклад жизни с ее живописными резными домиками, с парчовыми сарафанами и древними иконами, уже отошел. Мы пожелали, чтобы при новых формах жизни старина не заменялась рыночным безвкусием. Ведь в Сибири, где такие минеральные сокровища и прочие естественные богатства, народ имеет наследие высокохудожественных сибирских древностей, наследие Ермака и отважных искателей. Когда мы проезжали место по Иртышу, где утонул герой Сибири Ермак, алтаец говорил нам: «Никогда бы наш Ермак не утонул, но тяжелый доспех потянул его на дно».

На Алтае, соприкасаясь со староверами, было поразительно слышать о многочисленных религиозных сектах, и посейчас на Алтае существующих.

Поповцы, беспоповцы, стригуны, прыгуны, поморцы, истовцы, которые вообще ничего не признают, — сколько непонятных разделений. В Трансбайкалии живут «семейские», т. е. староверы, сосланные в Сибирь со своими целыми семьями, а также темноверцы и калашники. Каждый темноверец имеет свою закрытую в ковчеге икону, которую считает истинной. Если кто-нибудь другой помолится на ту же икону, она делается недостойной. Еще более странны калашники, они молятся через отверстие в калаче. Мы много слышали о темных верах, но о такой еще не слыхали. И это в 1926-м году. Здесь же находятся и хлысты, пашковцы, и штундисты, и молокоане — нескон-

чаемое разнообразие верований, исключаящих друг друга.

Но и в этих заброшенных углах уже шевелится новая мысль и длиннородый старовер с увлечением говорит о хозяйственных машинах и сравнивает качество производства разных стран. Если условия верований еще не стерлись, то во всяком случае предрассудок против всяких нововведений значительно испарился, а крепкая хозяйственность не умалилась и дала свежие ростки. Эта строительная хозяйственность, нетронутые недра, радиоактивность, травы выше всадника, лес, скотоводство, гремящие реки, зовущие к электрификации,—все это придает Алтаю незабываемое значение!

В пределах Алтая можно также слышать очень значительные легенды, связанные с какими-то неясными воспоминаниями о давно прошедших здесь племенах. Среди этих непонятных племен упоминается одно под именем курумчинские кузнецы. Само название показывает, что это племя было искусно в обработке металлов, но откуда и куда направилось оно? Не имеет ли в виду народная память авторов металлических поделок, которыми известны древности Минусинска и Урала? Когда вы слышите об этих кузнецах, вы невольно вспоминаете о сказочных Нибелунгах, занесенных далеко на запад.

Среди всей этой смеси племен крайне поучительно наблюдать, как иногда на наших глазах формулируются видоизменения языков. В Монголии нам рассказывали необыкновенно курьезные сочетания слов, составившиеся из нескольких языков за самое последнее время. Китайский, монгольский, бурятский, русский и некоторые парфразы технических иностранных слов уже дают какой-то новый конгломерат. Трудная задача возникает для филологов при этом образовании новых выражений, а может быть, и целых новых родовых наречий.

Алтай в вопросе переселения народов является одним из очень важных пунктов. Погребение, уставленное большими камнями, так называемые чудские могилы, надписи на скалах, все это ведет нас к той важной эпохе, когда с далекого юго-востока, теснимые где ледниками, где песками, народы собирались в лавину, чтобы наполнить и переродить Европу. И в доисторическом, и в историческом отношении Алтай представляет нескрытую сокровищницу. Владычица Алтая, белоснежная гора Белуха, питающая все реки и поля, готова дать свои сокровища,

Если важно было ознакомиться с ойротами и староверами, то еще значительнее было увидеть монголов, на которых сейчас справедливо обращен глаз мира.

Ведь это та самая Монголия, при имени которой жители древних туркестанских городов, покидая дома в страхе, оставляли записки: «Спаси нас бог от монголов!»

А рыболовы в далекой Дании боялись выходить в море, настолько мир был наполнен именем страшных завоевателей.

Если прислушаетесь к рассказам о монголах, вас поразит какое-то несоединимое противоречие. С одной стороны, вам рассказывают, что монгольские военачальники до сих пор, беря врага в плен, вырезают у него сердце и съедают его. Причем один военачальник утверждал, что когда у китайца вырезают сердце, он только скрипит зубами, а русский очень кричит. Рассказывают о шаманских заклинаниях, о том, как в юрте шамана в темноте слышится ржание целых табунов коней, словно пролетают стаи орлов и шипят бесчисленные змеи. По желанию шамана в юрте идет снег. Эти проявления воли действительно существуют. Между прочим, «шаман» не является ли испорченной формой санскритского «шраман»? Так же точно как «Бухара» не что иное, как измененное буддийское «Вихара».

В Урге рассказывают следующий эпизод, рисующий волевое воздействие некоторых лам. Некий человек получил указание от уважаемого ламы, что через два года он непременно должен покинуть Ургу. Два года прошло в полном благоденстве, и, как часто бывает, удачливый человек забыл об исполнении указания. Но наступили события революции, и время безопасно выехать из Урги было упущено. В нужде, испуганный, побежал опять к ламе. Тот, пожурился, сказал, что еще раз спасет его, и велел завтра же утром со всей семьей и скарбом выехать в определенном направлении. При этом лама указал, что когда беглецы встретятся с солдатами, то чтобы не пытались бежать, а остановились на месте недвижимо. Сделалось, как указано. Беглецы выехали в повозке и после недолгого пути встретили солдат. Остановились в молчании, как указано. Когда же солдаты проходили мимо, не тронув их, то беглецы слышали, как один солдат говорил другому: «Видишь, никак люди там?»

А другой ответил:

«Ослеп ты, что ли? Разве не видишь, это камни!»

В то же время, когда вы посещаете монгольскую печать в Урге, когда говорите с министром народного просвещения Батуханом и известным бурято-монгольским ученым, почетным секретарем ученого комитета Джамсарано, когда вы знакомитесь с ламами, переводящими на монгольский язык алгебру и геометрию, вы видите, что казавшееся противоречие сливается в потенциал народа, который справедливо оборачивается в свое славное прошлое.

Для случайного прохожего Монголия явит внешний лик, поражающий богатством красок, костюмов, в которых сказывается многовековая традиция с широко обставленной обрядностью. Подойдя ближе, вы узнаете их вдумчивую ученую работу и внимательное исследование своей страны, и желание послать молодежь за границу; чтобы воспринять приемы техники и современной науки, монголы едут в Германию. Хотели бы они побывать и в Америке, но стоимость проезда и жизни и, главное, незнание языка препятствуют. Должен сказать, что за все время пребывания в Монголии со стороны собственно монголов мы видели много хорошего. Кроме многого другого, меня приятно поразило серьезное отношение к памятникам монгольской старины, желание сохранить эти памятники у себя и исследовать их строго научно.

Замечательное открытие экспедиции Козлова на монгольской территории дало новую страницу сибирских древностей. Те же животное-образные сюжеты, которые мы знали лишь в металлических изделиях, были найдены в тканях и других материалах. Территория Монголии хранит огромное количество курганов, керексуров, оленьих камней и каменных баб. Все это ждет дальнейшего исследования.

В Урге нам предстояло решить вопрос о дальнейшем движении экспедиции. Мы могли идти через Китай. В дополнение к нашему паспорту пекинского правительства Янь-Дуту выдал нам еще один паспорт, длиною ровно в мой рост. Но тут пришло новое обстоятельство. В Урге мы встретили представителя далай-ламского правительства Лобзанг Чолдена, который предложил нам идти через Тибет. Не желая вторгаться самовольно, мы просили его подтвердить предложение согласием от лхасского правительства. Он послал в Лхассу далай-ламе два письма с тибетскими караванами и также запросил тибетского представителя в Пекине снести с Лхассою. Прошло три

месяца, и однажды тибетский представитель, исполняющий обязанности консула, сообщил нам, что им получен через Пекин утвердительный ответ и он может выдать нам установленный паспорт и дать письмо к далай-ламе. Мы знали, что подобные паспорта действительны. При таком обороте дела, конечно, мы предпочли идти через Центральную Гоби и Тибет, нежели подвергаться случайностям нападения хунхузов в Китае.

Из приготовлений к отъезду вспоминается любопытный эпизод. Мой сын Юрий, обучая наших монголов ружейным приемам, вывел их на окраину Урги, и они полезли вверх по скату. Оказывается, в то же время с противоположной стороны монгольский спешенный эскадрон производил тоже учение. И было необыкновенно эффектно, когда неожиданные противники одновременно поднялись на гребень бугра друг против друга. Как увидим, эти ружейные приемы оказались не лишними при столкновении с папаями.

13 апреля 1927 года наша экспедиция, сопровождаемая содействием и благожелательством монгольских властей, вышла в юго-западном направлении на пограничный монгольский пункт, монастырь Юм-Бейсе.

Часть пути от Урги, или, как она теперь называется, Улан-Батор-Хото, до Юм-Бейсе мы сделали на моторах. Тяжело груженные машины выглядели, как боевые танки, а наверху в желтых, синих и красных халатах и остроконечных шапках сидели наши спутники, бурятские и монгольские ламы.

Первоначально предполагалось продолжить пользование моторами и дальше Юм-Бейсе. Люди говорили, что по Гоби можно вполне проехать. Но это было неверно. И до Юм-Бейсе около 600 миль мы сделали на машинах с трудом в двенадцать дней, причем некоторые дни делали не более 10—15 миль из-за всяких поломок и трудных переправ через реки и каменистые кряжи. И в этом случае собственно дороги не было. Кое-где была верблюжья тропа, а то приходилось идти целиком, производя тут же разведку. Два обстоятельства пришлось запомнить. Первое, что существующие карты очень относительны. А второе, что местным проводникам не следует очень доверять. Проводник-старик лама вел нас не в существующий Юм-Бейсе, а в давно разрушенный, 50 миль западнее, Старик перепутал,

В Юм-Бейсе окончательно выяснилось, что далее пользоваться моторами невозможно. Пришлось от местного монастыря взять верблюжий караван, который обязался в 21 день доставить нас в урочище Шибочен, между Ансиджау и Наньшанем. Путь от Юм-Бейсе до Анси был тем интересен, что раньше именно этим путем никто из путешественников не пользовался. Было поучительно выяснить, насколько он пригоден для передвижения в отношении воды, корма для животных и безопасности. Старый лама из Юм-Бейсе только один знал этот путь и ручался нам, что это направление гораздо благополучнее, нежели два обычных — один в обход, на запад, а другой по собственно китайской дороге на восток. Хваля избранный путь, лама утверждал, что единственная опасность этого пути, а именно могущественный разбойник Джелама, два года тому назад убит монголами. И действительно, в Урге мы видели его заспиртованную голову и слышали много рассказов о жизни этого необычного человека.

Монгольские пустыни надолго сохранят легенды о Джеламе, но никто никогда не узнает, что именно руководило его необъяснимыми действиями. Джелама окончил курс русского университета по юридическому факультету, выказав особенные способности. Затем Джелама отправляется в Монголию, проводит несколько лет в Тибете, изучая ламаизм, а также волевые воздействия, к которым он имел природные дарования. Затем Джелама опять в Монголии, получает титул хошунного князя Гуна, но, повздорив с казачьим офицером, оказывается в русской тюрьме, из которой его освобождает революция 1917 года. После каких-то неясных набегов и действий в пределах Монголии Джелама с многочисленными сотрудниками укрепляется в Центральной Гоби и строит свой город, употребляя в качестве рабочей силы пленников из многочисленных разбитых им караванов. В 1923 году монгольский офицер является к Джеламе якобы с дружественным подношением хатыка, но под белым хатыком оказывается браунинг, и владыка пустыни падает под несколькими пулями. Голову Джеламы на копье возили по монгольским базарам. Шайки его постепенно распались. С некоторым волнением подходил наш караван к месту города Джеламы. На каменистом скате издали виднеется белый чортен, священный памятник, выложенный из кусков кварца — это Джелама заставлял работать сотни своих пленников. Ламы советуют нам одеть монгольские кафтаны, чтобы

не привлекать внимания нежелательных встречных. Тампией Джалсен должен быть где-то близко. Темною ночью разбиваем стан. Наутро до восхода слышится какое-то необычайное движение. Нам кричат: «Мы стоим под самым городом».

Выходим и видим ясно за ближайшим песчаным холмом башни и стены. Ни буряты, ни монголы не соглашаются идти исследовать город. Юрий с П. с карабинами на руке идут исследовать. Остальные в боевой готовности с биноклями ожидают. Через некоторое время наши показываются на башне; это значит, что город пуст. В течение дня в несколько приемов вся экспедиция побывала в городе, изумляясь широкой фантазии Джеламы, создавшего в пустыне целый укрепленный город. Не простой разбойник был Джелама. О нем поют много песен. Конечно, шайки Джеламы не вполне рассеялись.

На другой день к нашему каравану подъезжало несколько подозрительных всадников, спрашивавших о количестве нашего оружия. Но, очевидно, полученные данные не воодушевили их, и они скрылись за холмами.

Район Монголии и Центральной Гоби ожидает исследователей и археологов. Конечно, открытия экспедиции Андрусса и последние, судя по газетам, экспедиции Свен Гедина дали прекрасные результаты, но область так обширна, что не одна и не две, а множество экспедиций с трудом покроют ее. По пути мы встретили прекрасные образцы оленьих камней, высоких менгириобразных гранитных и песчанниковых глыб, иногда орнаментированных. Также мы встретили ряд нераскопанных курганов большой величины и очень заботливого устройства. Курганы были по основанию окружены систематичным рядом камней; на вершине также были камни. Около кургана, образуя как бы второй ряд, виднелись небольшие каменные возвышения. Особенно интересны были каменные бабы, совершенно того же характера, как каменные бабы южно-русских степей. В одном случае от каменной бабы в восточном направлении шла длинная аллея продолговатых камней на расстоянии около километра. Мы заметили, что изваяние до сих пор мажется жиром, и услышали легенду, что это могущественный разбойник, после смерти обратившийся в покровителя области. Наш тибетец Канчок, данный нам тибетским представителем в Урге для сопровождения, обратился к покровителю области с длин-

ным молением, требуя для нас счастливого пути. В заключение он бросил горсть зерен изваянию.

Проведите линию от южнорусских степей и от Северного Кавказа через степные области на Семипалатинск, Алтай, Монголию и оттуда поверните ее к югу, чтобы не ошибиться в главной артерии движения народов.

Двадцать один день пути от Юм-Бейсе до Шибочена прошли в полном одиночестве. Кроме двух-трех заброшенных юрт, кроме разрушенного Темпе Джалсена и полдюжины подозрительных всадников, мы встретили лишь один китайский караван, пересекавший наш путь от Кокхото на Хами. Встреча с этим караваном чуть было не окончилась трагически, ибо хозяин-китаец, увидав в темноте наши огни, принял нас за становище Джеламы, перепугался и не нашел ничего лучшего, как выстрелить из своей единственной винтовки по нашему лагерю.

Но одно обстоятельство стало несомненным, что этот прямой путь от Юм-Бейсе до Ансиджау вполне обеспечен водою, кустарником, кормом для верблюдов и безопасен в настоящее время, хотя рассказы о еще недавних ограблениях караванов многочисленны. Гоби порадовала нас целым рядом интересных художественных мотивов. <...> Нет беспощадной подавленности Такламакана — разноцветная гальковая поверхность дает твердость и звонкость тонов. Все источники и колодцы оказались в исправности, кроме одного случая, где колодец оказался забитым разложившеюся тушею хайныка (помесь яка). По всему пути, начиная от Ладака, вопрос воды оставался очень существенным. Самые, казалось бы, хрустальные ручьи были переграждаемы павшими животными, в прудах городов Сенцзяна были свалены такие предметы, что иногда даже жажда не могла заставить пить навар этих отбросов.

Кроме Монголии, всюду нас поражало количество и чудовищные размеры зобов, происходящих от воды. Мы не могли установить, насколько кипячение воды уничтожает ее вредность, но так или иначе этот повальный зоб должен сильно подрывать работоспособность населения.

Мелькнули глиняные стены Ансиджау, пробежала узкая полоса фруктовых садов, стеснившихся около большой китайской дороги, идущей от Ансиджау на Суджау, и мы вступили в отроги Наньшаня. Появились юрты монголов, уже относящихся к Кукунорской области. Появились стада, появился смысленый старшина Мачен, который под всякими предлогами выудил у нас немало денег. Особенно

он обманул нас на курсе китайских долларов к тибетскому нарсангу. Нам нужно было закупить животных для нового каравана, так как ламы из Юм-Бейсе от Шибочена шли обратно. Кроме животных, нам нужно было запастись и провизантом. Мачен уверил нас, что он может продавать лишь на тибетские нарсанги, которые будто бы стоят гораздо выше китайских долларов. Впоследствии же оказалось, что дело обстоит как раз наоборот и курс нарсанга гораздо ниже. Не буду задерживаться, рассказывая, как пятеро наших бурят, придя в ничем не вызванное безумие, отправились с доносом на нас проезжавшему вблизи доверенному сининского амбана; они уверяли его, что мы проходим китайскую территорию, не имея китайского паспорта и что мы с какими-то особыми целями не зашли в Ансиджау. Кончилась вся эта клевета тем, что седой дунганин в красной чалме с пятнадцатью солдатами приехал в наш стан и после долгих разговоров пожелал осмотреть наши китайские паспорта; мы его удовлетворили, объяснив, что Ансиджау просто не лежал на нашем пути. Старик сделался очень дружелюбен и предложил нам, что он может бить этих бурят-доносчиков. Клеветники были тут же изгнаны, а места их без затруднения были восполнены местными монголами.

Про монголов Кукунорской области из наших стоянок при Шибочене, а затем в Шарагольчах, у подножья хребта Гумбольта, я могу сказать только хорошее. Подходя к Шибочену, мы встретили первого кукунорского монгола Ринчино, который, вознося обе руки кверху, незабываемо задушевным жестом приветствовал нас. Под этим же добрым знаком мы и жили с монголами и расстались с ними. Никаких затруднений, никаких ссор они не вносили в караван. Правда, после столкновения с панагами старик Санге-лама с перепугу хотел оставить нас, но он был так испуган и так дружелюбно лепетал что-то, что немедленно дал уговорить себя.

Упомянув о монголах, необходимо указать на знаки бывшего физического единения Америки с Азией. В 1921 году, когда я знакомился с индейскими пуэбло Новой Мексики и Аризоны, у меня неоднократно вырывались восклицания: «Но ведь это же настоящие монголы». По строению лиц, по некоторым подробностям одеяния, наконец, по посадке на коне и по характеру некоторых песен, все относилось мое воображение за берега океана. Теперь же, когда мы изучали монголов внешней и внут-

ренней Монголии, я невольно вспоминал об индейских пуэбло. Что-то несказуемое, основное, помимо всяких внешних теорий, связывает эти народы.

Как-то очень давно или от директора музея Академии наук В. В. Радлова, или от сибирского путешественника Потанина я слышал сказочку, вывезенную откуда-то из глубин Монголии. В поэтической форме рассказывалось, как в соседних урочищах жили два брата, горячо любившие друг друга. Но повернулся огненный подземный змей, и раскололась земля, и разлучились два брата. И тянется душа их друг к другу, и призывают они птиц отнести их вести к любимому родичу. И ждут они небесную огненную птицу, которая перенесет их через расселину и соединит разъединенных. В этом поэтическом образе не сказывается ли сущность земного переворота, о котором в символах помнит народная память?

Со мною были многие фотографии индейцев Новой Мексики и Аризоны, и я показывал их в дальних монгольских становищах. И монголы восклицали: «Это ведь монголы!» Так признают друг друга разъединенные братья.

В одиноких юртах кукунорских монгол особенно поражает бедность обиходной утвари. Костюмы их очень эффектны. Их кафтаны напоминают своими живописными складками итальянские фрески Гоццоли. Женщины с многими косичками, с бирюзой и серебром ожерелий, в их красных конических шапочках необыкновенно декоративны. Из дальних становищ съезжались на маленьких лошадках кукунорцы к нашему стану, дивовались на снимки нью-йоркских небоскребов, восклицали: «Страна Шамбалы!» — и радовались каждой булавке, пуговице или жестянке из-под консервов. Каждый маленький обиходный предмет для них настоящий предмет гордости. И сердце этих людей пустыни открыто к будущему.

В Шарогольчах вместе с окрестными монголами мы испытали бедствие от горных ливней. Наш стан находился на берегу маленького и, казалось бы, самого мирного горного ручья. В конце июля в направлении Улан-Давана Гумбольтовой цепи три ночи подряд раздавался какой-то непонятный продолжительный глухой шум. Мы приписывали его ветру. Двадцать восьмого июля в пять часов дня мы готовились к обеду, и вдруг по ущелью хлынула масса воды, превратившая в несколько минут мирный ручей в желтый грохочущий поток и заливая всю окрестность волнами выше одного метра. Сила течения была необык-

повенна. Наша кухня, столовая палатка, палатка бурят были немедленно унесены со всем содержимым. Наши ягтаны поплыли, палатка Юрия была залита по колено, и всевозможные предметы уносились безвозвратно по течению. Также были разрушены и жестоко пострадали юрты местных монголов. Часа через два поток начал уменьшаться, а наутро мы увидели измокшую, совершенно измененную местность. На месте барханов были глубокие вымоины, а вместо низин возвышались из песка и щебня новые бугры. Это происшествие еще раз подтвердило наше наблюдение о наносных слоях Центральной Азии. Исследуя многие профили возвышенности, вы изумляетесь сравнительно недавнему происхождению многих верхних слоев, а также их странному смешанному составу. Но такие характерные пертурбации, как мы сами убедились, легко меняют профили поверхности. При раскопках это обстоятельство может давать неожиданности.

К 19 августа 1927 года сборы нового каравана были закончены, верблюды подкрепились травой и кустарником и начали обрастать новой шерстью.

Мы выступили через Улан-Даван, решив пересечь опасный Цайдам в кратчайшем прямом направлении и тем установить новый маршрут через Ихе-Цайдам и Баха-Цайдам на перевал Нейджи. Установление этого маршрута избавляет от западной дороги на Махай, где безводная часть пути бывает гибельна, а также избавляет от дальнего восточного обхода, обычно предпринимаемого паломниками на Лхассу. Мы были предупреждены о том, что три перехода будут неприятны и опасны, а последние двадцать четыре часа придется идти безостановочно, ибо останавливаться на тонкой поверхности соляных отложений и опасно, и бесцельно для животных ввиду полной бесплодности. Пересекая Цайдам, мы прежде всего убедились, что сплошная зеленая условная окраска на картах совершенно не отвечает действительности.

Такая же неточность всюду обнаруживалась и в названиях местности. Одно и то же место имело и китайское, и монгольское, и тибетское имя, звучавшее совершенно особенно. Конечно, и на карты попадало одно из этих названий в зависимости от национальностей переводчиков бывших экспедиций. Но особенно странно было с европейскими названиями, насильственно приклеенными к древним местам, давно имевшим свои местные имена. Все эти хребты Марко Поло, Гумбольта, Риттера, Александра III,

Пржевальского, конечно, не имели никакого значения для всех местных народностей, ибо для них они были известны и в незапамятные времена.

Еще одно оригинальное условие мешает точности названий. По поверью монголов и тибетцев, нельзя произносить название места в пустыне, иначе боги пустыни будут привлечены этим именем и рассержены.

Когда сгущается дневной жар, проводник каравана начинает тихо свистеть какую-то странную мелодию. Он вызывает ветер. Какой замечательный сюжет для театра: «продавцы ветров». С тем же обычаем можно встретиться, знакомясь с обычаями Древней Греции.

Пришлось отметить и забытые горные кряжи, и песчаные плоскости, и сухие поверхности, усеянные острыми соляными глыбами, зияющими черными отверстиями тонкой воды. Зеленые болотистые поверхности лишь характерны для озер Ихе- и Баха Цайдам. Тучные табуны цайдамского князя пасутся в этих густых травах. Не могу не упомянуть, что цайдамский князь, за которым числились какие-то столкновения с путешественниками, выказал нам полное дружелюбие и даже прислал письмо, предлагая своих верблюдов до Лхассы, но к тому времени наш караван был уже составлен. Большое впечатление оставил на всех нас переход по соляной поверхности Цайдама. Проводники наши, видимо, очень готовились к этим местам, хотя осеннее время по маловодью и по отсутствию мух и комаров благоприятствовало. Странно было идти сперва безводной песчаной пустыней и чувствовать, что на запад от нас начинается самое малоисследованное нагорье Куен-Луня. Постепенно пески сменились затвердевшими соляными отложениями, дарами бывшего озера, и караван вошел как бы в бесконечное кладбище, состоящее из нагроможденных острых соляных плит. Самое опасное место пришлось идти в сумерках, а затем при луне. Монголы кричали: «Только не сворачивайте с тропинки!» Действительно, по бокам среди острых краев плит чернели ямы и сама тропинка была усеяна дырками, понав в которые животное легко могло сломать ногу. Кони шли особенно осторожно. Из верблюдов провалился на самой тропинке лишь один и с большими трудами был вытасчен. Солончаковая пыль овеивала все место каким-то странным туманом, глубоко проникая в легкие. Ночью как бы вспыхивали какие-то красные огоньки. И ламы отказывались идти вперед, обращая наше внимание на ка-

кие-то случайные силуэты, которые оказывались не чем иным, как соляными столбами. Наутро соляные плиты постепенно перешли в белое порошковое отложение и сменились песками. Скоро показались кусты и высокая трава, которую жадно хватали наши изголодавшиеся животные. Вдали перед нами синели горы. Это было Нейджи, географическая граница Тибета, хотя пограничные посты встретились много позже.

Несколько переходов до синевших гор шли по сравнительно плодородной местности Тейджинера, что значит местность, управляемая советом старшин. Казалось бы, и растительность была хороша, и поля обрабатывались, но мы видели брошенные стаповища, а в редких жилых юртах мы замечали смятение. Оказывается, между монголами и голоками, живущими за Нейджи, шла война. Нам говорили, что еще на дороге мы увидим убитых, и жители с тревогой ожидали нападения разбойников Тибета. Были какие-то неясные намеки о чем-то готовящемся против нашего каравана. Мы припомнили необыкновенное происшествие, бывшее с нами в Шарагольчах. Под вечер со стороны гор во весь мах прискакал необычайно богато одетый монгол. Его золототканое одеяние, новая желтая шапка с красными кистями были необыкновенны. Он быстро вошел в первую попавшуюся палатку, оказавшуюся палаткой доктора, и начал спешно говорить нам, что он друг, что на перевале Нейджи нас ждут 50 враждебных всадников. Он советует идти осторожно и высылать передовые дозоры. Так же быстро, как вошел, он вышел и ускакал, не называя своего имени. Это неожиданное дружественное предупреждение вспомнилось теперь нам при рассказах о панагах и голоках.

На следующий день мы видели при дороге трех убитых монголов и одну лошадь. На песчаной поверхности ясно были видны следы каких-то бешеных скачек. Приняв военные меры, мы подвигались сперва по течению реки Нейджи, затем к перевалу Нейджи. В одной заросшей кустарником долине трое из нас видели силуэт всадника и нашли на том месте свежесложенный костер и трубку. Решили не идти на обычный перевал, очень песчаный и затрудняющий движение, а переменить маршрут на несколько миль дальше, пользуясь следующим перевалом того же наименования. Это неожиданное решение было для нас спасительным. На следующее утро мы вышли вадолго до восхода. Е. И., имеющая необычайно острый

слух, уверяла, что она слышит отдаленный лай собак. Но все было тихо, и мы должны были, спускаясь, вступать в ущелье между двумя холмами. Зорко осматриваясь, мы заметили в утреннем тумане, как через ущелье проскакивают силуэты всадников. Мы различили длинное копьё, длинные винтовки с рогатками. Нас ждали при выходе из ущелья. Вместо того чтобы продолжать двигаться, мы отступили на вершину холма и таким образом заняли господствующее положение, чего противник не ожидал. Сзади нас подтягивались наши торгоуты, лучшие стрелки. С вершины холма мы видели группы неприятеля и, заняв выгодное положение, послали монголов предупредить их, что в случае продолжения враждебных действий мы не будем щадить ни их, ни их юрты. Переговоры уладились. Панаги опять твердили о каких-то 50 всадниках, за которыми они послали, а через несколько часов мы видели их стада, возвращавшиеся с гор к юртам; значит, были приняты заблаговременные меры. На другой день в боевом порядке, сопровождаемые подозрительными всадниками, мы перешли перевал Нейджи. Здесь разразилась необычайная для сентября гроза и повалил сильный снег. Монголы сказали нам: «Горный бог Ло гневается за то, что панаги хотели тронуть великих людей, по снегу они более не нападут на нас, ибо останутся следы».

Перед нами стоял хребет Марко Поло, грозный Ангар-Дакчин, за ним живописное Кокушили и мощное Думбуре. Можно писать целую книгу об одних этих местах, о многочисленных стадах диких яков, о доверчивых медведях с белыми ошейниками, о волках, преследующих серп и антилоп. Можно наблюдать минеральные источники, горячие гейзеры и удивляться неожиданностям этой особенной природы. От Цайдама, где мы находились на высоте от 8 до 9000 футов, мы поднялись на Тибетское северное нагорье от 14 до 15 000 футов.

Остановимся на характерных эпизодах сношений с тибетцами.

Двадцатого сентября караван наш с волнением заметил первую палатку тибетского поста. Пришли к нам какие-то лохматые люди, в грязных овчинных кафтанах и потребовали наш паспорт. При достаточном числе свидетелей мы вручили им наш тибетский паспорт, после чего нам разрешено было идти дальше. Паспорт был послан по начальству.

Шестого октября тибетцы предложили нам остановиться в местечке Шенди и ожидать дальнейшего разрешения от тибетского генерала Капшипа-Хорчичаба, то есть главного начальника Хоров и командующего северным тибетским фронтом. Через два дня мы были передвинуты к ставке этого генерала на реке Чунаргене. Это место останется памятным для нас.

Унылое кочковатое нагорье арктического характера, окаймленное пологими линиями осыпающихся гор. Первый прием генерала заключал в себе верх любезности и дружелюбия. Он сказал нам, что ввиду паспорта и письма он пропустит нас следовать дальше на Лхассу через Нагчу. Нагчу—это северная крепость Тибета, стоящая в трех днях от Чунаргена. Генерал попросил нас постоять всего три дня и перенести наш лагерь к его ставке, так как он хочет лично осмотреть наши вещи, ибо, как он сказал: «Руки малых людей не должны касаться вещей великих людей». При этом генерал добавил, что до разрешения он останется с нами и в честь меня велит каждый день играть какую-то особо торжественную вечернюю зорю. По-видимому, у генерала было больше музыкантов с барабанами, кларнетами и шотландскими волынками, нежели солдат. При нашем посещении стреляли из пушки, развешивали знамя и ряд странных солдат в грязных куртках с оборванными пуговицами держал винтовки в разных направлениях. Так или иначе свидания с генералом были очень дружелюбны, и, вероятно, в последующем генерал не был виноват.

Через неделю ответ о нашем дальнейшем продвижении все еще будто бы не пришел. Генерал сообщил нам, что по обязанностям службы он должен уехать, но что он оставит при нас майора с пятью солдатами и даст распоряжение местным старшинам Хоров.

Генерал уехал, и вместо трех дней мы остались в этой унылой местности пять месяцев. Положение сделалось гибельным. Началась суровая зима, на пятнадцати тысячах высоты, с вихрями и снегами. Что и где произошло, мы не могли решить, но письма, посылаемые нами далай-ламе и губернатору в Нагчу, возвращались обратно, часто в изорванном виде. Мы неоднократно писали американскому консулу в Калькутту, британскому резиденту полковнику Бейли в Ганток и нашим учреждениям в Нью-Йорк, прося губернатора Нагчу все это отправить по телеграфу из Лхассы на Индию. Нам было отвечено, что те-

леграфа из Лхассы на Индию больше не существует, — явная ложь! Мы просили через майора отпустить нас тронуться обратно или разрешить идти в ставку генерала, но нам было запрещено двигаться как вперед, так и назад, точно кто-то желал нашей гибели. Деньги наши кончались. Конечно, бывшие при нас американские доллары были совершенно бесполезны. Кончались лекарства, кончалась пища. На наших глазах погибал караван. Каждую ночь иззябшие голодные животные приходили к палаткам и точно стучались перед смертью. А наутро мы находили их павшими тут же около палаток, и наши монголы оттаскивали их за лагерь, где стаи диких собак, кондоров и стервятников уже ждали добычу. Из ста двух животных мы потеряли девяносто два. На тибетских нагорьях осталось пять человек из наших спутников: три ламы, один бурятский и два монгола, затем тибетец Чампа и, наконец, жена оставленного с нами майора, умершая от воспаления легких. Даже местные жители не выдерживали суровых условий. А ведь наш караван помещался в летних палатках, неприготовленный для зимовки на Чантанге, который считается наиболее суровою частью Азии.

У Е. И. пульс доходил до 145, и наш доктор прибавлял: «Ведь это пульс птицы». У меня вместо обычных 64 пульс был 130. У Юрия, у Богдановых пульс держался около 120. Доктор пророчил самые мрачные перспективы и писал докторские свидетельства о том, что задержание в таких условиях равняется организованному покушению на убийство. Об этом стоянии можно было бы написать тоже целую книгу, полную грустных бытовых страниц.

Чтобы дать тип губернаторов в Нагчу, из которых один считался очень доверенным лицом далай-ламы и сам был ламой, хотя и имел семью, достаточно вспомнить два эпизода, рассказанные ими нам.

Один эпизод о Ладен-Ла, генерале тибетской армии, человеке несомненно талантливом, которому одно время было поручено реформирование этого разношерстного войска. Лама-губернатор сообщил, что Ладен-Ла отставлен от реформирования армии за введение красных обычаев, ибо он ввел европейскую форму и отдание чести офицерам.

Тот же губернатор излагал русскую революцию в следующем виде: «Жил человек Ненин, который не любил белого царя. Ненин взял пистолет и застрелил царя, а затем влез на высокое дерево и заявил всем, что обычаи будут красными и церкви должны быть закрыты. Но была

женщина, сестра царя, знавшая и красивые и белые обы-
чаи. Она взяла пистолет и застрелила Непина».

Долго рассказывать обо всех наших переговорах с не-
трезвым майором, а затем с губернатором Нагчу. Так
или иначе шестого марта мы двинулись в Индию, послан-
ные также неслегким обходным путем, упося в себе нераз-
решимый вопрос, как могло лхасское правительство не
признавать выданный их чиновником паспорт и можно ли
держат мирную экспедицию, имевшую в составе своем
трех женщин, всю зиму в летних палатках на наиболее
губительных высотах? И к чему тибетцам нужно было
вредить нашему здоровью, уморить весь наш караван и
вследствие резких смен температуры погубить все наши
кинофильмы?

Поистине Чантанг — северное нагорье Тибета —
справедливо заслужил славу самого холодного места Азии.
Свирепые вихри необычайно усиливают действие мороза,
а разряженная атмосфера 15—16 000 футов создает особые,
необычайно тяжелые условия. Можно представить себе
состояние температуры, когда в палатке у доктора в за-
крытой фляжке замерз коньяк. Сколько же требовалось
градусов, чтобы крепкое вино могло замерзнуть? Конечно,
в одиннадцатом часу утра солнце начинает значительно
пригревать, но после заката, ночью, а главное, предрас-
светный час бывает свиреп. Наш доктор имел необыкно-
венную возможность наблюдать с медицинской точки
условия этих исключительных нагорий.

После Нагчу-Дзонга наш путь лежал минуя Тенгри-
Нор на Шендза-Дзонг, откуда через несколько перевалов
на Сага-Дзонг. Затем по берегу Брамапутры к границам
Непала на Тенгри-Дзонг. Шекар-Дзонг и Кампа-Дзонг
были последними пунктами этого двух с половиной месяч-
ного пути перед Гималайским перевалом Сепола. После
Сепола мы спустились через Тангу в Ганток, столицу
Сиккима, и были радушно встречены британским резиден-
том полковником Бейли, его супругою и махараджею
Сиккима. 26 мая 1928 года прибыли в Даржиллинг, по-
местившись опять в нашем Талай-По-Бранге для обработ-
ки художественных и научных материалов.

Теперь оглянемся в кратких характеристиках на со-
временную жизнь Тибета и на искусство его.

Тибет являет самое поразительное стечение противоре-
чий.

С одной стороны, мы видим глубокие знания и заме-

чательное развитие психической энергии. С другой же стороны, полное невежество и бесконечный мрак.

С одной стороны, мы видим преданность к религии, хотя бы и в условной форме, с другой же стороны, мы видим, как утаивались деньги, пожертвованные на монастыри, и произносилась ложная клятва тремя жемчужинами Учения.

С одной стороны, видим уважение к женщине и избавление ее от тяжелых работ, с другой стороны, нелепый для современности институт полиандрии. Странно подумать, что это многожество как-то уживается с заветами буддизма, хотя бы и в ламаистической форме.

С одной стороны, мы встречаем вместо замков бедные глинобитки. С другой стороны, тибетские губернаторы называют их прекрасными снежными дворцами и не стыдятся этих гипербол.

С одной стороны, правительство Лхассы называет себя «правительство, победное во всех направлениях», с другой стороны, эту надпись мы видели только на несчастных медных монетках — шо. Ни золотых, ни серебряных монет ни в дзонгах, ни у народа мы не встречали. Удивительно и то, что полушо и четверть шо, тоже медные, по размерам своим более самого шо. Все население вместо своих тибетских шо предпочитает или серебряные рупии, или серебряные мекдоллары. При продажах даже называют две цены: или высокая цена на тибетское шо, или со значительной уступкой в случае уплаты рупиями или китайским серебром. С китайским серебром тоже не всегда легко. В одних местах требуют императорские монеты, в других республиканские с шестью буквами, в других с семью. Так что требуется целый ассортимент денежных знаков.

Но мы не удивлялись, ибо к странностям денежного обращения мы были уже приучены в Сенцзяне, где в некоторых местностях деревянные знаки, выпускаемые игорными домами, ценятся больше, чем местные бумажные деньги, в которых иногда большую часть ассигнации составляло подклеенное объявление о мыле и других продуктах. Даже из правительственного казначейства выдавали нам бумажные знаки, которые следующим амбаном объявлялись недействительными.

Вся жизнь как бы состоит из противоречий.

После живописных городов и монастырей Ладака мы тщетно ждали увидеть в «великом» Тибете нечто еще

более грандиозное. Мы прошли ряд старинных дзонгов, монастырей и селений. Если еще издали иногда силуэты были хороши, то, приближаясь, мы огорчались бедностью и хрупкостью тибетских сооружений. Правда, на горах и по берегам Брамапутры стоят старые башни времени прежних тибетских царей. В этих сооружениях чувствуется мощь созидательной мысли. Часты эти развалины. Около них видны остатки когда-то возделанных полей. Но ведь это все прошлое. Все это говорит об ушедшей, несуществующей жизни. Сага-Дзонг — бедное селение с хрупкими глиняными стенками. Черные палатки, как пауки, протянулись на длинных черных веревках. Как паутина, нависли над селением вереницы оборванных грязных флажков. Грязь такая же, как в Нагчу-Дзонге. Помню, как в Нагчу, когда мы указывали на непозволительную грязь города, доньер — чиновник, вроде консула-губернатора нам сказал: «Если здесь вам кажется грязно, то что же вы скажете о Лхассе?» Тенгри-Дзонг, считающийся самой большой крепостью к Непальской границе, поражает не только убожеством, но и непригодностью к обороне. Тинко, Шекар и Кампа-Дзонг внушительны лишь в тех частях, где еще сохранилась старина. Но старина ветшает, и ее заменяют хрупкие глинобитные стены. Дзонг-пены, начальники замков, уже не живут на вершинах, а ютятся под горою.

В отношении изучения жизни наше пятимесячное пребывание в области Хоров и долгий путь по северному, западному, центральному и южному Тибету дало огромное количество материала. Первый раз экспедиции не требовался переводчик, ибо сами тибетцы находили, что Юрий знает тибетский язык лучше сэра Чарльза Белла, который считается знатоком языка. Без личного знания языка, конечно, опрометчиво судить о состоянии страны. Один путь от Чунаргена до Сиккимской границы должен представить целую книгу.

Мы шли на утонных яках от местного населения. Перед нами прошла вся картина противоречий между народом и лхасскими чиновниками. Создалось впечатление, что часть лам и народ с одной стороны, а группа лхасских чиновников с другой; про них сами тибетцы говорят, что «сердца их чернее угля и тверже камня».

Мы стоим лагерем недалеко от стана голоков. Оба стана не доверяют друг другу. Всю ночь из стана голоков несутся клич «ки-хохо», — «Хой-хе», — отвечают наши хоры.

Так всю ночь предупреждают друг друга о недреманной бдительности стана.

В Тенгри-Дзонге, который считается второю после Шигатзе крепостью, заведующий транспортом усмотрел на одном из наших яков странный предмет, обернутый в красный шелк. Мы исследовали эту находку — оказалось, что с нашим караваном идет стрела с наверху на нее приказом о мобилизации местных войск для подавления восстания в Поюле, на востоке Тибета. Вместо того, чтобы послать спешный приказ особым гонцом, население прикрепляет его к яку частного каравана, который, может быть, будет идти по десяти миль в день.

Около Сага-Дзонга старшины отказываются признать паспорт далай-ламы, высланный нам из Лхассы. Они заявляют, что ничего общего с лхасским правительством не имеют. Без конца можно припоминать подобные бытовые картины, происходящие у караванных костров, около которых тибетцы едят сырое мясо.

Далай-лама считается воплощением Авалокитешвары и хранителем истинного учения Будды. В то же время по всему Тибету передается пророчество, вышедшее из монастыря Танджиллинг, о том, что нынешний тринадцатый далай-лама будет последним. Относительно всезнания далай-ламы в народе и среди лам ходит целый ряд забавных историй. Например, один высокий лама, имевший доступ к далай-ламе без особого доклада, подойдя к двери, выставил из-за двери свою ногу. Далай-лама спросил:

«Кто там?»

Тогда лама выставил свою руку и вызвал вторичный вопрос:

«Кто там?»

И лама с поклоном вошел, говоря:

«Ваше святейшество напрасно беспокоились спрашивать, ведь по всезнанию вашему вы должны были знать, кто стоит за дверью».

Во время переговоров наших с губернаторами Нагчу при вопросах их мы несколько раз им говорили: «Ведь у вас имеется в Лхассе государственный оракул, отчего вы не спросите его касательно нас».

При этом оба губернатора переглядывались и хохотали.

Совсем другое отношение повсеместно замечается к таши-ламе, имя которого произносится с глубоким почтением.

«Обычаи Панчен Ринпоче совершенно другие» — так говорят тибетцы.

Тибетцы ждут исполнения пророчества о возвращении таши-ламы, когда он восстановит Тибет и драгоценное учение при нем процветет снова.

О бегстве таши-ламы из Тибета в 1923 году во всех местностях говорится с особою значительностью и почтением. Рассказывается об удивительных случаях, сопровождавших этот героический экзодус. Говорится: когда таши-лама бежал около озер северо-западной области, вооруженная погоня из Лхассы одно время почти настигла его. Предстоял длительный обход еще не замерзшего озера, и смутились сопровождавшие таши-ламу. Но духовный вождь Тибета хранил спокойствие и указал, чтобы караван на ночь остался по-прежнему на берегу озера. За ночь ударил сильный мороз, и озеро покрылось льдом, а затем запорошил неожиданный снег. Перед зарею беглецы перешли озеро по льду, чем и сократили путь свой. Между тем взошло солнце, лед ослабел, и погоня, скоро подоспевшая, была задержана на несколько дней.

Некоторое время, следуя по указанному нам пути, мы шли как раз по линии следования таши-ламы, и поучительно было слышать говор народа и общее ожидание возвращения духовного владыки Тибета. Ведь именно таши-ламы связываются с понятием Шамбалы.

Сами тибетцы говорят все это и указывают, что лхасские чиновники не ведут к расцвету ни народ, ни религию.

Посмотрим несколько религиозно-бытовых картинок, чтобы понять, насколько современное состояние религии в Тибете должно быть очищено.

Вот высокие ламы на священных четках ведут коммерческие расчеты. Допустимо ли это?

Или водяные и ветряные мельницы и даже часовые механизмы крутят молитвенные колеса, освобождая богомольцев от затраты энергии. Относится ли это к заветам Будды?

Недалеко от правительственного дзонга стоит новейшее языческое мольбище — высокий камень, обмазанный жиром. Оказывается, само лхасское правительство утвердило мольбище в честь правительственного оракула.

Запрещается убивать животных — это очень хорошо. Но кладовые монастырей набиты тушами баранов и яков. Рассказывают об особенном способе безгрешного убийст-

ва, когда животных загоняют на скалу, и они, падая, убиваются сами.

В углу лавочки сидит хозяин лама и крутит молитвенное колесо. На стене висят изображения Шамбалы и Дзон-Капа. Но тут же стоят корчаги с огромным количеством местного вина, выделенного хозяином для спаивания народа.

Лицо, состоящее при высокой особе, приносит вам на продажу амулет-ладанку с полной гарантией неуязвимости от огнестрельного оружия за цену в триста рупий. Ввиду полной гарантии неуязвимости вы предлагаете счастливому обладателю амулета произвести испытание на нем самом. Но верующий лхассец предлагает ограничиться козлом, продолжая уверять о чудесной силе амулета. Когда же вы на «козла отпущения» не соглашаетесь, то лхассец уходит возмущенный.

Высшим наказанием считается лишение перевоплощения. Для этого у наиболее важных преступников отрезают голову и сушат ее в особом помещении, где хранится целая коллекция подобных останков.

Около священных мендангов и храмов валяются дохлые собаки, и священные надписи покрыты человеческими испражнениями. На дороге и на полях валяются священные надписи, и распалось много ступ, и многие храмы заброшены.

Около Лхассы существует место, где рассекаются трупы и бросаются на съедение хищным птицам, собакам и свиньям. На этих трупных остатках принято кататься в голом виде «для сохранения здоровья». Бурят Цибилов в своей книге о Тибете уверяет, что его святейшество далай-лама выполнил этот ритуал.

Очень замечательны показания тибетцев о так называемом «Ролланг» — воскресении трупов. Всюду говорят о «воскресших трупах, которые вскакивают и, полные необычайной силы, убивают людей».

Тибетцы рассказывают, что отравитель человека высокого положения будто бы получает себе все счастье и преимущество отравленного. Существуют какие-то семьи, в которых право отравительства передается как родовое преимущество, и в семье хранится состав особого яда. Потому расположенные тибетцы советуют быть очень осторожными с чужою пищею. Можно слышать рассказы, как люди были отравляемы чаем или пищею, присланной

им на дом как бы в знак особого уважения. Это напоминает старые повести об отравленных предметах и кольцах.

Кинжалы и кольца с приспособлениями для помещения яда приходилось видеть.

Таких картинок из действительности можно приводить множество. И все они показывают, как многое около вопроса религии должно быть очищено и исправлено. Но мы знаем целый ряд очень достойных лам и будем надеяться, что они смогут просвещенно внести оздоровление Тибета.

«Зачем наши так часто лгут?» — сокрушается тибетец на берегах Брамапутры. И этот порок должен быть исправлен.

Слышно, что таши-лама, находясь сейчас в Монголии, занят утверждением мандалы буддийского учения. От этого нужно ждать благодетельных последствий, ибо Тибет так нуждается в духовном очищении.

Говоря о состоянии религии в Тибете, нужно упомянуть о черной вере противников Будды. Как нам пришлось убедиться, помимо Гелугпа, помимо красношапочной секты Падма-Самбхавы и многих других ответвлений, в Тибете очень развита черная вера Бонпо. Распространена она гораздо шире, нежели можно предполагать. Даже говорят, что Бонпо усиливается; целый ряд монастырей мы видели в различных областях Тибета. Все они имеют очень зажиточный вид. В Шаругене нас приняли в монастыре Бонпо очень дружелюбно и даже допустили в свой храм и показали свои священные книги, предлагая Юрию читать их. Но затем вдруг отношение изменилось; оказывается, Бонпо прослышали о нашем отношении к буддизму и сочли нас за врагов. Бонпо говорят, что буддисты их враги. Будда не признается. Далай-лама считается лишь светским правителем. Обряды совершаются противоположно буддизму. Свастика изображается в обратном направлении. Хождение в храме совершается против солнца. Вместо Будды изобретен свой особый покровитель, биография которого странно совпадает во многих частях с жизнеописанием Будды. Имеются свои священные книги. Жаль, что литература черной веры очень мало изучена и их священные книги не переведены еще. Нельзя отнестись к этим старинным традициям легкомысленно, когда они говорят о своих неведомых богах свастики. Древние солнечные и огненные культы несомненно находились в основе Бонпо, и обращаться с этими старыми полуистраченными знаками надо осторожно.

И в отношении Бонпо, и в отношении археологических древностей Тибет слишком мало изучен. Особенную радость доставило нам открытие в Тибете, в области Трансгималаев, типичных менгиров и кромлехов. Вы можете представить себе, как замечательно увидеть эти длинные ряды камней, эти каменные круги, которые живо переносят вас в Карнак, в Бретань, на берег океана. После долгого пути доисторические друиды вспоминали свою далекую родину. Древнее Бонпо, может быть, как-то связано с этими менгирами. Во всяком случае, это открытие завершило наши искания следов движения народов.

Подробности одежды и вооружения тибетцев тоже дают поводы для значительных сопоставлений. Возьмем старинные мечи тибетцев и припомним, нет ли в них сходства с некоторыми типами мечей из готских могил. Посмотрим фибулы, наплечные пряжки, и сравним их с такими же из аланских и готских погребений южной России и Европы. Вот передо мною фибула с изображением двуглавого орла — ведь та же стилизация была найдена на Кубани. Вот другая тибетская пряжка старинной работы из Дерге. Лев, под ним горы, по сторонам растительное окружение. Возьмите пряжку скифской работы из находок Козлова, совпадающую даже по величине, и вы будете изумлены тем же характером изображения. Кроме менгиров и кромлехов в области Шенза-Дзонга, тоже в Трансгималаях, нам удалось найти древние могилы, напоминавшие алтайские погребения и могилы южных степей. Жаль, что в Тибете невозможна раскопка, ибо говорится, что будто бы Будда запретил трогать недра земли.

В той местности Трансгималаев, называемой Доринг — Длинный Камень, очевидно, от древних менгиров, мы встретили совершенно необычайный для Тибета женский головной убор. Убор представлял собою ярко выраженный славянский кокошник, обычно красного цвета, украшенный бирюзой, серебряными монетами или унизанный бусами. Ни к северу, ни к югу подобный убор уже не был встречен. Очевидно, в этом месте находились остатки какого-то бывшего особого племени. Язык их ничем не отличается от прочих северных испорченных наречий. Вообще с наречиями в Тибете трудно, ибо кроме основного лхасского наречия каждая местность имеет свой говор, иногда настолько отличный, что сами тибетцы лхасского наречия не понимают своих соплеменников,

Еще две аналогии вспомним. Когда я показал тибетцу геральдического единорога, он не удивился, но начал утверждать, что в Тибете была и даже где-то в К'аме до сих пор встречается единорогая антилопа. Другие тибетцы даже брались достать нам этот вид антилопы, если мы будем в Тибете.

Изображение единорога встречается на китайских и тибетских танках. Британский исследователь Брайан Ходсон вывез один экземпляр особой единорогой антилопы. Таким образом, геральдический миф около Гималаев делается действительностью.

Другое обстоятельство, встреченное нами в разных областях Тибета, — это священные бусы дзи или зи. Можно различать два вида этих бус. Один новый — китайские подделки, но другой, старинный, ценится в Тибете очень высоко. Некоторые виды бус до 1500 рупий за каждую. Бусам приписывают чудесную силу. Говорят, что зи при обработке полей выскакивает из земли. Говорят, что это отвердевшая стрела молнии или помет небесной птицы.

Ценность бус различается по знакам на них. Сами бусы представляют вид роговика со знаками, нанесенными на них каким-то особым способом. Интересно, что подобная же буса была найдена при раскопках Таксилы среди древностей не позднее первого века нашей эры. Так что древность зи правильно оценивается тибетцами. Может быть, это были древние талисманы или терафимы.

Также не следует забывать, что католический миссионер Одорико де Парденоне, посетивший Тибет в четырнадцатом веке, сообщает, что Лхасса или местность ее называлась Гота. Вспомним и о легендарном царстве Готл.

Чтобы покончить с аналогиями, вспомним, не делая никаких выводов, что племена северного Тибета хоры странном образом напоминают некоторые европейские типы. Ничего в них нет ни китайского, ни монгольского, ни индусского. Перед вами в искаженном виде проходят лики с портретов старофранцузских, нидерландских, испанских художников.

Жители Лиона, баски, итальянцы кажутся вам в этих орлиных носах, больших прямых глазах, в характерных морщинах, в сжатых губах и черных длинных прядях волос. Эта область еще даст интереснейшее сопоставление.

Теперь оглянемся на искусство Тибета. Старое искусство Тибета справедливо в последнее время начинает цениться и входить в число признанных ценностей. Это

будет совершенно справедливо. Больше того — предскажем, что оценка старого искусства Тибета еще повысится.

Возьмем ли мы живописные изображения, танки и стенопись. Если они будут принадлежать ко времени ранее девятнадцатого века, они доставят нам величайшее наслаждение. Не будем настаивать на том, что существует какой-то особый тибетский стиль. Конечно, в искусстве Тибета мы всегда узнаем сочетание старого Китая, Индии или Непала. Ведь первое изображение Будды Тибет получил в шестом веке из Китая и Непала. Но китайские и индусские первоисточники были так прекрасны, что каждое сочетание их давало высокое художественное целое.

Но в девятнадцатом веке началась механизация искусства. Начался трафарет и дряблое пересказывание хороших образцов. Так что, устанавливая точку зрения на искусство в Тибете, скажем, что в настоящее время, во время переходное, собственно искусства и творчества в Тибете нет. И сами тибетцы отлично понимают, что старинная работа во всех отношениях далеко превосходит современную. Но и в этом заключении нет безвыходного приговора.

На опытный глаз можно заметить, что хотя и в робкой манере, но какие-то новые попытки входят в жизнь. Будем думать, что переходное время Тибета найдет решение в разумном подходе к своим ценностям.

<...> Народ найдет применение своим способностям, ибо по природе своей тибетский народ очень способен. Творчество Тибета выйдет из трафаретных повторений, и опять засияет открывшийся лотос знания и красоты.

Строительство тибетское тоже включает в себе необыкновенные возможности. Возьмите старые тибетские твердыни, начиная от главного и единственного здания Тибета — семнадцатизэтажной Поталы. Разве подобные сооружения не пригодны для новейших усовершенствований и разве не подают они руку нашим небоскрегам?

Сейчас в Лхассе запрещено электричество на улицах города, запрещен кинематограф, запрещены швейные машины, запрещено носить европейскую обувь.

Опять в Тибете запрещено светским людям стричь волосы. Военным высшим чинам за обрезание шиньона угрожает разжалование. Опять приказано людям облечься в длинные халаты, мало удобные для работы, и в тибето-китайскую обувь. «Стэтсмэн» от 17 февраля 1929 года со-

общает к предположению о четвертой экспедиции на Эверест:

«Если было трудно получить разрешение для экспедиции ранее, то сейчас это совершенно невозможно. Даже жители долины Арун, которые сделали хорошие деньги от иностранцев, противятся разрешить им вступить в страну в четвертый раз. Рассказывается, что, когда экспедиция 1924 года вернулась в Индию, далай-лама заболел на один день. Было сделано изыскание по всему Тибету, чтобы найти, где монахи нарушили своей обет, и было найдено, что монах в долине Аруна съел рыбу. В объяснение своего действия, которое вовлекло в опасность жизнь далай-ламы, он мог только объяснить, что он пришел в возбуждение, видя так много иностранцев вблизи монастыря».

Вспоминаю историю о трех курицах. У нас в караване было три куры, которые, несмотря на ежедневные переходы в корзине на спине верблюда, продолжали исправно нестись. После задержания в Нагчу, не имея, чем кормить, мы отдали их тибетскому майору. Исчезновение кур из нашего лагеря было немедленно донесено губернаторам в Нагчу, причем возникла целая переписка о курицах, съеденных иностранцами. Майор должен был письменно свидетельствовать о пребывании куриц в живых. Странно, птиц и рыбу есть нельзя, убить бешеную собаку или опасного кондора нельзя, но зарезать яка и барана можно, не только на потребу светских людей, но даже и лам. Думаем, что не рыба, съеденная монахом, причинила болезнь далай-ламе, но, может быть, это было последствие той невероятной грязи, которою «украшены» некоторые монастыри. Кто сказал, что ламы должны иметь черно-блестящие лица и руки до плеч? Мы были потрясены, увидав этих черно-угольных людей, имеющих явное отвращение к воде. Воображаю, насколько трудно таши-ламе и просвещенной части лам воздействовать на черную и самодовольную массу. Ведь именно невежество порождает самоудовлетворение и самодовольство.

Все эти признаки и грязи, и лжи, и лицемерия не заведены Буддой. Учение Будды прежде всего предусматривает самоусовершенствование и движение вперед. Указанные же запрещения показывают тупое поклонение старине. Но в ретроградстве как бы не дойти до нечленораздельных звуков праотцев? Хороша старина, пока она не мешает будущему. Но что же должно произойти,

если допущена смерть прекрасного прошлого и запрещено будущее?

Тибет присваивал себе духовное преимущество над своими соседями. Тибетцы смотрят свысока на сиккимцев, ладакцев, калмыков и называют монголов как бы своими обязанными подданными. Между тем все эти народы уже растут сознанием. Лишь Тибет старается насильственно задержать шаги эволюции. А ведь посмотрите, насколько тибетский народ сам по себе тянется к удобным вещам и инструментам, облегчающим работу. Говорю эти наблюдения не с желанием унижить тибетцев. Много раз мне приходилось отмечать сметливость, поворотливость и работоспособность этого народа. Мы имели в доме нескольких тибетцев, были довольны ими и расстались друзьями. Е. И. вспоминает о своей тибетской ани, которая так хорошо и с таким достоинством сотрудничала в нашем доме. Зная эти хорошие черты тибетской природы, можно только жалеть, что народ этот не получает достаточного руководства, а те, кто мог бы руководить им, лишены этой возможности. Сердце Тибета бьется, и временный паралич некоторых членов этого организма пройдет. Ведь в истории старого Тибета мы встречались хотя и с краткими, но блестящими эпохами. Вспомним, что тибетские завоевания доходили до Кашгара и за Кукунор. Вспомним, что далай-лама Пятый, справедливо названный Великим, дал стране значительный расцвет и увенчал ее Поталой, которая и до сих пор остается, так сказать, единственным зданием Тибета. Не забудем, что целый ряд таши-лам оставил просветительные памятники и именно таши-ламы объединены понятием Шамбалы.

Временный мрак пройдет, и те, кто когда-то умели строить орлиные гнезда на горных вершинах, те опять вспомнят о славных днях бывшего Тибета и найдут решение их в современности.

Последний перевал Сепола. Легче всех прочих. Проезжаем бирюзовое озерко — месторождение реки Лачена. Скромными ручьями начинается поток, который через два дня пути уже будет шуметь и сделается непереходимым без моста. Первый аромат целебного балю и первые приземистые кедры. Впереди цветы давно невиданных рододендронов. Опять мы в Сиккиме.

Опять вереницы бронзовых полуголых сиккимцев с венками на головах несут за плечами корзины танжеринов.

В деревьях свистят и шуршат обезьяны. Огромные синие бабочки, как птицы, вспархивают перед лошадью. Все напитано разнообразной зеленью. С высот, окруженные радужным облаком, шумят водопады.

У реки Тишты на дорогу к нам вышло два леопарда. Они мирно оглядели нас и, мягко ступая, скрылись в зеленой листве.

Гималаи закрывают Тибет. Где же такое сверкание, такая духовная насыщенность, как не среди этих драгоценных снегов? Нигде нет такого определительного слова, как в Сиккиме. Здесь ко всему прибавляется понятие геройства. Мужчины-герои, женщины-герои, скалы-герои, деревья-герои, водопады-герои, орлы-герои...

Не только духовные возвышения сосредоточились в Гималаях, но и физические возможности в богатстве своем создали для этой снежной страны высочайшую славу. По всему миру пробежала легенда о Жар-цвете. И в Китае, и в Монголии, и в Сибири, и в Сербии, и в Норвегии, и в Бретани вы можете услышать о чудесном огненном цветке. В конце концов, куда же приведет вас происхождение этой легенды? К тем же Гималаям!

В отрогах Гималаев растет особый вид черного аконита. Местные жители говорят, что они выходят собирать его ночью. В темноте растение светится, и они отличают его этим путем от других видов аконита. Истинно Жар-цвет растет в Гималаях!

Опять индус поет:

«Могу ли я говорить о величии Творца, если знаю несравненную красоту Гималаев»,

Вы спросите меня:

«Среди всех многообразных впечатлений и заключений какое понятие особенно явилось для меня воодушевляющим?»

Без колебания скажу вам:

«Шамбала!»

II ШАМБАЛА

Если будет произнесено здесь самое священное слово Азии — «Шамбала», вы останетесь безучастны. Если же слово будет сказано по-санскритски — «Калапа», вы также будете молчаливы. Если даже произнести здесь имя великого владыки Шамбалы — Ригден-Джапо, даже это громоносное имя Азии не тронет вас.

Но это не ваша вина. Все сведения о Шамбале так рассеяны в литературе. На Западе нет ни одной книги, посвященной этому краеугольному понятию Азии.

Если же вы хотите быть поняты в Азии, как желанный гость, вы должны встретить хозяев ваших самыми священными словами. Вы должны доказать, что эти понятия для вас не пустой звук, что вы цените их и можете ввести их в понятие эволюции.

Бурятский ученый Барадин в своем недавнем труде о монастырях Монголии и Тибета сообщает, что в последнее время в Тибете, а главное, в Монголии основываются монастыри в честь Шамбалы. В уже существующих монастырях учреждаются особые отделы Шамбалы — Шамбалин Дацан.

Для случайного читателя это сообщение будет звучать метафизически, отвлеченно или ненужно. Современному скептику эти новости не покажутся ли каким-то предрассудком? Не суеверие ли? Эти Дацаны Шамбалы потонут среди политических и коммерческих спекуляций нашего времени.

Но для знатока положения, который потрудился пройти необъятные пространства Азии, Дацаны Шамбалы зазвучат, как рог призыва. Для знающего эта новость получит значение реальности, многозначительной для будущего. В этом кратком сообщении человек, прикоснувшийся к истокам Азии, почувствует, насколько живы и реальны в Азии так называемые пророчества и легенды, идущие из незапамятной древности.

Древнейшие Веды и последующие Пураны и прочая самая разнообразная литература выдвигают необычайное значение для Азии таинственного слова — Шамбала.

И в крупных азиатских центрах, где священны понятия произносятся уже со стыдливой оглядкой, и в безбрежных пустынях Монгольской Гоби слово о великой

Шамбале, или таинственной Калапа индусов, звучит, как символ великого будущего. В сказаниях о Шамбале, в легендах, преданиях и песнях заключается, быть может, наиболее значительная весть Востока. Кто ничего не знает о жизненном значении Шамбалы, не должен утверждать, что он изучал Восток и знает пульс современной Азии.

Прежде чем говорить о Шамбале собственно, вспомним о мессианских понятиях, рассыпанных среди разных народностей Азии, которые при своем разнообразии сливаются в одно великое ожидание будущего.

Хорошо известны палестинские устремления к мессии. Известны ожидания великого пришествия у Моста Мирав. Народ знает и белого коня, и огненный меч, как хвост кометы, и сияющий лик великого Всадника. Ученые раввины и знатоки каббалы, распространенные по Палестине, Сирии, Персии и по всему Ирану, скажут вам многое замечательное по этому вопросу.

Мусульмане Персии, Аравии, Туркестана торжественно хранят легенду о Мунтазаре, который в ближайшем будущем положит основание новой эре. Правда, многие муллы, когда вы скажете о Мунтазаре, начнут резко отрицать это, но если вы будете утверждать и, главное, покажете знание вопроса, они переглянутся, улыбнутся и отложат свои отрицания. Даже скажут много значительных подробностей. Они скажут, что в Исфагане стоит белый конь, уже оседланный для великого пришествия, а в Мекке уже приготовлен саркофаг для будущего пророка правды.

Высокие ученые японцы открыто говорят о грядущем Аватаре. Образованные брамины, почерпая мудрость из Вишну Пурана и Деви Бхагавата Пурана, скажут прекрасные тексты о Калки Аватаре. И прибавят, что эта новая эра в отличие от прошлых должна наступить стремительно.

Чтобы дать более реальное представление о фактах, скажем просто о том, как в жизни выявляется понятие новой эры и Шамбалы. Во всех этих понятиях, главное, нужно хранить полную правдивость. Всякая цветистость и всякое личное представление может извращать и вредить.

Мы уже знали о Шамбале из тибетского манускрипта, переведенного проф. Грюнвелелем, под названием «Путь в Шамбалу». Книга написана таши-ламой Третьим, одним

из наиболее уважаемых святителей Тибета. Конечно, каждый читавший этот манускрипт знает, насколько трудно разобраться в громаде символов и в сложных географических намеках.

Пойдем через путевые знаки о Шамбале, встреченные в пятилетнем странствии.

В Гумском монастыре, на границе Индии и Непала, вы узнаете вместо центрального изображения Будды гигантское изображение Майтрейи, грядущего Будды. Это изображение сделано подобно изображению в Таши-Лунпо, святилище таши-ламы, духовного вождя Тибета. Владыка Майтрейя сидит на троне, ноги его не скрещены по восточному обычаю, но опущены на землю. Это знак скорого пришествия Владыки. Монастырь Гум построен около двадцати лет назад одним ученым монгольским ламой. Лама пришел из Монголии, оставался в Тибете и затем пересек Гималаи и Сикким, чтобы основать монастырь, посвященный новой эре владыки Майтрейи.

В 1924 году ученый лама, достойный ученик основателя монастыря, говорил нам, стоя перед изображением владыки будущего:

«Истинно, приблизилось время великого пришествия. По нашим пророчествам, эпоха Шамбалы уже началась. Ригден-Джапо, владыка Шамбалы, уже готовит свое непобедимое войско для последнего боя. Все его сотрудники и вожди уже воплотились. Видели ли вы танку владыки Шамбалы и его победу над злыми силами? Когда наш таши-лама в прошлом году принужден был бежать из Тибета, он взял с собою лишь немногие изображения и среди них несколько картин Шамбалы. Многие ученые ламы покинули тогда Таши-Лунпо. Только что из Тибета пришел геше ларива — лама художник, гелонг из Таши-Лунпо. Он знает, как писать танку Шамбалы. Существует несколько вариаций на этот сюжет. Вы должны иметь в вашем доме хотя бы одну из них, где в нижней части картины изображен последний победоносный бой владыки».

Скоро затем в белой галерее Талай-потанга на желтом коврике сидел ларива — лама художник. На особо приготовленном холсте он чертил сложную композицию. В середине изображался мощный владыка Шамбалы во всей славе своих владычных палат. Внизу шла жестокая битва. Беспощадно поражались темные враги праведного владыки. Картина была украшена следующим посвяще-

нием: «Славному Ригдену, владыке Северной Шамбалы», Трогательно было наблюдать, с каким глубоким уважением и почитанием писал изображение лама. Когда же он произносил имя владыки Шамбалы, он молитвенно складывал руки.

Наш приезд в Сикким как раз совпал с бегством таши-ламы из Таши-Лунпо... Все были поражены этим беспримерным действием духовного главы Тибета. Правительство Лхассы в смятении всюду разыскивало высокого беглеца. Кто-то даже был арестован.

Рассказывая об этом событии, лама добавил: «Истинно, исполняются древние пророчества. Пришло время Шамбалы. В давних веках было предсказано, что перед временем Шамбалы произойдут многие поразительные события. Многие зверские войны опустошат страны. Разрушатся многие державы. Подземный огонь потрясет землю. И Панчен Ринпоче покинет Тибет. Истинно, уже наступило время Шамбалы. Великая война опустошила страны. Погибли многие троны. Землетрясение в Японии разрушило храмы. И теперь наш почитаемый владыка покинул свою страну».

Следуя примеру духовного вождя, из Тибета прибыл один из наиболее уважаемых высоких лам — Геше Ринпоче из Чумби, которого тибетцы считают воплощением Тзон-Ка-Па. Уважаемый лама, в сопровождении нескольких лам и художников, следовал по Сиккиму, Индии, Непалу, Ладаку, всюду воздвигая изображения благословенного Майтрейи и возглашая учение Шамбалы.

Геше Ринпоче со своей многочисленной свитой посетил Талай Пхо Бранг — наш дом в Дарджилинге, где жил далай-лама. Прежде всего Ринпоче обратил внимание на изображение Ригден-Джапо, владыки Шамбалы, и сказал:

«Вижу, что вы знаете о наступлении времени Шамбалы. Ближайший путь успеха через Ригден-Джапо. Если вы знаете учение Шамбалы — вы знаете будущее».

При следующих беседах высокий лама не раз говорил об учении Калачакры, давая этому учению не столько внешнее церковное значение, но применяя его к жизни, как истинную йогу.

В 1027 году нашей эры впервые встречается учение Калачакры, возглашенное Аттишей. Оно заключает высокую йогу овладения высшими силами, скрытыми в человеке, и соединения этой мощи с космическими энергиями. С древних времен лишь в немногих, особо просвещенных

монастырях, были учреждаемы школы Шамбалы. В Тибете главным местом почитания Шамбалы считается Таши-Луппо, а таши-ламы являлись распространителями Калачакры и всегда ближайше соединялись с понятием Шамбалы. Таши-ламы выдают так называемые разрешения на посещения Шамбалы.

В Лхассе особо связывается с учением Шамбалы монастырь Морулинг, известный своею ученостью. Число лам в Морулинге не превышает трехсот. Говорится, что время от времени некоторые ламы из Морулинга уходят в какое-то горное убежище в Гималаях, из которого не все возвращаются обратно. В некоторых других монастырях желтой секты практикуется учение Калачакры. Также имеется особый Дацан Шамбалы в Кумбуме на родине самого Тзон-Ка-Па и в китайском монастыре Утайшане, где настоятель монастыря написал замечательную книгу: «Красный путь в Шамбалу». Книга еще не переведена.

В монастыре Чумби сохраняется большое изображение последней битвы Шамбалы. В этой картине можно видеть множество воинов, спешащих из всех стран мира принять участие в великой битве духовной победы.

Когда внимание устремлено в определенном направлении, тогда, как из темноты под лучом света, выясняются новые и новые подробности.

В «Шанхай Таймс», а затем во многих других газетах появилась длинная статья, подписанная Др. Лаодзин, о его хождении в долину Шамбалы. Др. Лаодзин рассказывает многие подробности своего замечательного путешествия в сопровождении йога из Непала через пустыни Монголии, по суровым нагорьям, в долину, где он нашел поселение замечательных йогов, изучающих высшую мудрость. Он описывает библиотеки, лаборатории, хранилища, а также знаменитую башню. Эти описания поразительно совпадают с описаниями этого замечательного места из других, малодоступных источников. Др. Лаодзин описывал замечательные научные опыты волевых посылок, телепатии на дальних расстояниях, применения магнитных токов и различных лучей. Было поучительно видеть, какой огромный интерес произвели эти сообщения в различных странах.

Во время нашей поездки по Сиккиму мы встретили несколько лам, которые хотя принадлежали к красной секте, но с увлечением говорили о Шамбале и о тех новых возможностях, которые это время дает человечеству.

Ученый лама, указывая на лесистые скаты Гималаев, говорил:

«Там, внизу у потока, замечательная пещера, но спуск туда очень труден. В пещере Кандро Сампо, недалеко от Ташидингга, около горячих ключей, жил сам Падма Самбхава. Некий гигант вздумал строить проход на Тибет и пытался проникнуть в священную страну. Тогда поднялся благой Учитель, возвысился ростом и поразил дерзкого попытчика. Так уничтожен был гигант. И теперь в пещере стоит изображение Падма Самбхавы, а за ним каменная дверь. Знают, что Учитель скрыл за дверью священные тайны для будущего, но сроки им еще не пришли».

Другой лама передавал:

«Предание из старой тибетской книги. Под символическими именами названы там передвижения далай-ламы и таши-ламы, уже исполнившиеся. Описаны особые физические приметы правителей, при которых страна подпадет под обезьян. Но затем оправится, и тогда придет некто очень большой. Его прихода срок можно считать через двенадцать лет. Это выйдет 1936».

Среди сумерек гелонг рассказывает о владыке Майтрейе:

«Человек двенадцать лет искал Майтрейю Будду. Нигде не нашел. Разгневался и отказался. Идет путем. Видит, странник конским волосом пилит железную палку. И твердит:

«Если даже жизни моей не хватит, все-таки перепилю».

Смутился человек:

«Что значат мои двенадцать лет перед таким упорством? Вернусь я к моим исканиям».

И тогда явился человеку сам Майтрейя Будда и сказал:

«Давно уже я с тобою, но не замечаешь и гонишь и плюешь на меня. Вот сделаем испытание. Пойди на базар. Я буду на плече твоём».

Пошел человек, зная, что несет бога, но шарахнулись от него люди. Разбежались. Носы заткнули и закрыли глаза.

«Почему бежите вы, люди?»

«Что за ужас у тебя на плече? Вся в язвах смердящая собака».

«И опять не увидели люди Майтрейю Будду. И увидели, чего каждый достоин».

Чуткие здесь люди. Ваши ощущения и намерения пе-

редаются здесь так легко. Потому знайте четко, чего хотите. Иначе вместо бога увидите собаку.

Старый настоятель Ташидинга рассказывал:

«Наш храм очень стар. Уже много лет я оставался на ночь в храме, кончая и начиная день в молитве. Однажды я имел сонное видение. Две женщины, одетые по-тибетски, предупредили меня о необходимости спешно выйти из храма. Я последовал, и не успел я выйти из двери, как рухнула вся стена, около которой я спал. Так благословенные Тары спасли мою скромную жизнь. И приняли они в видении вид тибетских женщин, чтобы не испугать меня. Время Шамбалы приходит, и много замечательных знаков будет явлено».

Старый настоятель знал много других явлений. Он слышал беззвучные голоса, подобно великому отшельнику Миларепе. Он слышал полет невидимых птиц и пчел. В день нашей беседы перед зарею он имел видение: по вершинам гор зажгли гирлянды огней.

Огненные знаки сопровождают эру Шамбалы.

Говорю так, как слышал на месте видений. Нас не должно отталкивать необычность образов. Мы должны знать вещи так, как они происходят в наши дни в разных странах. Насколько надо понять местную чувствительность, вы увидите из следующего случая, бывшего с нами. Жена моя хотела иметь старинное изображение Будды. Но это не так легко, ибо старинные изображения редки и собственники их не расстаются с ними. Мы поговорили между собою на чуждом здесь языке и оставили дело до лучшего случая. Каково же было наше изумление, когда через несколько дней к нам приходит лама и с поклоном достает из-за пазухи отличное изображение Будды тибетской работы со словами:

«Госпожа хотела иметь Будду. Во сне мне явилась Белая Тара и указала отдать вам изображение Благословенного с моего алтаря».

Так мы получили давно желанное изображение.

Или другой незабываемый случай около Гума. Мы четверо после полудня ехали в моторе по горной дороге. Вдруг наш шофер замедлил ход. Мы увидели на узком месте портшез, несомый четырьмя людьми в серых одеждах. В носилках сидел лама с длинными черными волосами и необычной для лам черной бородкой. На голове была корона, и красное с желтым одеяние было необыкновенно чисто.

Портшез поравнялся с нами, и лама, улыбаясь, несколько раз кивнул нам головою. Мы проехали и долго вспоминали прекрасного ламу. Затем мы пытались встретить его. Но каково же было наше изумление, когда местные ламы сообщили нам, что во всем краю такого ламы не существует. Что в портшезе носят лишь далай-ламу, таши-ламу и высоких покойников. Что корона надевается лишь во храме. При этом мы шептали: «Верно мы видели ламу из Шамбалы».

Другой тибетский лама во время посещения памятных мест Индии около станции Амбала встретил в вагоне индусского садху, не знавшего по-тибетски. Случайно лама заговорил с садху по-тибетски, а тот ответил ему на индустани, и оба поняли друг друга. Когда лама рассказывал нам про эту необычайную беседу, он добавил:

«Только во время Шамбалы языки будут понимаемы без знания слов и знаков. Мы слышим и понимаем не внешним звуком и видим не телесным глазом, но третий глаз — глаз Браммы, это есть глаз всезнания. Во время Шамбалы мы не будем нуждаться в телесном глазе. Мы будем в состоянии пользоваться великими скрытыми силами».

На вершинах Сиккима, в Гималайских отрогах, среди аромата балоу и цвета рододендронов опять лама, подобный средневековому изваянию, указал на пять вершин Кинчинджунги и сказал: «Там находится вход в священную страну Шамбалы. Подземными ходами через удивительные ледяные пещеры немногие избранные даже в этой жизни достигали священное место. Вся мудрость, вся слава, весь блеск собраны там».

Другой лама красной секты сказал нам про чудесных азаров индусского вида, длинноволосых, в белых одеждах, иногда появляющихся в Гималаях.

Эти мудрые люди знают, как управлять внутренними силами и как объединять их с космическими токами. Глава медицинской школы в Лхассе, старый ученый лама, лично знал таких азаров и сохранял с ними непосредственные отношения.

«Стэтсман», наиболее позитивная газета Индии, опубликовала следующий рассказ британского майора:

«Во время странствия в Гималаях однажды еще до зари майор из лагеря вышел на соседний утес. Он наблюдал величественную гряду снеговых великанов. Через пропасть от него в утреннем тумане возвышался другой утес.

Велико было изумление майора, когда на противоположном утесе он явственно усмотрел очертание высокого человека с длинными волосами, почти нагого. Опершись на высокий лук, незнакомец наблюдал что-то по ту сторону скалы. Затем молчаливый страж точно заметил что-то. Мощными прыжками он бросился вниз по почти отвесному склону. В полном удивлении майор вернулся в лагерь и спросил местных слуг об этом странном явлении. Но к его еще большему удивлению его вопрос был принят совершенно спокойно. Почтительно было отвечено ему: «Саиб видел снежного человека, который охраняет заповедную страну».

Мы спросили ламу об этом рассказе о снежных людях, и опять ответ пришел удивительно спокойный и утвердительный.

«Очень редко можно увидеть этих снежных людей. Они преданные хранители некоторых гималайских областей. Там скрыты священные ашрамы махатм. Раньше даже в Сиккиме находилось несколько подобных ашрамов».

«О,— добавил он,— эти мудрые махатмы, они в вечных трудах направляют нашу жизнь. Они управляют внутренними силами и в то же время, как совершенно обычные люди, они появляются в разных местах и здесь, и за океанами, и по всей Азии».

К нашему удивлению, наш друг упомянул историю, которая уже вошла в западную литературу, как один из махатм по какой-то неотложной причине предпринял спешную поездку в Монголию, оставаясь в седле по шестидесяти часов.

Какое это особое ощущение, когда в далеких горах в живом изложении вы слышите то, что вы на далеких страницах книг видели за океаном. Этот простой рассказ без всякого личного повода дает особое убеждающее впечатление.

Правда, многие вещи, которые нам кажутся фантастическими выдумками и сказками, вне личного преломления, на самых местах происшествий освещаются особым светом правды. Величественные образы махатм не проходят перед вашими глазами как призраки, но как великие существа от тела и крови, как действительные Учителя высшего знания и мощи.

Вы, может быть, спросите меня, почему, говоря о Шамбале, я упоминаю великих махатм? Ваш вопрос может иметь основание, потому что до сих пор в литературе эти

великие понятия, за недостатком осведомления, оставались совершенно разделенными. Но зная литературу о великих махатмах и изучая сведения о Шамбале на местах, высоко поучительно видеть объединительные знаки этих понятий и, наконец, понимать, как они близки в действительности. В индусской литературе в Вишну Пураणे вы можете найти указания, которые одинаково будут понятны как изучающим учение махатм, так и преданным ученикам мудрости Шамбалы.

В старых писаниях находятся указания о новой сужденной эре, о великих аватарах, приходящих для спасения человечества. О священном городе Калапа и о попытках Архатов поднять спящий человеческий дух один раз в каждом столетии. Мы видим в учении великих махатм те же указания, которые мы узнаем в писаниях и преданиях о Шамбале. В санскрите, индустани, на китайском, на турецком, на калмыцком, монгольском и тибетском языках и в множестве мелких азиатских наречий выражены те же идеи, те же мысли относительно будущего.

Иногда вы можете даже подозревать какие-то общемессианские идеи, занесенные несторианами и манихеями. Но исследуя предмет на местах, среди самых различных национальностей, разделенных между собою безбрежными пустынями и многими тысячами миль, вы видите, что эти учения несравненно древнее мессианизма и они связаны не столько с представлением о личности, но именно с идеями о новой эре, вооруженной мощными силами космических энергий.

В основных учениях Будды уже можно усмотреть намеки на будущие достижения человечества. Под символом железного змея, окружающего землю и переносящего тяжести для человечества, узнаются символы железных дорог. Под символом летающих железных птиц можно понять аэропланы. В указаниях на жизни на различных звездах и в намеках на разные состояния человеческого существа вы можете распознать те самые проблемы, которые только недавно с поразительной медлительностью подтверждаются наукой; жизнь на планетах, открытия в области астрального мира только очень недавно вышли из пределов насмешки игнорантов.

Действительно, так странно узнавать объединительные знаки между древнейшими традициями Вед и новыми формулами Эйнштейна. Но должны не забыть, что уже Будда пришел поднять падающую и извращенную куль-

туру и указать на тончайшие космические энергии. Лишь совсем недавно в области Карачи и Лагора были найдены остатки древних городов от 5000 до 6000 лет, показывающие на высокую древнейшую культуру Индии. Эта культура напоминает одну из культур суммарийских или эламских. Много цилиндров с надписями, напоминающими вавилонские, найдены в этих развалинах, и, когда их удастся прочесть, они, вероятно, дадут новую страницу человеческой жизни. Без этих открытий еще совсем недавно расцвет индусского средневековья обрывался на нескольких столетиях до нашей эры.

Голоса древних сказаний и позднейшей записи древнейших заветов долетали, как из неизвестного пространства. Но теперь эти новейшие открытия дают реальное основание для древней мудрости. От этих путевых знаков мы уже можем реально мыслить о данных Платона, о разрушении Посейдониса, последнего оплота Атлантиды.

Итак, можно видеть, что многие символы и многие знаки фактически гораздо древнее, нежели ошибочные определения науки последнего столетия. Многие понятия кажутся совершенно разделенными, без всякой связи, но при внимательном, а главное, беспредрасудочном изучении оказываются родственными.

Пример. Казалось бы, что общего имеет старый буддизм с ранним христианством? Но уже Ориген, один из самых ранних писателей христианских, упоминает буддистов в Британии. Конечно, проповедники царя Ашоки могли проникать даже к далеким британским островам. Культ змия Шотландии имеет аналогии с культом китайского дракона и со змием Индии. Всемирный знак креста проходит все тысячелетия, через Египет, через свастику к несказуемой древности.

С особым ощущением слушаете вы старые пророчества и сказания, которые являются для образованных лам и браминов мудрым учением жизни.

Чтобы войти в эту атмосферу, послушаем отрывки из Вишну Пуран и перевод тибетских пророчеств.

Среди заветов Тзон-Ка-Па находится сообщение, что архаты каждое столетие делают попытку просвещения мира. Но до сих пор ни одна из этих попыток не удалась. Сказано, что лишь когда таши-лама согласится быть рожденным в стране Пелингов, т. е. на Западе, и явится, как духовный воитель, только тогда будут разрушены ошибки и невежество веков.

В 1924 году из Тибета пришла в Сикким м-с Дэвид Ниель и в своих статьях сообщила много новых сведений о Гессар-хане, легендарная личность которого имеет так много общего с Ригден-Джапо, владыкою Шамбалы. Были принесены древние пророчества о Гессар-хане, о его непобедимом воинстве и о походе для очищения Лхассы от нечестивцев. В своей статье «Будущий герой Севера» Дэвид Ниель говорит:

«Гессар-хан — это герой, новое воплощение которого произойдет в Северной Шамбале. Там он объединит своих сотрудников и вождей, сопровождавших его в прошлой жизни. Они все также воплотятся в Шамбале, куда их привлечет таинственная мощь их владыки или те таинственные голоса, которые слышимы лишь посвященными».

Владыка Гессар-хан идет с непобедимым войском, чтобы уничтожить нечестивые элементы Лхассы, и водворяет всеобщую справедливость и благосостояние. В Тибете мы могли удостовериться в распространенности этого предания. Нам говорили о дворе Гессар-хана в К'аме, где собраны мечи его воинства, служащие балками этого замка. Стрела — это знак Гессар-хана. Стрела — это молния, и накопечники стрел, находимые в полях, принято считать отвердевшей громовой стрелой. Война объявляется посылкою стрелы. Приказ о вооружении, как мы видели, навертывается на стрелу. Гессар-хан вооружен громовыми стрелами, и сужденное войско скоро готово выйти из заповедной страны на спасение мира.

Тот, кто умеет читать тайные руны, поймет, на какую новую эпоху торжества духа указывают символы.

Вспомним тибетские пророчества о Шамбале и о Майтрейе.

ПРОРОЧЕСТВА О ШАМБАЛЕ И МАЙТРЕЙЕ

Сокровища с Запада возвращаются. По горам зажигаются огни радостей.

Посмотрите на дорогу — идут носящие камень. На ковчеге знаки Майтрейи.

Из священного царства срок указан, когда расстелить ковер ожидания.

Знаками семи звезд откроются врата.

Огнем явлю моих посланных.

Соберите предуказания счастья вашего.

Так исполняются предсказания предков и писания мудрых.

Найдите ум встретить назначенное, когда в пятом году появятся вестники воинов Северной Шамбалы. Найдите ум встретить их и принять новую славу.

Дам мой знак молнии.

Указ Гессар-хана:

«У меня много сокровищ, но могу дать их моему народу лишь в назначенный срок.

Когда воинство Северной Шамбалы принесет копис спасения, тогда открою горные тайники и разделите с воинством мои сокровища поровну и живите в справедливости.

Тому моему указу скоро поспеть над всеми пустынями.

Когда золото мое было развеяно ветрами, положил срок, когда люди Северной Шамбалы придут собирать мое имущество.

Тогда заготовит мой народ мешки для богатства, и каждому дам справедливую долю».

«Можно найти песок золотой, можно найти драгоценные камни, но истинное богатство придет лишь с людьми Северной Шамбалы, когда придет время послать их».

Так заповедано.

Приходящий Майтрейя изображается со спущенными ногами — символ спешности.

Явление Майтрейи сказано после войн, но последние войны будут за истинное Учение.

Причем каждый восставший против Шамбалы будет поражен во всех делах своих. И волны будут смывать дом его, и даже пес не придет на зов его.

Не тучи, но молнии будет видеть он в последнюю ночь.

И огненный вестник встанет на столбах света.

Учение указывает, как каждый воин Шамбалы наречется непобедимым.

Сам владыка спешит, и знамя его уже над горами.

Благословенный Будда посылает вам любимого Майтрейю, чтоб вы могли приблизиться к Общине. Ваши пастбища протянутся на заповеданную землю.

Когда вы стережете стадо, не слышите ли голоса в камнях? Это работники Майтрейи готовят для вас сокровища.

Когда ветер свистит в ковыле, понимаете ли, что это стрелы Майтрейи летят на защиту?

Когда молния озаряет ваши улыбки, знаете ли вы, что это свет вашего желанного Майтрейи?

Кому же поручается стража в первую ночь? — Вам.

К кому же направляются мои посланные? — К вам.

Кто встретит их первыми? — Вы.

С запада, с гор придут мои люди. Кто же примет их и сохранит их? — Вы. Молите Тару побыть с вами.

Желайте сердца омыть до прихода моего. Каждый узнавший о моем желании покроет шапку красным верхом и обернет налобник узды красной тесьмой.

Смотрите пристально на кольца приходящих. Там, где моя чаша, там ваше спасение.

На горах зажглись огни, приходит новый год. Кто проспит, тот более не проснется.

Северная Шамбала идет.

Мы не знаем страха. Мы не знаем уныния.

Дуккар многоокая и многорукая посылает нам чистые мысли.

Подумайте чистыми мыслями, подумайте светлыми мыслями.

Раз, два, три — вижу три народа. Раз, два, три — вижу три книги. Первую — самого Благословенного, вторую — явленную Асвогешею, третью — явленную Тзон-Ка-Па.

Раз, два, три — вижу три книги прихода Майтрейи. Первая написана на Западе, вторая написана на Востоке, третья будет написана на Севере.

Раз, два, три — вижу три явления. Первое с мечом, второе с законом, третье со светом.

Раз, два, три — вижу три коня. Первый черный, второй красный, третий белый.

Раз, два, три — вижу три корабля. Первый на воде, второй под водою, третий над землею.

Раз, два, три — вижу три орла. Один — сидящий на камне, второй — клюющий добычу, третий — летящий к солнцу.

Раз, два, три — вижу ищущих свет. Луч красный, луч синий, луч белый — серебряный.

Утверждаю, что Учение вышло из Бодхи Гайя и вернется туда.

Когда шествие с изображением Шамбалы пойдет по землям Будды и вернется к первоисточнику, тогда насту-

жит время произнесения священного слова Шамбала. Тогда можем получить пользу от произнесения этого слова.

Тогда мысль о Шамбале даст пиццу, тогда утверждение Шамбалы станет началом всех действий и закончится благодарностью Шамбале.

И великое и малое проникнется понятием Учения.

Священная Шамбала изображается среди мечей и копий в непобедимом доспехе.

Торжественно утверждаю — непобедима Шамбала.

Завершился круг несения изображения.

В местах Будды, в местах Майтрейи пронесено изображение.

«Калагия» — произнесено.

Как знамя, развернулось изображение.

Сказанное так же верно, как под камнем Гума лежит пророчество о священной Шамбале.

Обойдет знамя Шамбалы срединные земли благословенного, признавшие его возрадуются и содрогнутся отвергшие.

Спросит таши-лама великого далай-ламу, что суждено последнему далай-ламе.

Отвергнувший будет предан суду и забвению, и пойдет воинство под знаменем Майтрейи, и станет город Лхасса омраченным и пустым.

Восставшие против Шамбалы низвергнуты будут.

Как кровь, отчет знамя Майтрейи земли нового мира для затемненных и как огненное солнце для появивших.

Найдет таши-лама великого далай-ламу, и скажет далай-лама: «Пошлю тебе лучший знак мой молнии, иди и прими Тибет. Кольцо сохранит».

Вспомним также индусские традиции.

Калки Пураны указывает Калки Аватара, который придет:

«По желанию вашему, я буду рожден в месте Шамбала.. Я снова поставлю на земле двух владык — Мару и Девапи. Я утвержу опять Сатуаюгу и восстановлю Дхарму в ее прежней силе. После поражения Калиюги я возвращусь в мое местопребывание».

Вишну Пураны продолжают:

«Девапи и Мару.. живущие в месте Калапа, испол-

ненные великой иогической мощи, в конце Калиюги восстановят Варну и Дхарма Ашрам, как ранее».

Шримад Бхагавата в книге VI говорит:

«Эти великие Риши и другие великие подвижники, добровольно незамеченные, шествуют по лицу земли с целью духовного просвещения тех, которые следуют великим заветам».

Шанкарачария в его Вивека Чудамани говорит:

«Эти великие, которые вместили мир, которые окончили путь через ужасающий океан рождений и смертей, существуют и шествуют для блага, подобно весне. Без всякой личной цели они освобождают человечество».

Вишну Пураны говорят о конце Калиюги, когда варвары будут владеть берегами Инда:

«И будут временные монархи на земле, цари сварливые, жестокого нрава, прилежащие ко лжи и ко влу. Они будут убивать женщин и детей... Они отнимут собственность подданных. Жизнь их будет коротка и вожделения ненасытны. Люди разных стран соединяются с ними... Богатство будет уменьшаться, пока не истощится весь мир.

Имущество станет единым мерилom. Богатство будет причиной поклонения. Страсть будет единственным союзом между полами. Ложь будет средством успеха на суде. Женщины станут лишь предметом вожделения. Богатый будет считаться чистым. Роскошь одежд будет признаком достоинства...

Так в Калиюге будет постоянное падение... И тогда в конце черного века явится Калки Аватар... Он восстановит справедливость на земле... Когда Солнце, и Луна, и Тишья, и Юпитер будут вместе, тогда вернется Сатиа — век белый».

Агни Пураны говорят следующее:

«В конце Калиюги смешаются касты. И будут процветать разбойники без пощады. Под личиною религии будут проповедовать ересь. И злые духи под видом владык будут раздирать людей. В доспехе вооруженный Калки, сын Вишнуяши, уничтожит злых духов, восстановит порядок и достоинство и поведет народ по пути истины. Исполнив это, он оставит облик Калки и вернется в высшие сферы. После чего Критаюга установится, как ранее».

Продолжим наше хождение пилигрима через Бенарес, где, сказано, будет рожден Майтрейя. Пересечем старую дорогу на Кадарнат, ведущую к великому Кайласу, место-

пробыванию мощных отшельников, и к путевому знаку на Шамбалу. Пройдем затем Лагор с соседними старинными областями.

Дойдем до Кашмира, где трон Соломона и так пазываемая гробница Иисуса. В Кашмире жили великие подвижники первоначального буддизма — там произносилось имя Майтрейи.

Достигнем границы Ладака. В Драсе, в месте с рисунками старого Неолита на скалах, мы найдем первое изображение Майтрейи. Рядом с ним на камне можно увидеть изображение всадника. Опять великий всадник Калки Аватар Индии и Майтрейя, завещанный буддизмом, стоят вместе, на одном пути, благословляя путников.

В Маулбеке, в древнем месте, наполненном развалинами, можно вспомнить о прекрасном прошлом. У самой дороги, где с древнейших времен проходят караваны, мы были приветствованы величественным изображением Майтрейи, вероятно изваянным рукой индуса.

На обратной стороне скалы китайская надпись. Не есть ли это то самое замечательное изображение, которому Фа-Сиен, знаменитый китайский путешественник, посвятил почтительное описание в своих записках.

Даже в Ламаюре, в этом старом месте Бонпо, этой необъясненной еще полушаманистской религии, к нашему великому изумлению, мы нашли изображение Майтрейи.

Странно было найти его в храме Бонпо, где даже отрицается сам Будда. Но этот призыв к будущему, как видно, проникает даже в самые неожиданные места.

В Саспуле — еще более древнее изображение Майтрейи, не моложе шестого века. Старый лама, показывая нам эту достопримечательность, шептал о скором наступлении новой эры. В этом маленьком уснувшем месте, окруженном развалинами прежних крепостей и храмов на вершинах гор, было так странно слышать о блестящем будущем. Но именно эта преданность будущему дает даже заброшенным местам не только смысл о прошлом, но делает их путевыми вехами к сужденным достижениям.

Только покажите старому ламе, что вы понимаете его говор не только грамматически, но и внутренно, и он добавит вам еще многие замечательные указания. Если же покажете ему еще пророчества, полученные вами в Индии или Сиккиме, посмотрите, с каким оживлением попросит он у вас разрешения списать их. Будьте уверены, он не

сохранит их только для себя, но бродячие ламы понесут к другим одиноким местам эти знаки возрождения.

Как крепость, высоко на скалах стоит один из старейших монастырей Спитуг.

Старший лама этого монастыря, видимо, сомневался, как принять нас и о чем беседовать с нами. Так что первый момент нашего посещения был довольно сдержан. Но мы произнесли формулу Шамбалы, и главная дверь широко открылась. Мы были приглашены в верхнюю живописную комнату воплощенной ламы, поразившую нас и чистотой, и приветливостью. Вместо натянутой беседы мы были сразу спрошены, откуда мы знаем о Шамбале, и опять многие новые подробности были произнесены. И мы увидели, что наши хозяева были искренно огорчены, когда пришло время оставить их. Шептали они: «Кто-то с Запада и знает о Шамбале: это знак нового времени!»

В Лех, столице Ладака, особенно много собралось воспоминаний о Гессар-хане и Шамбале. Ладак считается родиной Гессар-хана, и махараджи Ладака ведут свой род от этого героя. Много прекрасных романтических песней и сказаний посвящено великому герою Гессар-хану и его жене Бругуме. Здесь в Ладаке вы можете видеть на высоких скалах белую дверь, ведущую в замок Гессара. Здесь же на скале изображение огромного льва, соединенное с тем же героем. А на дорогах вы можете видеть разнообразные изображения Майтрейи, и грубые, и заботливо обработанные. В самом Лех около храма Будды и Дуккар, Матери Мира, находится особый, очень тонко украшенный храм, посвященный Майтрейе. В молчании сумерек высокого храма вы различаете на стенах тонко написанные изображения боддисатв. А в середине, высоко в два этажа, опять готовый сойти с трона, высится сам великий Майтрейя. Этот храм особенно украшен. И вы видите какое-то особое почитание лам около великого изображения.

Один из наших западных друзей, невежественный в делах буддизма, смотря на танку Шамбалы, сказал мне: «Мне кажется, что это совершенно обыкновенное тибетское знамя».

Я спросил его: «Если это совершенно обыкновенное изображение, как часто и где именно вы видели этот сюжет?»

И он признался простодушно: «Конечно, может быть,

не совсем этот, но какой-то такой же с какими-то буддами».

Когда вы знаете сложное значение восточных символов и буддистской иконографии, тогда особенно странно слышать такое легкомысленное замечание о «каких-то буддах». Вы можете представить себе, какое впечатление может произвести этот господин, толкующий «о каких-то буддах», в восточном храме, где он начнет простодушно обсуждать неизвестные ему вещи. Для некоторых людей каждый, сидящий со скрещенными ногами — уже Будда. А ведь через это незнание происходили тяжкие недоразумения.

Один образованный буддист рассказывал нам, как он спас трех немцев, которые вошли в храм с сигарами в роту, и добродушная толпа немедленно обратилась в бешенство, и кровопролитие казалось неминуемо.

Мы должны знать не только потому, что мы не должны оскорблять чувства иноверцев, но потому, что мы должны расширять свой взгляд и тем получать радость истинного знания.

Вспомним некоторые ладакские песни на религиозные темы. Прежде чем мы приблизились к суровому Сассеру и Каракоруму, в последний раз мы встретили изображение Майтрейи в пограничном монастыре Сандолинг. Этот монастырь знаменит тем, что на скале за ним лучи заходящего солнца очень часто создают удивительные облики. Это очень старый и даже внешне уже ветшающий монастырь. И тем неожиданнее было найти здесь совершенно новое изображение Майтрейи, Шамбалы и Дуккар. Глядя на эти новые изображения, можно представить себе, куда движется местная современная мысль.

В продолжение многодневного прохода через необитаемое нагорье, конечно, нельзя ожидать найти какие-либо следы религиозной жизни. Тем не менее даже около ледников несколько раз обстоятельства напомнили нам великие имена будущего.

Поздним вечером как раз перед переходом скалистого Караул Давана нас посетил нежданный гость, старый седобородый мусульманин. Окруженные огромными скалами, сидя перед входом в палатку, залитые яркой луной, мы беседовали о Коране и Магомете. Он говорил нам о том, как Магомет уважал женщину. Затем он говорил о манускриптах и легендах об Иссе, лучшем из сынов человеческих. Исса — это Иисус. Он говорил, как мусуль-

мане жадно собирают всеми способами все относящееся до Иссы. После Иссы мы толковали о Мунтазаре, этом соответственном понятии индусскому Калки Аватару и Майтрейе буддистов. Наш неожиданный друг вошел в полный энтузиазм. На его губах имя Майтрейи звучало с тем же уважением, как и имя Мунтазара. Будущее единение мира, будущие радости взаимного понимания звучали в его надеждах.

Пройдя четыре снеговых перевала, уже в пустынном нагорье, мы опять увидели картину будущего. В долине, окруженной высокими острыми скалами, сошлись и остановились на ночь три каравана. При закате я заметил необычную группу. На высоком камне была помещена многоцветная тибетская картина, перед нею сидела тесная группа людей в глубоком почтительном молчании. Лама в красных одеждах и в желтой шапке, с палкою в руке что-то указывал зрителям на картине и ритмично сказывал объяснения. Подойдя, мы увидели знакомую нам танку Шамбалы. Лама пел о бесчисленных сокровищах владыки Шамбалы, о его чудесном перстне, обладающем великими силами. Далее, указывая на битву Ригден-Джапо, лама говорил, как без милости погибнут все злые существа перед мощью справедливого владыки.

Горят костры, эти светляки пустыни. Опять сгрудились у огня разноплеменники. Все десять пальцев в восхищении подняты высоко.

Может быть, говорится, как благословенный Ригден-Джапо является, чтобы отдать приказ своим вестникам. Вот на черной скале Ладака появляется могущественный владыка. От всех сторон стремятся к нему вестники-всадники, чтобы в глубоком почтении принять приказ, а затем понестись по всему миру, неся заветы великой мудрости.

В Ладаке впервые мы встретились с замечательным обычаем лам. В ненастную погоду они всходят на вершины и с молитвами разбрасывают маленькие изображения коней в помощь страждущим путникам. Вспомнилось сказание Северной Двины, где Прокопий Праведный за неведомых плавающих молился, сидя на высоком берегу мощной реки. Знаки человеколюбия!

Спускаясь с гор к пескам Такламакана, встречая только мусульман, сартов или китайцев, видя лишь мечети и китайские храмы Хотана, вы не можете ожидать что-либо о Шамбале. Но именно здесь мы встретились с еще одним

ценным указанием. Вокруг Хотана имеется много различных старых буддийских храмов и ступ. Одна из этих древних ступ окружена сказанием. Указывается, что при наступлении времени Шамбалы от этой ступы будет излучаться таинственный свет.

Указывается, что этот свет уже был виден.

Много калмыков из Карашара приходят оказать почитание этому месту. Также указывается, что через эти именно места сам Будда проходил во время пути своего к Алтаю.

Во время наших стоянок в Яркенде, Кашгаре и Кучаре мы слышали такие сказания:

«В Кашгаре жил святой человек. На заре он слышал, когда поют петухи в далекой священной стране, за шесть месяцев пути отсюда».

Между Марал Баши и Кучарами наш конюх Сулейман, указывая на гору к юго-востоку, говорил:

«Вот за тою горою живут святые люди. Ушли они от мира, чтобы спасти людей мудростью. Многие ходили в их страну, но мало кто дошел. Знают, что надо идти за эту гору. А как зайдут за нее, так и потеряют дорогу».

Вы легко можете понять, что эти сказания имеют в виду то же самое место Шамбала. Даже географическое направление, даваемое при этих рассказах, относится к местонахождению средоточия всех народов.

После мусульманских городов в пустых пещерных храмах существующий и теперь буддизм показался в области Карашахра.

Карашахр является не только средоточием карашахрских калмыков, но и последним упомянутым историографами местопребыванием чаши Будды. Чаша благословенного была перенесена сюда из Пешавара и затем исчезла. «Чаша будет снова найдена при наступлении времени Шамбалы».

Пурушапура, или Пешавар, некогда был городом чаши Будды. Принесенная туда после смерти Учителя, чаша в течение долгого времени была предметом преклонения. Во времена китайского путешественника Фа-Сиена, около 400 года нашей эры, чаша еще находилась в Пешаваре, в нарочно для нее выстроенном монастыре. Она представляла разноцветный сосуд с преобладающим черным цветом, причем были очень заметны линии краев четырех чаш, вошедших в состав ее.

Во время другого китайского путешественника Сюан-

Цзана, около 630 года нашей эры, чаши уже не было в Пешаваре. Она была в Персии или уже в Карашахре.

Чаша Будды чудотворна и неистощима — это чаша жизни.

Вспомним о почитании чаши бессмертного напитка, о борьбе из-за которого так поэтично повествует Махадхагарата. Индра берет от царя Нагов чашу и относит ее на небо. У мусульман в Кандахаре есть тоже своя святая чаша.

По персидским сказаниям, когда Джемшид стал рыть основания города Истакара, была найдена волшебная чаша «Дшами Джемшид», из бирюзы, полная драгоценного напитка жизни.

Сказания Соловецкого монастыря о ветхозаветных лицах упоминают чашу Соломона: «Велика чаша Соломона, сделана из драгоценного камня. В ней написаны три стиха самарейскими письменами, и никто истолковать их не может».

В Харране имеется священная чаша Фаа Фага. Из нее пьют принимающие участие в мистерии и на седьмой день возглашают:

«Учитель, да возвестится неслыханное!»

В обрядах ведизма, буддизма, маздоизма всюду является священный символ чаши жизни.

Джатака рассказывает о происхождении чаши Будды:

«Тогда с четырех стран пришедшие четыре хранителя мира поднесли чаши, сделанные из сапфира, но Будда отказался. Снова они предложили четыре чаши, сделанные из черного камня мугаванна, и он, полный сострадания к четырем учениям, принял четыре чаши. Одну в другую поставил и приказал: да будет одна! И края четырех чаш стали видимы только, как черты. Все чаши вошли в одну чашу. Тогда Будда в эту новосделанную чашу принял пищу и, насытившись, совершил благодарение».

Лалита Вистара, рассказывая о таинстве чаши Будды, приписывает благословенному следующие значительные обращения к царям принести чаши: «Поклонись чашею Будде и ты будешь в чаше, как в сосуде познания». «Предложив чашу нам подобному, не будешь оставлен ни памятью, ни суждением». «Кто дает чашу Будде, тот не будет оставлен ни памятью, ни мудростью».

Эта чаша — ладья жизни, чаша спасения — скоро снова должна быть найдена. Так знают в пустынях.

<...>

Когда приближаетесь к Турфану, то еще большее количество легенд доходит до вас. Древние буддийские пещерные храмы, подземные ходы, наконец, старые подземные арыки для орошения — все это придает необычайность этой местности. Опять все это приводит к тому же понятию о далекой священной стране, где живут мудрые люди, готовые помочь человечеству.

Рассказывается:

«Из пещеры как-то вышел незнакомый человек, высокий и не в нашей одежде. Пришел на базар в Турфан. Хотел овощи купить, только дает за них золотую монету, а как рассмотрели ее, видим, что таких денег уже тысячу лет как не бывало. Этот человек пришел из святой страны».

Или говорят:

«Вышла из подземелья женщина. Ростом высокая. Лицом строгая и темнее наших. Ходила по народу — помощь творила, а затем ушла назад в подземелье. Тоже приходила из святой страны».

«Несколько всадников совсем особого вида были видны около пещеры. А затем исчезли они. Должно быть, ушли через подземный ход в свою страну. По их ходам даже на коне проехать можно».

И сколько таких неизвестных всадников-посланцев привлекает внимание.

Перед Зайсаном наш калмыцкий лама указывает на юго-восток, где серебрится снегами хребет:

«Вот там священная наша гора Саур. С вершины ее в ясные дни видны горы священной страны. Под горою насыпан песком город Аюши-Хана. Можно видеть еще и стены, и храмы, и субурганы».

Глуше и дичее становятся горы от Чугучака к Алтаю. Странно впервые увидеть ойротских наездников — финно-тюркский род, затерянный в Алтайских горах. Только недавно эта область, полная прекрасных лесов, гремящих потоков и белоснежных хребтов, получила собственное имя — Ойротия. Страна благословенного Ойрота, народного героя этого уединенного племени. И еще чудо случилось в этой стране, где до последнего времени грубые формы шаманизма и колдовства процветали.

В 1904 году молодая ойротская девушка имела видение. Явился ей на белом коне сам благословенный Ойрот. Сказал ей, что он вестник Белого Бурхана и придет сам Бурхан скоро.

Дал благословенный девушке-пастушке много указаний, как восстановить в стране праведные обычаи и как встретить Белого Бурхана, который воздвигнет на земле новое счастливое время. Девушка созвала свой род и объявила эти новые указания благословенного, прося сородичей закопать оружие, разрушить идолов и молиться только милостивому Белому Бурхану. На вершине лесистой горы было установлено подобие алтаря. Там собирался народ, сожигали вереск и пели вновь сложенные священные песни, трогательные и воздымающие. Одна звучит так:

Вы, живущие за белыми облаками —
За синими небесами —
Три Курбустана!
Ты, носящий четыре косы —
Белый Бурхан!
Ты, владыко Алтай —
Белый Бурхан!
Ты, населяющий вокруг себя
Народы, в золоте и серебре,
Белый Алтай!
Ты, сияющий днем!
Ты — солнце Бурхан!
Ты, сияющий ночью!
Ты, месяц Бурхан!

Пусть зов мой запишется
В священную книгу Садур!

Местная администрация смутилась, узнав об этой новой вере, как они называли ее. Мирные почитатели Белого Бурхана подверглись жестокому преследованию. Но наставления благословенного Ойрота не погибли. До сих пор всадник на белом коне появляется на горах Алтая и растет вера в Белого Бурхана. В разбросанных юртах шепчется легенда, что на реке Катунь произойдет последняя битва людей и что из-за далекой Белой горы сияет уже свет Белого Бурхана. И при этих словах головы собеседников обращаются на юг от Алтая, туда, где далеко вздымаются высочайшие горы, сверкающие в снежном уборе. Такое случилось среди ойротов в Алтайских горах.

В тех же горах и другое чудо замечено, и опять в направлении Шамбалы и светлого будущего. В тех же алтайских округах живет много староверов. Века тому назад они скрылись в темных лесах, спасая свою старую веру от новых законов Никона, а затем Петра.

В чистоте и строгости еще соблюдается там старинная

вера. Они имеют свои иконы и своих начетчиков и блюдут свои молитвы и обычаи. И даже при последних событиях в Сибири этот край внутренне был мало затронут.

В середине 19-го столетия необычайная весть была принесена к алтайским староверам:

«В далеких странах, за великими озерами, за горами высокими, там находится священное место, где процветает справедливость. Там живет высшее знание и высшая мудрость на спасение всего будущего человечества. Зовется это место Беловодье».

В некоторых сокровенных записях намечается и путь к этому месту.

Опять географические указания места умышленно запутаны или произнесены неправильно. Но даже и в этом неправильном произношении вы можете различить истинное географическое направление, и это направление, не удивляйтесь, опять ведет вас к Гималаям.

Седобородый строгий старовер скажет вам, если станет вам другом:

«Отсюда пойдешь между Иртышом и Аргунью. Трудный путь, но коли не затеряешься, то придешь к соленым озерам. Самое опасное это место. Много людей уже погибло в них. Но коли выберешь правильное время, то удастся тебе пройти эти болота. И дойдешь ты до гор Боготорше, а от них пойдет еще труднее дорога. Коли осилишь ее, придешь в Кокуши. А затем возьми путь через самый Ергор, к самой снежной стране, а за самыми высокими горами будет священная долина. Там оно и есть, самое Беловодье. Коли душа твоя готова достичь это место через все погибельные опасности, тогда примут тебя жители Беловодья. А коли найдут они тебя годным, может быть, даже позволят тебе с ними остаться. Но это редко случается».

Много народу шло в Беловодье. Наши деды Атаманов и Артамонов тоже ходили. Пропадали три года и дошли до святого места. Только не было им позволено остаться там, и пришлось вернуться. Много чудес говорили они об этом месте. А еще больше чудес не позволено им было сказать».

Когда вы сообразите названные географические имена, вы легко поймете их смысл. Иртыш и Аргунь произнесены правильно. Соленые озера, конечно, это озера Цайдама с их опасными переходами. Боготорше или Боготорье, конечно, это горный хребет Бурхан-Будда. Кокуши —

каждому понятно, является хребтом Кокушили. А Ергор, т. е. самое высокое нагорье, конечно, будет Чантанг у Трансгималаев, уже в виду вечных снегов. Это учение о Беловодье и теперь так сильно на Алтае, что всего шесть лет тому назад целая группа староверов отправилась на поиски священного места; до сих пор они не вернулись. Но когда мы проходили Алтай в 1926 году, некий ойрот принес письмо от одной женщины, ушедшей в той же группе. Она сообщает родственникам, что они еще не достигли святого места. Но все же полны надеждами дойти до него. Она не могла сообщить, где она живет сейчас, но говорит, что жизнью довольна. Итак, опять легенда и сказка переплетается с жизнью. И эти люди твердо знают о Беловодье—Шамбале. И они шепчут путь к Гималаям.

Когда мы пересекали Алтай, несколько школьных учителей пришло к нам, шепча вопрос:

— Неужели вы из Индии? Расскажите нам, что вы знаете о махатмах?

И глаза жадно ловили ответ, и они схватывали каждый намек из учения великих махатм. И опять тихо говорили они:

— «Мы не одни, нас много. И мы только мечтаем об этом учении!» — И это было в диких горах, в глухих лесах.

Странную повесть слышали мы. Совсем недавно в Костроме умер старый монах, который, как оказывается, давно ходил в Индию, на Гималаи. Среди его имущества была найдена рукопись со многими указаниями об учении махатм. Это показывало, что монах был знаком с этими, обычно охраняемыми в тайне вопросами. Так неожиданно разбросаны личные наблюдения и доверительные указания.

Опять к тому же источнику.

Уже покидая Алтай для Монголии, я слышал священный стихирь, напевно сказанный пожилым старовером.

Старик поет:

«А прими меня, пустыня тишайшая». —

«А и как же приму я тебя, царевича?

Нет у меня, у пустыни, ни дворцов, ни палат». —

«А и не пужно мне ни палат, ни дворцов».

Маленький пастух на горе поет:

О, Учитель мой любимый,
Почто ты покинул меня?

Ты покинул меня, сироту;
Провести в печали все мои дни.

О пустыня прекрасная!
Прими меня в свое лоно.
В избранный дворец мой!
В мир и молчание.

Я бегу, как от змея,
От земной славы и прелести,
От богатства и палат блестящих.
О пустыня возлюбленная, прими меня!

Я пойду в твои поля
Дивиться на цветы чудесные;
Здесь проживу я мои годы
И до скончания дней моих.

Я распознал в этом напеве старый стихирь о Иосафе, сыне царя. Это был старинный напев о жизни Будды, причем жизнь Учителя была представлена под именем жизни Иосафа, сына царя Индии. Иосаф, Иосафат — это измененное боддисатва, искаженное в арабском произношении.

Старик ведет нас на каменистый холм и, указывая каменные круги древних погребений, торжественно говорит:

«Вот здесь и ушла Чудь под землю. Когда Белый царь пришел Алтай воевать и как зацвела белая береза в нашем краю, так и не захотела Чудь остаться под Белым царем. Ушла Чудь под землю и завалила проходы камнями. Сами можете видеть их бывшие входы. Только не навсегда ушла Чудь. Когда вернется счастливое время и придут люди из Беловодья и дадут всему народу великую науку, тогда придет опять Чудь, со всеми добытыми сокровищами».

В Бурятии и в Монголии мы уже не удивлялись найти многие знаки Шамбалы. В этих странах психические силы очень развиты.

Когда мы приближались к Урге, столице Монголии, мы должны были переночевать на берегу реки Иро. Поздним вечером на другой стороне реки засветились какие-то огоньки. Мы спросили о них и получили совершенно необычайный ответ.

«Там стоит большой монастырь, и сейчас он доставляет много хлопот Монголии. В прошлом году около этого монастыря родился удивительный ребенок. Не было ему еще и года, как он сказал по-монгольски замечательное пророчество о будущем. А затем больше ничего не говорил, как обычный ребенок».

Видите, вот опять весть о будущем.

Когда мы вошли в Ургу, около одного храма мы заметили окруженное тыном пустое место.

«Что это?»

И опять неожиданный ответ:

«Это место будущего храма Шамбалы. Какой-то неизвестный лама пришел и приобрел это место для будущей постройки».

В Монголии не только много образованных лам, но даже много светских людей и членов правительства могут сообщить вам немало замечательных подробностей об этих вопросах.

Когда мы показали некоторые из привезенных пророчеств о Шамбале лицу, близкому монгольскому правительству, он воскликнул в величайшем изумлении:

«Но ведь это то самое пророчество, которое сказано мальчиком на Иро! Поистине великие времена приходят».

А затем он рассказал нам, как совсем недавно молодой монгольский лама из Улясутая написал новую книгу о Шамбале, объясняя высокое значение Шамбалы для будущего и говоря о способах достижения этого замечательного места.

Другой очень интеллигентный бурят, один из монгольских вождей, сказал нам, как один бурятский лама после многих трудностей достиг Шамбалы и даже оставался там короткое время. Среди описания этого необычного пути попадались некоторые поразительно реалистичные подробности. Упоминалось, что, когда этот лама с проводником достигли уже границы священной долины, они заметили совсем близко целый караван яков, груженных солью. Это были обычные тибетские купцы, которые в полном незнании проходили совсем близко от этого замечательного места. Но вся атмосфера вокруг этого места так сильно психологирована, что проходящие никогда не заметят то, что они не должны видеть. Другая маленькая подробность из этого же путешествия останавливает внимание. Когда этот лама возвращался из Шамбалы, ему пришлось проходить чрезвычайно узким подземным ходом... Он встретил там двух людей, проводивших с большим трудом породистого барана, который нужен был для научных опытов, происходящих в этой чудесной долине.

На улицах Урги проходит отряд всадников монгольских войск. С чувством они поют какую-то зовущую песню.

«Что это за песня?»

«Это песня о Шамбале».

При этом рассказывают, как Сухе-Батор, недавний народный герой Монголии, деятель освободительного движения, сложил эту песнь о Шамбале, которая и распевается сейчас по всем углам Халки.

Начинается она так:

Чанг Шамбалин Дайн.
Северной Шамбалы Война.
Умрем в этой войне,
Чтобы родиться вновь
Витязями владыки Шамбалы.

Итак, новейшее движение Монголии также связано с именем Шамбалы. И новые знамена духовно подымаются в честь Шамбалы.

Мы посетили особый храм, посвященный Майтрейе, а также храм Калачакры. И видели особое живописное изображение предположительного вида Шамбалы.

Когда я подарил Монгольскому правительству мою картину — «Ригден-Джапо — владыка Шамбалы», она была принята с совершенно особыми чувствованиями. Член правительства сообщил мне, что монголы имеют намерение построить особый памятный храм, где эта картина займет центральное место.

Лицо, близкое правительству, спросило меня:

«Могу я спросить вас, как, созидая эту картину, вы могли знать о видении, которое имел один из наших наиболее уважаемых лам несколько месяцев тому назад? Лама видел множество людей разных стран, и все головы их были обращены к западу. Затем в небесах появился гигантский всадник на огненном коне, окруженный пламенем, со знаменем Шамбалы в руке. Сам благословенный Ригден-Джапо! И он сам обернул все головы толпы с запада на восток. В описании ламы величественный всадник был подобен всаднику на вашей картине».

Такие совпадения с картиной и с пророчествами на реке Иро вызывали восклицание:

«Истинно, время Шамбалы пришло!»

Много других удивительных событий было рассказано образованными бурятами и монголами. Они знали о таинственном свете над Хотанским субурганом. Они говорили о будущем нахождении утраченной Чаши Будды. Много внимания уделялось чудесному камню, упавшему с далекой звезды, который появляется в различных странах перед большими событиями.

Великий Тимур, говорится, владел этим камнем. Камень обычно приносится совершенно неизвестными неожиданными людьми. Тем же неожиданным путем в должное время камень исчезает. Чтобы опять появиться в сужденный срок в совершенно другой стране. Главная часть этого камня находится в Шамбале. Лишь небольшой кусок его выдан и блуждает по всей земле, сохраняя магнитную связь с главным камнем.

Бесконечные сказания щедро рассыпаны об этом камне. Говорится также, что царь Соломон и император Акбар владели им. Эти предания невольно напоминали Лапис Эксилис — блуждающий камень, воспетый знаменитым мастерзингером Волфрамом фон Эшенбах, заключившим свою песню словами:

«И этот камень называется Граль».

Там же в Урге из нескольких источников мы слышали о посещении великим махатмой двух старейших монгольских монастырей. Один Ердени Дзо на Орхоне и другой Нарабанчи.

О посещении махатмою монастыря Нарабанчи мы уже имели сведения в литературе, но приятно было узнавать совершенно те же подробности и от лам далекой Монголии. Говорится, как однажды в полночь группа всадников приблизилась к воротам Нарабанчи Гомпа. Видимо, они прошли долгий путь. Их лица были покрыты меховыми шапками. Их вождь вошел в храм, и немедленно зажглись все лампы. Затем он приказал, чтобы все гелонги и хуараки собрались в храм. Он встал на главное место Богдо Гегена и открыл свой лик. И все присутствующие узнали самого благословенного. Он произнес много пророчеств о будущем, затем все всадники сели на коней и оставили монастырь так же неожиданно, как и пришли.

Другой рассказ о прибытии гималайского махатмы в Монголию был сообщен нам членом монгольского учебного Комитета. Он сказал следующее:

«Вы знаете, что мы имеем несколько лам, обладающих большими духовными силами. Конечно, они не живут в городах или больших монастырях. Обычно они обитают в удаленных хутонах в горных убежищах. Лет шестьдесят или пятьдесят тому назад одному из этих лам было доверено большое поручение. Он должен был выполнить его лично и перед смертью должен был передать миссию доверенному лицу по своему выбору. Вы знаете, что величайшие

поручения даются Шамбалой. Но на земле они должны быть выполнены человеческими руками в земных условиях. Вы также должны знать, что подобные поручения всегда сопровождаются великими трудностями, которые должны быть преодолены силою духа и преданностью. Случилось, что лама частично выполнил свое поручение, но затем заболел и потерял сознание; в этом состоянии, конечно, он не мог передать поручение достойному приемнику. Великие держатели Гималаев знали о его затруднении. Так как поручение должно было быть выполнено на данных условиях, то один из великих держателей предпринял в величайшей поспешности утомительное путешествие от Тибетских Нагорий в наши Монгольские степи. Поездка была так спешна, что держатель оставался в седле по 60 часов, но таким образом прибыл вовремя. Он временно вернул ламе сознание, так что тот оказался в состоянии докончить вверенное ему поручение достойным образом. Вы видите, как великие держатели помогают человечеству. Сколько самопожертвования и какие земные трудности они принимают на себя, чтобы помочь великому будущему».

В этом рассказе о спешном путешествии в Монголию, в этих шестидесяти часах в седле вы можете распознать конец той же самой повести, начало которой мы слышали в Индии. В Монголии они называли махатм держателями и не знали, который именно из махатм предпринял это путешествие. Но зато в Индии они не могли сказать, с какой целью путешествие было предпринято. Таковы нити Азии. Кто приносит эти новости? Из каких тайных ходов появляются неведомые вестники? Встречаясь со скучною рутиною ежедневности, встречая трудности и грубость и обременительные заботы в Азии, вы не должны сомневаться, что в самую обычную минуту у двери вашей уже готов постучаться кто-то с самою великою вестью. Два потока жизни особенно различимы в Азии, и потому пусть лик обыденности не разочаровывает вас. Легко вы можете быть вознаграждены зовом великой правды, который увлечет вас навсегда.

Звонят колокола верблюдов. Долгие пустынные переходы.

Над пустыней опять несется песня Шамбалы. Вокруг безжизненные скалы и груды камней и морозное нагорье, но знаки Шамбалы не покидают вас.

Ламы нагнулись над галечным скатом. Что-то прилеж-

но выкладывают из белых осколков кварца, собранных на соседней горе.

Что это за замысловатый узор? Не узор — это монограмма Калачакры. Издалека для всех путников будет белеть буква, зовущая к великому учению.

На высотах Шарагольчи, перед Улаи-Даваном, на месте, где останавливался махатма при поездке в Монголию, строится субурган Шамбалы. Все наши ламы и мы сами носим камни и скрепляем их глиной с травой. Верх субургана строится из дерева и покрывается жестью из бензиновых банок. Мои краски служат для расцветения. Из гор Гумбольта привозится известь, субурган сверкает белизной среди пурпура пустыни. Бурятский лама расписывает красным, желтым и зеленым многие узоры и изображения. Местные монголы привозят Норбу-Ринпоче, скромные дары — бирюзу, кораллы и бусы для вложения в субурган. Приезжает на освещение сам великий лама Цайдама. Монголы клянутся оберегать памятник Шамбале, если только китайцы, дунганы или верблюды не нарушат.

День Шамбалы. У шатра Шамбалы ламы служат великому Ригден-Джапо. Перед изображением владыки поставлено полированное зеркало. Из узорного сосуда на его поверхность льют воду. Струи сбегают по лику зеркала, покрывают его странным узором. Колеблется и живет поверхность. Символ магических зеркал, где выявляется будущее, пишет руны откровений.

Лама, проводник каравана, платком завязывает себе рот и нос.

«Почему? Ведь день не холодный».

Он поясняет: «Теперь уже необходимы некоторые предосторожности, мы приближаемся к заповедным областям Шамбалы. Скоро мы встретим «сур», ядовитый газ, которым охраняется граница Шамбалы».

Наш тибетец, Кончок, скачет к нам и говорит шепотом: «Недалеко отсюда, когда далай-лама следовал из Тибета в Монголию, все люди и все животные каравана начали дрожать, но далай-лама объяснил, что пугаться не следует, потому что караван коснулся заповедной границы Шамбалы и воздушные колебания необычны для каравана».

Из Кумбума, с родины Тзон-Ка-Па, к нам приехал нирва монастыря со своим украшенным шатром и многоцветной свитой. Он привез нам подарок и передает знак Шамбалы. Рассказывает, как некоторые китайцы просили

недавно таши-ламу выдать им паспорта в Шамбалу. Только таши-лама может делать это.

Только что таши-лама опубликовал в Китае новую молитву о Шамбале. Теперь все может быть достигнуто только через Шамбалу.

Опять обнаженные скалы и бесконечная пустыня. Ни путников, ни животных.

Оглядываем друг друга в изумлении. Неожиданно мы все почувствовали аромат, как запах лучших курений Индии. Откуда он идет? Ведь мы окружены голыми скалами. Но лама улыбается: «Чувствуете вы ароматы Шамбалы?»

Солнечное безоблачное утро — сверкает ясное голубое небо. Через наш лагерь стремительно несется огромный темный коршун. Наши монголы и мы следим за ним. Но вот один из бурятских лам поднимает руку к голубому небу:

«Что там такое? Белый воздушный шар?»

«Аэроплан?»

И мы замечаем, на большой высоте что-то блестящее движется в направлении от севера к югу. Из палаток принесены три сильных бинокля. Мы наблюдаем объемистое сфероидальное тело, сверкающее на солнце, ясно видимое среди синего неба. Оно движется очень быстро. Затем мы замечаем, как оно меняет направление более к юго-западу и скрывается за снежной цепью Гумбольта. Весь лагерь следит за необычным явлением, и ламы шепчут: «Знак Шамбалы».

На сером фоне холмистой пустыни печто белое сверкает на солнце. Что это может быть? Большая палатка? Или снег? Но в это время не бывает снега в пустыне. Это белое пятно слишком велико для палатки. И почему оно так резко отличается от всего окружающего?

Приближаемся. Подходя, белая масса оказывается еще большего размера, чем казалась. Это огромная белая пирамида глауберовой соли, образованная осадками гигантского гейзера — целое состояние для дрогиста. Ледяной соленый источник вытекает из-под белой массы. Лама опять шепчет: «Это знак третьей границы Шамбалы».

Приближаясь к Брамапутре, можно найти еще больше указаний и легенд, связанных с Шамбалой. И еще одно обстоятельство дает этим местам еще более убедительное впечатление; здесь в направлении к Эвересту жил про-

видец-отшельник Миларспа, слушавший перед восходом солнца голоса Дэв.

Ближе к области Шигатзе, на живописных берегах Брамапутры и в направлении к священному озеру Манасаравар, еще совсем недавно существовали Ашрамы махатм Гималаев.

Когда вы знаете это, когда вам известны факты, окружающие эти замечательные места, вас наполняет особое чувство. Здесь еще живут престарелые люди, которые помнят их личные встречи с махатмами. Они называют их «Азары» и «Кутхумпа». Некоторые жители помнят, что здесь была, как они выражаются, религиозная школа, основанная махатмами Индии. На этом дворе Гомпа произошел эпизод с письмом, которое было съедено козю и феноменально затем восстановлено. Вот в этих пещерах они останавливались, вот эти потоки они переходили, вот в этих джунглях Сиккима стоял их внешне так скромный ашрам. Посторонним людям, которые не бывали в этих местах, вопросы о махатмах не могут быть существенные. Но проходя Трансгималаи, вы наблюдаете не один горный хребет, но целую горную страну с причудливым узором хребтов, долин и потоков. На каждом шагу вы убеждаетесь в относительной точности существующих карт. По своей сложности эти области остаются всегда не вполне исследованными. Отшельник, приютившийся в пещере, поселение в удаленной долине может остаться совершенно непо потревоженным. Лишь побывав в этих лабиринтах, вы знаете о скрытых местах, недоступных, кроме счастливого случая. Старые вулканы, гейзеры, горячие источники и радиоактивность дают здесь неожиданные приятные находки. Часто рядом с леденистым хребтом можно видеть сочную растительность в ближней долине, очевидно напитанной горячими источниками. В пустынном нагорье Дамбуре мы наблюдали кипящие горячие источники, и около них зеленела пышная растительность, цвела земляника и гиацинты. Таких долин много в Трансгималаях. Когда мы стояли в Нагчу, местные жители рассказывали, что на север от озера Дангра Юмпо, среди обнаженного нагорья, в 15 000 ф., лежит плодоносная долина. Около Лхассы в иных дворах заключены горячие источники, питающие весь домашний обиход.

Пройдя эти необычные нагорья Тибета с их магнитными волнами и световыми чудесами, прослушав свидетелей, и будучи свидетелем — вы узнаете о махатмах. Я не со-

бираюсь начать убеждать о существовании махатм. Множества людей их видели, беседовали с ними, получали письма и вещественные предметы от них. Если же кто-то в неведении спросит: «Все-таки не есть ли это миф?» — посоветуйте ему прочесть труд профессора варшавского университета Зелинского о реальности происхождения греческих мифов. Впрочем, вообще не пытайтесь убеждать. Знание входит в открытые двери. Если предрассудок существует, он должен быть изжит изнутри. Нам важно фактами установить, на каких огромных расстояниях живет одно сознание и насколько это сознание свободно открыто для будущего.

На всем Востоке почитание понятия Учителя дало облику Гуру сокровенность и недостижимость.

Понятие Гуру — Учителя только на Востоке возносимо с таким почитанием и достоинством. Напомню из Агни Йоги легенду о мальчике индусе, познавшем Учителя.

«Спросили его:

«Неужели солнце потемнеет для тебя, если увидишь его без Учителя?»

Мальчик улыбнулся:

«Солнце останется солнцем, но при Учителе мне будут светить двенадцать солнц».

Солнце мудрости Индии будет светить, ибо на берегу реки сидит мальчик, знающий Учителя».

«Есть проводники электричества, также есть объединители познания. Если варвар посягнет на Учителя, скажите ему, как человечество назвало разрушителей книгохранилищ».

Основа Востока укрепляется понятием Гуру. Какие прекрасные выражения и достойные жесты находятся в Индии в отношении Учителя.

Многие индусы, китайцы и японские ученые знают многое значительное о махатмах, но почтенье перед Учителем, характерное для Востока, препятствует им объявлять это свое знание посторонним. Значение слово Гуру — Учитель, духовный руководитель, действительно во всей Азии очень затрудняет вопрос осведомления о махатмах. Легко понять, почему многие путешественники по Азии вообще не встретились с этим вопросом. Или незнание языков, или совсем противоположные интересы, или просто неудача во встречных людях не позволили им увидеть многое ценное. Ведь все мы знаем, как, посещая музеи и

храмы без особого разрешения, мы не можем изучать склады и сокровищницы, где иногда хранятся наиболее ценные предметы.

На Востоке вы можете услышать много рассказов о пропавших людях, и некоторые из этих повестей опять будут соединены Шамбалой. Я мог бы даже назвать вам имя члена одного из научных обществ, который посетил Индию в шестидесятых годах прошлого века. Затем он вернулся на родину, даже появился на придворном приеме, а затем опять поспешно отбыл на Восток, и с этого времени люди не слышали о нем. Впрочем, дошло одно доказательство о его существовании в совершенно необычных условиях.

Можно назвать многих еще живущих, которые лично встречали махатм. Эти памятные встречи происходили как в Индии, так и в Англии, Франции, Америке и других странах. Когда мы проходили берега Брамапутры, мы вспоминали, как тибетский представитель в Урге советовал нам посетить необыкновенного отшельника несказуемого возраста, который жил в горном убежище на расстоянии несколько дневных переходов на запад от Лхассы. Тибетец настаивал, что этот отшельник был совершенно необыкновенным, ибо он был не тибетец, но, как говорили о нем, западный человек.

Мы опять вспомнили, как почтенный житель Сиккима рассказывал нам тоже о странном отшельнике на север от Китченджунги. Круг завершается. Опять Сикким. Опять сверканье Гималаев остается к северу.

Все взоры обращены туда, где превыше облаков вздымаются величественные белые вершины. Возносятся, как особая заоблачная страна. Все чаяния обращены к Гималаям.

Канг-чен-цзод-нга — пять сокровищ великих снегов. Отчего так зовется эта величественная гора? Она хранит пять сокровищ мира. Какие это сокровища? — золото, алмазы, рубины?

Нет, старый Восток ценит иные сокровища. Сказано: «Придет время, когда голод охватит весь мир. Тогда появится некто, кто откроет великие сокровищницы и питает все человечество».

Конечно, вы понимаете, что некто питает человечество не физической, но духовную пищу.

Восходя Гималаи, вы приветствованы именем Шамбалы. При спуске в долины то же самое великое понятие

благословляет вас. Шамбала питает человечество духовною пищей познания великих энергий.

Нет худых вестей из Сиккима.

За это время наш друг Ринпоче из Чумби построил еще два монастыря, и везде есть изображение Майтрейи и Шамбалы.

Наш лама-художник ларива еще в Гуме и написал на стене храма фреску «Мандалу Шамбалы».

Геше Ринпоче рассказывает в символических образах о мощи эпохи Шамбалы. За эти годы он стал говорить о Шамбале менее скрыто. Ринпоче подарил нам тибетскую книгу, изданную недавно и посвященную Шамбале. В этой книге собраны молитвы Шамбале, данные Панчен Ринпоче таши-ламой во время его последнего путешествия. Из этого собрания молитв вы можете видеть, что духовный глава Тибета в каждом месте, где он останавливался, давал особую молитву Шамбале. Это достойно примечания. А затем пришло и кольцо со знаком Шамбалы.

Седой, уважаемый Гур долины Кулу говорил нам:

«В северной стране — в Утракане — на высоком нагорье живут великие Гуру. До этого места не дойти обыкновенным людям. Сами Гуру не выходят сейчас с высот — они не любят Калиюгу. Но в случае надобности они посылают своих учеников — чела — предупредить правителей народов».

Так в древней местности Кулу претворяют знание о махатмах.

Передо мною шесть изображений Шамбалы.

Вот самое эзотерическое изображение. Мандала Шамбалы, в которой знающие узнают намеки действительности. Наверху Идам, как знак стихийной мощи, и тот таши-лама, который написал очень закрытую книгу «Путь в Шамбалу». В середине изображения снежные горы образуют круг. Узнаются три белые границы. В центре — как бы долина со многими постройками. Можно различить точно два разреза, как бы планы башен. На башне сам он, свет которого сияет в сужденное время. Внизу мощное воинство ведет победную битву, и сам Ригден-Джапо — предводитель. Победа духа на великом поле жизни. Новое изображение геше из Таши-Лунпо.

На другом изображении, внизу, та же победная битва. В середине сам Ригден-Джапо приказывающий. Перед владыкою все счастливые знаки и сокровища, которые суждены человечеству. За владыкою дворец, по сторонам

его мать и отец. А наверху Будда. Новое изображение из Сиккима.

Третье изображение без битвы, торжественное, со многими золотыми украшениями. В середине крупная фигура — Ригден-Джапо благословляющий. Перед ним выпуклым золотом сверкает Акдордже, крест из знаков молнии. Ниже расположены сокровища. Наверху владыка Будда и по сторонам два таши-ламы: третий и живущий теперь. В этом последнем утверждении выражена современная мысль. Изображение из Гума.

В четвертом изображении вокруг Ригден-Джапо собрались всадники и пешие воины, предводители его войска и советники. Изображение из Нагчу.

Пятое изображение из Таши-Лунпо представляет Ригден-Джапо поучающим нескольких Гуру заветам мудрости.

Шестое старинное изображение привезено из Таши-Лунпо бежавшим ламой. Крупное изображение Ригден-Джапо в середине. За владыкою спинка трона в виде синих крыльев, окруженная цветами. В левой руке колесо закона, а правая призывает в свидетели землю. Внизу собрались все народы Азии. По костюмам можно отличить индусов, китайцев, мусульман, ладакцев, калмыков, монголов, тибетцев. Каждый со своим сокровищем. Кто с книгами, кто с оружием, кто с цветами. В середине сокровище. Битва уже исполнилась. Народы призваны к благоденствию.

Теперь подведем итоги разбросанным указаниям о Шамбале. Учение Шамбалы — это целое учение о жизни. Так же как в индийских йогах, это учение показывает, как обращаться с тончайшими энергиями, наполняющими пространство, и как эти энергии могут быть мощно явлены в нашем микрокосмосе.

Значит, и Азары и Кудхумпа относятся к Шамбале? Да.

И великие махатмы и риши? Да.

И воинство Ригден-Джапо? Да.

И многие из цикла гессериады? Да.

И, конечно, Калачакра? Да.

И Арьяварша, откуда ожидается Калки Аватар? Да.

И Агарты с подземными городами? Да.

И Минг-сте? И Великий Яркас? И великие держатели Монголии? И жители К'ама? И Беловодье Алтая? И Шабистан? И долина Лаоцзина? И черный камень? И Граль?

Lapis Exilis, блуждающий камень? И Чудь подземная? И Белый Остров? И подземные ходы Турфана? И скрытые города Черчена? И подводный Китеж? И Белая гора? И субурган Хотана? И священная долина посвящения Будды? И Агни Йога? И Деджунг? И книга Утаншаня? И Таши Ламы? И место трех тайн? И Белый Бурхан?

Да, да, да! Все это сошлось в представлении многих веков и народов около великого понятия Шамбалы. Так же как и вся громада отдельных фактов и указаний, глубоко оцувствованная, если и недосказанная.

Полагается, что эзотерический буддизм проник в Тибет в VI в. по р. х., но до нашей эры эзотерический буддизм имел свои оплоты на склонах Кайласа и на севере Пенджаба, может быть, в местности долины Кулу.

Само учение Шамбалы, хотя считает Аттишу как распространителя этого учения, конечно, существовало несравненно древнее, теряясь в веках.

Шамбала, или «Белый Остров», указав на запад от Химавата. Можно уважать, с какою осторожностью выдается приблизительное местонахождение этого замечательного места. Бхантеюл и Деджунг являются также названиями самого места «Белого Острова».

На север от Кайласа к Куэн Луню и Черчену лежала так называемая Аргиаварша, откуда ожидается Калки Аватар.

«Место трех тайн», «Долина посвящения Будды» — все эти указания ведут сознание людей туда же, за белые высоты Гималаев. Шамбала есть священное место, где земной мир соприкасается с высшим состоянием сознания. На Востоке они знают, что существуют две Шамбалы: одна земная и другая невидимая.

Много предположений высказано о местонахождении земной Шамбалы. Некоторые из предположений относят это место на крайний север, говоря, что северное сияние есть лучи этой невидимой Шамбалы. Отнесение Шамбалы на север легко понятное.

В Тибете Шамбала называется Чан-Шамбала, то есть Северная Шамбала. Этот эпитет вполне объясним. Манифестация учения произошла в Индии, откуда все по ту сторону Гималаев, очевидно, является северным. На север от Бенареса находится деревня Шамбала, связанная с легендой о Майтрейе. Таким образом, еще раз становится ясным, почему загималайская Шамбала называется Северной Шамбалой.

Некоторые указания, затемненные символами, указывали местонахождение Шамбалы на Памирах, Туркестане и Гоби. Вессел в своей книге «Иезуиты путешественники по Центральной Азии» упоминает иезуита Каселла, умершего в 1650 году в Шигатзе. Каселла, который пользовался необычайной дружбой со стороны тибетцев, получил от них предложение посетить страну Шамбалы. Относительность указаний и многие недоразумения о географическом положении Шамбалы имеют свои причины. Во всех книгах о Шамбале, в устных преданиях местонахождение описывается в высоко символических выражениях, почти недоступных для непосвященных.

Так, например, указывается, что в местности Шамбалы люди живут в юртах и занимаются стадами, почему некоторые думают, что это относится к местности кочевьев Туркестана, но не забудем, что горные киргизы в местностях Куен Луня также живут в юртах и занимаются скотоводством.

Откроем перевод, сделанный профессором Грюнведем, тибетской книги «Путь в Шамбалу», написанной знаменитым таши-ламой Третым. Вы будете поражены нагромождениями географических указаний, затемненных и смешанных так, что только большое осведомление о старых священных местах и о местных терминах может помочь вам как-нибудь разобраться в этой сложной пряже.

И опять вы поймете, почему такой покров нужен. Один из махатм был спрошен, отчего они так заботливо скрывают свои ашрамы. Махатма ответил:

«Иначе бесконечные шествия и с запада, и с востока, и с севера, и с юга наводнят наши уединенные места, куда без разрешения никто не дойдет и не потревожит наши занятия». И действительно это так: отсюда, среди сутолоки города, невозможно и представить, сколько людей стремятся к учению махатм.

Образованный лама, имя которого сделалось известным на Западе, говорил нам, что много вопросов и писем он получает из Франции, Англии и Америки с запросами, как войти в контакт с махатмами и как получать их учение. Опять реальность и сокровенное устремление сходятся.

Вы видите, что это не мессианизм, но новая эра`могучих энергий и возможностей выражена в понятии Шамбалы.

Теперь каждый день мы поражены открытиями в области физики, обнаружением мощных свойств кислорода, реальностью великого пространственного огня. Когда с высот дается Агни Йога, тогда совершенно искренно можем обращаться к нашим друзьям в Азии во имя наступающей Шамбалы. С радостной улыбкой мы можем приветствовать великое будущее мощных энергий. «Последний зов нашей эволюции есть повелительный зов к творчеству, действию, к сознательному труду и к подвигам здесь на земле без всякого замедления».

Наши друзья ведантисты указывают, что эпоха Шамбалы в отличие от прочих прежних эпох, вместо постепенной эволюционности, наступит стремительно. Разговор оборачивается на стремительные завоевания науки последних лет.

Традиция Вед указывает, что близко время, когда новые энергии, ближе всего энергии Агни — космического огня, приблизятся к нашему плану и создадут новые условия для жизни. Время начала приближения этих энергий исчисляется в сороковых годах нашего столетия. Брамачарии ашрамов Шри Рамакришны и Свами Вивекананды подтвердили нам эти даты и всю указанную традицию.

Учение о жизни махатм Гималаев определенно говорит о том же. Агни Йога в полном согласии с новыми проблемами науки намечает знаки изучения стихий и топчайших энергий. То, что недавно общо называлось учением воли и сосредоточения, то Агни Йога вправляет в целую систему овладения окружающими нас энергиями. Через расширение сознания и упражнение организма среди условий современной жизни, эта синтетическая Йога строит счастливое будущее человечества. Она говорит: не уходите от жизни, развивайте способности вашего аппарата и поймите великое значение психической энергии — человеческой мысли и сознания, как величайших творящих факторов. Йога говорит: в нашей самоответственности и в сознательном сотрудничестве будем стремиться к сужденной эволюции. Но, исследуя все наши возможности, прежде всего пойдем радость труда, мужества и ответственности. Обращаясь в практических формулах ко всем сторонам жизни, Йога указывает, как близки от нас стихии, и самая из них всепроникающая — огонь.

Агни Йога отделяет действительность от майи, она восстает против «чудес», вводя феномены в кругозор позитивного знания. «Нужно учиться организации психической энергии», — утверждает Агни Йога.

Йога смело утверждает: будем искренны и отбросим предрассудки и суеверия, неприличные сознательному человеку, желающему научно исследовать и познавать.

Говоря о приближающихся воздействиях космических энергий, Йога предупреждает об особенностях ближайшего будущего; Йога обращается к врачу так:

«Скажите врачу: можешь изучать феномены возгорания огней. Тем более это явление важно, что при развитии центров человечество будет ощущать непонятные ему симптомы, которые будут относиться невежественной наукой к самым несоответственным заболеваниям. Поэтому своевременно сказать о наблюдениях за огнями жизни. Советую не откладывать, ибо нужно пояснить миру явления реальности и общности бытия. Незаметно входят в жизнь новые сочетания понятий. Эти знаки, видимые для немногих, составляют основу жизни, проникая во все построения. Только слепой не заметит, как наполняется жизнь новыми понятиями. Потому следует позвать ученых для освещения очевидности. Врач, не упустить!»

«Учение наше устремляет к познанию совершенных явлений природы, считая человека частью ее».

«Очевидность препятствует видеть внутренние течения».

«Каждый может припомнить, как он смешивал случайность с основами, составляя совершенно произвольное представление. То же можно сказать о стихии огня. Кто-то недомыслящий полагает: «Деды жили без познания огня и спокойно сошли в могилу. Какое мне дело до огня?»

«Но мыслящий думает: откуда необъяснимые эпидемии, иссушающие легкие, гортань и сердце? Поверх всех причин есть еще нечто, непредусмотренное врачами. Не условия жизни, но нечто извне косит толпы».

Этим путем внимательных наблюдений можно прийти к заключению без предрассудков.

Или Агни Йога призывает:

«Агни Йога приходит ко времени. Кто же иначе скажет, что эпидемии инфлюэнцы должно лечить психической энергией? Кто же обратит внимание на новые виды ду-

шевных, мозговых и сонных заболеваний? Не проказа, не старая форма чумы, не холера страшны. К ним имеются предохранительные меры. Но следует задуматься над новыми врагами, созданными современной жизнью. Нельзя к ним применять старые средства, но новый подход создается расширением сознания.

Можно проследить, как в течение тысячи лет шли волны болезней. По этим знакам можно составить любопытную таблицу человеческих уклонов, ибо болезни показывают негатив нашего существования.

Надеюсь, что живые умы вовремя помыслят. Поздно строить насос, когда дом пылает!»

Так Агни Йога говорит о психической энергии. Люди совершенно разучились понимать и применять психическую энергию. Они забыли, что каждая энергия, приведенная в действие, порождает инерцию. Почти невозможно остановить эту инерцию, потому каждое проявление психической энергии продолжает свое воздействие по инерции, иногда даже продолжительно. Можно уже видоизменить мысль, но следствие прошлой посылки все-таки будет пронизывать пространство; в этом сила психической энергии, но и качество, заслуживающее особой заботливости.

Можно лишь светлым сознанием управлять психической энергией, чтобы не засорять путь свой прошлыми послылками. Часто мысль случайная и несвойственная надолго мутит поверхность океана достижений. Человек уже давно забыл о мысли своей, но она продолжает лететь перед ним, освещая или затемняя путь. К сиянию луча припадают малые светочи, обогащая его. К сору присасываются темные пыльные части, пресекая движение. Когда говорим — летите светло или — не сорите, предупреждаем о действии.

Все, сказанное о психической энергии, относится к каждому действию. Здесь нет ничего отвлеченного, ибо психическая энергия заложена во всей природе и особенно выражена в человеке. Как бы человек ни пытался забыть о ней, психическая энергия напомнит о себе. И дело просвещения — научить человечество обращаться с этим сокровищем. Если наступило время говорить о физических видимых отложениях психической энергии, значит, действительность вступила в очевидность; значит, люди должны

неотложно стремиться к овладению психической энергией. Огонь пространства и психическая энергия связаны между собой и представляют основание эволюции.

Как пример жизненных указаний Агни Йоги, можно привести место о последовательности нервных центров. Указывается, что кундалини, как центр, уводящий в самадхи, в дальнейшей эволюции уступает свое значение другому центру около сердца. Этот центр называется чашею и является местом манаса — средоточием чувствования. При расширении сознания чувствование ведет к действию, которое и является главным отличием будущей эволюции. Центр третьего глаза действует в сочетании с чашею и кундалини. Эта триада как нельзя лучше характеризует действительное начало ближайшей эпохи. Не уводящее восхищение, но деятельное утверждающее начало предопределено для грядущего подвига человечества.

Можно привести из Агни Йоги множество указаний первой важности, рассыпанных в учении, как драгоценная мозаика.

«Научились ли вы радоваться препятствиям?» — какое мощное сознание звучит в этом бодром призыве!

«Йога, как высшая связь с космическими достижениями, существовала во все века. Каждое учение содержит свою Йогу, применимую к ступени эволюции. Йоги не отрицают друг друга. Как ветви одного дерева, они расстилают тень и дают прохладу путнику, утомленному зноем. Полный новыми силами странник продолжает путь. Он не отнял ничто чужое. Он не извратил устремление. Он допустил явление благодати пространства. Он дал свободу силам сужденным. Он овладел своим единственным имуществом. Не избегайте сил Йоги, но, как свет, относите их в сумерки неосознанного труда. Для будущего мы встаем от сна. Для будущего обновляем покровы. Для будущего питаемся. Для будущего устремляемся мыслью. Для будущего собираем силы. Мы услышим шаги стихии огня, но будем уже готовы управлять волнами пламени».

Так напутствует путника жизни Агни Йога, данная «в долине Брамапутры, взявшей исток от озера Великих Нагов, хранящих заветы Риг-Вед».

Слишком долго люди оставались в низшем физическом состоянии. Они должны торопиться овладеть сужденными блестящими возможностями. Вы поражены, когда вспоминаете, что фонограф Эдисона в 1878 году в собрании

французской академии был осмеян, как фокус шарлатана. Мы можем вспоминать, как первые моторы были объявлены непрактичными. Как электрический свет был сочтен опасным для зрения, а телефон — вредным для уха. Теперь это смешно вспомнить, но, к сожалению, это было так недавно. Так трудно человечество воспринимает новые понятия. Предрассудок пронизывал устои общества.

Вы можете себе представить необыкновенно благостное и воодушевляющее впечатление, когда среди белых вершин Гималаев вам приносят почту из Америки. Друзья среди многих сведений широкого размаха присылают ряд газетных вырезок о заседаниях американского Общества содействия развитию науки, возглавляемого таким славным именем, как профессор Милликан, и другими лучшими силами Америки. Вы видите, как целый ряд ученых со стороны практического знания приходит к тем же положениям, которые так повелительно утверждаются Агни Йогой.

Космический луч Милликана, относительность Эйнштейна, музыка сфер Теремина принимаются на Востоке совершенно положительно — древние ведические и буддийские традиции подтверждают их. Так встречаются Восток и Запад. Разве не прекрасно, если мы можем приветствовать старые понятия Азии, исходя от нашей современной научной точки зрения?

Если Шамбала Азии уже наступила, будем надеяться, что наша собственная Шамбала просвещенных открытий тоже пришла.

«Мировое единение», «взаимное понимание» — эти понятия делаются мечтами непрактичного оптимизма. Но ныне даже оптимист должен быть практичен, и понятие мирового единения из записной книжки философа должно войти в реальную жизнь.

Если я обращусь к вам: «Объединимся» — на чем? Может быть, вы согласитесь со мною, что наиболее легкий путь будет через красоту и знание. И эти принципы создадут искренний и общий язык.

В Азии, если я начну говорить во имя красоты и знания, я буду спрошен:

«Какая красота и какое знание?»

Но когда я отвечу: «Во имя знания Шамбалы, во имя красоты Шамбалы», тогда я буду выслушан с особым вниманием,

Из моих замечаний вы могли видеть, что учение Шамбалы чрезвычайно жизненно. Не мечты, но самые практические советы даются в этом учении с Гималаев. Агни Йога и несколько других книг, в которых фрагменты этого учения о жизни даны, очень близки каждому сильному и ищущему духу. Давно уже высказывались многие противоположения востоку и западу, северу и югу. Все это звучало разъединением. Действительно, где же настоящая граница между западом и востоком? Отчего Алжир — восток, а Польша — запад? Не будет ли Калифорния крайним востоком для Китая?

Агни Йога говорит:

«Именно делите мир не по северу и по югу, не по западу и востоку, но всюду различайте старый мир от нового... Старый и новый мир отличаются в сознании, но не во внешних признаках».

С большой радостью я заметил, что в заседании от 5 февраля 1929 года азиатского Общества Бенгала президент Общества д-р Рай Упендра Пат Врамачари Бахадур заявил: «Теория, что «Восток есть Восток и Запад есть Запад и никогда близнецы не встретятся», по моему мнению, отжившая и окаменелая идея, которую нельзя поддерживать».

Итак, надо всеми физическими условностями и разделением намечаются возможности нового истинного общего единения. Во имя этого мира всего мира, во имя мира для всех, во имя взаимного понимания радостно произнести здесь священное слово «Шамбала».

Поистине стираются условные границы. Вы заметили, что понятие Шамбалы соответствует лучшим западным научным исканиям. Не темноту суеверия и предрассудков несет с собою Шамбала, но это понятие должно быть приносимо в самой позитивной лаборатории истинного ученого. В искании сходятся восточные ученики Шамбалы и лучшие умы Запада, которые не страшатся заглянуть выше изжитых мерок. Как драгоценно установить, что во имя свободного познания сходятся Восток и Запад.

Было время, когда японец был вынужден писать в альбом западной леди: «Мы будем вспоминать вас при восходе солнца; вспоминайте нас при закате».

Теперь же мы можем писать в альбом восточных друзей: «Несгораемый светоч сияет. Во имя красоты знания, во имя культуры стерлась стена между Западом и Востоком».

Если мы можем встречаться во имя ценности культуры, ведь это уже огромное счастье, еще так недавно невозможное. Пусть в своеобразных выражениях, пусть в смятении духа, но пусть бьется сердце человеческое во имя культуры, в которой сольются все творческие находения. Мыслить по правильному направлению — значит уже двигаться по пути к победе.

Из глубин Азии доносится звенящая струна священного зова:

«Калагия!»

Это значит:

«Приди в Шамбалу!»

МЕЧ ГЕССАР-ХАНА

Лахул

Подают воду в жестяной чашечке. Еще живет эта чашечка, а ведь она прошла с нами весь Тибет и Китай и Монголию. А вот и ягтан, сделанный еще в Кашмире. Выдержал старик всю Азию, на всех перевозных средствах. Надо его поберечь, слишком много он знает. А вот и знамя бывшей экспедиции — «Майтрейя». С тех пор под разными углами встречались мы с этим понятием. Уже далек тибетский художник, писавший это знамя. Уже нет ламы Малонова, украсившего знамя китайскими шелками, и знамя видело немало. Участвовало и склонило на нашу сторону диких голоков. Удивило и смягчило тибетского губернатора. Было по лбу хотанского амбана и далеко пестрело красками при сооружении субургана в Шарагольчах. Теперь оно в Гималайском институте, выросшем из экспедиции. Пусть оно охраняет все целебные травы гималайские, в которых так много лучших решений.

Каждый предмет, прошедший с нами всю Азию, делается необыкновенно милым и незабываемым. Сами трудности пути претворяются в необычные радости, ибо они овеяны просторами, вобравшими в себя столько чудесного прошлого.

Опять гремят бубенцы мулов караванных. Опять крутые всходы горного перевала. Опять встречные путники, каждый из них несущий свою житейскую тайну. Опять рассказы о местных духовных сокровищах, о памятных местах. Опять на скале запечатлен героический меч Гессар-хана; опять перед нами пещеры и вершины священного паломничества. Вечно бродящие странники тянутся с котомками за плечами. Не только вера, но непреодолимое стремление к житию странному увлекает их по трудным горным тропинкам.

Мы идем в Лахул. Опять продолжение экспедиции. Как будто так же, как бывало. С тою разницею, что там никакая почта, никакие сведения из внешнего мира по долгим месяцам нас не достигали. Но здесь мы еще на границе последних почтовых бегунов, и смятение мира может стучаться к нам каждую неделю. Но за перевалом Ротангом уже повеял сухой тибетский воздух. Тот самый воздух, долготельный и вдохновляющий. Звавший к себе

всех искателей духовного восхождения. Ночью же по ясному небу с бесчисленными звездами, со всеми млечными путями и зарожденными и мертвыми телами полыхали странные зарницы. Не зарницы это, но то самое замечательное гималайское свечение, о котором уже не раз поминалось в литературе.

Пройдя Тибет и Ладак, можно оценить и Лахул. Снеговые пики, цветочные травы, пахучий можжевельник, яркий шиповник не хуже лучших долин Тибета. Многие святыни, ступы, пещеры отшельников не уступят Ладаку. На скалах тоже ритуальные фигуры лучников, догоняющих стрелой круторогих горных баранов. А ведь древний айбеко был символом света! Те же погребения в могилах, уставленных камнями, и в каменных склепах-камерах. Над Келангом раскинулась мощная гора Колокола — «Духовного отдохновения», со своею священной триглавою вершиною подобно нарбу-ринпоче.

Сколько здесь медицинских книг и записей, хранимых ламами. Местный знаменитый лама-лекарь уже ходит для нас с мальчиком кули и, подобно Пантелеймону-целителю, наполняет длинную заплечную корзину травами и корнями. Хорошо, что Юрий так хорошо знает тибетский язык; хорошо, что с нами лама Мингиюр, столько знающий по тибетской литературе. За первые же дни к нам принесли несколько сочинений, еще никогда не переведенных. Среди них и медицинские записи, и поэтическое описание местных святынь. Кругом все насыщено именами знаменитыми, тут и пещеры Миларепы, слушавшего на заре голоса дэв, тут был и Падма Самбгава, и Джава Гузампа, и все главы учения нуждались в незаменимом сиянии Гималаев.

Тут недалеко и водопад Палден Лхамо; сама природа начертала на скале изваяние грозной богини, скачущей на любимом муле. «Видите, как мул поднял голову и правую ногу. Рассмотрите, как ясно видна голова богини». Видим, видим! И слушаем неумолчную песнь горной струи. Проходим пещеры и скалы нагов — там живут особые змеи. Изумляемся древнему замку такуров Гундлы. С изумлением видим, что некоторые островерхие крыши балконов опять напоминают Норвегию. Поучительно наблюдать плоские крыши, непременно последнее древней Азии, и эти острые неожиданные завершения, папоминающие север.

Незабываем прием, устроенный нам в Келанге, сто-

лице Лахула. Увешанные цветочными гирляндами, предшествуемые трубами и барабанами въезжали мы в Келанг.

При въезде нас ожидало неожиданное и трогательное зрелище. На крыше выстроились ламы в пурпурных высоких тирах с гигантскими трубами. С плоских крыш сыпались желтые и красные лепестки шиповника. Толпа теснилась в праздничных нарядах. Дети школы, выстроенные шпалерами по знаку вазира области, кричали приветствия. А на арках и домах цветились плакаты с трогательными приветствиями. Подходя в нарастающей процессии к летнему помещению нашего Гималайского института, мы были встречены еще ламскими трубами, а дочь соседа Ану в бирюзовом высоком кокошнике поднесла священное молоко яка. Так Келанг, затерянный в снеговых горах, хотел выразить свою сердечность.

Не только новые находки сразу нахлынули, но и удалось увидеть редкую ламскую мистерию «разбитие камня». Группа странствующих лам из Спити на нашем дворе дала эту необычную, еще не изданную мистерию. Юрий даст точный перевод ее в журнал института.

Началось с того, что ламы притащили с холма огромный, более полутора ярда камень, с трудом под силу двум людям. Установили походный алтарь и в длинном ряде ритуальных танцев, пенья и молитв изобразили разрушение злых сил.

Было и прокалывание щек. Был очень замечательный танец мечей с опрокидыванием на острия. Нужно отдать справедливость, что эта процедура требовала действительно большого навыка, ибо иначе два меча, упертые в живот, могли очень легко пронзить внутренности. Среди этих драматических эпизодов, как полагается, вставлялась и полушутливая интермедия. В ней под видом пастуха являлся властитель дикой страны, при этом шел вызывавший смех присутствующих диалог о невидимых сокровищах этого властителя. Но к концу мистерии все шуточные элементы замолкли и можно было заметить более сосредоточенное внутреннее приготовление. Кончились эти заклинания и приготовления тем, что один из лам лег на землю и двое других с усилием подняли приготовленный огромный камень, положили ему его на живот. В то время старый лама, тот, который прокалывал щеки и падал на мечи, подняв высоко крутлый булыжник, величиною не менее двух человеческих голов, бросил с силою этот камень

на камень, лежавший на животе ламы, и снова с той же силой бросил. При этом вторичном ударе длинный камень к изумлению присутствующих с треском распался на две части, освободив лежавшего ламу. Таким образом, тяжкий материальный мир был побежден, злые силы были сокрушены, и мистерия закончилась веселым хороводом и пением лам под аккомпанемент тибетской расписной балалайки. Предварительную сцену перед наложением камня Эстер Лихтман успела снять, но надо сознаться, что в момент раскалывания камня на животе ламы все присутствующие забыли о фотографии и только глубоко вздохнули. Конечно, тяжкие формы этой необычной мистерии о победе над низкоматериальным миром, но ведь не менее тяжкие и действительные общежитейские материальные формы. Также не забудем, что на разбиваемом камне был изображен углем и мелом человек, телесную сущность которого в предварительном ритуальном танце ламы прокалывали магическими кинжалами фурпа.

К нам ходит лама из Колонга. Юрий и лама Мишгюр записывают местные напевы, а Эстер Лихтман запишет музыкальный лад. Ходим смотреть старинные изображения на камнях. При этом еще раз убеждаемся, что чортены, прибавленные к старым изображениям охотников и нагорных баранов, являются более новыми дополнениями. Как и раньше думалось, эти круторогие священные бараны — символы света — и искатели их, неутомимые лучники, являются символами гораздо более удаленных культов. Здесь мы опять прикасаемся к не объясненным еще солнечным культам, напоминающим отдаленные зарождения друидизма и огненной свастики.

Опять посещение монастырей. Интересные книги об отшельниках. Опять любованье с высоких плоских крыш на необозримые ледники, снеговые пики и глубокие долины с гремящими потоками. Тут и гора «духовного отдохновения», тут и пик М., тут и маящие пути и на Ладак, и к священному Кайласу.

Танцы лам. Незнающий называет их «чертовыми плясками». «Бросьте эту глупую кличку. Танцы лам имеют глубокое символическое значение». «А как же рога?» «Покровители животного царства и повелители стихий имеют этот символ, но не имеют ничего общего с бесами. Скоро и лучи Моисея примете за рога, ох уж это незнание!» Танцы, после долгого ритуала, полного вековых движений, закончились мистерией, посвященной черноголовому ламе,

поразившему нечестивого царя Ландарму, жестокого гонителя веры.

Древнее урочище Карга. Остатки старинного укрепления. Чортены, манданги, выложенные камнями с молитвенными надписями. Говорят, здесь же и старинные могилы, но раскопку не ведем, чтобы не войти в копртроверзу с археологическим управлением. Главное внимание привлекают многочисленные рисунки на скалах. Опять бараны и лучники. Очень древние. Лама Мингиюр с гордостью зовет к камню, на котором изображение меча. Вот почему задумывалась картина «Меч Гессар-хана». Где же мы видели эти характерные формы меча-кивжала? Видели их в Минусинске, видели на Кавказе, видели во многих сарматских и кельтских древностях. Все к тем же соображениям к переселению народов ведет этот меч, так отчетливо запечатленный на древней, веками заполированной, коричнево-пурпурной поверхности камня. Знак ли битвы, знак ли мужественного прохождения? Или забытая граница? Победа?

Тут же и легенда о войнах Гессар-хана, пришедших издалека и осевших здесь. Они же принесли и первую косточку персика. Конечно, это не монголы, дошедшие до Лахула в семнадцатом веке... Народная память бережет что-то гораздо более древнее и значительное.

А напротив, за рекою, высоко на скале, древнейший монастырь края Гандо-Ла, основанный самим Падмою Самбгавою. Древность седьмого-восьмого века. Старые вонущие места.

А вот и старый Пинцог — певец-сказитель саги о Гессар-хане. Сидит степенно на полу моей мастерской и рассказывает, а затем и поет речитативом стих о великом герое Ладака, Тибета, Китая. Не от шестого ли века сложился этот напев, и не от того же ли времени важные жесты певца. Кто может заподозрить в поношенной внешности Пинцога ритмичную плавность жеста и изысканные вариации импровизаций напева. Все отмечено — как собирается герой противу врагов, как он раньше похода принимает мудрые советы сестры отца своего, как он готовит оружие... Пинцог мысленно, наглядно и осматривает доспех, и натягивает лук, и точно примечает врага на горах. «А знаете ли вы здесь, что в К'аме есть палаты Гессар-хана, где вместо балок лежат несметные мечи воинства Гессар-хана?» — «Не только в К'аме, но и в Цанге войны Гессара сложили такой памятник», — вставляет слово при-

на камень, лежавший на животе ламы, и снова с той же силой бросил. При этом вторичном ударе длинный камень к изумлению присутствующих с треском распался на две части, освободив лежавшего ламу. Таким образом, тяжкий материальный мир был побежден, злые силы были сокрушены, и мистерия закончилась веселым хороводом и пением лам под аккомпанемент тибетской расписной балалайки. Предварительную сцену перед наложением кампья Эстер Лихтман успела снять, но надо сознаться, что в момент раскалывания камня на животе ламы все присутствующие забыли о фотографии и только глубоко вздохнули. Конечно, тяжкие формы этой необычной мистерии о победе над низкоматериальным миром, но ведь не менее тяжкие и действительные общежитейские материальные формы. Также не забудем, что на разбиваемом камне был изображен углем и мелом человек, телесную сущность которого в предварительном ритуальном танце ламы прокалывали магическими кинжалами фурпа.

К нам ходит лама из Колонга. Юрий и лама Мишгюр записывают местные напевы, а Эстер Лихтман запишет музыкальный лад. Ходим смотреть старинные изображения на камнях. При этом еще раз убеждаемся, что чортены, прибавленные к старым изображениям охотников и нагорных баранов, являются более новыми дополнениями. Как и раньше думалось, эти круторогие священные бараны — символы света — и искатели их, неутомимые лучники, являются символами гораздо более удаленных культов. Здесь мы опять прикасаемся к не объясненным еще солнечным культам, напоминающим отдаленные зарождения друидизма и огненной свастики.

Опять посещение монастырей. Интересные книги об отшельниках. Опять любованье с высоких плоских крыш на необозримые ледники, снеговые пики и глубокие долины с гремящими потоками. Тут и гора «духовного отдохновения», тут и пик М., тут и маяющие пути и на Ладак, и к священному Кайласу.

Танцы лам. Незнающий называет их «чртовыми плясками». «Бросьте эту глупую кличку. Танцы лам имеют глубокое символическое значение». «А как же рога?» «Покровители животного царства и повелители стихий имеют этот символ, но не имеют ничего общего с бесами. Скоро и лучи Моисея примете за рога, ох уж это незнание!» Танцы, после долгого ритуала, полного вековых движений, закончились мистерией, посвященной черноголовому ламе,

поразившему нечестивого царя Ландарму, жестокого гонителя веры.

Древнее урочище Карга. Остатки старинного укрепления. Чортены, менданги, выложенные камнями с молитвенными надписями. Говорят, здесь же и старинные могилы, но раскопку не ведем, чтобы не войти в контроверзу с археологическим управлением. Главное внимание привлекают многочисленные рисунки на скалах. Опять бараны и лучники. Очень древние. Лама Мингиюр с гордостью зовет к камню, на котором изображение меча. Вот почему задумывалась картина «Меч Гессар-хана». Где же мы видели эти характерные формы меча-кивжала? Видели их в Минусинске, видели на Кавказе, видели во многих сарматских и кельтских древностях. Все к тем же соображениям к переселению народов ведет этот меч, так отчетливо запечатленный на древней, веками заполированной, коричнево-пурпурной поверхности камня. Знак ли битвы, знак ли мужественного прохождения? Или забытая граница? Победа?

Тут же и легенда о войнах Гессар-хана, пришедших издалека и осевших здесь. Они же принесли и первую косточку персика. Конечно, это не монголы, дошедшие до Лахула в семнадцатом веке... Народная память бережет что-то гораздо более древнее и значительное.

А напротив, за рекою, высоко на скале, древнейший монастырь края Гандо-Ла, основанный самим Падмою Самбгавою. Древность седьмого-восьмого века. Старые вонущие места.

А вот и старый Пиндог — певец-сказитель саги о Гессар-хане. Сидит степенно на полу моей мастерской и рассказывает, а затем и поет речитативом стих о великом герое Ладака, Тибета, Китая. Не от шестого ли века сложился этот напев, и не от того же ли времени важные жесты певца. Кто может заподозрить в поношенной внешности Пиндога ритмичную плавность жеста и изысканные вариации импровизаций напева. Все отмечено — как собирается герой противу врагов, как он раньше похода принимает мудрые советы сестры отца своего, как он готовит оружие... Пиндог мысленно, наглядно и осматривает доспех, и натягивает лук, и точно примечает врага на горах. «А знаете ли вы здесь, что в К'аме есть палаты Гессар-хана, где вместо балок лежат несметные мечи воинства Гессар-хана?» — «Не только в К'аме, но и в Цанге войны Гессара сложили такой памятник», — вставляет слово при-

молкший лама. В один раз певцу не сказать всех Гессара подвигов. Нужно сказать и о мудрой жене героя Бругуме. Нужно не забыть сподвижников и все победы несокрушимого защитника правды. Чего не услышишь в горах, в Тибете, в Индии. Газеты только что писали о человеке, плававшем по Джумне, держась за хвост тигра. И это вовсе не сказка.

Доктор Индус пишет нам, что рак, это растущее бедствие человечества, совершенно неизвестен на гималайских высотах.

Из Таши-Лунпо лама-доктор приносит тибетские лекарства, среди них и средства от рака. Вспоминаем официальные удостоверения успешного лечения рака покойным бурятом доктором Бадмаевым. Лама Мингиюр сообщает о съедобных корнях, находимых в лесах гималайских, обещает достать их. От нашего друга полковника приходят сведения о том, что рабочие капитана Б. всю ночь были тревожимы появившимся великаном, который так напугал их, что они убежали с работы. К этому лама замечает, что и в Сиккиме известны случаи появления подобных великанов, вестников Дармапалы, посылаемых с предупреждениями или для предотвращения злых действий. Так разнообразна жизнь.

Вот и дом такура из Колонга. Пратапа Чанда, или по-тибетски Санге Дава. Старое здание по образцу тибетских укрепленных дворов. Хозяин и хозяйка встречают у входа. Слуги сверкают серебром и китайскою парчою. Гремят трубы лам. Прежде всего зовут на торжественную службу в домашнюю молельную. Много семейных реликвий. Много отличных танок. Тут и Шамбала, и Ригден-Джапо, и Миларепа, и многие подвижники. Служение идет по буианскому обряду. Затем показываются не только драгоценности, но и книги и доски для печатания. Это не простой дом, такур — глава края, и в семье много накоплений. Конечно, кончается тибетским чаем и цампою. Тут же завязывается стговор о постройке дома. Говорят: «Честь нам, если великие люди приехали из больших мест в наше малое место».

И опять течет речь об изображениях на скалах, о нечитаемых надписях, о каменных могилах и о сокрытых книгах священных. Кроме мест в долине Кулу называется еще место около Трилокната, где, по преданию, скрыты книги во время гонений свирепого Ландармы. Есть на горах и развалины каких-то древних жилищ, Говорится,

что когда пришли воины Гессар-хана, то старые лахульцы ушли на вершины. От белого царя ушла Чудь под землю на Алтае, а жители Лахула на вершины. В историческом и археологическом отношении край мало исследован. Картина «Менгиры в Гималаях» будет напоминать о менгироподобных камнях, утверждаемых с древнейших времен и до наших дней на горных перевалах. Обычай этот имеет несомненную связь с древними менгирами Тибета, открытыми нашею экспедициею в 1928 году, подобными менгирам Карнака.

Картина «Три меча» пусть изображает древний рисунок на камне вблизи Киеланга, главного города Лахула. Лахул в испорченном произношении означает южный Тибет. Местные изображения на скалах и камнях достойны изучения.

Ладак, Дартистан, Балтистан, Лахуль, Трансгималаи, часть Персии, Южная Сибирь (Иртыш, Минусинск) изобилуют разнообразными сходными в техническом отношении изображениями, невольно напоминающими скалы Богуслана и изображения ост-готов и прочих великих переселенцев.

Изображения Ладака, Лахула и всех Гималайских нагорий распадаются на два главных типа. Тип буддийский, дошедший и до нашего времени в виде изображения свастики (как буддийской, так и обратной Бонпо), реминисцентных надписей, чортенов и прочих предметов культа.

Другой тип изображений, дошедший из времен более древних, в связи с добуддийским Бонпо и прочими культами огня еще более увлекателен по своей загадочности, по своему своеобразному друидизму, так интересному в связи с изучением великих переселений.

Главный сюжет этих изображений (частью воспроизведенных в трудах д-ра Франке, 1923) — горный козел, являвшийся символом огня. Среди изображений этих по технике можно различить целый ряд наслоений от древних (сходных со шведскими *halristingar*) до новейших, доказывающих внутреннее существование какого-то культа.

Кроме горных козлов во всевозможных комбинациях можно видеть изображения солнца, руки, танцы ритуальных фигур и прочие знаки давнего фольклора. Этот тип изображений с древнейшими традициями дает любопытные изучения.

К прочим изображениям нам удалось прибавить еще два ранее не указанных. В урочище Карга и около само-

го Кейлапта (Лахул) найдены нами изображения мечей. Значение этих изображений загадочно, но особенно интересно, что форма их совершенно совпадает с формой бронзовых мечей и кинжалов минусинского сибирского типа, так характерных для первых великих переселенцев. Не будем делать ни предположений, ни тем более выводов, но занесем эту поучительную подробность как еще одну путеводную вежу.

Не забудем, что старый католический миссионер сообщал, что место Лхассы называлось Гота.

Развалины древних храмов Кашмира поразительно напоминают основы аланских построек, так расцветшие в формах романского стиля. Де Ла Валле Пуссен сообщает об иноземцах — строителях храмов Кашмира. При этом Стен Конов указывает на принадлежность Ирилы к племени гаты, что, по его заключению, означает готы. Все такие знаки очень полезны в теме о великом переселении народов.

Телеграмма из Ле. Экспедиция института пришла благополучно. В караване ни болезней, ни потерь. Коллекции превосходны. Так и думали, что Ладак не разочарует наших собирателей. Опять предстоит поучительные опыты. Кто же не зажжется чудесами Гималаев?

Откуда же происходит эта необыкновенная заманчивость путей азиатских? Горы установились не преграждающими великанами, а зовущими путевыми вежами. Из-за вершин сверкает сияние гималайского снежного царства. Местные люди, те, которые слышали о чем-то, почтительно указывают на это сияние. Ведь оно сверкает от труда, из самой башни великого Ригден-Джапо, неустанно трудящегося во благо человечества.

А вот и редкое изображение самого великого Гессар-хана. Около воителя собраны знаки его перевоплощений и все то памятное, что не должно быть забыто в этой великой эпопее. На ступенях трона стоят тибетские сапоги. Ведь это те самые сапоги-скороходы, отмеченные в подвигах Гессар-хана. Но стоят они близко, это значит, что великий воитель нового мира уже готов к подвигу. Скоро он войдет.

Кейланг. 1931

К ПРИРОДЕ

Не так давно в печати были приведены правдивые слова де Буалье о новом направлении искусства к жизни, к природе.

«Нас утомил культ нереального, абстрактного, искусственного... И мы вырвались на открытый воздух... И у нас из груди исторглись крики восторга и упоения: как хороша природа! как красива жизнь!» — говорил де Буалье.

Действительно, теперь везде, то там, то тут, раздается этот возглас: «как хороша природа»...

Мы отбрасываем всякие условности, забываем недавнюю необходимость смотреть на все чужими глазами и хотим стать к природе лицом к лицу, в этом индивидуальном стремлении приближая наше время, вернее сказать, близкое будущее к одной из хороших прошлых эпох — к эпохе Возрождения.

Художники настоящего времени горячо стремятся к передаче природы; стараются они взглянуть на природу, на жизнь глазом индивидуальным, и в разнообразии их воззрений передаваемая природа начинает жить. Истинное упрощение формы (без символического шаблона и академической утрировки), восхищение перед легким решением задачи приближения к впечатлению природы, прозрачность фактуры, — именно высокая техника, даже незаметная в своей высоте, все эти основания лежат в

корне новейших художественных стремлений всех родов искусства.

Этим стремлением к природе, конечно, не исключается творчество историческое, ибо мы любим его не постольку, поскольку оно является приятным патриотическому чувству, поучительным или же иллюстрацией исторического источника, а оно дорого нам и ценно также потому, что дает нам художественную концепцию несравненно самобытной былой природы и восстановление человеческой личности, несмотря даже на сильную неуравновешенность многих сторон ее, все же может быть полнейшей при большей простоте.

Стремление к природе, натурализм, само собой разумеется, понимается не только в широком значении в смысле стремления вообще к жизни, но и в буквальном, являющемся неизменным следствием первого понимания, т. е. в смысле стремления к самой канве жизни, стремления в природу. Беру первый попавшийся пример. На недавней парижской выставке одним из любопытных уголков ее была швейцарская деревня. Интересно было наблюдать впечатление, производимое ею на большинство публики; лица как-то успокаивались, улыбки делались менее искусственными и напряженными, и часто тянулась рука снять шляпу, — это хороший жест! Искренне является он только перед величавым, — снимем ли мы шляпу перед стариком, в храме ли или перед морской тишиной. Раздавались голоса: «...и не подумаешь, что в центре Парижа!» «Даже воздух словно бы чище кажется», — слышалось на различных наречиях, а ведь это была лишь грубая подделка, так что подобные отзывы можно было объяснить лишь чрезмерною окружающею суетою и усиленным над природой насилием.

Сильно в человеке безотчетное стремление к природе (единственной дороге его жизни); до того сильно это стремление, что человек не гнушается пользоваться жалкими пародиями на природу — садами и даже комнатными растениями, забывая, что подчас он бывает так же смешон, как кто-нибудь, носящий волос любимого человека.

Все нас гонит в природу: и духовное сознание, и эстетические требования, и тело наше — и то ополчилось и толкает к природе, нас, измочалившихся суетою и изверившихся. Конечно, как перед всем естественным и простым, часто мы неожиданно упряимся; вместо шагов к настоящей природе стараемся обмануть себя фальши-

выми, нами же самими сделанными ее подобиями, но жизнь в своей спирали культуры неукоснительно сближает нас с первоисточником всего, и никогда еще, как теперь, не раздавалось столько разнообразных призывов к природе.

Парадоксальною должна представляться пресловутая нелюбовь Джона Рескина к железным дорогам. Его требование сообразоваться при всяких сооружениях с окружающим пейзажем могло казаться странным, но в этом последнем желании нет ничего излишнего; наоборот, теперь оно должно считаться практически необходимым и непременным условием во всех проявлениях созидательной работы.

Различные заботы о здоровье природы уже давно признаются насущными; мы разводим леса, углубляем реки, удобряем землю, предотвращаем обвалы, — все это требует усиленной работы и затрат. Но целесообразное пользование пейзажем, природою тоже ведь одно из существеннейших условий ее здоровья, и притом для выполнения этого условия ничего не надо тратить, не надо трудиться, не надо «делать», надо только наблюдать, чтобы и без того делаемое совершалось разумно. И для осуществления этой задачи прежде всего необходимо сознание, что самый тщательный кусок натурального пейзажа все же лучше даже вовсе не самого плохого создания рук человека. Всякий клочок природы, впервые подвергающийся обработке рукою человека, непременно должен вызывать чувство, похожее на впечатление потери чего-то невозвратимого.

И надо сказать, что требования заботливого отношения к природе и сохранения ее характерности нигде не применимо так легко, как у нас. Какой свой характер могут иметь многие европейские области? Придать характер тому, что его утратило, уже невозможно. А между тем что же, как не своеобразие и характерность, ценно всегда и во всем? Не затронем принципа национальности, но все же скажем, что производства народные ценятся не столько по своей исключительной целесообразности, сколько по их характерности.

Русь только начинает застраиваться. Русь начинает менять первобытное хозяйство на новейшее. Русь теперь вводит разные важные статьи благоустройства; многочисленные ее пункты еще, по счастью, сохранились девственными и характерными. Ничего там не пужно ни сносить, ни переделывать, но лишь наносить и делать...

Указание на многие девственные места Руси вовсе не следует понимать в том смысле, что вопрос эконопии природой у нас находится в благополучном состоянии. Конечно, у всех бездна разбросанных по всей будничной жизни примеров холодной жестокости при обращении с природой, жестокости необъяснимой, доходящей до нелепости.

К сожалению, соображения бережливого отношения к природе нельзя ни навязать, ни внушить насильно, только само оно может незаметно войти в обиход каждого и стать никому снаружи незаметным, но непременно стимулом создателя.

Скажут: «Об этом ли еще заботиться? На соображения ли с характером природы тратить время, да времени-то и без того мало, да средств-то и без того не хватает».

Но опять же и в третий раз скажу, ибо вопрос о расходах настолько всегда краеугольный, что даже призрак его нагоняет страх, средств это никаких не стоит, а разговор о времени и лишнем деле напоминает человека, не полощущего рта после еды по недостатку времени. Вот, если будут отговариваться прямым нежеланием, стремлением жить, как деды жили (причем сейчас же учинять что-либо такое, о чем деды и не помышляли), тогда другое дело. Тогда давайте рубить леса, класть шпалы по нарочито лучшим местам, тогда как также удобно, в смысле практическом, было бы их положить в соседнем направлении; давайте в Архангельске ставить колоннаду, а в Крыму тесовые срубы; тогда... мало ли что еще можно придумать подходящего для последнего образа мысли.

В то время, когда усиленно начинают искать орнамент и настоящий стиль, когда, вдумавшись в памятники древности, поиски за орнаментом обращают к той же окружающей природе; когда своеобразность в человеке начинает цениться несравненно, тогда не заботиться о природе, факторе этой своеобразности,— грешно.

Чтобы заботиться о чем бы то ни было, надо, конечно, прежде всего знать этот предмет заботы. Знаем ли мы, русские, нашу природу? Возьмем среднее и припуждены будем сказать: «Не знаем».

«Хотим ли мы знать нашу природу?»

«Этого не заметно».

«Принято ли у нас знакомиться с нашей природой?»

«Нет, не принято».

После всех этих неблагоприятных заключений попробуем найти смягчающее вину обстоятельство.

«Возможно ли у нас ознакомление с природою?» Ответ: «С трудом». Правда, последний ответ умалает тяжесть указанных признаний, но, с другой стороны, ведь только спрос создает предложение.

— Почему у вас такая неприспособленность ко всему? — спрашиваете вы при случайной остановке на захолуственном постоялом дворе, раскинутом в превосходнейшей местности. «Кормилец, да нешто с нас спрашивает кто-нибудь? Нешто кому это надобно? Вот ты проехал, да недели две назад приказчик из экономии со станowymi останавливались, а теперь и неведомо, когда гостя дождешься». — «Почему вы не хотите ознакомиться с внутренними областями?» — спрашиваете любителя путевой жизни. «Да что вы, хотите, что ли, меня клопам на растерзание отдать? Или, чтобы цинга у меня сделалась?»

Всегда жалуются обе стороны друг на друга. И теперь, когда всмотритесь во все эти строго организованные поездки под всеми углами и по всем радиусам Европы, то прямо смешными становятся наши два-три общепринятых маршрута, от них же первые «по Волге» и «по Черному морю» и полное пренебрежение ко многим остальным, в самом деле, прекрасным.

И хоть бы что ни говорилось, за исключением одного процента, все все-таки поедут по избитым путям; никаких приспособлений для более разнообразных поездок все-таки сделано не будет; никто на пешеходные путешествия (столь принятые по Европе) не дерзнет, и все-таки мы будем ощущать слишком мало стыда, слыша, что некоторые иностранцы видели Россию лучше, нежели исконные ее жители, имеющие притом возможность такого ознакомления.

Правда, от всякого смельчака, отважившегося отступить от традиций и пробраться куда-нибудь в укромный, обойденный железными путями уголок, вы наслышитесь всегда прямо невероятных рассказов о трудностях пути его (и мне лично приходилось испытывать немало курьезов, даже при следовании довольно обыденным маршрутом), но почти без исключений, вторая часть рассказа — впечатление природы, быта и древности — с избытком покрывают первую. И немудрено! — возьмите любую область. Возьмите суровую Финляндию с ее тихими озерами, с ее гранитами, молчаливыми соснами. Возьмете ли

Кивач и бодрый северный край. Возьмете ли поэтичную Литву или недавние твердыни замков балтийских — сколько везде своеобразного! А Урал-то! А протяжные степи с отзвуками кочевников! А Кавказ с милою патриархальностью еще многих племен. Да что говорить о таких заведомо красивых местах, когда наши средние губернии подчас неожиданно дают места красоты и характера чрезвычайного. Вспомним озерную область — губернии Псковскую, Новгородскую, Тверскую, с их окрестностями Валдая, с их Порховскими, Вышгородами, с их привольными холмами и зарослями, смотрящими в причудливые воды озерные, речные. Как много в них грустной мелодии русской, но не только грустной и величавой, а и звонкой и плясовой, что гремит в здоровом, рудовом бору и переливается в золотых жнивьях.

О бок с природой стоит любопытная жизнь ее обитателей. Сбилась уже эта жизнь; разобраться в ней уже трудно без книжных указаний, но все же для пытливого уха среди нее всегда зазвучат новые струны и дальнорский глаз всегда усмотрит новые тона.

Много на Руси истинной природы, надо беречь ее.

«У вас много своеобразного и ваш долг сохранить это», — твердил мне на днях один из первых художников Франции.

Говоря о заботливом отношении к природе, попутно нельзя не сказать тут же двух слов о сохранении мест, уже освященных природою, о сохранении исторических пейзажей и ансамблей.

О сохранении исторических памятников теперь, слава богу, скоро можно уже не говорить, на страже их скоро станут многолюдные организации с лицами просвещенными во главе. Но мало охранить и восстановить самый памятник, очень важно, насколько это в пределах возможного, не исказить впечатления его окружающим.

Не буду говорить о таких мелочах, как надстройка над древней крепостной башней белой отштукатуренной колокольни (кажется, в Порхове), но, например, сооружение Больших Гостиных Рядов в Москве — дело прекрасное, но отступи оно еще дальше от Кремля, и Лобное Место не стало бы казаться плевательницей, а Василий Блаженный стоял бы много свободнее. И поэтому каждый раз, проезжая мимо Рядов, невольно бросаешь недовольный взгляд на них.

Всякое общение с природой как-то освящает человека, даже если оно выражается в такой грубой форме, как охо-

та. Охотникам знакомо тягостное чувство при отъезде из природы; охотник скорей других прислушается в городе к далекому свистку паровоза и вздохнет не о том, что лишняя птица остается живою, а почему не он уезжает в природу.

Всегда особенно много ожидаешь и притом редко в этом ошибаешься, когда встречаешься с человеком, имевшим в юности много настоящего общения с природой, с человеком, так сказать, вышедшим из природы и под старость возвращающимся к ней же.

«Из земли вышел, в землю уйду».

Слыша о таком начале и конце, всегда предполагаешь интересную и содержательную середину и редко, как я сказал, в этом обманываешься.

Иногда бывает и так, что под конец жизни человек, не имеющий возможности уйти в природу физически, по крайней мере уходит в нее духовно; конечно, это менее полно, но все же хорошо заключает прожитую жизнь.

Люди, вышедшие из природы, как-то инстинктивно чище и притом уж не знаю, нашептывает ли это мне всегда целесообразная природа, или потому, что они здоровые духовно, но они обыкновенно лучше распределяют свои силы и реже придется вам спросить вышедшего из природы: зачем он это делает, тогда как период данной деятельности для него уже миновал?

«Бросайте все, уезжайте в природу», — говорят человеку, потерявшему равновесие, физическое или нравственное, но от одного его телесного присутствия в природе толк получится еще очень малый и хороший результат будет лишь, если ему удастся слиться с природой духовно, впитать духовно красоты ее, только тогда природа даст просителю силы и здоровую, спокойную энергию.

Тем и важно, что искусство теперь направляется усиленным ходом в жизнь, в природу и толкует зрителям и слушателям разнообразными наречиями красоту ее.

Но нельзя исключить из красоты и жизнь вне природы.

Пусть города громоздятся друг на друга, пусть они закутываются пологом проволочной паутины, пусть на разных глубинах шныряют змеи поездов и к небу вавилонскими башнями несутся стоечные дома. Город, выросший из природы, угрожает теперь природе; город, созданный человеком, властвует над человеком. Город в его теперешнем развитии уже прямая противоположность природе; пусть же он и живет красотой прямо противо-

положною, без всяких обобщительных попыток согласить несогласимое. В городских нагромождениях, в новейших линиях архитектурных, в стройности машин, в жерле плавающей печи, в клубах дыма, наконец, в приемах научного оздоровления этих, по существу, ядовитых начал — тоже, своего рода, поэзия, но никак не поэзия природы.

И ничего устрашающего нет в контрасте красоты городской и красоты природы. Как красивые контрастные тона вовсе не убивают один другого, а дают сильный аккорд, так красота города и природы в своей противоположности идут рука об руку и, обостряя обоюдное впечатление, дают сильную терцию, третьей нотой которой звучит красота «неведомого».

1901

ИКОНЫ

Еще один иноземец уверовал в наши старые, чудесные, красивые иконы. Ришпан смотрел в Москве выставку, устроенную Московским археологическим институтом, и пришел в восторг от красоты наших священных изображений. Вспомним, что Морис Дени и Матис, когда были в Москве, а Бланш, Симон и целая толпа лучших французов, когда видели наше искусство в Париже, воздали заслуженное нашим иконам и нашему старому искусству.

Называю иноземцев, ибо нам, своим, не верили, когда мы, в восторге, говорили то же самое. Даже всего десять лет назад, когда я без конца твердил о красоте, о значительности наших старых икон, многие даже культурные люди еще не понимали меня и смотрели на мои слова, как на археологическую причуду.

Но теперь мне пришлось торжествовать. Лучшие иноземцы, лучшие наши новаторы в иконы уверовали. Начали иконы собирать, не только как документы религиозные и научные, но именно как подлинную красоту, нашу гордость, равноценную в народном значении итальянским примитивам.

Слава богу, слепота прошла: иконы собирают; из-под грязи возжигают чудные, светносные краски; иконы издаются тщательно, роскошными изданиями; музеи гордятся иконными отделами; перед иконами часами сидят в восхищении, изучают, записывают; иконами гордятся. Давно пора!

Наконец мы прозрели; из наших подспудных кладов добыли еще чудное сокровище. Это сознание настолько приятно, что можно даже простить тот снобизм, который сейчас возникает около «модного» иконного почитания. Снобы — этот маленький ужас наших дней — пройдут и займутся новым «сегодняшним» днем, а правдивый «завтрашний» день сохранит навсегда великое сознание о прекрасном русском народном творчестве, выявившемся в старых иконах.

Кроме пополненных музеев, у нас разрослись богатые собрания Лихачева, кн. Тенишевой, Ст. Рябушинского, Остроухова, Харитоненко... Все это — крепкие, любовные руки, и попавшее к ним будет свято и укрепится в твердом месте. Гр. Д. Толстой и Нерадовский тоже стараются

для русского музея, и при них иконный отдел становится на должную высоту. Давно пора!

Хорошо сделал и Московский археологический институт, что вовремя сумел устроить хотя и небольшую числом, но великую значением выставку.

Радуюсь, что Москва оценила выставку, посещает, любит ее. Значение для Руси иконного дела поистине велико. Познание икон будет верным талисманом в пути к прочим нашим древним сокровищам и красотам, так близким исканиям будущей жизни.

ПРАВО ВХОДА

Крылья, крылья! Вы растете болезненно. С 1914 года человечество пришло в космическое беспокойство. Пока одна часть людей занялась плохообъяснимой стрельбой, другая инстинктивно задвигалась. С числом убитых возрастало число путников по всем путям передвижения. Явное уменьшение людей вызывало чрезвычайное переполнение городов и гостиниц. Все поднялось. Все поехало. И, как сонный человек в кошмаре, правительства замахали руками, пытаясь преградить путь блуждания народов затруднениями виз и разрешений. Но поток сквозь пальцы устремился.

Уже девять лет бродит человечество. Толкается из угла в угол. Произнесло весь словарь добра и поношения. И сам земной шар сделался малым. Но среди судорог, среди опасных взлетов за поисками чудесного края начинают расти крылья. И мысли начинают клубиться выше, и сквозь дым мечтаний начинают светить возможности действительных достижений.

С болью, но крылья растут.

Милые люди, опять я увидал, как вы путешествуете. Опять я увидел в руках ваших книжку Бедекера с перечнем волшебных находжений красоты. Голгофы страданий искусства и знания досыта накормили железные дороги, гостиницы, компании Кука и все, что цепко следит за блужданием толп. Вы отлично пользуетесь всей аптекой творчества. Даже ваши закруженные в водовороте глаза через лорнет и монокль ищут лечения искусством.

Великими трудами кто-то строил Пантеон красоты: кто-то трудился, раскладывая находжения по пробиркам критических лабораторий. И вот является ваш автомобиль, и опытный повар подносит вам изысканную трапезу красоты.

Но может ли желудок ваш переварить эту пищу? Да и имеете ли вы право входа в трапезную? Дали вы когда-нибудь что-нибудь оправдавшее ваше приближение к искусству и знанию? Вообще умеете ли вы дать? И говорили ли вам, что лишь давшие получают? Если же вы не имеете права на вход во храм, если вы не заработали их сами своим трудом, если вы желаете лишь получать, то не вам ли

принадлежит клочок паразитов? Ибо вы ползаете по храму, не внося в него ничего. Вы бороздите собою лик земли; бесцеремонно толпитесь на ступенях чужих завоеваний и легкомысленно полагаете, что все труды и творения для вас. Будьте сегодня честны и сознайтесь, что вы не только ничего не сделали для роста искусства и знания, но вообще даже не знаете, как это и сделать. И как ничтожны ваши оправдания. Вы иногда слушали музыку; ваш глаз скользил по картинам; вы похлопывали рукою скульптуру, и, зевая, вы отдавали час времени для прослушания имени того лектора.

Но затем, когда автомобиль переносил ваше драгоценное тело до дома, — во что претворялись впечатления ваши? В скуку, в зевок, в обед и злословие.

Потому, когда человек имущий и с возможностями будет вам говорить об искусстве и знании, всегда спрашивайте его: «Что же вы-то сделали для красоты, чтобы иметь право говорить о ней?» И еще скажите ему: «Вот с этого дня, встречаясь с красотой, будете всегда вспоминать, что вы паразит, — доколе не попытаетесь принести свой камень вечному храму; доколе не заработаете право входа». Так и скажите.

И видим не принесших. Видим людей с потухшими взглядами, когда, сторбившись, они сидят у целебных вод, ожидая очередь влить глоток механической жизни. Слышим их разговоры — сожаления о прошлом дне. И весь мир закрылся для них. И нет сознания, что все отупение сменилось бы быстро, если бы хоть одна из вечных целей прекрасного открылась им. И они поняли бы, что вне возраста, вне телесных болезней, вне всех предрассудков — они могли бы немедля подойти к вечной радости духа. Ибо не страдание, а радость заповедана.

Иначе жаль всех людей, бесцельно стремящихся ублажить вас, бесцельных. Жаль ваших портных и прачек. Жаль ваших шоферов, ибо даже не знаете, какой адрес дать им. И тут же рядом лежит весь прекрасный мир — мир радости, созданий и достижений.

За ласку, за улыбку о красоте затвор первых врат уже повернется. А за желание отдать упадет и второй замок. Попробуйте отдать или хотя бы предложить что-то, но без себялюбия и сомнения. Возмездие сторицею уже ожидает вас. И не в каких-то будущих жизнях, а именно теперь, здесь, если только уловите ритм жизни. Ибо в ритме — гармония.

Путники, сумеете отдать, чтобы получить; чтобы получить право на вход во храм.

«Через красоту подойдете. Поймите и запомните. Вам поручил сказать — Красота.

Ты, имеющий ухо. Ты, имеющий глаз открытый. Ты, познавший Меня. И да будут глубины небес тебе благодатны. Благо тебе. Устрями взор подобно соколу вдаль,

Через красоту подойдете. Поймите и запомните».

1923

КУЛЬТУРА

Друзья мои!

Скажем кратко, в чем сущность наших задач и стремлений. Все определенное может быть выражено кратко: мы помогаем Культуре. А если кто в минуту дерзновения возьмет на себя бремя сказать: «Мы слагаем Культуру», то он будет недалек от истины. Каждый помогающий разве не является и сотрудником?

Мы просим наших друзей каждый день мыслить, проносить и применять понятия Красоты и Культуры. В этом нет ничего нового, ибо вообще ничего нового нет. Но мы собираем около этих ценных понятий новое усилие, мы стремимся помочь напряжению созидательной энергии. Мы стремимся изучать и воплощать так называемую абстракцию в реальность. Очень легко из каждого действия сделать абстракцию. И в этой отвлеченности утерять возможность действительности.

Мы видим постоянно, что самое реальное учение жизни превращается искусной риторикой в недосыгаемую абстракцию и для успокоения малодушия передается в неосызаемую облачность. Сделать эти искусственно созданные великие абстракции реальностью и сущностью жизни есть ближайшая задача Культуры. Невозможно представить себе, чтобы истинное познание сущности, истинное учение жизни что-то только запрещало, отсекало и омертвляло.

Истина будет там, где будет явлено беспрепятственное строительное расширение, вмещение и любовь к неустанному подвигу. Враги наши говорят, что мы будто бы образуем из себя какое-то особое племя. Если бы под этим они подразумевали народ культуры, то, пожалуй, и это вражеское определение, как это часто бывает, явилось бы близким к истине. Этой истины мы и не будем бояться. Если, как высшее обвинение, отживающий черный век скажет нам: «Вот, собрались мечтатели и воображают, что они могут помочь человечеству». Ведь именно в этой помощи человечеству нас и укоряют. Но каждый из рассеянных по всем странам соратников наших при этом улыбнется и скажет: «А разве каждый естественный труд не является помощью человечеству?» Ибо мерзко было бы думать, что каждый трудящийся трудится лишь для себя

самого. Нет, он трудится для кого-то ему неизвестного. И тот неизвестный примет этот безымянный труд, как некое выражение благодати, облегчающее ему прохождение земного пути. Не мечтатели, но воплотители мыслей; мечта улетает в безбрежный воздушный океан, но воплощение мыслей творит сущности и цементирует пространство грядущими созданиями. О творчестве мыслью во многообразии говорили все религии, все учения. За многие тысячелетия до нашей эры египтяне знали это творчество мысленное. И еще сказано всюду: «Мысль и любовь». И под видом сердца и змия и чаши, во всем многообразии благих символов дается то же предназначение мудрое: «Мысль и любовь».

Ведь из мысли, эманации совершенно реальной, мы ухитрились сделать отвлеченность. Мы забыли, что не рука, но мысль и творит, и убивает. А из любви мы сделали или кислое вздыхание, или мерзость блуда. Дошло до того, что некоторые отрасли христианской церкви совершенно недавно даже санкционировали аборт. Это несчастное узаконение должно понимать, как высшую меру отрицания духовности. Подумайте, если церковь, вместо мудрого распределения сил и воздержания, будет рекомендовать убийство, если постоянно говорится о делении мира на созидателей и разрушителей, то ведь эта мера была бы страшным знаком разрушения. Но культура, по сущности своей, не знает разрушения как такового. Она безудержно, беспрестанно создает, она постоянно покрывает новым, высшим куполом несовершенство вчерашнего дня. Но где же тот камень, который не пригодился бы мудрому строителю, берегущему каждую возможность? Истинно, в разных частях света возникает напряжение строительной энергии. Ряды молодых работников вопиют: «Мы изнемогли от разрушения, мы отяжелели от бессмысленной механизации, мы хотим творить, мы хотим делать ту полезную работу, которая соединила бы нас с светлым будущим». В старых учениях всегда указывался мост, соединяющий старый и новый мир. И нигде не говорилось ни о разрушении, ни о насилии.

Если мыслить о духовности будущего, то ведь эта духовность не будет отвлеченной, но снова она вернется в зримость, в ощутимость, в непреложность. И снова благодать станет вещественною, как вещественна и весома даже мысль. Если кто облагораживает жизнь свою, если кто вместо сорительного злоречия старается вернуться

к творчеству светлому, разве это смешно? Ведь хихикать будут только невежды, для которых само Знание уже является отвлеченностью, а сама Красота ненужною роскошью и сама благодать младенческою сказкою. Но самые серьезные учения уже давно пришли к заключению, что сказка есть сказание. А сказание есть исторический факт, который нужно разглядеть в дымке веков.

Те же ученые показали нам, что Культура и достижение государств строились Красотою. Уберите памятники Красоты, и весь аспект истории нарушится. Живучесть Красоты, вековая жизнеспособность культуры говорит нам об истинном претворении отвлеченности в явленную жизнь.

Вот и мы, вовсе не мечтатели, но работники жизни, и апостолат наш прежде всего в том, что мы стремимся сказать народу: «Помни о Красоте, не изгоняй ее облик из жизни и зови действительно и других к этой трапезе радости! А если увидишь союзников, не отгони их, но найди всю меру благого вмещения, чтобы позвать нас на то же мирное необъятное поле труда и созидания. В Красоте и в духе укрепятся силы твои, и взглянешь ты ввысь и прострешь крылья свои, как завоеватель сужденного Света... В дни особых смятений и содроганий мы будем твердить о том же созидании, о том же благодатном Свете. И нет такого условия, которое бы могло отвратить вступившего на путь созидания.

Не убоимся во имя Прекрасного и будем помнить, что насмешка невежества лишь толчок для подвига.

Отрешаясь от эгоизма, если будем не только сами стремиться по пути Прекрасного, но и будем всемерно открывать его близким, мы уже будем выполнять ближайшую задачу осветления Культуры,— восхождения духа».

ПРЕКРАСНОЕ

Приветствие школе Дальтона

Какая разница Востока и Запада? Когда этот вопрос был предложен мне в Индии, я ответил: «Самые прекрасные розы Востока и Запада одинаково благоухают». Мы говорили о неразрешимых проблемах, о непреходимых пропастях, тогда как перед нами великий свет открывает прямой путь: закон Прекрасного, закон ведущий и благодатный, могущий все объединить в свете всепонимания.

Если мы не достигаем порога Прекрасного, скажем — «моя вина», осознаем, что только мы сами виноваты, ибо мы не нашли силы прислушаться к великому закону совершенствования. Если мы не глухи, не слепы, не поражены умственным параличом, мы должны различить, где та эволюция, которая будет достойна доблестных примеров прошлого, которая может обеспечить действительное счастье наших потомков.

Наблюдать устремленное шествие героев всех веков — это значит оказаться перед беспредельными далями, наполняющими нас священным трепетом. По существу нашему мы не имеем права отступить. Вы, молодежь, которая готовится строить твердыню жизни вашей, вы хотите счастья, и, обращаясь к вашим старшим, вы спрашиваете их:

«Как же сложить наш очаг?»

Я работал сорок лет, и прошел более двадцати пяти стран, и на этом опыте могу дать совет вам:

«Только Прекрасным!»

Даже ужасающий хаос разделений, уходов, ограниченный претворится в свет и гармонию там, где прикасается луч Прекрасного. Замечаете, что я не употребляю слово Красота, но говорю Прекрасное, этим я хочу выразить не только физические выявления, осязательные в Красоте: музыку, живопись, драму, танец, но я хочу подчеркнуть понятие Прекрасного, которое проникает всюду. Вы, молодые друзья, поймите же невидимый великий смысл этого основного понятия и сделайте его устоем вашей жизни, это обязанность ваша.

Часто мы слышим: «Он утерял прямой путь». Спросим себя, был ли очаг этого несчастного беглеца прекрасным внешне и духовно?

Возможно ли вводить Прекрасное в нашу каждодневную обычность? Но разве работа нашего каждого дня не истинная молитва? И сознательная дисциплина, разве это не есть истинная свобода?

Скажут нам: «Конечно, подобная мечта увлекательна, но каким образом можно украсить жизнь?»

Лишь в невежестве мы думаем, что Прекрасное суждено только богатым и недоступно трудящимся. В превратном мышлении мы, пожалуй, придем к опасному заключению, что Прекрасное есть не что иное, как роскошь. Нужно раз навсегда понять, что одухотворяющая сущность Прекрасного не имеет ничего общего с роскошью. Прекрасное—это не есть праздничный отдых, это не есть гость случайный. Прекрасное — это благородный водитель всей нашей жизни! Беспреданно Прекрасное твердит нам о мудрости утверждения, сердечного и объединяющего, и предостерегает не поддаваться звериному отрицанию, враждебному и свирепому. В мудром утверждении выражено величие самосознания.

Благородно служить Прекрасному—это не значит быть мячом судьбы. В разных странах мы видели, какими непреложными средствами можно возделывать плодосные пашни Прекрасного. Люди бедные получают богатую жатву, как, например, собиратели искусства. Вспоминаю трогательный пример. Собиратель — полковник армии, вы знаете, как скромно вознаграждение полковника, и не было у него личного состояния. Но жила в нем любовь к Прекрасному, он был природный собиратель. Конечно, он не мог надеяться составить собрание картин. Но он знал, что кроме картин существуют предшествующие им эскизы. Будучи истинным ценителем, он знал, что иногда первая мысль, зажегшая художника, бывает вдохновеннее условно законченного выражения. И так наш собиратель начал коллекцию эскизов. Он приходил в наши мастерские и с достойной удивления настойчивостью находил наши первые наброски. Он был удивительно настойчив, и в результате десяти лет он составил замечательное собрание, которое подарил нации. В некоторых отношениях эта коллекция эскизов была даже более ценной, нежели собрание законченных картин.

И не только составил он собрание истинных выражений искусства, но устремление его создало вокруг этой коллекции атмосферу преданности и успеха. Вы знаете, как близки понятия преданности и любви понятию победы.

Основная задача поощрять всячески развитие внутреннего сознания Прекрасного, этого истинного щита против тьмы невежества.

Не все обладают способностью внешнего выражения искусства, но каждый имеет в существе своем возможность осознания Прекрасного. Очень часто создание мысленное гораздо выше выраженных при посредстве внешних средств искусства. Не забудем эту простую истину, ибо она поможет нам понять те возможности, которые скрыты в существе нашем. Не однажды вы слышали: «Моя жизнь окончена, я не могу даже мечтать о чем-либо Прекрасном, я не имею времени сосредоточиться мечтать». Точно мысль нуждается в каком-то особенном времени. Часто вы замечаете очень одаренного, который носит в себе замечательные идеи, полон своеобразных понятий, которые он выражает с силою, как только его эгоистические жалобы смолкают. Он глубоко способен посылать полезные мысли в пространство. Трудно понять, что все мысли, являющиеся следствием нагнетения энергии, запечатлеваются в пространстве и подлежат общим физическим законам. Потому мы должны дисциплинировать себя в творческом мышлении и в этом прекрасном творчестве сотрудничать со всем космосом. Указывают, что мысль может изменять вес; человек, озаренный глубокою мыслью, теряет в весе. Для этого прежде всего нужно иметь мысль, истинно сильную. Напряженная мысль имеет все качества магнита.

Посетив все континенты, изучая народы Азии с их многообразными обычаями, с их древнейшими символами, мы знаем, до какой степени ценна сила развития мысли для построения будущего.

Вместо того чтобы доступны Красоты и Искусства в жизнь вымучивать, нужно лучше понять, что просвещенная жизнь есть выражение Прекрасного.

Кто-то спросил нас: «Как могли вы провести пять лет без театра, без музыки?» Ответили с улыбкою: «Каждый день мы имели театр в жизни; ибо сама жизнь есть музыка, радость духа есть песнь, изображать природу — это значит воздать лучшее приношение Создателю».

В пустыне Монголии, в Центральной Гоби, мы слышали прекрасную песнь, но когда мы просили монгола повторить ее, он отказался: «Невозможно, эта песнь лишь для пустыни».

Мы стараемся сделать наше искусство жизненным,

Не показывают ли нам лучшие эпохи истории, что именно жизнь была направляема Прекрасным?

Мы часто задаем себе вопрос, как ввести театр в жизнь? Вспомните мою картину священных танцев в Монголии. В пустыне высятся гигантские знамена, великолепно расцвеченные, мощные трубы сливаются с величественными хорами. С утра и до вечера протекают священные танцы. День за днем огромные толпы принимают участие в священных обрядах. Они вносят в жизнь осознание Прекрасного, утверждают в необычном.

Дельфийские мистерии, священные обряды Египта уже так далеки от нас, что делаются принадлежностью хроники и исторической книги. Но когда вы оказываетесь свидетелем мощных проявлений Красоты в современной жизни, вы чувствуете, как многое еще может быть достигнуто. Еще раз вы понимаете, почему мудрые люди придавали такое значение живописности и музыкальности всех общественных обрядов. Поистине обязанность наша вводить Прекрасное во всем и всюду; это трудно иногда, но все же возможно. Убедимся, что во все времена и во всех странах были те же трудности, но и те же возможности. Каждая трудность есть и возможность.

Осознать эти благословенные трудности будет значить уже понять, как улучшить жизнь. И разве не наша первейшая обязанность заслуженно оценить мощь мысли?

Мы часто легкомысленно говорим о силе воли. Если бы только мы могли применять эту силу с благостной целью! Часто мы очень изобретательны в разрушении, очень изысканны в отрицаниях, но как слабы мы бываем в созидании, в даянии, в помощи!

Иногда мы даже не знаем слов благословения. И все же незыблем закон, что лишь в даянии мы получаем.

Когда мы говорим о телепатии, о ясновидении и яснослышании, нам кажется, что мы говорим о чем-то отвлеченном, даже сверхъестественном, феноменальном. Но феноменальное и оккультное существует лишь для тех, кто не знает этих явлений. Не считают ли дети телефон очень таинственным предметом? Еще недавно не был ли славный изобретатель фонографа Эдиссон называем шарлатаном? Ваше суеверие, наши предрассудки поистине безграничны. Необходимо создать панацею против этих болезней, так опасных. Высшая наука, самые вдохновенные знаки всегда будут подозреваемы невеждами. Очень поучительно наблюдать, насколько истинные творцы и

ученые обладают всепониманием и терпимостью, потому что они действительно знают. Они знают, что существуют безграничные возможности, они прикасаются к едва ощутимым мощным энергиям. Не преступление следовать великому закону истины.

Великие истины не должны быть ограничены воскресною службою, но предназначены для совершенствования жизни. Осветить работу лучами Прекрасного — не значит ли превратить в праздник все дни недели? Не радостно ли заменить туманные и печальные призраки невежества светлыми и полезными находжениями знания? Столько превосходных открытий дается каждый день человечеству. Мы можем видеть, насколько они изменяют все условия жизни.

В горах Азии много говорят об Агни Йоге — учении огня. Эта йога синтезирует все предыдущие йоги. Как вы должны знать, все йоги не имеют ничего в себе сверхъестественного. Они лишь учат, как пользоваться природными нашими силами. После всех открытий в области электричества, магнетизма, радио и дального зрения, которые нам предлагаются механическими усовершенствованиями, не удивительно ли слышать, как на Востоке почитают всепроникающую стихию — огонь пространства. Вы слышите, как они говорят: «Приближается век огня», и рассуждают об этой стихии поистине научно. При этом вы вспоминаете, что проф. Милликан недавно открыл так называемый космический луч и устремляется применить эту новую силу. Самые древние учения Азии, на пространстве многих веков, говорят о великолепной стихии огня. Говорится, что если бы люди сумели овладеть благобно этою стихией, то планету ожидала бы счастливая эра. Но в противном великий огонь может стать опасным и разрушительным. Со времен Будды упоминаются железные птицы огня, которые будут служить человечеству. Глубочайшая древность знает железных змиев, полезных людям. Как замечательно находить в Риг Ведах и в других тысячелетних учениях факты точной науки, сокрытые в символах. Может быть, язык их нам сразу покажется странным, нас удивят метафоры и сравнения, но если мы честно разберем эти длинные мудрые свитки, не впадая в предрассудки, мы можем различить множество полезных указаний.

Главная наша задача изучать факты честно. Мы должны почитать науку, как истинное знание, без предпосылок,

ханжества, суеверия, но с уважением и мужеством. Могут ли некоторые ученые утверждать, что они умеют относиться к фактам и умеют упоминать их с полной честностью? Но мы должны брать факты так, как они есть, без эгоистического перетолкования. Разве мы не являемся иногда еще более суеверными, нежели люди пустынь? Свет разгоняет тьму. Радостно осознать, что имеются такие ученые, как Эйнштейн, Милликен, Бродли, и мы чувствуем себя безопасными под научным руководством этих испытанных пилотов. Вы следили за чудесными опытами Бродли над электронами, над трансмутацией энергии и материи. Вы читали, как Милликен приближается к первичным энергиям, и вы удивлялись, какая широта зрения лежит в основе его изысканий. Вы рукоплескали теории Эйнштейна. Эти ваши рукоплескания уже показали, что вы освобождены от суеверий. Эти великие открытия входят в сферу Прекрасного; в момент подобных открытий ученый вибрирует высоким вдохновением. В момент высшего открытия исследователь испытывает высший экстаз: он поистине у порога вечности!

Все новейшие школы должны иметь лаборатории, посвященные естественным наукам. Вы уже знаете, что электрон рождается от скрещения двух энергий. Это прекрасный момент, когда две энергии, еще невесомые, производят уже что-то измеряемое, нечто физическое. Вы видите, как важно выявлять вашу собственную потенциальную энергию. Вам говорят о научных энергиях, об энергии огня и о множестве прочих. Не есть ли все они граи той же творящей энергии, которая заключена и в каждом из нас. Большое заблуждение думать, что только какие-то особенные ученые и художники ею обладают.

Каждый созидатель, каждый работник может совершенствовать эту природную способность, поскольку он будет действовать сознательно. Это сознание приобретается не только через учение. Творческий опыт развивается самодеятельностью, осознанием силы, неуклонною волею. Из этого же понимания происходит и терпимость. Не забывайте о ней, она вам будет так нужна в жизни вашей! Как мы уже говорили, нетерпимость есть невежество, которое уже разрушило такое множество дел, полезных и прекрасных. Посмотрев на невежество, вы приходите к заключению о единстве науки и искусства, энтузиазма и творческого экстаза. Единство света, разве

это сознание не будет для нас источником постоянной радости?

Иногда нам кажется, что мы устали. Но это тоже признак своего рода невежества. Попросту мы слишком много утруждали один нервный центр. Достаточно переменить работу, чтобы заставить действовать другие центры. Эта простейшая перемена труда принесет нам отдых. Ибо не следует думать, что только сон или бездействие восстанавливают нервы.

Раздражение и злоба отравляют существо наше. Мы не должны забывать, что каждое раздражение оставляет в нашем организме физические отложения, известные многим врачам. Они знают, насколько опасен этот отравленный кристалл гнева, как его, между прочим, называют и в Азии.

Если вы осознаете всю опасность гнева, не только физическую, но и духовную, вы избегнете всякую возможность раздражения. Если вы осознаете, что кто-то пришел с целью раздражить вас, ведь вы его встретите улыбкою. Велика сила знать, что именно вы хотите. При этом стрела улыбки гораздо более могущественна, нежели стрела гнева. Кроме того, подойдя совсем близко к врагу, вы ему не дадите возможности метнуть отравленное копьё.

Надеюсь, что вы меня не обвините в том, что я говорил вам о чем-то отвлеченном, оккультном или мистическом. Что называют мистицизмом? Нечто туманное и непонятное. Но мы не имеем ничего общего с туманами, мы занимаемся фактами, точными и светлыми. Эти дела Света претворят всю жизнь вашу и облегчат и украсят ее.

Когда мы спрашивали иногда молодежь: «Что вы считаете самым существенным в жизни вашей?» — они шептали в ответ: «Нет у нас ни существенного, ни замечательного. Сера наша жизнь». «Я служу в банке». «Я работаю на фабрике». «Я занят на телеграфе...»

Молодежь, неужели вы забыли Великого Плотника?

На земном плане знаменитый английский хирург, Джон Фентер, провел годы молодости на фабрике мебели. Он всегда приписывал замечательную верность руки столярному опыту. Знаменитый эльзасский философ, Яков Беме, был сапожником. Он обдумывал свои философские системы, делая сапоги. Сколько замечательных людей исполняли, казалось бы, скромную работу! Перечтете ли их подвиги?

Каждая истинная работа имеет свою красоту.

Наша каждодневная жизнь есть Пранаема совершенствования. Но будет действительна эта Пранаема, если вы проведете ее в полном осознании. Совершенный ремесленник неотделим от художника, даже если он начнет складывать рисунки паркета. Изысканность и четкость японцев разве не принадлежат к области Красоты?

Когда человек выделяется в исполнении работы своей, мы, естественно, думаем: «Надо доверить ему что-либо более значительное». И из совершенства работы рождается чудо, — работа протекает в постоянной радости, потому что работник ощущает законную гордость совершенства. Велико несчастье прикасаться к работе без любви к ней, с единственным желанием поскорее от нее отвызаться. Работающий в сердечном увлечении не чувствует усталости, энтузиазм умножает его силы, он не нуждается ни в сне, ни в пище, лишь бы не нарушить своего возрастающего устремления.

Когда вы ищете совершенствования, вы забываете себя во имя творимого вами, вы отрешаетесь от эгоизма, и в этом самоотречении заключается один из видов Прекрасного.

В музеях вы видите много анонимных произведений искусства. Имя, как лист отсохший, унесено вихрями времени. Но живет Прекрасное, оно лишь умножается временем. Имя может пережить художника на несколько веков, но творение может жить тысячелетия.

Истинно, самоотречение является одной из форм Прекрасного. Всякое Я в существе своем обособлено, ограничено. Всякое Мы сильно и безгранично. Это благостное Мы, как истинное сотрудничество, ложится в основу жизненного начинания. Во все эпохи Возрождения, и на Западе и на Востоке, можно встретиться с многозначительным понятием Учителя — Гуру. Выбрать Учителя и следовать ему не было рабством, но было осознанием иерархии знания и чувством сотрудничества. Это значило стать звеном беспредельной цепи, от несведущего до всезнающего, это значило приобщиться к бесконечным созвучиям всеобъединяющим. Восходите путем энтузиазма, блага, жизни, сотрудничества!

Не думайте о себе в работе, но ощущайте всю ответственность перед теми, кто следует за вами. Никогда не забывайте бедствий, наносимых озлоблением, страхом, ленью, эгоизмом — этими порождениями невежества.

Осознание единения врожденно всем народам. Каждый

народ имеет сказание, традиции, которые выражают эту истину.

Мы слышали, что Азия и Америка когда-то составляли один континент; в красивой сказке люди Азии расскажут вам о катаклизме, разделившей эти континенты, и вы почувствуете, что образ Азии не менее прекрасен, нежели образ Атлантиды.

Знание преобразится в легендах. Столько забытых истин сокрыто в древних символах. Они могут быть оживлены опять, если мы будем изучать их самоотверженно.

Как народы пустыни умеют говорить об искусстве и о художниках! Хотелось бы, чтобы наши критики искусства обладали такими же образными и благостными словарями, оценивая творчество.

В дальних Кучарах, в Центральной Азии, нам рассказали:

«Однажды принес художник картину заимодавцу, чтобы получить под нее ссуду. Займодавец отсутствовал, но оставшийся за него мальчик восхитился картиной и выдал за нее большую сумму художнику. Вернулся хозяин, в гневе услышал случившееся и закричал: «Сумасшедший, ты дал столько тысяч саров за какую-то капусту, никогда не увижу моих денег более». И обозленный хозяин выгнал мальчика и забросил в угол картину, а на ней была действительно капуста и бабочки. Кончилось время залога, и художник принес взятую сумму, требуя картину обратно. Но, осмотрев картину, он отказался принять ее, сказав: «Это не моя картина, на ней была капуста и бабочки, а на этой одна лишь капуста». Займодавец в ужасе заметил, что бабочки действительно исчезли. В конце концов художник сказал ему: «Ты изгнал мальчика, оказавшего мне услугу. Но только он может избавить тебя из затруднения. Найди его, может быть, он согласится помочь тебе». Мальчик был найден и сказал хозяину: «Искусство этого художника так высоко, что во всех его произведениях отображены все законы природы. Картина была принята нами летом, теперь же зима: бабочки не могут жить без тепла и солнца. Поставьте картину у огня, и под негою тепла опять возродятся бабочки». Так и случилось, у благодетельного пламени бабочки вновь ожили и опять окружили капусту. Настолько искусство этого художника было совершенно. Мальчик же был принят обратно и сделался великим, полезным человеком, ибо дух его мог проникнуть в прекрасные тайны искусства».

Разве не прекрасно, что народ в далеких пустынях в таких изысканных сравнениях мыслит о прекрасном совершенстве?

В жизни вашей оставайтесь верными Прекрасному, храните энтузиазм. Растите в себе творческие мысли, помня, что по мощи ничто не сравнится с силою мысли. Действие лишь выражает мысль, потому мы ответственны не только за наши действия, но еще более за мысли. Даю вам жизненный совет: имейте мысли чистые и сильные. Наполняйте жизнь вашу несломимым энтузиазмом и тем обращайтесь его в постоянный праздник. С улыбкою истинного познания внушайте детям вашим непобедимое желание созидать. Эта бесконечная цепь труда, совершенствования и блага приведет вас к Прекрасному.

Нью-Йорк, 1930

СОКРОВИЩЕ ДОМА

Обращение к Конвенции библиотечарей в Нью-Йорке, 1930

Каждый библиотечарь является другом и художника, и ученого. Библиотечарь — первый вестник Красоты и Знания. Ведь это он открывает Врата и из мертвых полок добывает сокровенное слово для просвещения ищущего духа. Никакие каталоги, никакие описания не заменят библиотечаря. Любящее слово и опытная рука производят истинное чудо просвещения. Мы настаиваем, что Красота и Знание являются основами всей культуры и именно они меняют всю историю человечества. Это не мечтание. Мы можем проследить это от первых страниц истории. Несомненные факты говорят нам, как от первобытных времен весь прогресс, все счастье, все просвещение человечества слагалось красотой и знанием.

Мы говорим это в то время, когда миллионы книг печатаются и ежегодно фонтаны печатных страниц замерзают, подобно снежным горам. В этом лабиринте бумажных ледников снежная слепота может поразить неопытного путника. Но зорок библиотечарь, как истинный хранитель Знания. Он знает, как провести ладью искателя через волны безбрежного печатного океана.

Библиотека существует не только чтобы распространять знание. Каждая библиотека сущностью своею поощряет приносить знание и в дом. Возможно ли представить себе просвещенный дом и очаг без книг? Если вы возьмете даже очень древние изображения внутренности дома, вы найдете в них и произведения искусства и книги. Вы заметите, что эти старинные книги защищены прекрасными переплетами и представляли из себя истинное сокровище. Это было не потому, что библиотеки тогда не существовали. Книгохранилища существовали во все века, со времени рукописного знака. Но дух человеческий всегда чувствовал, что знание может быть приобретено не только в общественных местах, но закрепление знания происходит именно в тишине дома. Часто мы носим с собою наиболее священное изображение и книги. Они являются нашими бессменными друзьями и водителями. Мы отлично знаем, что истинная книга не может быть прочтена лишь однажды. Как магические знаки, истина и красота книги впитываются постепенно. И мы не знаем ни дня, ни часа, когда мы бы не пуждались в завете зна-

ния. И мы проверяем рост сознания нашего на этих верных друзьях. Итак, книгохранилище — это первые врата просвещения. Но истинное восхождение знания совершается в часы молчания, в одиночестве, когда мы можем сосредоточить всю нашу познавательную сущность на истинном значении писаний.

Книги являются истинными друзьями человечества. Каждое мыслящее существо обязано иметь эти благородные ценности. На Востоке, на этом мудром Востоке, книга является наиболее ценным даром, и тот, кто дарит книгу, является благородным человеком. В течение пяти лет путешествуя по Азии, мы видели многие книгохранилища в монастырях, в каждом храме, в каждой разрушенной китайской дозорной башне. Всюду, и явно и тайно, хранятся сокровища замечательных Учений, жизнеописаний, научных трактатов и словарей. Князю Ярославу Мудрому, тому, который украсил Киев прекрасными памятниками романского стиля, приписывают слова о книгах: «Книги суть реки, напоющие благодатью всю Вселенную». И теперь, когда в пустыне или в горах вы видите одинокого путника, часто в его заплечном мешке найдется и книга. Вы можете отнять у него остальное имущество, но за книгу он будет сражаться, ибо он считает ее истинным сокровищем. Итак, приветствую вас, как хранителей истинных сокровищ. Будем собирать и беречь их, как благороднейший знак нашего дома.

Нью-Йорк, 1930

ВЕХИ КУЛЬТУРЫ

Германскому Обществу имени Рериха в Берлине

Дорогие Друзья!

Для меня было огромною радостью получить здесь среди белых вершин Гималаев ваш привет, избрание и приглашение.

В строках вашего обращения я прочел ту сердечность, которая поистине может согревать культурные начинания. Большая радость видеть, что сердца ваши горят при мысли о культуре, и действительно мы должны собрать всю нашу твердость духа, чтобы защитить находения культуры, так сейчас пренебрегаемые среди водоворота механической жизни. Мы должны найти лучшие формы взаимных дружеских сношений и обмена творческими достижениями. И когда мы будем знать друг друга, в полном доверии установится и настоящая кооперация, которая осветлит жизнь, нарушенную всякими материальными кризисами. Но если мы знаем духовные ценности и сознаем возможные духовные полезные завоевания, то это уже большая ступень к взаимному пониманию. Охранить достоинство творческой личности, помочь росткам, рожденным в трудах, это есть одна из наших ближайших светлых миссий. Для меня всегда будет радостью получить от вас вести и послать вам и статью мою, и доброе слово, которое, я уверен, будет сердечно обсуждено.

Всегда Вагнер оставался моим любимым композитором, и Шиллер и Гете занимали почетное место на моем столе, начиная со школьного времени. И я помню, что мои первые сюжеты от школьных лет были Ундина и Лесной Царь. И Дюрер, и Холбейн оставались всегда для меня как свидетельство мощных достижений духа. Те же великие традиции искусства мы должны всячески охранять и вкоренять в современную жизнь. Иначе откуда же придет благородство духа? Как же будет расти достоинство человечества? Откуда же снизойдет осознание широкого сотрудничества и взаимное доверие? Все из того же неисчерпаемого источника, светопосного, благословенного творчества. Жизнь преобразуется подвигами Культуры. Трудны они во времена узкого материализма, но тем не менее мы знаем, что лишь эти подвиги составляют двигательную силу человечества. Свет един, и поистине международны врата к нему и доступны они

для всех искренних искателей света. Темнота допущена лишь на время сна. Но поистине не для сна человечество пытается совершенствоваться уже миллионы лет.

Не труизм мыслить и взывать о Культуре. Неограниченно в количестве мы должны вкладывать в чашу культуры все лучшие накопления наших сердец. Сказано, что мы сейчас приближаемся к эпохе огня. Какая это чудесная стихия, если мы можем осознать ее и применить благостно. Зажигая светочи духа, разве это не прекрасно сознавать, что и в других странах те же самые светочи сверкают. Это осознание сотрудничества укрепит и воздымет наши устремления. Увидим ли мы этих друзей физическим глазом или почувствуем их в духе сердца нашего, не знаем мы, что более ценно. Главное, знать, что чаша Грааля, чаша Культуры, неустанно наполняется и в сердечном сотрудничестве наши друзья слагают в нее их лучшие духовные ценности.

И во имя этих ценностей духа шлю вам с белых вершин ~~мой~~ искренний привет и прошу почувствовать, как рад буду встретиться лично, когда придет к этому время.

Гималаи, декабрь, 1930 г.

ПРИВЕТ КОНФЕРЕНЦИИ ЗНАМЕНИ МИРА

Конференция в Брюгге, 1931

Сердечный привет всем вам, собравшимся во имя Знамени Мира, во имя культурных ценностей. Я уже выражал мое восхищение благородной идеей Камилла Тюльпинка о созыве Конференции в Брюгге для распространения и укрепления в жизни нашего Пакта Мира. Конечно, г-н Тюльпинк ознакомит почтенное собрание с некоторыми положениями моих писем к нему. Также мне хочется обратиться ко всем присутствующим, чтобы, приветствуя, засвидетельствовать тот энтузиазм, который мы ощутили из стран всего мира.

Для меня настоящее собрание является как бы основанием долгожданной Лиги Культуры. Эта Лига укрепит всемирное сознание, что истинная эволюция совершается лишь на основах Знания и Красоты. Лишь ценности Культуры дадут разрешение труднейшим житейским проблемам. Лишь во имя ценностей Культуры человечество может преуспевать. В самом корне этого священного для нас понятия заключено все почитание света, все служение благу. Именно понятие Культуры предполагает не отвлеченность, не холодную абстракцию, но действительность творчества, оно живет понятием неустанного подвига жизни, просвещенным трудом, творением. Не для нас самих, ибо мы уже это знаем, но для подрастающих поколений повторим, что во все лучшие периоды человеческой истории возрождение и расцвет создавались там, где вырастала традиция почитания Культуры.

И мы знаем, что не мгновенно укрепляется эта светлая традиция, ее нужно каждодневно орошать благодатью света. Ибо даже лучший духовный сад засыхает в темноте и безводье. Потому для нас Знамя Мира является вовсе не только нужным во время войны, но может быть еще более нужным каждодневно, когда без грома пушек часто совершаются такие же непоправимые ошибки против Культуры. Всемирное значение имеют культурные духовные ценности человечества, и так же мирно обобщающе будет дружественное рукопожатие во имя этих светлых находений всех поколений.

В широкой программе будут обсуждены многообразные способы применения заботы о Культуре. Конечно, мы услышим множество полезных предложений, которые

все будут нужны в этом мировом деле, и лишь будет вопросом, в каком порядке и как лучше применить их.

Мы услышим и о мировом Дне Культуры, когда во всех школах и просветительных обществах одновременно будет посвящен день осознанию национальных и мировых культурных сокровищ. Мы обсудим, какие именно памятники Культуры и собрания культурные будет охранять Знамя Мира. Обсудим и всемирное каталогирование всех ценностей человеческого гения. Будет обсужден весь комплекс забот о Красоте и Знании, который поистине является обязательностью всего мыслящего человечества, внося в жизнь прочные устои. Конечно, будет обсуждено и учреждение особых комитетов во всех странах, представители которых уже выразили или готовы выразить симпатию этому культурному делу.

Начало подобного комитета в Америке уже положено. В нашем первом ежегоднике, предлагаемом настоящему собранию, выражены все те действия, которые до сих пор нами были произведены по этому Пакту. Конечно, мы уверены, что не только ежегодник будет отображать развитие Пакта, но появится и другое издание, посвященное вопросам всемирной каталогизации культурных сокровищ.

С будущей осени, имея в основании симпатии и одобрение Пакту многомиллионными организациями, кладется основание фонду Знамени Мира. Особое собрание, посвященное Знамени Мира в нашем музее, в Нью-Йорке, еще раз показало, какие мощные симпатии стоят за этой идеей. Нельзя не отметить, что некоторые учреждения уже подняли над своими хранилищами наше Знамя, тем подтверждая непреложность этого решения. Нет надобности подчеркивать, что все эти действия должны идти по одному руслу. Понятие Культуры должно вызывать в нас и соответствующее понятие единения.

Мы устали от разрушений и взаимного непонимания. Лишь культура, лишь всеобобщающие понятия Красоты и Знания могут вернуть нам общечеловеческий язык. Это не мечтание! Это наблюдение опыта сорокадвухлетней деятельности на поприще Культуры, Искусства, Науки. И в одном мы можем принести нерушимую клятву, что от этой охраны Культуры, от Лиги Культуры, ни мы, ни последователи наши не отступимся. Нас нельзя разочаровать, ибо наблюдения в поле Искусства и Знания наполнят нас несломимым энтузиазмом. Не одна нация, не один класс с нами, но все множества человеческие,

ибо в конце концов сердце человеческое открыто Красоте творчества.

Со снежных вершин Гималаев во имя этой всеобнимающей, всепобедной красоты творчества, в самом широком понимании, я приветствую вас, приветствую друзей — единомышленников Культуры, и это единение в Прекрасном умножит силы наши, волеет согласие в мышление наше и убедительностью прекрасной необходимости привлечет к нам множество сотрудников Культуры.

Ведь понятие Культуры принадлежит к нерушимым синтезирующим понятиям. Против Культуры может быть лишь невежество, и если бы такое где обнаружилось, мы можем лишь сожалеть об этом темном начале. При этом будем помнить, как медленно входят в сознание даже совершенно очевидные идеи. Будем помнить, что даже знамя Красного Креста, уже оказавшее человечеству бесчисленные услуги, вначале было принято с усмешкою, недоверием и сарказмом. О том же говорят бесчисленные примеры полезнейших открытий и нововведений. Но эти факты своею прискорбностью вливают в нас новую энергию о необходимости и жизненности Знамени Мира и Лиги Культуры.

В конце концов, то, что мы предлагаем, ничто и никого не умаляет, ничто не затрудняет и достижимо самыми простыми средствами. Конечно, большие дела не могут быть выполнены немедленно — требуется неустанная, длительная работа, к которой мы и готовы. Но огонь зажигается мгновенно, и пусть этот священный огонь, огонь чаши возношения, мгновенно объединит нас всех сойтись и дружно поднять Знамя Мира, Знамя Культуры!

ГЕТЕ

*Wär nicht das Auge sonnenhaft,
Die Sonne könnt'est nie erblicken,*

*Не будь глаз солнцеподобным,
Никогда он не увидел бы солнце.*

*Alles könne man verlieren,
Wenn man bleibe was man ist.*

*Не беда всего лишиться,
Только б вечно быть собой.*

Солнцеподобность, мощь личности, эти знамена значения Гете сказаны им самим. Опять вовремя смятенному человечеству напоминает непобедимо прекрасный облик, в котором выражена вся сущность времени. Не нужно никаких прилагательных к выражению «время Гете», или, вернее, «эпоха Гете». Имя Гете стало почетным гербом не только творчества, цельности мысли, глубины познания, мужества сознания, благородства чувства — это имя действительно собрало в себе целую эпоху, полную сильнейших выражений духа. Стиль Гете не есть только стиль писателя, не только стиль сильного государства, но есть стиль эпохи. Ни волны моды, ни переоценки, ни новые достижения — ничто не касается гигантов, создателей, выразителей эпохи, как Гомер, Шекспир, Данте, Сервантес, Гете... Нельзя сказать, чтобы они были как вершины одинокие, ибо в них собрался дух времени! Они сделались сверхличностью, ибо олицетворили самое благородное нахождение эпохи. Гр. А. Толстой, проникновенно обращаясь к художнику, говорит; вспоминая образы Гомера, Фидия, Бетховена, Гете:

Нет, то не Гете великого Фауста создал,
Который в древнегерманской одежде,
Но в правде великой вселенской
С образом сходен предвечным от слова до слова.
Или Бетховен, когда создавал он свой марш похоронный,
Брал из себя этот ряд раздирающих душу аккордов?

Нет, эти звуки рыдали всегда в беспредельном пространстве.

Он же глухой для земли неземные подслушал рыдания.

...Будь слеп как Гомер и глух как Бетховен.

Слух же духовный сильнее напрягай и духовное зреньё.

И как над пламенем грамоты тайной неясные строки

вдруг выступают,

Так выступят вдруг пред тобою картины.

Станут все ярче цвета, осязательней краски.

Стройные слов сочетанья в ясном сплетутся значенья.

Ты ж в этот миг и смотри и внимай притаивши дыханье.

И соиздая потом, мимолетное помни виденье.

Таковыми словами писатель хотел показать всю неземную, нечеловеческую сущность творений Гете. Многих тайных грамот великие строки открылись глазу Гете. Говорят о принадлежности Гете к тайным философским обществам. Не в том дело. Мало ли членов и всяких дигнитариев во всех обществах. Пламя духа, огонь сердца, великий Агни не рассудком, но чувствознанием ввел Гете в тайники вершин. Синтез никакими обществами не дается. Но знаменательно видеть, как Гете, как истинный посол Истины, не уклонялся от жизни, но находил улыбку ко всем ее цветам. Ограничение не к лицу все вместившему духу.

Мышление Гете по справедливости можно назвать пространственным. В нем утверждалась личность, но было освобождение от эгоизма. Агни Йога! Такое сочетание для малых сознаний даже невообразимо, но оно является верным мерилем потенциала личности. Знал ли Гете учения Востока? Вероятно знал, ибо романтизм не живет без Востока. Не дошло до нас, насколько Гете изучал сокровища Востока. Он не настаивал на них, но ясно, что он знал их; может быть, присущая ему всеобъемлемость открывала легко и эти знаменательные врата.

Говорят: Гете посвященный! Еще бы не посвященный, если в пламенных формулах мог прикоснуться к самым священным камням, не обжигая руки.

Еще бы не посвященный в законы основ, если без страха проходил все ущелья, полные отсталыми и заблудшими путниками. Еще бы не посвященный, если не искателем, но носителем сокровища миров дальних прошел он свой путь.

У тайновидца Гофмана именно тайный советник архивариус оказывается духом огня.

Поистине Гете был действительным тайным советником, только не королевским, а общечеловеческим. Носил он этот чин с легкостью гиганта, который улыбается осколку утеса, упавшему на грудь его. Эта легкость несения нерасплесканной чаши жизни поражает в прохождении крупнейших личностей. То, что иному стоило бы многих морщин, искривлений и вздохов, — для великана просто еще одна неизбежность, которую он встречает весело, чтобы спешить дальше. Сам Гете признается: «Мое стремление вперед так неудержимо, что редко могу позволить себе перевести дух и оглянуться назад». В этом мощном несении чаши вспоминаются легенды о Христофоре, идущем через поток жизни. Как-то особенно солнечно нужно праздновать память Гете.

Как и многие другие, сшитые не по мерке стандарта, Гете для одних остается чуть ли не испытанным сановником и для других — неисправимым революционером. Для одних — устой, для других — потрясатель. Потрясающе само количество комментариев, толкований на Гете. Все разнообразие приписанного и потребованного от Гете дает размеры его творчества.

Конечно, такой ум не мог быть однообразен.

Гете кульминировал время Шиллера, Хердера, Бюргера, Винкельмана, Канта, Лессинга. Великое время, и Франкфурт-на-Майне — хорошее место! Лейпциг, Страсбург, Вецлар, Веймар — все насыщено знаменательными встречами. Литература, искусство, наука, законоведение, государственные труды — весь комплекс жизни лишь углубляет сознание Гете, нисколько не отягощая его могучих, творящих плеч. Всему есть время, всему есть улыбка.

Годы Италии. Дружба с таким же великим духом — с Шиллером, в противоположениях и взаимодополнениях куется неразрывная связь. Наконец, восьмидесятилетняя рука Гете кончает последние строфы Фауста, как синтез жизни. Так считает сам Гете, говоря Экерману, что он понимает остаток жизни, как дар. И на следующий год Гете спешит в мир дальний.

Мировой дух «Weltgeist» Гете и, конечно, мировое единство есть его основа. Творчество и критика проявляются в творениях Гете в своеобразном сочетании «решить жить во всеобъемлемости, во Благе, в Прекрасном».

Гете повлиял даже на Скотта в его «Айвенго», «Ко-

рифская невеста», «Лесной царь», «Бог и баядера», «Тассо», «Эгмонт», «Ифигения» вдохновили лучшие умы к переводам, переложениям и выражениям в музыке.

А «Мастер Вильгельм» незабываем как образ культуры, строения (Bildung), и многим дал жизненный урок.

Свободный от дидактики и сухой морали, давал Гете учения жизни во вдохновенных образах трогательного романтизма, собрав их в символе «Страданий молодого Вертера».

«Weltanschauung» — мирозерцание Гете неповторимо, ибо основано на его собственном неповторимом ритме насыщенного, неутомимого действия.

Влияние Гете не только глубоко во всех германских странах, но и в англосаксонских, и в славянском мире, и в Америке. «Nur rastlos bethätigt sich der Mann». Лишь меняя работу нервных центров, подобно Вольтеру, он не знал, что такое отдых. Его «genuine Menschlichkeit» не была чужда бессмертия, так же как «ewig Weibliches» всегда парило в чистых сферах восторга красотой. Вековой юбилей Гете должен быть праздником каждого расширенного сознания. Именно солнечным праздником! Гете близок Аполлону. Близок свету античности. Ключ его мажорный. Красивое представление, красивое издание, в прекрасном кожаном переплете, не ломающееся при первом открытии, с заставками и заглавными буквами. Непошленный народный праздник, на котором увенчивают благородного Meisterzingerа. Так представляется годовщина славного, всем близкого Гете. «Лесной царь» и «Коринфская невеста» были темы одних из моих первых эскизов; и, конечно, Фауст ставился в нашем детском театре.

Гете. Вспоминаем свой учебный стол. Школьное издание Гетца и Вертера; вспоминаем все те хорошие, прекрасные мысли, зарождавшиеся от баллад Гете. Ни от одной из них не приходилось отказаться и никогда не пришлось постесняться имени Гете. Один восторженный школьник недоумевал: отчего Вольфганг, зачем не Лео, ведь львиная поступь у творца Фауста!

Не спорить о Гете, но должно радоваться о нем, укрепленными лучшими воспоминаниями. Другу наших духовных накоплений надлежит солнечный праздник.

Чем-то очень торжественным и задушевым и созвучным хочется сопроводить праздник Гете. В саду жизни он. И распустились лилии мадонны; там собираются вни-

мающие. И от сомоповой прекрасномудрой древности, от «Песни Песней» благоухает этот цветник жизни.

«Куда пошел возлюбленный твой, прекраснейшая из женщин? Куда обратился возлюбленный твой? Мы поищем его с тобою. Мой возлюбленный пошел в сад свой, в цветники ароматные, чтобы пасти в саду и собирать лилии».

Урусвати. 1931

СИНТЕЗ

Синтез самый вмещающий, самый доброжелательный может создавать то благотворное сотрудничество, в котором все человечество так нуждается сейчас. От высших представителей духовного мира до низшего материалиста торговца все согласится на том, что без синтетического сотрудничества никакое дело не может быть построено. В культуре целых государств мы видим, что там, где был понят и допущен широкий синтез, там и творчество стран шло и плодотворно, и прекрасно. Никакое обособление, никакой шовинизм не даст того прогресса, который создает светлая улыбка синтеза.

Не подумаем, что сказанное есть нелужный трюизм. Именно сейчас множество понятий глубоко извращено в непонимании или в личном желании придать им какое-то случайное значение. От самых высших понятий, можно сказать, от бога и до мельчайших наших личных ощущений так часто все злоумышленно перетолковано, искажено.

Что же должно делать человечество в этих случаях явной порчи основных понятий? Не должно ли оно немедленно очищать их и возвращать к их естественному первоначальному значению? Ведь можно создавать совершенно новые понятия и выражения, но приклеивать к вековым понятиям новое эгоистическое обозначение совершенно недопустимо. Таким порядком жизнь вместо улучшения и оформления будет приходить в нестерпимый хаос, в то смешение языков, о котором так символически повествует Библия во образе вавилонской башни.

Конечно, все прогрессирует; жизнь нуждается в новых определительных для новых открытий и порожденных ими обстоятельствах. Мы имеем новые названия лучей, газов разных энергий и планет и всего того, что не было известно дню вчерашнему. Будем создавать эти новые обозначения, заботясь о том, чтоб они были и выразительны, и звучны, и прекрасны. Может быть, создастся какой-то совсем новый язык. Пусть будет так, во вмещении поймем и его, но подставлять под исконное понятие, созданное и завещанное нам бывшими культурами наши произвольные и часто самомнительные значения, было бы ошибкой, ведущей за собою плачевные и продолжительные

последствия. Ведь это было бы своеобразной работой на разъединение и разложение, тогда как обязанность каждого мыслящего существа думать о сотрудничестве, о синтезе, о строительстве добром.

Было бы целым огромным научным трудом исследование о всех злоупотребленных и извращенных выражениях. Надо думать, что кто-то найдет возможность выполнить и это задание, так необходимое человечеству. Теперь же хотелось бы уточнить определение двух понятий, с которыми ежедневно приходится сталкиваться в обиходе нашем. Многозначительно приходится повторять понятие о культуре и цивилизации. К удивлению, приходится замечать, что и эти понятия, казалось бы, так уточненные корнями своими, уже подвержены перетолкованиям и извращению. Например, до сих пор множество людей полагает вполне возможным замену слова «культура» «цивилизацией». При этом совершенно упускается, что сам латинский корень «культ» имеет очень глубокое духовное значение, тогда как цивилизация в корне своем имеет гражданственное, общественное строение жизни. Казалось бы, совершенно ясно, что каждая страна проходит степень общественности, т. е. цивилизации, которая в высоком синтезе создает вечное неистребимое понятие культуры. Как мы видим на многих примерах, цивилизация может погибать, может совершенно уничтожаться, но культура в неистребимых духовных скрижалях создает великое наследие, питающее будущую молодую поросль.

Каждый производитель стандартных изделий, каждый фабрикант, конечно, является уже цивилизованным человеком, но никто не будет настаивать на том, что каждый владелец фабрики уже непременно есть культурный человек. И очень может оказаться, что низший работник фабрики может быть носителем несомненной культуры, тогда как владелец ее окажется лишь в пределах цивилизации. Можно легко себе представить «Дом культуры», но будет очень неуклюже звучать «Дом цивилизации». Вполне определенно звучит название «культурный работник», но совсем иное будет обозначать «цивилованный работник». Каждый профессор университета вполне удовлетворится названием культурного работника, но попробуйте сказать почтенному профессору, что он работник цивилизованный; за такое прозвище каждый ученый, каждый творец почувствует внутреннюю неловкость, если не обиду. Мы знаем выражения «цивилизация Греции»,

«цивилизация Египта», «цивилизация Франции», но они несколько не исключают следующего, высшего в своей нерушимости выражения, когда говорим о великой культуре Египта, Греции, Рима, Франции...

В прошлых статьях о культуре мне приходилось называть культуру почитанием света. В результате мы и не уйдем от этого понимания. «Культ» всегда останется почитанием благого начала, а слово «ур» нам напоминает старый восточный корень, обозначающий свет, огонь. Но может быть, я слишком воодушевлен понятием культуры, потому обратимся к наиболее прозаическим определениям толковых словарей и энциклопедий. Пресловутый Вебстер определяет цивилизацию как акт гражданственности или цивилизованное состояние, относительное преуспеяние в социальной культуре. Тот же словарь определяет культуру как акт улучшения и развития воспитанием, дисциплиной; просвещение и дисциплинирование, полученное умственным и моральным воспитанием; уточнение; характерные достижения народов или социальных организаций, как, например, «греческая культура».

Большая Энциклопедия этики совершенно опускает определение слова «цивилизация», как не входящего в круг высоких этических понятий, и посвящает культуре следующие строки: «Культура. Бэкону мир обязан этим термином, так же как и философией о культуре. Хотя в самом себе понятие культуры достаточно широко выражает все формы духовной жизни человека — мыслительной, религиозной, этической, — оно более всего понимаемо как высшее стремление человечества утвердить смысл своего внутреннего бытия. Это стремление выражается рядом контрастов по разделению мыслительному и действительному. Наиболее основные контрасты по делению физическому и духовному, с их дуализмом животности и человечности. Идеалами культуры человек устремляется к высокой мыслительной жизни, а не к насилию, стремясь к вышеудаленному, а не к ближайшему физически. С общественной точки культура противопоставляется промышленным занятиям, различая их по качеству работы».

Как видим, говоря о культуре, как о почитании света, мы лишь синтезировали существующее определение.

Если кто по незнанию будет настаивать, что понятие культуры соединено лишь с культурой физической, он покажет просто свою ограниченность. Если кто-то будет вспоминать какое-либо прежнее неудачное злоупотребле-

ние этим высоким понятием, он просто будет пресекать себе возможность к совершенствованию, утончению сознания и вмещению. Нам приходилось встречаться с очень определенными пониманиями этих двух понятий среди народов. Народ считает каждого одевшего белый воротничок цивилизованным человеком, для этого даже коверкая это где-то услышанное слово; каждый грамотей уже цивилизован; так, хотя и в примитивных формах, правильно понимается начало первой гражданственности. Но решительно все народы поверх этой гражданственности, легко всем доступной, чувствуют существование чего-то высшего, к чему неизбежно стремится каждый ищущий дух человеческий. Для этого высшего обозначения у каждого даже примитивного народа существует свое слово, которое скажет вам о высшем взаимопонимании, о высшей духовности, о знании высшем и о радостях духа. Это не будут чисто клерикальные понятия, они будут соответствовать именно нашему понятию, наследованному нами от великих находений латинской культуры. Может быть, мы могли бы взять такое же понятие из китайской или даже из тибетской письменности, но Запад просветился латинским обозначением этого понятия; потому мы не можем извращать его лишь в угоду кому-то, кто хотел бы своевольно применить или извратить его.

Почему-то все очень легко понимают обозначение «всемирный день культуры», но всемирный день цивилизации может быть истолкован очень странно и даже несколько комично. Пример соотношения этих двух так принятых понятий культуры и цивилизации напоминает нам, как много в таких же соотношениях или забыто, или перетолковано. Мы знаем, сколько старинных заветов нуждаются в новом переводе, ибо многие определения нашего ближайшего прошлого оказываются или неопределяющими, или примитивными, ибо не забудем, что конец 19-го века не очень послужил к утончению и уточнению научных и философских терминов. Но сейчас мы находимся в преддверии очень знаменательного времени, во времени сознательного синтеза, когда никакие обветшавшие условные нагромождения не должны мешать стремиться к свету и к ничем не стесненному познанию.

Кто-то подумал о том, что само произнесение слова «культура» уже заключает в себе самомнение и гордость. Но ведь это не так; ведь каждое стремление и совершенствование есть нечто как раз обратное самомнению. Само-

мнящий удовлетворяется и не двигается, но ищущий стремится и готов ко всяким невежественным выходкам со стороны, лишь бы только протолкнуться по пути к свету. Ведь этот свет не есть отвлеченность; ведь нахождения наших великих ученых говорят нам о тех близких возможностях, которые еще четверть века тому назад казались несбыточной утопией и вызывали даже в тогдашних научных учреждениях лишь улыбки сожаления. Но мы счастливы видеть, как эволюция человечества хотя бы даже в своеобразных путях, но очень быстро изменяет смысл всей цивилизации. А за этим актом будет происходить и накопление культуры. И если люди начнут мыслить о культуре, начнут вводить в обиход свой это священное понятие, они вовсе не будут самомнительными, но лишь покажут себя готовыми к высшему вмещению.

Благодетельный синтез поможет и ввести в обиход жизни оздоравливающие высокие понятия, и научит вмещать то многое, что еще вчера казалось или пустою отвлеченностью, или неприменимою неуклюжестью, или просто смешным, с точки зрения условных привычек, предрассудков и суеверий. Не суеверие ли, не предрассудки ли испортили так многие прекрасные понятия? И приходится теперь молодому поколению бесстрашно поднять забытые сокровища во имя лучшей и светлой жизни!

Гималаи

КАЧЕСТВО

«Если хочешь опередить свою тень, обратись лицом к солнцу. Брат, делай все лучше, трудись радостнее».

В известный период синтеза деятельность должна сконцентрировать качество выявления. Количество, как известные массовые вестники, может быть иногда допустимо, но движение культуры никогда не запечатлевалось ни количеством, ни большинством.

Высокое качество и изысканное меньшинство всегда были двигателями настоящих достижений культуры. Очень часто даже в хороших речах и писаниях о культуре проskalьзывает, что культура начинается там, где люди знают, как использовать досуги свои. Это может быть верно лишь постольку, поскольку мы условимся в понятии досуга. Если под досугом мы поймем все время вне нашей рутинной работы, как мы иногда называли ее, временем труда — праваямы, тогда так называемый досуг явится лишь средоточением на изыскании высокого качества всей нашей деятельности. Сконцентрированные качественные удары собранной энергии; прекрасно звучат они в пространстве и пробуждают звучанием своим сердца народов.

Качественность пробуждает и другую столь необходимую в эволюционных процессах особенность; она пробуждает действительную ответственность за все исходящее, хотя бы в одном утверждении или предупреждении, хотя бы оно являлось новою фразою утончения чего-то, казалось бы, уже известного. Величайшая драма часто скрывается в этом будто бы уже известном. Это «известное» попадает в тот разряд общепринятости, о котором люди более и не помышляют, иначе говоря, не только не уточняют, но и не возвышают более эти понятия.

Устремление к качественности обратит нас ко многим аксиомам жизни, которые придется опять вернуть к проблемам, настолько они требуют уточнения, обострения и устремления с новых точек нашего бытия. «Non multa sed multum» — этот мудрый совет давался тоже в известные периоды деятельности. Нельзя начинать знаменования культуры с молчания. Молчалники-отшельники уходили от мира лишь после известной деятельности, когда само их молчание являлось уже громовым духовным зовом и целением немощей.

Как прекрасно сосредоточенное ответственное движение резца ваятеля, который после грубого оформления подходит к выявлению тончайших покровов, причем малейшее отступление верности руки наносит непоправимое искажение. Пока ваятель находится в сфере первобытных оформлений, рука его может позволить себе иногда или слишком углубленный, или поверхностный, извилистый удар резца. Но когда он подходит к окончательному выражению, преступить которое значило бы вернуться к хаосу, то творческий энтузиазм его возвышается и великою ответственностью за каждое движение его руки. В это время ваятель, может быть, еще чаще отойдет от своего произведения, чаще взглянет на него с разных углов зрения, чтобы, приблизившись, запечатлеть неповторимое прикосновение. Там, где в первые дни работы ваятель мог и словесно выражать свои намерения, там при завершительных ударах он больше молчит, углубляется, зная, что он ответит за все, им завершено.

Качественность, воздвигнутая всем комплексом обстоятельств, вносит в дело строения особую духовную радость. Переходящий горный поток не может позволить себе ни единого неверного движения. Также следуя по струне через бездну, мы как бы даже теряем часть нашего физического веса и, сердечно прикрепленные к духовным нитям, почти перелетаем гибельные пропасти.

Назовете ли это энтузиазмом, или возвышением духа, или совершенством качества всех движений и мыслей, или высочайшею торжественностью всех чувств наших — безразличны эти наименования. Тот, кто не поймет торжественности в любви, торжества качества, тому и все прочие наименования будут лишь камнями, грохочущими в горном потоке.

Не в грохотании звонких слов лежит суждение о высоком качестве. В собранной торжественности сердца решается это судьбище вечности. Если мы дерзаем произносить слово «культура», значит, прежде всего мы ответственны за качество. Корень слова «культура» есть высшее служение совершенствованию, но это и есть наше обязательство по отношению к бытию.

В накоплении качества ничто не будет непредусмотрено, ничто не будет забыто и, конечно, ничто не будет своекорыстно извращено. Крупное ли, мелкое ли своекорыстие так внедрено в жизнь человечества целыми веками извращений и отрицаний, что своекорыстие является

одним из главных врагов всего совершенного поверх личного качества.

Как-то рассуждалось в печати о том, не было ли в подвигах, запечатленных человечеством, какого-то своекорыстия? Вопросалось — не было ли в действиях пастушки Жанны д'Арк какого-либо движения самости, когда она утвердилась на мысли о спасении целого народа? Эти соображения могут приходить в голову лишь людям, в существе своем своекорыстным. По их мнению, не только подвиги, но даже и дела повседневного благотворения, конечно, вызваны лишь разными степенями самости и своекорыстия.

Таков закон людей бессердечных, которые, судя по себе, полагают, что все доброе творится или для своекорыстия, или для каких-то земных личных возвышений, забывая, что эти земные цветы однодневны, как и пышные цветы кактуса. Бросая всему обвинение в своекорыстии, прирожденные своекорыстники начинают безумствовать и над культурою. Они говорят: «Нам недоступны пути святости», точно бы обязанности перед культурою уже были какими-то святыми достижениями.

Кощунственники всегда будут ненавистною им реальность забрасывать за облака недосыгаемости, чтобы тем легче навсегда отвязаться от нее. Они же охотно будут покровительствовать кулачным боям, бою быков, состязанию на скорость, доведенную до бесцельности. Они выдвинут все физические грубейшие выявления, лишь бы хотя отчасти стереть значение всего изысканного, творящего. Они готовы передать храм в руки торгашей, надеясь, что по нашим временам искому будет изгнать их из святилища и поддержать то, чем жив дух человеческий.

По счастью, пути совершенствования и высокого качества в существе своем лежат вне рук торгашествующих. О качестве мыслит меньшинство. О качестве может мыслить молодое сердце, пока не загрязнено. По каким бы закоулкам ни вздумало бродить человечество, процесс качества все-таки будет совершаться! Все-таки совершится, ибо подвижничество живет в сердце утопченного духа. Вне опубликованных заповедей находятся накопления утопчения.

Но не будем входить в сферы несказуемые. Сейчас нужно твердить именно о вполне сказуемом понятии качества во всех действиях, во всей производительности. Неустремленные к качеству пусть лучше и не говорят о культуре.

Культура вовсе не модное, стильно фешенебельное понятие. Она есть глубочайший устой жизни, скрепленный высшими серебряными нитями с иерархией эволюции. Потому-то осознавшие стремление к качеству не боятся насмешек и повторяют словами апостола Павла «когда вы думаете, что мы мертвы, мы все-таки живы». И не только живы, но каждый, устремленный к культуре, иначе говоря к качеству, находит в себе неиссякаемый источник сил и противостояние всему злобному и разрушительному. Он-то может повторять мудрое изречение: «Благословенны препятствия, ими растем». Для него каждое выявление препятствия есть лишь возможность возвышения качества.

Чем же будет преоборена грубейшая форма, как не излучением духа, сказавшимся во всем качестве, в качестве каждого действия, каждого дня, каждого помысла. Итак, стремясь к высшим формам цивилизации, дерзая мыслить даже о культуре, не забудем, что жизненность стремления создается из высокого качества всех действий.

Не мечтать во снах, но выявлять в жизни обязывает нас ответственность перед культурой. И эта ответственность поистине распространяется не на какие-то заоблачные мечты редких праздничных дней, но должна быть запечатлена во всей каждодневности. Качество, красота, торжественность в любви во всей неудержимости и беспредельности ткут несломимые крылья духа. Качество, качество, качество! Во всем и всегда!

Конечно, всегда найдутся и сатанинские твари, которые на все духовное, на все прекрасное прошипят: «К черту культуру, деньги на стол». Но не завидна мрачная участь таких сатанистов. По счастью, «свет побеждает тьму».

Но какие же сердечные выражения привета послать тем, кто бескорыстно, самоотверженно борется за культуру! Как не приветствовать тех, кто благородною борьбою своею помогает государству вписывать незабываемые страницы лучших достижений! Ведь эта борьба, как борьба с самою сгущенною темнотою, необычайно трудна, но зато она и составляет тот истинный подвиг, который запечатлевается навеки и составляет лучшие путеводные вехи молодым поколениям.

Благородное стремление создает и неиссякаемость сил и растит тот светлый энтузиазм, о котором горят глаза и звучит сердце человеческое. Во имя бездонной красоты сердца человеческого и сойдемся и укрепимся в светлой победе культуры.

КУЛЬТУРНОСТЬ

У друзей наших живет Тизи Визи. Это не человек, а попугай, притом птица очень исключительная. Помимо прочих философских воззрений, Тизи Визи, прослышав об успехе нюдистов, решил последовать их примеру. Он сбросил все свое разноцветное оперение. Даже и не пощадил длинного зеленого шлейфа хвоста. И начал разгуливать нагишом, вовсе не заботясь о несоответствии своего гигантского клюва с тщедушным тельцем. Ведь это и у нюдистов случается. Тизи Визи настолько проникся идеями нюдизма, что каждое появившееся перышко он немедленно выщипывает. Среди разнообразных разговоров с хозяевами своими Тизи Визи иногда престранно свистит, точно бы хочет скандировать слово Культура.

Ох, часто, очень часто и свистом и писком твердится это священное слово. Скоро как нюдизм и прочие моды кто-то сочтет вполне модным двадцать раз в день повторять это звучное слово, нимало не стыдясь всех своих прежних привычек.

За долгие времена так называемой цивилизации человечество так привыкло не соединять поступки свои с произносимыми понятиями. Люди ходят в церковь, умиляются словами высокого учения, восхищаются проповедью о нестяжании и, приговаривая «все мы скоты перед Господом», идут домой, чтобы неотложно объесться, опиться, отравить себя всякими наркотиками и сквернословить. Люди идут в театр, плачут над суровой судьбою героев, проникаются самыми возвышенными идеями и спешат домой, чтобы готовить ту же судьбу героям современности. Люди слушают музыку, даже пытаются внести ее в обиход свой, но посмотрите на этих знатоков звука, когда биржа не отвечает их вожделениям.

Итак, мы ухитрились наполнить жизнь самыми невероятными противоречиями, но с одною оговоркою — подъемы духа бывают очень кратковременны, тогда как озверение бывает вполне естественным пополнением жизни. В неискренности люди приходят даже к некоторому утончению. Так некий обманщик, собираясь обмануть, всегда наполнял глаза свои слезами. А другой, удушая множество людей, пытался застроить поле свое храмами и великолепными зданиями, надеясь, что души удушен-

ных не распатают фундамент. И в других областях, даже близких Науке и Искусству, можно было неоднократно встречаться с прирожденным лицемерием. Когда становилось модным углубляться в старину, сколько внешних и скользких по поверхности слов было произнесено. Новые знатоки готовы были теоретически охранять ее, ту очень далекую старину, но когда касалось дело до старины близкой, зависящей от них самих, то весь вчерашний энтузиазм куда-то испарялся. Старина опять становилась чем-то скучным, а может быть, и какие-то «срочные дела» отвлекали вчерашних идейных апологетов!

Когда мы обращаемся к понятию Культуры, к понятию такому близкому, насущному, неотложному, невольно вспоминаются все лицемерные экскурсии человечества, в которых, как вчерашняя гроза, быстро забывается даже самое неотступно стучащееся. Иногда становится жутко, а что, если Тизи Визи начнет отчетливо пищать слово Культура? А что, если некто, твердя это слово, изобретет новые возможности удушения? А что, если конференции против наркотиков благословят продажу наркотического сырья, благочестиво твердя против вредности отравления? Возьмите за год любую газету, и вы найдете самые необычайные примеры лицемерия, ханжества и лживости под предлогом высоких задач.

Конечно, все эти экскурсии лицемерия уже достаточно усложнили современную жизнь. Люди запутались. Пробовали вводить пушки в христианские соборы для благословения. Но и это экстренное средство не помогло. Люди священного звания пробовали говорить о недействительности обязательства, ибо оно было произнесено только устно. Но и эти отчаянные не улучшили ни своего положения, ни своей паствы. И среди всей этой противоречивой неразберихи вдруг и как-то повелительно вырос девиз Культура. Нужно сознаться, что зов этот вдруг широко проник в массы. В те массы, которые всегда вызывали наши лучшие ожидания. Образовались целые организации, посвящающие себя исканию и стремлению к Culture. Мы знаем подобные организации, где трудящаяся молодежь вместо пошлого водевиля обращается к героическим подвигам улучшения жизни, во имя самых высоких имен и понятий. Никакие обвинения в лицемерии или попугайничестве не коснутся этих искренних и устремленных людей, значит, перед всеми нами лежат две определенные задачи. С одной стороны, нужно всячески помочь

и объединить и облегчить судьбу искренних искателей Культуры. С другой же стороны, нужно доглядывать с огнем в руке, чтобы драгоценное понятие Культуры не попало в число модных заголовков. Не сделалось модным, хотя и неосознанным понятием болтливых гостиных.

Предстоит две работы — просветительная и охранительная. Значит, кружки, общества, организации, осознавшие ценность и смысл Культуры, должны доглядеть, чтобы никакие вульгаризация и опошление не начали бы разлагать это ценное и спасительное понятие. Конечно, не охранники, но просвещенные воины Культуры должны собираться и поддерживать друг друга, цементировать пространство самым высоким, самым прекрасным, проталкивая эти действительные ценности в жизнь. Нюдисты, во имя своей идеи, не стыдятся всенародно показывать свое безобразие. Пусть же деятели Культуры тоже не постыдятся показать, но не безобразие, а красоту духа.

Когда мы инкорпорировали учреждение Лига Культуры, трудно было предусмотреть, как двинется эта организация. Но поднялось Знамя Мира: осозналось, что это Знамя нужно не только во время войны, но еще более повседневно. И безотчетно, стихийно связалось понятие Знамени этого с представлением о Лиге Культуры.

Всемирный отбор лучшего, сознательного, просвещенного! Как сон еще недавно, могли бы мы мечтать о таком единении? Но, видимо, колесо жизни вращается очень быстро, и незыблемый закон опять обращает нас к равнению по лучшему. Трогательно отметить, что пока, в добрый час, это единение происходит без всякого опошления. Людям хочется сойтись получше и духовно и внешне, это стремление кверху содержит в себе и разрешение множества социальных проблем, ибо в просветительном единении искореняется пакость, стирается ржавчина и вдохновенным духам нечего опасаться безобразия. Мы только что укоряли в безобразии нюдистов, если бы они как-то избегли безобразия, то половина нападков на них исчезла. Но носители Культуры, обнажая прекраснейшие стороны духа своего, совершат необычайное преображение жизни. Ведь обязано же человечество отойти от безобразия. В самом слове «безобразия» заключена безобразность, непроявленность, мохнатость. А ведь дух-то наш стремится к стройным построениям, к ясности, к свету. Кто же работает во тьме?

Итак, уберемся от попугаев, уберемся от извра-

тителей и сквернословцев. Ибо нам невместно возвращаться в птичье состояние и невместно огрызаться по-звериному. Столько неотложной работы перед нами. Такие глубокие прошедшие проводы нужно найти и соединить с проводами будущего. Так добросовестно и устремленно нужно научиться уважать друг друга и в этом научиться уважать человеческое достоинство. Ведь в обиходе это не умеют делать, и умеют гораздо лучше затруднять, нежели облегчать и помогать.

Широка программа Лиги Культуры. Все прекрасное, все познавательное и просветительное. Это не внешняя интеллектуальность, это — сердечное стремление к свету, к взаимной помощи и пользе. Кто-то усмехнется, вспоминая старый цинизм: «человек человеку волк». А на это нужно сказать: «тогда и убирайтесь к волкам и помните, что заветом «падающего толкни» вы вышли из моды и стали смешными. А что может быть безобразнее как «впасть в ридикюль»?¹

Вот Лига Культуры прежде всего и будет бороться против безобразия, рыхлости, гнилости, влезших в жизнь нашу. Для удобства поступательных действий нужен прежде всего порядок, организация, свободно осознанная духовная дисциплина. Но ведь Культура как таковая в самом существе своем уже содержит утонченность, понимание, созидательность. А там, где возносится строение во имя просвещения, там некогда ни оглядываться, ни вздыхать, ни сожалеть. Опять вспомнили, «когда постройка идет, все идет». И не забудем, что каждая постройка содержит в себе уже радость. Вот во имя этой строительной радости мы и сходимся, и уважаем друг друга, и можем смело смотреть друг другу в глаза, желая благо.

Когда искали клады, то главным напутствием было «не оглядывайся». Так же и тут скажем: «А ну их к шуту, все смятения, все передраги и прокислые счета, когда постройка идет, все идет».

¹ «Попасть в смешное положение» (франц.).

ЛЮБИТЕ КНИГУ

Среди искусств, украшающих и тем улучшающих жизнь нашу, одним из самых древних и выразительных является искусство книги. Что заставляло с самых древних времен начертаний придавать клинописи, иероглифам, магическим китайским знакам и всем многоцветным манускриптам такой изысканный, заботливый вид? Это бережное любовное отношение, конечно, возникало из сознания важного запечатления. Лучшее знание, лучшие силы полагались на творение этих замечательных памятников, которые справедливо занимают место наряду с высшими творческими произведениями. По сущности и по внешности манускриптов, книг мы можем судить и о самой эпохе, создавшей их. Не только потому, что люди имели больше времени на рукописание, но одухотворение поучительных памятников давало неповторяемое высокое качество этим запечатлениям человеческих стремлений и достижений.

Но не только рукописность давала высокое качество книге. Пришло книгопечатание, и разве можем мы сказать, что и этот массовый способ не дал множество памятников высокого искусства, послужившего к развитию народов.

Не только в утонченных изданиях 17-го и 18-го веков, но и во многих современных нам были сохранены высокие традиции утонченного вкуса. И качество бумаги, и изысканная внушительность шрифтов, привлекательное расположение предложений, ценность заставок, наконец фундаментальный крепкий доспех украшенного переплета делали книгу настоящим сокровищем дома. Таким же прочным достоянием, как и тверд был переплет книги, не гнувшийся ни от каких житейских бурь.

Говорят, что современное производство бумаги не сохранит ее более века. Это прискорбно, и, конечно, ученые, вместо изобретения «человечности» войны посредством газов, должны бы лучше заняться изобретением действительно прочной бумаги для охраны лучших человеческих начертаний. Но если даже такая бумага опять будет найдена, мы опять должны будем вернуться к утонченности создания самой книги. Поистине самые лучшие заветы могут быть отпечатаны даже в отталкивающем виде. Глаз и сердце человеческое ищут Красоту. Будет ли эта красота

в черте, в расположении пятен, текста, в зовущих заставках, в утверждающих концовках — весь этот сложный, требующий вдумчивости комплекс книги является истинным творчеством.

Только невежды могут думать, что напечатать книгу легко. Конечно, нетрудно набросать в кучу дурную книгу, которую в небрежности, в изломе линий, в раздражающих кривизнах люди быстро поймут и с пренебрежением бросят на нижнюю полку несоответственного шкафа. Или пошлют с удовольствием приятелю, следуя пословице: «на те, боже, что мне не гоже». Хорошую книгу, конечно, создать не легко. Имя редактора и издателя хорошей книги является действительно почитаемым именем. Это он, вдумчивый работник, дает нам возможности не только ознакомиться, но и сохранить как истинную драгоценность искры духа человеческого.

Книга остается как бы живым организмом. Ее внешность скажет вам всю сущность редактора и прочих участников. Вот перед нами суровая книга неизменных заветов. Вот книга неряха. Вот поверхностный резонер. Вот щеголь, знающий только поверхность. Вот витиеватый пустослов. Вот углубленный познаватель. Зная эти тончайшие рефлексии книжного дела, как особенно чутко и внимательно мы должны отнестись ко всему окружающему книге — это зеркало души человеческой.

Но все создается лишь истинной кооперацией. Мы будем глубоко почитать издателя — художника своего дела. Но и он может ждать от нас, чтобы мы любили книгу. Иногда, под руководством современных декораторов, не находится места для книжных шкафов. В некоторых очень зажиточных домах нам приходилось видеть вделанные в стену полки с фальшивыми книгами. Можете себе представить все потрясающее лицемерие владельца этих пустых переплетов. Не являются ли они красноречивым символом пустоты сердца и духа? А сколько неразрезанных книг загадочно лежат на столиках будуаров. И хозяйка их с восторгом говорит о знаменитом имени, напечатанном на обложке. Как часто среди оставленных наследий прежде всего уничтожаются именно книги, выбрасываемые, как домашний сор, на вес, на толкучку. Каждому приходилось видеть груды прекрасных книг, сваленных, как тягостный хлам. Причем невежды, выбросившие их, часто даже не давали труда открыть и посмотреть, что именно они изгоняют.

Что же должен чувствовать издатель, художник, зная и видя эту трагическую судьбу истинных домашних сокровищ? Но и здесь не будем пессимистами. Правда, знаки безобразия существуют, как со стороны читателей, так и со стороны издателей. Но ведь существуют же и поныне издания прекрасные, даже недорогие, но чудесные своею простотою, своею продуманною внушительностью. Существуют и нарождаются и прирожденные библиофилы, которые самоотверженно собирают лучшие запечатленные знаки человеческих восхождений. Может быть, именно сейчас нужно особенно подчеркивать необходимость сотрудничества между читателем и издателем. Финансовые кризисы обычно больше всего отражаются на способах и на качестве просвещения, это печально, но это так, точно бы в силу материального кризиса кто-то получает индульгенцию на невежество и одичание. Именно теперь мир переживает незапамятный, глубоко внедрившийся материальный кризис. Кризис перепроизводства, кризис падения качества, кризис веры в возможность светлого будущего. Главным образом это происходит оттого, что уже многие поколения приучаются верить, что руководящая мощь Мира лишь в золотой валюте. Но, призывая на помощь всю историю человечества, мы знаем, что это не так. Не будем еще раз повторять, что истинная валюта есть валюта духовных ценностей. Источниками этих ценностей несомненно остаются книги, на разных языках приносящие единый язык духа. Не может быть, но, наверное, именно сейчас нам нужно помыслить о книге, нужно светло ободрить издателей, мыслящих о красоте. Даже среди стесненного нашего обихода нужно найти место, достойное истинным сокровищам каждого дома. Нужно найти и лучшую улыбку тем, кто собирает лучшие книги, утончая качеством их сознание свое. Неотложно нужно ободрить истинное сотрудничество вокруг книги и опять внести ее в красный — прекрасный угол жилища нашего. Как же сделать это? Как же достучаться до сердец остеклившихся или замасленных? Но, если мы мыслим о Культуре, это уже значит — мы мыслим и о Красоте, и о книге, как о создании прекрасном.

В далеких тибетских домах, в углу священном, хранятся разные доски для печатания книг. Хозяин дома, показав вам драгоценности свои, непременно поведет вас и к этому почитаемому углу, и со справедливой гордостью будет показывать вам и эти откровения духа. Он согласит-

ся с досок этих и сделать оттиски для вас, если видит, что вы сорадуетесь его благородному собирательству. Я уже как-то писал вам, что на Востоке самым благородным подарком считается книга. Не ободряет ли это? Если мы скажем друзьям нашим «любите книгу», «любите книгу всем сердцем вашим» и почитайте сокровищем вашим, то в этом древнем завете мы выразим и то, что настоятельно нужно в наши дни, когда ум человеческий обращается так ревностно к поискам о Культуре.

Любите книгу!

Кто-то, не знающий действительного положения, спросит: «Почему нас сейчас призывают любить и защищать книгу, когда шкафы библиотек ломаются от ежегодных печатных поступлений?» Скажем ему: «Мы не говорим о числе печатных поступлений, мы говорим о «любви к книге». Кто знает, может быть, этот неисчисляемый поток печатной бумаги в свою очередь смутил народное представление о книге, как об истинной ценности. Не только каждый библиотекарь, но даже вдумчивый продавец книг скажет вам, что любовь к книге как к таковой сильно поколебалась и рассеялась. Так же, как во многих других областях, произошло распыление и обезличение. Каждый близко стоящий к книжному делу, конечно, согласится с нами и признает, что настало время неотложно подумать опять о достоинстве книги.

Помню, во время аудиенции в Елисейском дворце президент Думерг находился на фоне целого ряда прекрасных книжных томов. Какой достойной мозаикой цветилось это драгоценное собрание!

Книга, как в древности говорили, река мудрости, напоющая мир! Книга, выхода которой еще недавно с трепетом ожидали и берегли наилучшее ее издание. Все это священное рвение библиофилов, оно не есть фанатизм и суеверие, нет, в нем выражается одно из самых ценнейших стремлений человечества, объединяющее Красоту и Знание. О достоинстве книги именно сейчас пробил час подумать. Не излишне, не по догме, не по неотложной надобности твердим сейчас, **Любите книгу!**

Желанг Лажул. 1931 г.

КУЛЬТУРА — ПОЧИТАНИЕ СВЕТА

«Культура есть почитание света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и красоты. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений. Культура есть оружие света. Культура есть спасение, Культура есть двигатель, Культура есть сердце.

Если соберем все определения культуры, мы найдем синтез действенного блага, очаг просвещения и созидательной красоты».

Осуждение, умаление, загрязнение, уныние, разложение, все порождения невежества не приличны Culture. Ее великое древо питается неограниченным познанием, просвещенным трудом, неустанным творчеством и подвигом благородным.

Камни великих цивилизаций укрепляют твердыню Culture. Но на башне Culture сияет алмаз-адаманти любящего, познающего, бесстрашного сердца.

Любовь открывает эти врата прекрасные. Как всякий настоящий ключ, и любовь эта должна быть подлинная, самоотверженная, отважная, горячая. Там, где истоки Culture, там источники горячи и бьют они из самых недр. Где зародилась Culture, там ее уже нельзя умертвить. Можно убить цивилизацию. Но Culture, как истинная духовная ценность, бессмертна.

Потому и радостна пашня Culture. Радостна даже в самых крайних трудах. Радостна даже в напряженных битвах с самым темным невежеством. Зажженное сердце не ограничено в великой Беспредельности.

Праздник труда и созидания. Звать на праздник этот значит лишь напомнить о нескончаемом труде и о радости ответственности, как о достоинстве человеческого.

Труд работника Culture подобен работе врача. Не одну болезнь знает истинный врач. Не только врач спасает от уже случившегося, но он мудро предусматривает на будущее. Не только изгоняет болезнь врач, но он работает над оздоровлением всей жизни. Сходит врач во все подвалы темнейшие, чтобы помочь осветить и отеплить их.

Не забывает врач о всех улучшениях, украшениях жизни, чтобы порадовать дух поникающий. Знает врач

не только старые эпидемии, но готов распознать и симптомы новых несчастий, вызванных гниением устоев.

Имеет здоровое слово врач и к ребенку и к старцу, для каждого готов его совет одобряющий. Не прекратит врач познания свои, иначе он не ответит действительности. Не теряет врач терпение и терпимость, ибо ограниченность чувств оттолкнет от него болящих.

Не уstraшитcя врач видом язв человеческих, ибо он мыслит лишь об исцелении. Собирает врач всяческие травы и камни целебные, знает он об изыскании их благого применения. Не утомится врач поспешить на помощь к больному во все часы дня и ночи.

Работнику Культуры присущи те же качества. Так же точно готов он на помощь во благо в любой час дня и ночи. Подобно сокольскому зову, работник Культуры доброжелательно отвечает: «Всегда готов». Он открыт сердцем ко всему, где опыт и знание его могут быть полезны. Помогая, и сам он вечно учится, ибо «в даянии мы получаем». Он не уstraшается, ибо знает, что страх открывает врата тьмы.

Работник Культуры всегда молод, ибо не дряхлеет сердце его. Он подвижен, ибо в движении сила. Он зорек на постоянном дозоре во благо, в познание, в красоту. Знает он, что есть сотрудничество.

Нитями сердечными объединены работники Культуры. Горы и океаны не препятствия для этих сердец возжженных. И не мечтатели они, но строители и пахари улыбающиеся.

Посылая привет о Культуре, нельзя послать его без улыбки, без зова дружбы. Так и сойдемся, так и соберемся и потрудимся во благо, во знание, в красоту. И сделаем это неотложно, не упустив ни дня, ни часа для строительства доброго.

КУЛЬТУРА — СОТРУДНИЧЕСТВО

Взаимность есть более сердечное определение сотрудничества. Если мы давно мечтали и всячески старались достичь сотрудничества, то сами нынешние обстоятельства повелительно устремляют нас по этим сердечным путям.

Наконец, осуществляется еще одно сообщество, в основу которого заложено наше самое искреннее устремление к общественности и к взаимности. Наши действующие комитеты, охватывающие в своих действиях широкую программу, могут жить и развиваться лишь на основе теплого сотрудничества, иначе говоря, на взаимности.

Самое сердечное наше желание не только привлечь сотрудников к действиям, но дать им возможность стать сотворцами, создателями новых ступеней Культуры.

Одно дело простое сотрудничество, но совсем иначе должно звучать сотворительство, создательство, в котором никто ничем не поглощается. Наоборот, в культурной беспредельности каждый выковывает себе область и твердыню драгоценную для всех, но созданную им в его индивидуальности. Чем же, как не сердечной взаимностью, можно поддержать индивидуальность?

Разве не будет истинным праздником Культуры тот день, когда каждый нерушимо принесет в великом служении лучшее накопление своего опыта, своей наблюдательности! Всеми нашими многообразными обществами, институтами и учреждениями давалась возможность развиваться самым различным устремлениям, лишь бы они были направлены по священному руслу Культуры. Всякое подавление священного чувства прекрасного накопления было нам чуждо.

Теперь в наслоении следующих построений воздвиглась всемирная Лига Культуры. Ведь это и есть то самое сверхобъединительное понятие, перед которым понижают всякие прочие деления, определения и наименования. В слове Лига выражено общественность, единение. Понятие всемирности не нуждается ни в каких объяснениях, ибо правда одна, красота одна и знание едино, и в этом не может быть никаких словопрений. Также и о слове Культура каждый образованный ум не будет спорить, ибо служение свету, уточнение и возвышение сердца общечеловечно.

Осуществившаяся возможность Лиги Культуры сама по себе чрезвычайно показательна.

В час трудный, во время напряжения всемирного является возможность объединиться под благородным обобщающим понятием. Культура является и пробным камнем молодости сердца. Ни возраст, ни механическое образование, ни какие-либо другие понимания и деления не имеют места и не могут вредить друг другу там, где сияет древний Ур. Свет негасимый, к которому среди светлого края не может быть врагов.

Конечно, тьма и невежество, стремящиеся к разложению и разрушению, как всегда будут пытаться негодовать и противодействовать. Но собираясь во имя трижды священного понятия Культуры, мы и не должны утруждать сердце наше опасением о тьме. Тьма существует, но и «Свет побеждает тьму». Против этой старой истины тоже спорить нельзя.

В широком размахе Лига Культуры должна способствовать всему прекрасному, всему познавательному. Из нее должно исходить облагорожение юных поколений, сердца которых в существе своем всегда звучат на героизм подвига.

Соприкасаясь с Культурой, мы менее всего нуждаемся в словах и более всего обязываемся к просвещенному действию. Не стеснять, не ограничивать, но следует прежде всего взаимно связать, сердечно откликнуться в огненности действия, в неутомимости, в мужестве, в возжжении сердец и в неустанном труде познания во благо общее — это есть задача Культуры.

Пусть каждый в своей области сообразит и принесет к общему очагу то благое, на что способна его опытность и его творчество. Все благое, все познавательное нужно и должно быть приветствовано. В этом приветствии от сердца, в несокрушимой устремленности к сотрудничеству, во взаимности начнем нашу новую работу.

Пошлем привет как видимым, так и невидимым друзьям и сотрудникам. Всемирность есть уже Беспредельность, где каждому трудящемуся уготован Сад прекрасный, В добрый путь,

ПРИВЕТ НАШИМ ОБЩЕСТВАМ КУЛЬТУРЫ

Шлем привет нашим обществам! В течение последних двух лет около наших учреждений создано 63 общества, раскинувшихся в двадцати двух странах. Каждый месяц приходят новые предложения, притекающие не только из ближних мест, но и из самых дальних окраин. Таким образом, десятилетие нашей работы в Америке ознаменовывается целым движением во имя Культуры. В наши дни общественных и государственных смятений что же может быть более радостного, более зовущего вперед, как не образование этих многочисленных, растущих очагов Культуры.

Как многообразны проявления Культуры, так же многообразны и общества наши при всем своем основном культурном единении. Одни из них благосостоятельны, другие скудны средствами. Одни многочисленны, другие образуются тесным кружком. Одни мечтают о широких общественных выступлениях, другие же ищут укрепления в интимности. Они разнообразны так же, как и многовидна сама жизнь. Так и должно быть. Было бы большою недальновидностью устремлять жизнь к одному стандарту.

Культура, так тесно связанная с духовностью, прежде всего выражается в изысканном, многообразном творчестве. Творчество же, в существе своем, при единстве мировых законов, всегда свободно, покоясь лишь на сознательной дисциплине духа. Эта сознательность духа приводит нас к сотрудничеству, тоже сознательному и строительному. Таким образом, общества наши прежде всего созидательны во благе, творящи в красоте и крепки накоплением знания.

Мы уже достаточно знаем, что не богатство создавало и Красоту и Знание, но создавал их дух человеческий. Если вы возьмете всемирные списки творцов, созидателей, то вы не найдете там сказочных богатств материальных, но, конечно, найдете неиссякаемую сокровищницу духа творящего.

В моем недавнем обращении к одному из наших обществ мне приходилось указывать, что для культурного общения не нужны никакие особые средства. Даже иногда и стакан чая не нужен, ибо кипятить будет не чайник, но сердце человеческое. Те, кто мечтал бы о каких-то внешне

данных средствах, были бы просто потухшими сердцами. Сердце творит и средства. Но никакие средства в мире не могут создать сердце. Не трубы и литавры, не помпа выступлений окружают крепнущие дела культурные. Сотрудничество духовное прежде всего создаст те твердыни, к которым не подступит никакая тьма. Эти маяки тепла и света достигнут лучами своими не только друг друга, но благодать их проникнет даже и в темные расщелины, где красота и знание лишь гость случайный. На пространствах, разделенных глубинами океанов и цепями хребтов, трудно встретиться. Особенно же трудно встретиться сердцам утонченным, стыдливым в исканиях своих и не всегда уверенным в силах своих. Но к маякам освещающим, ко гнездам просвещения, к Лиге Культуры не жутко подойти ищущему сердцу. Там не засмеют, там не изгонят, там не потребуют стигмат пошлости. Нельзя стеснять общества Культуры никакими заказами и ограничениями. По огню сердца и по следствию дел обозначаются новые вехи пути.

Каждое древо должно расти. Вне достаточного времени не крепки будут и корни его. Потому утонченность сознания предполагает и терпеливость, чтобы строительные процессы протекали крепко, а связующие материалы избирались внимательно.

Если общества сразу могут иметь широкие выступления, лекции, курсы, концерты, выставки, пусть будет так. Если соединенный сердечными узами кружок будет даже продолжительное время собираться и без чая, для взаимокрепляющей беседы, пусть будет так. Если будет общество искать новых выявлений сил своих, в поисках прислушиваясь и меняя ближайшие программы,— пусть будет так. Было бы неуместно для Культуры слышать обычные жалобы на отсутствие средств. К огню в темноте подходят путники. Значит, нужно раньше возжечь этот огонь, который привлечет к себе и все потребное для духа. Но в одном все общества должны помочь друг другу. Общество есть общение. А всякое разумное общение есть сотрудничество. Само понятие Культуры обязывает нас к этому сотрудничеству и к посильным светлым посевам. Было бы некультурно, если общества, связанные одной основной идеей, оставались бы все-таки разделенными границами и нациями. Распространение обществ во многих странах дает необыкновенные возможности и преимущества. Дает возможность непосредственного и прямого

обмена, как идей, так и всего творческого материала. Нужно не упустить эту возможность культурного обмена, помня, что над всеми нами одно знамя Культуры. Это знамя Культуры имеет в основе своей все лучшее, все устремленное к свету, все, желающее блага. Знамя Культуры все равно что знамя труда. Знамя беспредельного познания прекраснейшего! Какова бы ни была наша каждодневная рутинная работа, мы, отойдя от рабочего станка, омываемся, стремясь на праздник Культуры. Сойдутся ли в этом празднике трое или соберутся тысячи, это будет все-таки тот же праздник Культуры, праздник победы духа человеческого. Но как же будет открыт праздник наш, если к нему подойдет и письмо от далекого незримого друга! Ничего, если письмо это начнется признанием в том, что трудно нам сейчас. Кому же легко? И всякая мысль о Culture не балаган с присвистом, с пьяною гибелью. Но мы знаем, что каждое письмо этого незримого друга окончится чем-то радостным во имя Красоты, Знания, какой-то новой победы света. И написавший письмо будет знать, что не в холодном постановлении заслушали боли его сердца, но трепет его исканий был осочуствован и укреплен в сознании его друзей сотрудников.

Словарь клеветы, злобы, взаимно- и саморазрушения кажется, наконец, опротивел. Кажется, наконец, вспоминают, что в словаре Прекрасного так много увлекательных, возводящих, созидательных понятий. Да и практичен он, этот словарь Прекрасного, ибо он жизненен и прекрасна жизнь в существе своем.

Кроме письма, кроме зова сердца мы должны обмениваться и профессиональным творчеством. Из того, что сегодня какое-то предложение неисполнимо, еще не значит, что оно не будет исполнимо и завтра. Все мы знаем, что значит мощь мысли, положенная в пространство. Мощь стрелы духа! Но во сколько же умножится мощь эта, поддержанная дружеским сознанием, и что же может быть полезнее для Культуры, как не взаимное оповещение, следствием которого будет действенное сотрудничество.

Конечно, говоря о Culture, мы часто наталкиваемся на странное ограничение этого всепроникающего понятия. Часто с понятием Культуры ошибочно связывается представление о чем-то сверхобычном, почти недостижимом в сумерках обыденной жизни. Между тем как раз наобо-

рот, Культура тогда таковой в сущности и будет, если войдет во все дни жизни и делается мерилom качества всех наших действий. Сколько зовов, ободрений, укреплений придется сказать во имя Культуры. Сколько устремлений в будущее придется произнести. С ростом утончения сознания придет и вмещение и разовьется чувство ответственности. Станет ясным различие обыденности от каждодневности, и мысль обратится от дня вчерашнего к светлому завтра.

В непрестанном предстоянии мы избежим утомления и нисхождения. Для незнающих культуры бывает страшна каждодневность, между тем в ней выковывается совершенствование и восхождение. Утонченное сознание примет все трудовые века, как источник бесконечного творчества.

Завещание может быть кратко: «пылайте сердцами и творите любовью». Сколько добра принесете, приобщая вновь подходящих к миру Красоты. «Пойдемте вместе туда, где нет границ и конца. Где можно каждое благое мерцание превратить в сияние радуги благословения мирам».

Друзья, знаемые и незнаемые, видимые и невидимые, мне хочется послать вам не просто привет, но зов звучнейший о сотрудничестве. Мы можем к нему приступить немедленно. У каждого, стремящегося к Culture, велик запас идей, мыслей, предположений. Из этой сокровищницы духа многое и неотложно может быть применено, а другое найдет и кратчайший путь к применению. Лишь бы мы мыслили неуклонно, во благо, о Culture, и лишь бы мы помнили, что единение это должно быть полезно каждому. Никто не должен быть умален, ибо это было бы некультурно. Необозримое поле культурное имеет колосья для каждого жнеца, знающего, что такое труд. Во имя этого светлого труда взаимно обратимся друг к другу о сотрудничестве, оповестим друг друга о всем, что кто может, и будем помнить еще раз, что над всеми нами одно единое, нерушимое знамя Culture, ведущее в светлое будущее.

Привет на сотрудничестве!

КРАСНЫЙ КРЕСТ КУЛЬТУРЫ

Читаем в газете телеграмму из Нью-Йорка о 800 000 безработных в одном этом городе. В Штатах число безработных превысило двенадцать миллионов. При этом мы знаем, какое множество интеллигентных работников, конечно, не включено в эту цифру, но испытывают нужду, безработицу не меньшую. Такие цифры истинное несчастье; они показывают, что кризис не только вошел во все слои общества, но уже является разрушительным фактором. В той же почте сообщается о том, что само существование Метрополитен-оперы находится в опасности. Письма сообщают не только о новых урезываниях просветительных учреждений, но и о многомиллионных потерях такими людьми, которые считались незыблемыми столпами финансовой мудрости.

Когда на наших глазах потрясаются основы этой многожитейской мудрости, то не является ли это знаком, что эти материалистические основы дошли до какого-то предела и уже изживаются? И не является ли это знамение еще одним свидетельством о том, что нужно из праха поднимать забытые, запыленные знамена духа, чтобы противоставить очевидному для всех разрушению ценности незыблемые?

Когда же, как не теперь, должны быть зажигаемы сердца детей свидетельствами о подвигах, об истинном образовании и познании. Может быть, еще не было такого времени, когда самым спешным порядком нужно входить в трудности семьи и, на основании всех исторических примеров, указывать, чем именно были преоборены многократно возникавшие в истории человечества кризисы.

Ведь нельзя более скрывать, что кризис произошел, невозможно утешаться тем, что какой-то новый однодневный сбор накормит всех безработных и голодающих. Совершенно очевидно, что случившееся гораздо глубже.

Уже давно народная мудрость сказала: «Деньги потеряны, ничто не погоряно, но мужество потеряно, все потеряно». Сейчас приходится вспомнить об этой мудрой пословице, ибо о кризисе стало принято говорить: и пострадавшие, и почему-то мало пострадавшие стали одинаково ссылаться на кризис, одинаково подрезая все инициативные, творческие устремления.

Так, если не будут приняты основные противодействия, то, быть может, этот кризис явится лишь прологом чего-то еще более грандиозного.

Мы, оптимисты, прежде всего должны предотвращать всякую панику, всякое отчаяние, будет ли оно на бирже или в священнейшем святилище сердца. Нет такого ужаса, который, вызвав к жизни еще большее напряжение энергии, не мог бы претвориться в светлое разрешение. Особенно ужасно слышать, когда отягощенные кризисом люди, не очень плохие сами по себе, начинают говорить, что сейчас не время даже помышлять о Культуре. Мы уже слышали подобные недопустимые в робости и отчаянии своем голоса.

Нет, милые мои, нужно именно сейчас спешно думать не только о Культуре как таковой, но прилагать этот источник жизни молодому поколению. Можете себе представить, во что превращается едва начавшее слагаться миросозерцание юношества, если оно будет слышать и в школах и в семье своей лишь ужасы отчаяния. Если оно будет слышать лишь о том, что нужно отказаться от самого животворного, что нужно забыть о самих источниках жизни и прогресса.

Эти ужасные «нельзя», «не время», «невозможно» приводят молодое сознание в тюрьму беспросветную. И ничем, ничем на свете вы не осветите эти потемки сердца, если они, так или иначе, были допущены. И не только о юношестве должны мы мыслить, в то же время мы должны думать и о младенчестве. Каждый воспитатель знает, что основы миросозерцания, часто неизгладимые на всю жизнь, складываются вовсе не в юношеские годы, но гораздо, гораздо раньше. Часто лишь молчаливый взгляд дитяти говорит о том, что окружающие обстоятельства для него вовсе не так уж недоступны, как кажется гордыне взрослых. Сколько основных проблем разрешается в мозгу и сердце четырехлетнего, шестилетнего ребенка!

Каждый наблюдавший развитие детей, конечно, припомнит те замечательные определения, замечания или советы, которые совершенно неожиданно произносились ребенком. Но, кроме этих гласных выражений, какое множество искр сознания освещает молчаливый взгляд детей! И как часто эти малыши отводят свой взгляд от взрослых, точно бы оберегая какую-то решительную мысль, которую, по мнению детей, старшие все равно не поймут.

Вот этот прозорливый ум ребенка и нужно занять именно сейчас самыми светлыми мыслями.

Разве не время именно сейчас в школах, начиная от низших классов, прийти с увлекающей и вдохновляющей вестью о подвигах человечества, о полезнейших открытиях и о всем светлом Благае, которое, конечно, суждено и лишь по неосмотрительности не подобрано.

Мы начали с упоминания о Нью-Йорке, пораженные последним газетным сообщением, пораженные тем, что в, казалось бы, богатейшем городе городскому управлению неотложно нужны десятки миллионов, чтобы предотвратить голод: повторяем это газетное сообщение, ибо оно не только не далеко от истины, но, по существу, оно даже не выражает всю истину. Сообщенное о Нью-Йорке, конечно, относится и ко всем городам, и не только Америки, но всего мира. Часто эти сведения закрыты или условными ограничениями, или беспросветною пылью извержений. Сейчас пишут из Южной Америки, приводя отчет аэропланов, посланных в пораженные катаклизмом местности, — «ничего не видно». Действительно, из многих мест земного шара «ничего не видно». А когда мгла извержения рассеивается, то мы видим еще большее смятение духа человеческого.

Тот, кто усматривает сейчас несомненность кризиса, вовсе не есть Кассандра в зловещих пророчествах (которые в случае Кассандры оправдались). Подающий сигнал о кризисе сейчас просто подобен тому стрелочнику на железной дороге, который, усмотрев неминуемость крушения, поднимает флаг предупреждения машинистам, всем сердцем надеясь, что они бодрствуют и увидят эти сигналы. Уподобимся этому стрелочнику.

Поднимем знамя охранения Культуры! Вспомним о предложенном еще в прошлом году всемирном Дне Культуры, о школьном дне, когда сказания о лучших достижениях человечества, вместо обычных уроков, светлою вестью могут зажечь молодые сердца. Если в прошлом году мы мыслили о Лиге молодежи и хотя бы об одном дне, выявляющем сад прекрасный человечества, то теперь мы видим, что спешность этого выявления лишь умножилась. Один день уже не укрепит все то сознание, которое распатано общественными и семейными невзгодами. Чаще нужно говорить о спасительном, творящем, вдохновляющем начале.

Воспитать это не значит только дать ряд механических

сведений. Воспитание, формирование миросознания достигается синтезом, и не синтезом невзгод, но синтезом радости совершенствования и творчества. Если же мы пресечем всякий приток этого радостного осветления жизни, то какие же мы будем воспитатели? Какое же образование может дать педагог, распространяющий вокруг себя печаль и отчаяние? Но недалеко от отчаяния подделка под радость, и потому всякая насильственная улыбка недаром называется улыбкою черепа. Значит, и нам самим нужно убедиться в том, насколько нужна и жизненна программа Культуры как оздоровляющее начало, как жизнедатель.

Из медицинского мира мы знаем, что так называемые лекарства-жизнедатели не могут действовать скоропостижно. Даже для самого лучшего жизнедателя нужно время, чтобы он мог проникнуть во все нервные центры и не только механически возбудить их (ведь каждое возбуждение влечет реакцию), но должен действительно укрепить и оздоровить нервное вещество. Если мы видим на всех примерах жизни необходимость известного времени для процесса оздоровления, то как же неотложно нужно подумать и начать действовать под знаком, подобным Красному Кресту Культуры?

Человечество привыкло к знаку Красного Креста. Этот прекрасный символ проник не только во времена военные, но внес во всю жизнь еще одно укрепление понятия человечности. Вот такое же неотложное и нужное от малого до великого и должен дать, подобный Красному Кресту, знак Культуры. Не нужно думать, что возможно помыслить о Культуре когда-то, переваривая пищу вкусного обеда. Нет, именно в голоде и холоде, как тяжело раненым светло горит знак Красного Креста, так же и голодным телесно и духовно будет светло гореть знак Культуры.

Время ли препятствовать, протестовать, не соглашаться и привязываться к мелочам? Когда по улице следует повозка Красного Креста, то для нее останавливают все движение. Так же и для неотложного знака Культуры нужно хоть немного поступиться привычками обыденности, вульгарными осадками и всеми теми пыльными условностями невежества, от которых все равно, рано или поздно, придется очищаться.

Людам, не прикасавшимся близко к вопросам воспитания, знак Культуры может показаться интересным опытом; конечно, не скрою, что этим самым такие люди по-

кажут лишь свое недостаточное историческое образование, но если кому-то это покажется опытом, согласимся и на том, ибо никто не скажет, что этот опыт может быть разрушительным или разлагающим. Созидательность мышления о Культуре настолько очевидна, что смешно говорить об этом.

Во время серьезной опасности на корабле следует команда: «Действовать по способности».

Вот и сейчас, мысля о Культуре, нужно сказать и друзьям и врагам: будем действовать по способности, т. е. положим все силы наши во славу неотложного в свсей живоносности творческого понятия Культуры.

«И свет во тьме светит, и тьма его не объят».

Пусть светит Знамя охранения всего Прекрасного.
Пусть сияет Знамя Мира!

1932

ПЕЧАТЬ ВЕКА

Каждому изучавшему Историю Человечества, конечно, бросался в глаза необъяснимый, но яркий факт особой печати каждого века, которую отмечалась жизнь человеческая на самых удаленных материках, когда не могло быть и речи ни о каких сношениях и сообщениях. Возьмем ли мы древнейшие периоды каменного века, не поразит ли изумительная аналогичность вещей этого периода, как в Европе, так и в Египте, и в Америках, и в Азии. Мы не знаем, говорили ли эти праотцы на одном языке, но, конечно, они мыслили одним путем, ибо иначе они не могли бы сложить те же самые формы и применить ту же технику во всех ее особенностях. Перейдем ли мы к бронзовому веку, мы найдем те же объединительные формы, тот же обобщающий смысл человеческого обихода. Мы говорим — меч бронзового века и часто даже не признаем никакого имени народности, ибо предмет ярко принадлежит веку, а народность стирается, как нечто второстепенное. Если мы пойдем по всем последующим векам, то, несмотря на явное расхождение мышления, мы все-таки усмотрим типичную печать века. Романский стиль, готика — ведь это тоже век, отзвучавший и в самых отдаленных землях. Возрождение, ведь многоцветные формы его облетели не только христианский, но и мусульманский и прочие миры. Не странно увидеть ту же технику, как в русских иконах, так и итальянских примитивах, и в персидской миниатюре, и в китайской и в тибетской живописи. Та же печать века, тот же знак человеческой мысли, которая без радио и телеграфа владела миром и эволюцией его.

Лишь бы не инволюция, как противоположность эволюции. Лишь бы Мастерзингер и цеховой мастер, даже темного средневековья, не имел повода возгордиться, сравнивая качество своего производства со стертыми формами нашего века. Средневековому мастеру часто даже не нужно было подписывать имя свое, ибо само качество и характерность вещи, созданной им, являлись его лучшей печатью. А что, если печать века, этот почетный вековой герб, для нашего времени обратится в клеймо века? Как бы не произошел тоже объединяющий знак времени, когда по недоумению стиралось все характерное и сердце человеческое клеймилось терновником стандарта.

Нам скажут: «Не будет ли самомнительно предрептать какие-либо печати века нашего? Ведь те, которые творили уклад человеческий прошлых веков, не думали ни о каких печатях века, а просто пытались сделать как лучше, как достойнее». Ответим на это: «Конечно, было бы несовместимым самомнением думать об установлениях печатей века, но каждое мыслящее существо во может не обратиться мысленно к тем образцам искреннего человеческого творчества, которые самым своим существованием влекут мысль нашу к сопоставлению».

Действительно, как же без размышлений и сопоставлений пройдем мы мимо внутреннего качества старинной работы? Как же не заметить, с каким тщанием выбирался особенный ствол дерева для изображения Мадонны? Как же не оценить применение самое заботливое естественной градации янтаря? Как же не восхититься остроумно обдуманном применении формы жемчужины для тела статуэтки в руках венецианского мастера?

Эта тщательность выбора материала вполне отвечала и даже укрепляла технику самой руки мастера. Уверенно шла кисть, и твердо следовал резец за творческою мыслью, полной желанья сделать как можно лучше, вне жгучих соображений о наживе и других посторонних соображений. Те сильные характеры, которые сквозят в чертах дошедших до нас портретов, складывались также неслучайно, но в силу твердой и руководящей мысли, которая в светлом пламени своем сжигала мелкие искры зла, которые как скользкие насекомые вторгаются в обиход человечества. Сияние этого светлого пламени освещало и Лоренцо Великолепного и всех тех, которые, даже при всех прочих своих несовершенствах, сочетались с великолепием прекрасного. Отнимите эти прекрасные искры несокрушимых драгоценных камней творчества, и от многих стран тем оторвалось бы, может быть, самое ценное, что дает им почетное место в Пантеоне Мира. Без этих сокровищ творчества мы не имели бы права мыслить о Знамени Мира, которое, как бы его ни писать, остается почетным признаком устремления духа.

Умышленно устанавливать печать века не есть дело современников, но думать о лучшем качестве всех производств есть несомненная обязанность каждого мыслящего существа. Мы только что встретились с губительным понятием стандаризации, в попытках строения новой жизни. Правильно, жизнь нового века должна отвечать потреб-

ностям широких масс. Жизнь должна быть истинно приспособленной для облегчения существования народа. Но кто же сказал, что форма венского стула, прочного для сидения, есть самая желательная? Или кто же в душе может примириться со всеми безличными формами обихода, делаемого лишь для удешевления, как бы в надежде, что эти вещи, вследствие слабости самого материала, разложатся бесследно? Плоха такая надежда. Правда, очень многие наши книги обратятся в слившиеся кирпичи, наша слабенькая эмаль распадется, и наши металлические сплавы, гордость дешевизны, даже и покрытые корою разлагающихся наростов, все же поразят глаз своим безличным безобразием.

Примитивы дошли до нас в своих блистающих красках вовсе не потому, что создатели их в гордости своей хотели делать вековым назидаем. Вовсе нет, они просто хотели сделать лучше, чтобы само сердце горящее чувствовало в существе своем, как была приложена крайняя мера добросовестности. «Книги есть реки премудрости», «художество изображения есть высшее художество», «книга есть дар высокого духа», «мастер изделия превыше рыцаря меча». Так мыслили старые мастера. На этом здоровом понимании, полные сознания ответственности, росли цехи, иконные дружины и все те многообразные творческие проявления, которые поражают нас и своим «добрым изделием» и благородством устремления. Правда, масло для картин очищалось десятками лет, прежде чем оно прилагалось для выполнения высокого художества. Делалось это опять же не из гордости, а из опытности, куда же ушел этот опыт? Кому-то, вероятно, кажется достаточным оправданием упомянуть о быстроте круговращения нашей современной жизни. Может быть, кто-то даже думает, что человечеству уже некогда более мыслить о качестве. В этом была бы тяжкая клевета. Глава производства самых необходимых и прозаичных обиходных вещей как-то признавался, что покупатели прежде всего ценят те вещи, где была продумана форма и выражена своеобразная красота. Совершенно верно, нечего пенять на невежество масс. Невежды вовсе не в этих массах. Они, как черная зараза, расползаются по разным кругам, достигая даже высших общественных должностей. И своею паразитичностью они создают клевету на народные массы.

Ведь и теперь можно заготавливать доброкачественное

масло и прочие вещества для выражения духа человеческого. Можно и теперь начать изготавливать их на десятки лет вперед, чтобы достижения химии действительно бы оправдывали прочность и устанавливали бы целесообразность применения необходимых составов. Но для этого прежде всего нужно помыслить о будущем, об ответственности современников за все качество века. В этом не будет ни самомнения, ни гордости, но, наоборот, будет строгий контроль над ростом сознания и забота о том, чтобы лучшие ступени продолжали лестницу восхождения человечества. Во всех учебных заведениях и просветительных обществах должен быть всесторонне освещаем вопрос о качестве производства, конечно, как внешнем, так и внутреннем. Наряду с установлением дня Культуры должен быть установлен и «час качества». И как значителен будет этот час для выработки истинной печати века, когда молодые умы, содрогнувшись от возможности клейма века, устремятся к достойной печати, к благородному знаку, который сопровождает все их творческие устремления.

Ясно лишь одно: в момент необыкновенного напряжения мировой энергии все культурные силы должны быть вместе. Именно в такие знаменательные часы должно быть как нельзя более осознано сотрудничество во имя блага и познания великой мощи мысли творящей.

МАТЕРИ ГОРОДОВ

Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего...

Когда идешь по равнинам за окраинами Рима до Остии, то невозможно себе представить, что именно по этим пустым местам тянулась необъятная, десятиллионная столица цезарей. Также когда идешь к Новгороду от Нередицкого Спаса, то дико подумать, что пустое поле было все занято шумом ганзейского города! Нам почти невозможно представить себе великолепие Киева, где достойно принимал Ярослав всех чужестранцев. Сотни храмов блистали мозаикой и стенописью — скудные обрывки церковных декораций Киева лишь знаем; обрывки стенописи в ковгородской Софии; величественный, одинокий Нередицкий Спас; части росписи Мирожского монастыря во Пскове! Все эти огромные, большею частью с мудрыми лицами и одеждами, очерченными действительными декораторами, все-таки не в силах рассказать нам о расцвете Киева времен Ярослава.

В Киеве, в местности Десятинной церкви, сделано замечательное открытие: в частной усадьбе найдены остатки каких-то палат, груды костей, обломки фресок, изразцов и мелкие вещи. Думали, что это остатки дворцов Владимира или Ярослава. Нецерковных украшений от построек этой поры мы ведь почти не знаем, и потому тем ценнее мелкие фрагменты фресок, пока найденные в развалинах. В археологической комиссии имелись доставленные части фрески. Часть женской фигуры, голова и грудь. Художественная, малоазиатского характера работа. Еще раз подтверждается, насколько мало мы знаем частную жизнь киевского периода. Остатки стен сложены из красного шифера, прочно связанного известью. Техника кладки говорит о каком-то технически типичном характере постройки. Горячий порыв строительства всегда вызывал какой-нибудь специальный прием. Думаю, палата Роггера в Палермо дает представление о палатах Киева.

Скандинавская культура, униженная сокровищами Византии, дала Киев, тот Киев, из-за которого потом восставали брат на брата, который по традиции долго считался матерью городов. Поразительные тона эмалей; тонкость и изящество миниатюр; простор и спокойствие хра-

мов; чудеса металлических изделий; обилие тканей; лучшие заветы великого романского стиля дало благородство Киеву. Мужья Ярослава и Владимира тонко чувствовали красоту; иначе все оставленное ими не было бы так прекрасно.

Вспомним те былины, где народ занимается бытом, где фантазия не расходуется только на блеск подвигов. Вот терем:

Около терема булатный тын,
Верхи на тычичках точены,
Каждая с маковкой-жемчужинкой;
Подворотня — дорог рыбий зуб,
Над воротами икон до семидесяти;
Среди двора терема стоят,
Терема все златоверховые;
Первые ворота — вальщетыя,
Средняя ворота — стекольчатая,
Третья ворота — решетчатая.

В описании этом чудится развитие дакийских построек Траяновой колонны,
Вот всадники:

Платье-то на всех скурлат-сукна,
Все подпоясаны источенками,
Шапки на всех черны мурманки,
Черны мурманки — золоты вершки;
А на ножках сапожки — зелен сафьян,
Носы-то шилом, пяты востры,
Круг носов-носов хоть яйцом прокати,
Под пяту-пяту воробей пролети.

Точное описание византийской стенописи,
Вот сам богатырь:

Шелом на шапочке как жар горит;
Ноженьки в лапотках семи шелков.
В пяты вставлено по золотому гвоздику;
В носы вплетено по золотому яхонту.
На плечах шуба черных соболей,
Черных соболей заморских,
Под зеленым рытым бархатом,
А во петелках шелковых вплетены
Все-то божьи птичущки певучия,
А во пуговках злаченных вливаны
Все-то люты змеи, зверюшки рыкучие..

Предлагаю на подобное описание посмотреть не со стороны курьеза былинного языка, а по существу. Перед нами — детали, верные археологически. Перед нами в своеобразном изложении отрывок великой культуры, и

народ не дичится ее. Эта культура близка сердцу народа; народ горделиво о ней высказывается.

Заповедные ловы княжеские, веселые скоморошья забавы, мудрые опросы гостей во время пиров, достоинство постройки городов сплетаются в стройную жизнь. Этой жизни прилична оправа былин и сказок. Верится, что в Киеве жили мудрые богатыри, знавшие искусство.

«Заложил Ярослав город великий Киев, у него же града суть Златая Врата. Заложил же и церковь святая Софьи, митрополию и посем церковь на Золотых Воротах святого Богородице Благовещенье, посем святого Георгия монастырь и святая Ирины. И бе Ярослав любя церковныя уставы и книгам прилежа и почитая с часто в нощи и в дне и списаша книги многи: с же насея книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Книги бо суть реки, напоющи вселенную, се суть исходяща мудрости, книгам бо есть неисчетная глубина. Ярослав же се, любим бе книгам, многи наложи в церкви святой Софьи, юже созда сам, украси ю златом и серебром и сосуды церковными. Радовавшеся Ярослав видя множество церквей».

Вот первое яркое известие летописи о созидательстве, об искусстве.

Великий Владимир сдвигал массы, Ярослав сложил их во храм и возрадовался о величии христовом, об искусстве. Этот момент для старого искусства памятен.

Восторг Ярослава при виде блистательной Софии безмерно далек от вопля современного дикаря при виде яркости краски. Это было восхищение культурного человека, почуявшего памятник, ценный на многие века. Так было; такому искусству можно завидовать; можно удивляться той культурной жизни, где подобное искусство было нужно.

Не может ли возникнуть вопрос: каким образом Киев в самом начале истории уже оказывается таким исключительным центром культуры и искусства? Ведь Киев создан, будто бы так незадолго до Владимира? Но знаем ли мы хоть что-нибудь о создании Киева? Киев уже прельщал Олега — мужа бывалого и много знавшего. Киев еще раньше облюбовали Аскольд и Дир. И тогда уже Киев привлекал много скандинавов: «...и многи Варяги скуписта и начаста владети Польскою землею». При этом все данные не против культурности Аскольда и Дири. До Аскольда Киев уже платил дань хозарам, и основание города

отодвигается к легендарным Киею, Щеку и Хориву. Не будем презирать и предания. В Киеве был и св. апостол Андрей. Зачем прибыл в далекие леса проповедник? Но появление его становится вполне понятным, если вспомним таинственные, богатые культы Астарты Малоазийской, открытые недавно в киевском крае. Эти культы уже могут перенести нас в XVI—XVII века до нашей эры. И тогда уже для средоточения культа должен был существовать большой центр.

Можно с радостью сознавать, что весь великий Киев еще покоится в земле, в нетронутых развалинах. Великолепные открытия искусства готовы. Эти веки освещают и скандинавский век и дают направление суждениям о времени бронзы.

Несомненно, радость киевского искусства создалась при счастливом соседстве скандинавской культуры. Почему мы приурочиваем начало русской Скандинавии к легендарному Рюрику? До известия о нем мы имеем слова летописи, что славяне «изгнаша Варяги за море и не даша им дани»; вот упоминание об изгнании, а когда же было первое прибытие варягов? Вероятно, что скандинавский век может быть продолжен вглубь на неопределенное время.

Как поразительный пример неопределенности суждений об этих временах, нужно привести обычную трактовку учебников: «прибыл Рюрик с братьями Синеусом и Трувором», что по толкованию северян значит: «конунг Рурик со своим домом (син хуус) и верною стражею (тру вер)».

Крепость скандинавской культуры в северной Руси утверждает также и последнее толкование финляндцев о загадочной фразе летописи: «земля наша велика...» и т. д. и о посольстве славян. По остроумному предположению, не уличая летописца во лжи, пресловутые признания можно вложить в уста колонистов скандинавов, обитавших по Волхову. Предположение становится весьма почтенным, и текст признаний перестает изумлять.

Бывшая приблизительность суждений, конечно, не может огорчать или пугать искателей; в ней — залог скрытых блестящих горизонтов! Молодежь, помни о прекрасных наследиях минувшего!

Даже в самых, казалось бы, известных местах захоронены нескрытые находки. Вспоминаю наше исследование Новгородского кремля в 1910 году. До раскопок все старались уверить меня, что Новгородский кремль давно

исследован. Но не найдя никакой литературы о розысках жилых слоев Кремля, мы все же настояли на новых изысканиях. Часть Кремля оказалась под огородами, и таким порядком, ничего не нарушая, можно было пройти на глубину до 21-го аршина — до последнего скандинавского поселения с характерными для IX—X веков находками. В последовательных слоях обнаружилось семь городских напластований, большей частью давших остовы сгоревших построек. Поучительно было наблюдать, как от X века и до XVIII можно было установить летописные и исторические потрясения Новгородского кремля. Разве не замечательно было знать, что даже такое центральное место, где стоит памятник тысячелетия России, оказалось неисследованным? Конечно, мы могли произвести этот исторический разрез одной широкой траншеей, но можно себе представить, сколько осталось во всех прочих соседних областях!

Вспоминаю это не во осуждение, но как завет молодежи о том, насколько мало еще сравнительно недавно знали родную старину: значит, какие блестящие вскрытия предстоят каждому наблюдательному искателю!

Сколько истинных кладов заложено на Руси! Сколько замечательных путников прошло по нашим равнинам и какое великое будущее суждено! Пусть молодежь соединится всей силой тела и духа для великодушных истинных достижений!

БЕССТРАШИЕ

Наука, если она хочет быть обновленной, должна быть прежде всего неограниченной и тем самым бесстрашной. Всякое условное ограничение уже будет свидетельством убожества, а тем самым станет непреодолимым препятствием на пути достижения.

Вспоминаю один разговор с ученым, который настолько хотел быть защитником новой науки, что даже старался унизить значение всех древних накоплений. Между тем именно каждый молодой представитель новой науки должен быть прежде всего открыт ко всему полезному и тем более к тому, что уже засвидетельствовано веками. Всякое отрицание уже противоположно творчеству. Истинный творец прежде всего не доходит до отрицания в своем светлом, постоянном поступательном движении. Творец и не имеет даже времени на осуждение и отрицание. Процесс творчества совершается в неудержимой прогрессии. Потому-то так больно видеть, когда, в силу каких-то предвзятостей и суеверий, человек запутывает сам себя призраками. Лишь бы не подумали, что ученый становится старообразным,— боязливый человек готов предать анафеме или забвению самые поучительные накопления среднего опыта.

Именно свободная, неограниченная наука опять открывает человечеству многие, давно забытые, полезные находки. Фольклор снова идет рука об руку с находками археологии. Песня и предание подкрепляют пути истории. Фармакопеи древних народов опять оживают в руках пытливого молодого ученого. Никто не скажет, что вся такая древняя фармакопея может быть дословно применима. Ведь многие иероглифы написаний условно символичны. Само значение многих выражений затерялось и изменилось в веках. Но опытность тысячелетий тем не менее дает неограниченное поле для полезных изысканий. Так, многое забытое должно быть вновь открыто и благожелательно истолковано языком современности.

Обращаясь к археологии, мы видим, что многие раскопки последних лет изумляли нас изысканностью смысла и форм многих, даже частичных остатков. Эта изысканность, утонченнее изящество давних веков еще раз напоминают, с каким заботливым, почтительным вниманием

мы должны прикасаться к этим заветам древности. Мы мечтаем о забытых лаках, об утраченной технике обделки камней, о неясных для нас способах сохранения веществ. Наконец, мы не можем не прислушаться ко многим старинным способам излечения таких бичей человечества, которые именно устрашают и посейчас. Когда мы слышим и убеждаемся в том, что старинные методы благотворно применяются в лечении некоторых форм рака, или туберкулеза, или астмы, или сердечного заболевания, то разве не долг наш оказать полное доброжелательное внимание этим отзвукам стародавней, накопленной мудрости?

Ограниченное отрицание не должно иметь места в кругозоре молодых ученых. Лишь убогое мышление могло бы отрезать и загромоздить поступательные пути. Решительно все, что может облегчать эволюцию, должно быть приветствовано и сердечно осознано. Все, что может служить на пользу развития человеческого мышления,— все должно быть и выслушано, и принято. Безразлично, в какой одежде или в каком иероглифе принесется осколок знания. Благо знания во всех краях мира будет иметь почетное место. В нем нет ни старого, ни молодого, ни древнего, ни нового. В нем совершается великая, неограниченная эволюция. Каждый, ватрудняющий ее, будет истрадием тьмы. Каждый, посильно содействующий ей, будет истинным воином, сотрудником света.

22 декабря 1934 г.

ГЛАЗ ДАЛЬНИЙ

Бесконечная снежная равнина. Черной точкой по ней движется далекий путник. Может быть, и даже всего вероятнее, что цель его самая обыкновенная. Вероятно, он идет по глубокому снегу, от одного жилья к другому; может быть — возвращается домой и, проходя, сетует на трудную дорогу. Но издалека он кажется чем-то необычным на этой снежной равнине. Воображение готово снабдить его самыми необыкновенными свойствами и мысленно дать ему поручение, совсем особенное. Воображение даже готово позавидовать ему, идущему по вольному воздуху далеко за пределы города, полного яда.

Почему-то особенно четко осталось в памяти такое давнишнее впечатление из окна вагона, когда, после зимних праздников, приходилось ехать в город опять к школе. Через много лет, уже в просторах Азии, не раз возникало подобное же ощущение о каких-то далеких путниках, подымавшихся на хребет холма или уходявших в складки долины. Каждый такой путник, казавшийся в удалении чем-то гигантским, вызывал в караване всевозможные предположения. Обсуждалось, мирный ли он? Почему лежит путь его вне дороги? Зачем он спешит и почему он держит путь одиноко?

Длинное ухо Азии, то самое, которое действует иногда скорее телеграфа, заботливо слушает. Глаз, привыкший к далеким кругозорам, пылливо всматривается в каждую движущуюся точку. Не будем думать, что это происходит только от опасливости, бояливости или недоверчивости. Путник Азии предусмотрителен, и вооружен, и готов к встречам. Внимательность порождена не только опасностями. Внимательный глаз будет, наверно, очень опытным глазом. Он будет привычен и ко многому особенному. Глаз опытного путника знает, что особенное случается не только в полночь; оно бывает и в полдень, и при ярком солнце, именно тогда, когда оно менее всего ожидаемо. Неопытность, иначе говоря, неосведомленность готова просмотреть нечто, даже самое замечательное. «Как баран на новые ворота» — не замечая их особенности и не делая никаких выводов. Опытный путник Азии готов всегда к чему-то особенному. У него есть опытность к наблюдению за погодою. Он осмотрительно отнесется и к неожиданному

конскому следу, пересекающему дорогу. Распознает, где шли конники, а где — груз. Появление тех или иных животных или птиц тоже будет разумно отмечено. Опытный путник ценит, когда сопутствующие понимают, почему он оглянулся, или задумался, или ловит ветер на мокрую руку, или озабоченно смотрит на конские уши, или особенность шага.

Действительно, когда эта опытная школа жизни отмечена и оценена, тогда и разумнее, и веселее идти вместе. А вместо нелепых суеверий перед вами появятся страницы своеобразного, а иногда очень утонченного знания. Прискорбно видеть, как иногда это знание опрометчиво и невдумчиво стирается. Сколько раз приходилось замечать, как знающий, опытный спутник начинал или был готов рассказать что-нибудь очень значительное, но, взглянув в глаза присутствующих, замолкал, встряхнув головою или рукой. «Не стоит, мол, метать бисер; все равно не захотят понять, да еще перетолкуют во зло». Так, опытный путник всегда предпочтет лучше промолчать, нежели просыпать негодным людям.

Сколько песен и сказаний неповторенных приходится слышать в пустынных путях. Открываются там же тайники, которые в суете городов наглухо захлопываются. Сколько раз приходилось встречать бывших путников пустынных в городской обстановке и всегда приходилось изумляться, что они показывались в ином и гораздо менее значительном виде. Их чуткое ухо и зоркий глаз дальний точно обволакивались чем-то в пыли города. Они казались совсем обыкновенными людьми. Их замечательные знания, ширина кругозора как бы сковывались чем-то. Вот почему у нас так неизгладимо врезаются особые подробности путевые.

Много рассказов о необычайной скорости передачи сведений в самых удаленных местностях Азии или Африки. Вспоминаю рассказ нашего друга Луи Марена. В Париже однажды было получено телеграфное сообщение о благополучном достижении в определенный день французской экспедицией одной из самых уединенных африканских местностей. Когда друзья дали себе отчет, сколько времени потребовалось бы на передачу этого известия обычным путем, они, к ужасу своему, начали убеждаться в том, что, очевидно, сведение это неверно, ибо оно не могло быть передано в такой короткий срок. Но впоследствии выяснилось, что сведение было правильно, и потребовало

оно такой краткий срок лишь в силу особенных местных обычаев. На больших расстояниях оно было передано туземцами в ночное время посредством условных ударов барабана или сухого дерева. Оказалось, что такая передача древнейшего времени всегда существовала между племенами, а некоторые местные европейские насельники пользовались ею.

Какая поэзия заключена в этих ночных таинственных звуках, передающих неведомо откуда спешные вести! Так же как «цветы Тамерлана» — сторожевые башни условными огнями быстрее доносили нужнейшие оповещения.

Сердце звучит на все необычное и крепко врезает эти многоценные печати в сознание. Когда же мы видим далекого путника на безбрежной снежной равнине, нам думается, что не случайно и не бесцельно совершает он трудный путь. Наверно, он несет важную новость; и ждут его те, кто поймет знамение будущего.

25 декабря 1934 г.

НЕПОВТОРИМОЕ

«Размо-кропо-го-дилос!»

«Нет, коллега, не так!»

«Размо-кропо-годи-лос!»

«Да это просто Ванька написал «размокропогодилось!»

Так давно шутили по поводу экспедиции Радлова по исследованию надписей на скалах и камнях Сибири. Не только потому шутили, что надписи долго не удавалось разобрать, но и вообще ухмылялись, не понимая значения археологии. Судьба древностей, в частности древностей русских, извилиста.

Когда приходилось рисовать разрезы курганов, то с особою болью отмечалась и грабительская траншея. И как часто эти грабители были почти современны самому кургану или гробнице. Часто траншея шла с полным знанием особенностей погребения, с пониманием всех положенных ценных предметов. И в Египте, и в Азии, и в южных степях России грабители нередко шли по пятам погребения. А сколько профессионалов-кладопскателей, всяких бугровщиков и курганщиков навсегда затруднили научные выводы.

В очерках истории Сибири, например, читаем: «Не смотря на все эти опасности, связанные с отправлением промысла, некоторые курганщики обращали его в средство существования и приобретали в нем такую сноровку, что по одному наружному виду курганов определяли их относительную древность и содержание в них драгоценных металлов. Так как многие из курганов были значительны по своим размерам, а некоторые к тому же покрыты тяжеловесными камнями (в 100—200 п.), то курганщики соединялись в артели (до 200—300 человек) и таким образом занимались «бугровкой». Одна из таких артелей, состоявшая из 150 человек, в XVIII веке по среднему течению Иртыша нашла курган и извлекла из него до 50 фунтов золота в разных поделках. Конечно, далеко не все сибирские курганы были так богаты; однако могильного золота и серебра было столько в обращении, что в Красноярске, в главном рынке курганных драгоценностей, в XVIII веке могильное золото продавалось по 50—90 коп. золотник. Эти драгоценности в то время составляли важный предмет торговли на ирбитской яр-

марке, где охотно покупались русскими и иностранцами и распространялись за Урал.

Подобная же участь постигла и те памятники сибирской древности, из которых можно было извлечь хоть какую-нибудь пользу. Остатки древних сооружений, «каменные бабы» и надгробные камни, нередко покрытые любопытнейшими надписями и изображениями — «писанцы», до последнего времени употреблялись либо на жернова, либо в качестве простого материала для постройки новых зданий, конечно, без всякого соображения о научном значении истребляемых памятников старины.

Наряду с хищничеством и алчностью можно встретить и самые несносные показания изуверства. Сколько прекрасных пещерных росписей и ваяний уничтожено рукою фанатизма. При этом опять-таки ищите ближе. Не успокаивайте себя, что кто-то и когда-то давно разрушал. Не обвиняйте только давно истлевших вандалов.

Изуверство и сейчас еще процветает. Да еще в каких замысловатых одеяниях! То оно наставляется религиозными заблуждениями, то, напротив, оно вдохновляется безбожием. Само хищничество курганщиков бледнеет перед диким размахом изуверства.

Из рук хищника иногда предмет попадал и в добрые руки. Но свирепость изуверства знала лишь уничтожение и обезображивание. Не ужасно ли помыслить, что изуверство существует и по сие время. В часы лекций о памятниках искусства и быта именно эти памятники уничтожаются. Скажите после этого, что судьба творчества уже защищена. Посмейте утверждать, что все благополучно.

Только невежество будет успокаивать справедливую бдительность. А условное приличие скажет: не будем нарушать чинность собрания неприятными сообщениями. Но дело-то в том, что действительная опасность велика. Ничем не успокоишься, когда знаешь, что изуверство живет во всем своем безобразном разнообразии.

Разобьет ли амфору хищник, перельет ли ювелир кубок Челлини на металл, будет ли уничтожена неповторимая статуя изувером или будет ли разрушен памятник невеждою, во всем будет бездна дикости. Наряду с разрушениями разве не стоят и обезображивания прекрасных творений древности? Грубые пристройки, приделки, замазывания и квази-реставрация умерщвляют душу памятника.

После руки изувера следует рука ханжи, спесивого и невежи, которые по-своему изменяют тончайшие творения. Обычно бессмысленно, бесчувственно совершаются такие, часто непоправимые святотатства. Исчезнувшая красота навсегда застывает в гримасе искажения. Плачевный, отталкивающий вид вместо недавнего очарования.

Оставляя в пустыне ценный памятник, спрашивали проводника: «Устоит ли?» И умудренный опытом покачал головою: «От зверей — может быть, от людей — вряд ли».

Скорбно такое опытное слово. Но многие задачи решаются от противного. Пусть именно это противное и поможет благомыслящим сотрудникам собраться в мужественной защите всего священно прекрасного.

Главное, знайте больше. Прислушивайтесь, любите читать и беседовать о действительности. Уж больно много незнания.

1 января 1935 г.

ДРЕВНИЕ ИСТОЧНИКИ

«В чем истина веков — в законах и приказах или в пословицах и в сказках?» В первых — воля напряжена, а во вторых — чеканка мудрости.

Самая краткая пословица полна звучаний местности и века. А в сказке, как в кладе захороненном, сокрыта вера и стремления народа. Пословица может быть скорбною, но она не будет разрушительной, так же точно не бывает мерзких сказок, как и отвратительных песней. И пословица, и сказка к добру. А истоки приказа различны. Сколько приказов выдыхается и скоро испаряется. Но попробуйте искоренить пословицу или легенду. Хоть в подземелье уйдут, а затем снова вынырнут.

«Сумей схватить за хвост самого маленького черта, и он укажет, где притаился его наибольший» — эта старая китайская пословица указывает на значение малейших подробностей для открытия главного. Действительно, самая заботливая подробность будет лучшим ключом к подвигу великому. Ошибочно думают, что подробности незначительны для пути восхождения. Даже самые прекрасные героические действия покоились на подробностях, вовремя предусмотренных. Как внимательно замечает все камни следующий за учителем. Не минует его ничто постороннее. Лишь плохой ученик скажет: «Учитель, я в восхищении разбил себе нос». Такая несоизмеримость лишь покажет, насколько ученик далек от зоркости. Пословица китайская имеет и другое значение. Самый большой преступник лучше всего познается по самым малым подробностям поведения.

Замечательно наблюдать тонкость и верность подробностей в пословицах, легендах и сказках. Конечно, иногда в неточном переводе что-то может и показаться излишним и тяжеловесным, но стоит обратиться к первоисточнику, как вы увидите, что старинная пословица «из песни слова не выкинешь» имеет глубокое значение, и не только не выкинешь, даже и не переставишь. И с этой точки зрения необыкновенно поучительно наблюдать кованность народного языка. Как лучшие зерна отсеиваются повторным провеиванием, так в горниле веков выковывается язык народной мудрости.

Во всех веках и народах всегда будут краткие периоды,

в которые будут спесиво отринуты эти накопления. Как клады, временно уйдут они под землю. Как в запрещенных катакомбах, останется лишь шепот молитв. Так где-то и все-таки в полной бережливости сохранятся знаки народной наблюдательности, и опять их достанут из тайников. Опять с обновленным рвением будут изучать. И опять именно из этих неисчерпаемых источников обновятся основы культуры.

Какие-то вдумчивые исследователи опять углубятся в познание и смысла, и формы старинных наследий. Будут опять любоваться изысканными подробностями этих форм, таких кованых, таких чеканных, рожденных в долготерпении бывших ритмов жизни.

Именно хочется подчеркнуть, что в этих старинных наследиях и смысл, и сама форма построений может доставить одинаковую радость исследователю. Люди поверхностные, может быть, что-то скажут о старообразном языке, но настоящий вскрыватель рун, пытливый ученый будет любоваться, как замечательно, и просто, и уместно поставлены определения, и в каких сочетаниях выявлено наибольшее ударение, обращающее внимание там, где нужно.

Возьмите любую старинную поговорку и попробуйте начать в ней переставлять слова. Вы увидите, что от таких упражнений потеряется много смысла. Нам приходилось видеть множество переводных искажений. Только в самое последнее время языки начинают изучаться без предубеждений, и потому даже в известных памятниках старины новые переводы открывают новые знаменательные подробности. Даже сами исторические имена претерпевали в различных переводах такое многообразие выражений, что подчас даже трудно признать, что речь идет о том же самом лице или месте. Особенно повиныны были в этих условиях учебники средних школ. Множество детей в спешном прохождении курса подчас усваивало такие наименования, которые потом, в зрелых годах, попадались им в совершенно другом выражении, что порождало лишь ненужные осложнения.

Но сейчас во многих отраслях науки мы обращаемся к первоисточникам вполне доброжелательно и пытливо. Вдумчивое изучение поможет опять оценить множество характернейших, мельчайших подробностей и определений.

А что же может быть глубже и полнее, как не наблю-

дение и за самой мыслью, и за способом построения ее? Недаром люди говорят об искусстве мышления. Именно в мыслительном построении выражается то же общее понятие творчества. Как сказано, как сделано, как помыслено — все это является источником восхищения каждого наблюдателя; а теперь столько приходится говорить об утрате качества во всей жизни, что именно качество всех построений особенно примечательно.

Все проблемы, требующие спешного разрешения, нуждаются в высоком качестве выражения. Знаменитое «кое-как» более чем неуместно. Каждый должен понимать всю ответственность за способ своего мышления и действия. Не будем думать, что способ мышления не важен; как во всем творчестве, способ, техника имеют огромное значение. Картина только тогда убедительна, когда вся она построена беспеременно; когда зритель чувствует, что иначе и быть не могло, что данное ему именно так сложено, как нужно. Для этой убедительности какая нужна наблюдательность всех подробностей!

Какая чудесная школа убедительности заключена в исконном творчестве народов, в анонимном, характерном и всегда живом,

3 января 1935 г.

СКАЗКИ

Сказки про Василису Прекрасную, про серого волка и Ивана-царевича, про щучье веленье изданы в Харбине под редакцией Вс. Н. Иванова. Маленькая книжка, стоящая всего десять фен и, таким порядком, очень доступная. У Вс. Н. Иванова давно была прекрасная мысль об издании в самой доступной форме образцов русской литературы. И в сказках, и в былинах, и в великих творениях наших поэтов и литераторов действительно находятся те жемчужины, которые так неотложно нужно напоминать народному сознанию.

Возьмете ли вы, хотя бы в извлечениях, Гоголя, Пушкина, Достоевского, наконец, полузабытых-полунепонятых глубокомыслящих славянофилов — всюду находите все то, что так спешно нужно для целений сердца народа. Отрывки Гоголя, или листы дневника писаний Достоевского, или мысли Леонтьева, Хомякова и всех, кто доброжелательствовал России, — как всегда свежи эти мысли, ибо они рождались из великой самоотверженной любви и стремились помочь народу в трудных его путях.

Правильна мысль таких общедоступных книжек и потому, что им нужно сейчас проникнуть в самые глухие и удаленные места, где в ожидании трепещут сердца и в рассеянии сущих, и угнетенных, и обездоленных, и все же горящих великою любовью к строению.

В одном текущем месяце кроме названных сказок изданы еще восемь народных русских сказок: про волка, медведя, лисичку-сестричку, про козу и козлят, про журавля и цаплю, про кота да петуха, про муху, про репку; а к двадцатому января уже успела выйти и «Шинель» Гоголя — одно из необыкновенно проникновенных, хотя и не всегда понятных творений великого мастера.

А что, если бы сделать русским людям усилие, отбросить всю шелуху и наросшую шершавость и опять сойтись в труде. Одна эта мысль об общедоступных изданиях жемчужин народного самосознания, уже это помогло бы взаимопониманию.

И не только по-русски требуются эти маленькие книги. Их нужно дать на разных языках и в таких же общедоступных изданиях. Ведь должны они на разных языках проникнуть тоже в народные толщи. Должны проникнуть

туда, куда не дойдет толстая, дорогая книга. Пусть они, эти жемчужины, сделаются совсем доступными и проникнут в далекие фермы, на далекие острова, в хижины — там, где подчас так ждут каждое печатное слово. В то время, когда мы думаем, что уже многое стало доступно и понято, то на самом деле действительность говорит нам о чем-то совсем другом.

Мы сами видели детишек, подбирающих картинки от спичечных коробок. Знаем, как за любую иллюстрированную измятую страницу газеты люди готовы дать продукты, лишь бы украсить стену своей хижины, а если возможно, то и прочесть. Говорю «если возможно» не к тому, чтобы попрекнуть кого-то в неграмотности, а к тому, что грамотность-то эта на многих языках, и на этих разных языках нужно говорить о прекрасном.

Нужно рассказывать множеству различных людей мысли и древние и новые, ибо все они говорят о том же, что и не древние, и не новое, но вечно. Переведите наши сказки и былины на всевозможные западные и восточные языки, и сколько сердец возрадуется, восчувствовав себе близкое. Вот сказка про Василису Прекрасную, построенная на сказаниях о терафиме, а серый волк для изменения образа бьется о землю, и «по пучьему» мысленному веленью двигаются и действуют предметы. Ведь это все поймет и индус, и араб, и китаец, и еще один мост взаимопонимания — радушный, воздушный, но и прочный, соткется.

Скажите о Граде Китеже, и бретонский пастух закивает вам в ответ, прочтите «Песнь о полку Игореве» в скандинавских странах или расскажите в далеком Ассаме об оборотнях или об Антее в Греции, и всюду вам приложат свои понимания и дополнения. А разве не затрепещут в понимании сердца разных народов от образов Гоголя, а сколько неожиданных пониманий вызовут страницы дневника Достоевского! Но именно не нужно надеяться на многотомные дорогие издания, нужно давать как можно доступнее. Для этой доступности нужно избрести наилучшие меры, и сказки станут сказаниями, а сказания очертят вечную быль.

Такие же совершенно общедоступные отрывки сокровищ восточной и западной мудрости должны быть даваемы и по-русски. Должны быть даны в том звучно-привлекательном переводе, на который способен русский язык. Вспоминаю, как Балтрушайтис прекрасно передавал песнь Тагора, как Бальмонт неповторимо звучал в образах

лучших иностранных поэтов, как, наконец, Бхагавад-Гита прекрасно зазвучала именно на русском, может быть, лучше, чем на некоторых других западных языках. И Эдда, и Калевала, и Гаявата, и Панчатантра — все прекрасно поддается звучному и эластичному языку русскому.

Но все, что издавалось до сих пор, было заключено или в дорогостоящие многотомные издания, или давалось в книгах роскошных. Но ведь все эти красоты должны быть широко даны всем народам и, как в звуках и красках, также соединить их в слове звучащем. Также широко народно нужно дать, хотя и в общедоступных, но вполне художественных воспроизведениях наши иконописные изображения. Ведь об истинной красоте их так немногие знают. И в невежестве, в незнании могут похулять ценности истинные. Главное же во всех случаях сейчас нужна общедоступность.

Обеднело человечество и оскудело духовно. Потому-то так радуемся, видя каждое прекрасное, но и доступное издание. Итак, тесная быль обратится в сказание, а из сказания вырастет опять сказка, Жизнь — прекрасная сказка.

30 января 1935 г.

ИСТОКИ

Кто назвал горы и реки? Кто дал первые названия городам и местностям? Только иногда доходят смутные легенды об основаниях и наименованиях. При этом нередко названия относятся к какому-то уже неведомому, неупотребляемому языку. Иногда названия неожиданно соответствуют наречению из совсем иных стран. Значит, путники, переселенцы или пленники запечатлели на пути свои имена.

Вопрос географических названий сплошь и рядом выдвигает enigмы неразрешимые. Конечно, если люди обычно уже не знают, как сложилось название их дедовского поместья, то насколько же невозможно уловить тысячелетие причины. Такие же задачи ставит и изменение самих наречий.

Если мы возьмем словари, изданные даже на нашем веку, то за десятки лет можно видеть самые необычайные изменения. Сложилось и вторглись новые слова. Расчленились прежние. Даже само толкование значений колеблется в течение одного поколения. Когда люди говорят о сохранении чего-то старого, нужно отдать себе полный отчет, о каком именно старом предполагаются?

Те же поучительные наблюдения дают песни и мелодии народные. Если в творческих формах самые новаторы часто невольно обращаются к урокам древности, то вполне естественны вообще одинаковые выражения чувств. Посмотрим ли мы на историю орнамента, которая сохранена в издревле дошедших образцах гончарства, мы видим, конечно, подобное естественное выражение человеческих украшательных чувств.

Исследователи нередко удивлялись, что в каменном веке на различных разделенных материках оказывалась та же техника и те же приемы орнаментации. Конечно, не могло быть предположения о сношениях этих древних аборигенов. Просто мы свидетельствуем одинаковое выражение человеческих чувствований. Сопоставляя эти аналогии, можно получать поучительные психологические выводы о тождестве человеческих выражений. Значит, и пути к вызыванию этих выражений должны быть тождественны.

Только что сообщалось из Англии о большом открытии в музыкальном мире.

«Мелодии, раздававшиеся среди холмов Уэльса тысячу лет тому назад, теперь воспроизводятся на арфах и других современных инструментах. Ведь это, может быть, те самые мелодии, раздававшиеся вокруг костров древних бриттов до появления цезарских легионов.

Эта исконная музыка сохранилась в одном древнем манускрипте, и Арнольд Долмеч, который уже полстолетия работал над возрождением старинной музыки на старинных же инструментах, теперь воспроизводит эти мелодии.

Он говорит, что недавняя находка манускрипта, который содержит более 90 страниц этих мелодий, является величайшим музыкальным открытием, когда-либо сделанным. Особенно интересно отметить, что настоящие национальные песни Уэльса, так же как и других английских провинций, мало отличаются от древних мелодий.

Найденный ценный документ подтверждает, что Уэльс многие столетия тому назад уже имел свою несравненную музыку. Если бы не находка этого древнего манускрипта, то, конечно, древние мелодии не могли бы быть утверждаемы».

Конечно, такие древние документы необыкновенно ценны. Могли они сохраниться лишь совершенно случайно. Нам приходилось видеть источенные червями как музыкальные, так и другие исторические документы, с навсегда погибшими датами и конкретными указаниями. Кроме того, у некоторых народностей инструмент и голос обозначались своеобразно, например, волнистыми линиями. Вполне установить их точное значение можно, прислушиваясь к пока еще живущему фольклору.

Но ведь во многих местах фольклор уже не сохраняется; разве где он попал в недвижные отделы музейные и лишь случайно на него наткнется музыкант или писатель, пожелавший оживить эти пергаменты и свитки. Каждый из нас знает, как в наше же время уничтожались ценнейшие музыкальные черновики и исторические письма.

Такое же небрежение к домашним артистам, конечно, бывало во все времена. Когда мы однажды хотели обратиться к семье, дед которой был замечательный художник, то один умудренный друг наш сказал: «Не теряйте времени искать в семьях. Наверное, там уже ничего не осталось». Само собою, что суждение не всегда правильно, но

горькая истина о небрежении к близкому, к сожалению, ведома многим народам. Потому-то так трудно бывает искать на местах. И всякая неожиданная счастливая находка является особенно ценной.

Так же точно, как в орнаментах люди выражали однообразно свои чувства, так же как крик радости или ужаса будет извечным выражением, так же и мелодии человечества будут свидетельствовать о вечных истинах.

С начала текущего столетия в разных странах появились прекрасные общества по изысканию и старинной музыки, и старинной литературы. Всем приходилось слышать отличные оркестры, исполнявшие на старинных инструментах мелодии уже вековые. И это вовсе не было чисто археологическим занятием. Это было радостным прикосновением к душе народов.

Так же как в нашем современном орнаменте можно указать невольно повторенные древнейшие сочетания, так же и в старинных мелодиях и музыкальных статьях часто звучит вовсе не примитивность, но тонкое и убедительное выражение чувств. Эти свидетельства заставляют нас еще бережнее заглядывать в прошлое и наблюдать чисто психические задания и выражения.

Только немногие невежды скажут: «Что нам до наших истлевших праотцев!» Наоборот, культурный человек знает, что, погружаясь в исследования выражения чувств, он научается той убедительности, которая близка всем векам и народам. Человек, изучающий водохранилища, прежде всего заботится узнать об истоках. Так же точно желающий прикоснуться к душе народа должен искать истоки. Должен искать их не надменно и предубежденно, но со всею открытостью и радостью сердца.

18 марта 1935 г.

РОССИЯ

Начальные главы Вашей работы догнали меня уже в монгольской пустыне. Хотя знаю, что эта моя весточка дойдет до Вас не скоро, но все же не могу не написать Вам.

Уж больно глубоко и правильно чувствуете Вы Россию. Мало где встречались мне определения, подобные Вашим. В яркой мозаике Вы сложили многообразный лик великой России. И сложили этот лик в дружелюбии ко всем частям его. Именно прошли по вехам добрым. Лишь добрые знаки отмечают путь верный.

Вы говорите: «Россия не только государство... Она — сверхгосударство, океан, стихия, которая еще не оформилась, не влегла в свои, предназначенные ей берега. Не за-сверкала еще в отточенных и ограненных понятиях в своем своеобразии, как начинает в бриллианте сверкать сырой алмаз. Она вся еще в предчувствиях, в брожениях, в бесконечных желаниях и бесконечных органических возможностях.

Россия — это океан земель, размахнувшийся на целую шестую часть света и держащий в касаниях своих раскрытых крыльев Запад и Восток.

Россия — это семь синих морей; горы, увенчанные белыми льдами; Россия — меховая щетина бесконечных лесов, ковры лугов, ветреных и цветущих.

Россия — это бесконечные снега, над которыми поют мертвые серебряные метели, но на которых так ярки платки русских женщин, снега, из-под которых нежными веснами выходят темные фиалки, синие подснежники. Россия — страна развертывающегося индустриализма, нового, невиданного на земле типа, неопределенного пока...

Россия — страна неслыханных, богатейших сокровищ, которые до времени таятся в ее глухих недрах.

Россия — не единая раса, и в этом ее сила. Россия — это объединение рас, объединение народов, говорящих на ста сорока языках, это свободная соборность, единство в разности, полихромия, полифония.

Россия — не только страна мгновенного настоящего. Она — страна великого прошлого, с которым держит неразрывную связь. В ее березовых солнечных рощах по сей день правятся богослужения древним богам. В ее окраинных лесах до сей поры шумят священные дубы, кедры,

украшенные трепещущими лоскутками. И перед ними стоят бедные глиняные чашки с кашей — жертвой. Над ее степями плачут жилейки в честь древних божеств и героев.

Россия есть страна византийских куполов, звона и синего ладана, которые несутся из великой и угасшей наследницы Рима — Византии, второго Рима. И придают России неслыханную красоту, запечатленную в русском искусстве. Россия — могучий хрустальный водопад, дугою выющийся из бездны времени в бездну времен, не охваченный доселе морозом узкого опыта, сверкающий на солнце радугами сознания, гудящий на весь мир кругом могучим утверждением всеславянского бытия.

Россия грандиозна. Неповторяема.

Россия — полярна. Россия — мессия новых времен.

Россия — единственная страна в мире, которая величайшим праздником своим славит праздник утверждения жизни, праздник воскресения из мертвых, радуясь заре весеннего расцветенного дня, с огнями крестных ходов под утренним яхонтовым, парчовым, зоревым небом».

Не странно ли, что в письме к Вам выписываю Ваши же слова. Но слова эти так верны, так душевны, так красивы, что просто хочется в них еще раз пережить запечатленные в них образы. Ведь их нужно не только знать, их нужно полюбить. Чем больше мы всеми звуками и красками, всеми иероглифами бытия их запечатлеем, тем больше будет явлено правды, а ведь это так нужно. Так спешно нужно.

В дальнейшем Вашем обзоре строения русского самобытного искусства Вы правильно помянули В. В. Стасова. С Вами вместе и я мысленно еще раз помянул его. Ведь он, так сказать, впервые ввел меня в хранилища Публичной библиотеки. Он допустил меня к сокровищам этого хранилища и поддержал в моих первых зовах о России.

Помню нашу переписку с ним. Всегда я ему писал в виде старинных русских грамот, и он всегда радовался, если слог и образность были исконными. Иногда он отвечал мне тем же истинным слогом. А иногда добродушно подсмеивался, говоря: «Хотя Ваша пожелтелая грамота и припахивала свежим кофеем, но дух-то ее оставался русским, настоящим русским». Помню его фельетон о моей картине «Поход», в котором он понял желанное мне, основное устремление. У Курбатова была фотография наша, снятая

у его знаменитого отягченного книгами стола в Публичной библиотеке. Когда Вы приводите стасовские цитаты, мне так живо рисуется и Публичная библиотека, и все те хорошие, замечательные люди, приходившие к его радушному столу. Он же, Стасов, свез меня и познакомил со Львом Толстым после моей картины «Гонец».

Когда же Вы поминаете Мусоргского, дядю Елены Ивановны, то тем самым вызываете во мне обиход всех, родственно связанных с нашим великим композитором. Трагедия жизни Мусоргского тоже была истинно русской трагедией. Может быть, при встрече я уже поминал Вам, что в одном имении по неведению были сожжены многие рукописи великого творца.

Не помню, говорили ли мы с Вами о семье Римских-Корсаковых, о других членах «могучей кучки» и о передвижниках, с которыми мне еще пришлось встретиться. Ведь Куинджи, Шишкин, Репин, Суриков, Нестеров, Васнецовы — все это было и близким, и поучительным.

Вы правильно поминаете и нападки на все национальное. Между тем именно этим-то национальным русским искусством России было так оценено на Западе. Казалось бы, этот яркий, всем известный пример должен быть достаточным укором для всех тех, кто пытался свернуть мощную реку русского творчества в чуждое ей русло. Правильно Вы понимаете слова Стасова: «Всякий народ должен иметь свое собственное, национальное искусство, а не плестись в хвосте других, по проторенным колеям, по чьей-либо указке». В этих словах вовсе не было осуждения иноземного творчества. Для этого Стасов был достаточно культурный человек; но, как чуткий критик, он понимал, что русская сущность будет оценена тем глубже, если она выявится в своих прекрасных образах. А сколько прекраснейших и глубочайших образов дает Россия. Сказанное и несказанное, писаное и неписаное, как в старинных синодиках, остаются неизреченными образы величественные. В этой еще несказанности и заключается та скрытая народная, та чаша неотпитая, о которой и Вы так сердечно чувствуете.

Надеюсь, что и дальнейшие Ваши главы, хотя и медленно, но достигнут меня и принесут еще радость. Помните мою картину: «Три радости». Хожалый гуслиар повещает поселянину о трех радостях. Сам святой Егорий коней пасет, сам Никола Чудотворец стада уберег, а сам Илья Пророк рожь зажинает. Не знаю, где осталась сама карти-

на. В книге Эрнста есть маленькое воспроизведение ее. Всякие, еще не сказанные радости живут в сердце.

Сегодня ночью с вихрем ударил сильный мороз и снег. В наших юртах стало холодно, даже часы остановились. Утром засияло красно солнышко, в буквальном смысле, а все бугры и горы забелели, зарозовели и засинели в неожиданном снеговом уборе. Со ступеней бывшего храма окружающая местность мне напомнила две моих картины. Одну из далекой Карелии, другую из тибетского Чантанга. Такие же холмы были и в моей картине 15-го года «Зовущий». Все зовы о том же. Величие простора едино. Спасибо за Ваше слово о России, которая мне так по сердцу.

26 апреля 1935 г.

ПРОМЕДЛЕНИЕ

«Промедление смерти подобно».

Так сказал Петр Великий. Что же в этом нового? Почему это изречение так часто поминается? Разве этого никто не знал раньше? Нового ничего нет в этом речении. Тем не менее оно и поминается, и будет поминаться. Оно должно быть написано надо всеми государственными и общественными учреждениями. Оно должно быть на первой странице школьных учебников.

Дело не в том, что сказано нечто абсолютно новое. Вообще не есть ли новое лишь во времени и по обстоятельствам? Но в том дело, что сказано это, и в такой повелительной форме, что должно быть во всех делах человеческих. Это не есть повторение, ибо форма сказанного, вероятно, вполне оригинальна в своей краткости и убедительности. Просто сказано то, что нужно, что нужно всем, нужно для каждого дня. Сказано то, что люди пытаются позабыть насколько возможно. Пытаются противопоставить другое циничное речение: «Не делай сегодня того, что можешь сделать завтра».

В цинизме и в лениости люди стараются сложить и поговорки, и побасенки, лишь бы чем-то отложить труд. Значит, для них всякий труд есть и тягость, горе, значит, для них труд есть проклятие. А разве не ужас, когда сужденная радость обращается в проклятие, в ужас, в горе?

Промедление бесконечно однообразно в своих свойствах. Как умело оно бывает прикрыто, так прикрыто, что даже опытный глаз не всегда рассмотрит, где оно уже приключилось. Причин к нему можно находить до бесконечности. А ведь всякий знает, что человек, в безумии своем, бывает находчив и изобретателен до невообразимости.

Бывает промедление по незнанию, по тяжеловесности характера. Бывает от доверчивости к другим, также бывает от намерений злобности. Словом, можно почти все происходящие действия квалифицировать по той или иной степени медлительности. Если бы только эта медлительность не вредила в конечном результате. Но всякое несовершенство, так же как и всякое зло, неминуемо должно отозваться где-то и как-то. В каждой истории государств можно находить поразительные примеры, как маленькая медлительность породила великие следствия. Значит, это

промедление не было таким малым, как оно могло казаться земному глазу: значит, в нем уже был заключен весь эмбрион последующего. Если бы рассмотреть такие промедления под микроскопом, то можно бы увидеть уже готовый огород всяких бактерий.

Если бы все, промедлившие, уже осознали сотворенное ими грядущее, то, наверное, многие из них ужаснулись и удесятерили бы поспешность и прилежание. Но о будущем вообще думают так мало. Мы уже не раз говорили, что в школах не приучают мыслить о будущем. А ведь без мысли о будущем человек будет как бы слепым. Слепшие видели прошлое для них и уже не увидят будущего своего. Всякая слепота должна быть избегнута лучшими медицинскими воздействиями.

Бывает и так, что люди как бы готовятся к будущему, но когда наступают признаки его, то их не опознают. Бывает давно сказано, что придет вестник, но когда он приходит, то его не признают. От этого самые нужные и спешные письма могут попасть в руки злоумышленные.

Такие неопознания, в конце концов, тоже заложены в промедлении. Само слово промедление достаточно говорит, что нечто было промедлено, иначе говоря — опоздало. Можно опоздать положить яйца под курицу, и тогда не нужно удивляться, что цыплята не произойдут. Пример яйца очень убедителен, ибо в нем уже готовы все элементы для следующей эволюции. И от простого промедления или от неосторожной забывчивости нечто предусмотренное и готовое предается тлению. Разве имеет кто-нибудь право по недобросовестности порождать тление?

Речение Петра Великого действительно и уместное, и великое речение. Стоит вспомнить его собственную жизнь и работу неустанную, чтобы понять, сколько вожжей правитель умел держать в своих руках одновременно. Есть люди, которые умеют держать в руке несколько вожжей, а другие, не развив в себе это умение, с трудом удерживают и одну. Какой же будет возница с одною вожжою в руке? Такие сравнения были бы смехотворны, если бы подчас они не являлись такими скорбными.

Не следует думать, что все прирожденное уже имеется в готовом, обработанном виде. Ведь все нужно воспитать и испытать. При этом испытания не могут быть случайными, они должны быть встречены в полном сознании, с полною готовностью и разумностью.

Такая готовность и зоркость уже упасет от промедле-

ния. Разве в полете метеора может быть промедление? Разве орбита светил могла бы допустить промедление?

«Промедление смерти подобно».

«Не оставляйте мед слишком долго открытым».

Тоже речение о промедлении. Каждый испытал на себе, как может изменяться вся судьба его от минутного запоздания. Сказано: «Преждевременность судима, а опоздание уже осуждено». И в этом старинном речении выражено тоже предупреждение о своевременности.

Опять-таки, нужно ли повторять всякие старинные предупреждения? Ведь они так древни, так много веков они предупреждали людей. И предупреждали, и просили, и доказывали их же собственную пользу. И тем не менее маленькие привычки быта яростно противостояли всем благим поучениям. На каждый добрый совет изобреталось извинение.

Наши дни приносят всевозможные ускорения. Но все эти призы на быстроту еще не значат, что великие речения о промедлении делаются уже ненужными. Можно пропустить срок, и тогда уже никакая быстрота не поможет. Наоборот, каждая запоздалая быстрота вызовет лишь глубокое прискорбие.

Что-то уже сложное и нуждавшееся лишь в последнем толчке замерло в искусственной обстановке. А что же может быть неестественнее, нежели зрелище человека, остановившегося на одной ноге? Нельзя устоять на одной ноге долго. Нельзя и проехать на одной вожже, особенно же, если и она некрепко будет держаться.

Как бы сделать так, чтобы уговорить опрометчивых о том, что промедление опасно прежде всего для них самих же. Ведь они думают, что пусть кто-то подождет, но они непременно забудут о том, что такое ожидание будет стоить им самим слишком дорого.

«Промедление смерти подобно».

9 мая 1935 г.

ПОРАДУЕМСЯ

Чему бы такому порадоваться? Не успеешь усмотреть радость, как она превращается в новую заботу. Не успеешь почувствовать победу, как она обращается в новый поход. Кто-то бы сказал, просто беда.

Но какая же такая беда, когда это есть жизнь. Стоит вспомнить целый ряд деятелей времен итальянского Возрождения и удивиться остроте волн и вниз и вверх взмывающих. Сама пена является только знаком нового накопления. Именно среди этих сильных характеров можно наблюдать, до какой степени остро соприкасались между собою величайшие их напряжения и происшедшие за ними величайшие достижения.

Лишь в школе жизни, когда никто, казалось бы, не печется о достижениях этих деятелей возрождения, опять выковывались необыкновенные возможности. Сейчас мысленно вспоминаю несколько определенных примеров, и вместе с их биографами можно удивляться, каким образом могли создаваться новые решения и возможности, когда, казалось бы, никакого пути уже не было.

Так могло казаться с узкой земной точки зрения. Но у этих сильных мыслью и делом людей путь всегда находился. Находился этот путь в необыкновенной новизне и неожиданности. Уже тогда, при несовершенных путях сообщения, были слагаемы пути заморские и загорные. Если кому-то теперь кажется что-то невероятно трудным, то насколько труднее это было когда-то тогда, когда оставалось столько пугающе неизвестного.

Так же, как теперь, тогда отмирали целые города и страны, а сильные духом продолжали свою славную одиссею. Какую же одиссею нужно почитать теперешним людям, чтобы и среди забот все же порадоваться. И порадоваться в полной вере, ибо без веры нет осуществления. Как же подойдут они без веры к высокому и мощному, одно приближение к которому уже может наполнять трепетом? А в вере — все легко. Ведь вера есть, попросту говоря, знание.

И вот по вере, по знанию видно, что можно радоваться. Можно радоваться постоянно новым путям, так же неисчислимым, как неисчислимы светила небесные. Разве только случай приводит к нахождению новых путей? Именно

не случай, ибо и случая-то почти не бывает, но всегда идет пришествие новых, уже когда-то сложенных возможностей.

Если кто говорит, что дальше так нельзя, то именно в этом «так» он лишь останется правым. Так нельзя, но иначе можно. Для этого «иначе» соберем всю нашу память, очистимся от ненужной ветоши и попробуем посмотреть глазом новым.

Ведь для обычного жильца место представляется изжитым, но стоишь прийти к тому же месту новому человеку, и он найдет в нем новые рудники и новые горизонты. Ибо посмотрит он глазом новым. Вот в этом-то постоянном обновлении, в возможности такого появления и будет заключаться неиссякаемая радость. Если же мы знаем, что этот источник неиссякаем и может быть замутнен лишь нами самими, то, преодолевая себя, мы опять приобщимся к вечным святыням восхождений.

Если кому-то почему-то очень грустно или смутно, то пусть он напомнит себе сознательно и повелительно о том, что радость возможна, что она есть и будет. Кто-то назвал такое утверждение «заклинанием радости». Может быть, это не далеко от истины. Если вы чего-то хотите — вы должны об этом думать и вы должны магнитом сердца привлечь это. Когда вы скажете себе «порадуемся», — это никогда не будет отвлеченным бессмыслием, но будет лекарством особым и мудрым. «Радость есть особая мудрость».

10 мая 1935 г.

БЕЗЫМЯННОЕ

Сколько бы ни упоминать о восхищении и удивлении перед безымянным творчеством, раскинутым по всему лицу земли, все же каждый раз восхитишься, видя новые примеры.

Когда на опасных горных перевалах вы находите гигантские изображения на скалах, кем-то трудолюбиво высеченные, каждый раз в вас проникает уважение к такому стихийно образованному творчеству.

И в монгольских пустынях вас всегда остановит это безымянное творчество, так трудно понятное теперь. Сколько рассуждений вызывали так называемые «каменные бабы». Еще не так давно им пытались приписывать чуть ли не портретно монументальное напоминание о погребенных. Основа к тому заключалась в исторических деталях костюма. Конечно, заставляла подумать о происхождении своей чаша, часто находившаяся в левой руке изваяния. Иногда чаша процветалась огнем. Такое изображение имелось на моей картине «Стражи пустыни».

Во всяком случае, пламенеющая чаша уже не вязалась с представлением о погребальной потребности. В этой подробности уже заключалось напоминание о каком-то культе. Тем более обращала на себя внимание чаша, что повторялась она в изваяниях многократно и всегда, как то ритуально установлено.

К тому же пониманию о каком-то ритуале, о каком-то культе направили наше внимание и бронзовые маленькие фигурки, принесенные нам монголами. Одна из них приобретена и находится в собрании Юрия, за другую такую же монголы просили чрезмерно большую цену, и ее не пришлось достать. И на том, и на другом изображении над головою имеется кольцо, показывающее, что оно было, вероятно, носимо на груди. Полированность от употребления показывает как долговременность, так и постоянное ношение. А главный интерес заключался в той самой чаше, которая так привлекала внимание на изображениях каменных баб.

Несомненно, мы имеем дело с каким-то культом, притом очень старым. Пламенеющая чаша напоминает о так многом, что было бы неосторожно сразу предложить какие-то решения. Во всяком случае, этот вопрос необыкновенно интересен.

Приносят также и маленькие нательные бронзовые крестики древнего типа — наверное, несторианского происхождения. Ведь невдалеке от Батухалки находятся развалины старого города и около них остатки несторианского кладбища. Может быть, это памятники монгольского князя несторианина.

Незабываемое впечатление безымянного творчества представляют из себя также раскинутые по пустыням, выложенные из белого кварца изображения. Среди них можно найти и определенно священные изображения, изображения больших субурганов, а не то и какие-то неожиданные человекообразные фигуры, явно фаллического содержания. Всякое анонимное и, по-видимому, нужное для автора творчество вызывает к себе особое внимание.

Вы особенно ясно чувствуете, что такие творения вызваны какою-то глубокою потребностью. Труд, на них положенный, был священным трудом. Кому-то для нас неизвестному требовалось потратить свои силы и время, чтобы, в самых неудобных иногда условиях, оставить анонимный памятник, в назидание каким-то неведомым путникам.

Всегда увлекательна неистощимость познавания, прикоснувшегося к большой древности. Встречаемся с такими особыми психологиями, с такими чуждыми нашей современности потребностями, что каждый добросовестный исследователь почувствует особенную радость об этой неистощимости.

Много трудов опубликовывается, но сколько записок и даже вполне обработанных, крупных исследований остается в манускриптах. Каждому из нас приходилось находить в частных книгохранилищах, а иногда и на толкучем рынке такие очень ценные манускрипты. Иногда они уже были кем-то оценены. Заслужили заботу о себе, выраженную в красивых кожаных переплетах с очень знатными эклибристами. Но так же часто вы видите варварски оборванные листы и целые, навсегда исчезнувшие части труда; может быть, пошедшего на самые низменные употребления.

Сколько безымянного творчества в этих манускриптах. Кому-то они были очень нужны. Если не в целости, то в частях своих они выражают многое знаменательное и трудолюбиво наблюдаемое.

Этим безымянным трудам принесем цветок, который почтит их внутренний смысл.

12 мая 1935 г.

ПОДРАЖАНИЕ

Обычно люди очень огорчаются обнаруженными подражаниями. Между тем вся жизнь полна всякими степенями подражания. Каждый учитель, если заметит, что ученик его вполне овладел его предметами и в его методе, может назвать это тоже подражанием.

Человек усвоил себе какие-либо изречения. В них он тоже подражает источникам, давшим их. Человек усвоил тот или иной стиль работы, можно думать, не подражает ли он этому стилю? В конце концов подражание и преемственность довольно соприкасаются, и лишь внутренний импульс может доказать истинные побуждения.

Вообще, если начать огорчаться подражаниями и всюду их усматривать, то можно наполнить жизнь совершенно ненужными, горькими ощущениями. Что же из того, если кто-то возымел влечение к тому или иному методу и способу выявления. Конечно, при этом могут быть и очень низкорыстные цели. Может оказаться подделка, чтобы завладеть тем или иным рынком. Тогда это будет уже, попросту, предусмотренное, уголовное преступление, и каждое законодательство обращает внимание на такие подделки. В сущности своей такое стремление к подделке лишь докажет, что оригинальный продукт был действительно хорош и заслужил попользования повторить его.

Об этих предусмотренных законом подделках нечего и говорить — судьба их ясна. Но бывают другие подражания, которые не подлежат никакому закону. Может быть, например, какое-либо учебное заведение с оригинальными и практическими методами. Кто-то, оценив приложимость этих методов, откроет такое же заведение на ближайшей улице. Конечно, это будет подражание, но запретить такое состязание совершенно невозможно. Или кто-то напишет книгу или составит словарь, а другой, ловкий промышленник, обернет этот словарь наоборот или использует целиком треть книги, связав ее какими-то водянистыми доказательствами. Несомненно, это будет подделка, и так же несомненно, что ловкий промышленник избежит осуждения. Даже если кому-то будут известны все обстоятельства таких заимствований и подражаний, то ведь никакие законные статьи не осудят подражательную ловкость.

Размеры всяких соперничеств и подражаний бесчис-

ленны. Главное же и мудрое правило будет при обнаружении их — не огорчаться. Они всегда будут в той же пене жизни, как и всякая клевета, которой занимается низкое и преступное мышление.

Если клевета является лишь своеобразной оценкой больших размеров творимого, то и подражание есть лишь доказательство правильности и убедительности первоначально сделанного.

Среди свойств невежества можно видеть и грубость, и неблагодарность, и лживость, и всякие предательства. Эти темные свойства прикроют собою истинные причины и всяких подделок, и подражаний. Очень много явных подделок имеют в основе своей неблагодарность. Поэтому благодарность во всех древних заветах считалась высоким отличительным качеством. Часто человек под личиной друга притворно приближается, чтобы высмотреть то, что он считает успешным и убедительным, чтобы своекорыстно выдать это за свое. Мало ли случаев! Иногда грубый дикарь просто хочет сделать то же самое, что ему понравилось, даже не отдавая себе отчета, что именно он этим нарушает. То, что увидел, то он и считает своим. И таких примеров прискорбного опошления очень много.

Конечно, могут быть и предательства, которые попытаются сделать из всего полезного просто кривое зеркало, чтобы тем унижить или погубить опасный для них принцип. Сколько всяких родов предательства. В конце концов, какое предательство лучше: сознательное или бессознательное? Оба они, в конце концов, то же самое, ибо следствия их могут быть равнозначными. Неисчерпаема тема о предательствах. Сколько ценного и неповторимого погубляется каким-то крошечным предательством, самолюбием, самомнением, гордостью или простым переживанием.

Так часто только что совершившие какое-либо предательство будут усиленно отрицать это и убеждать самих себя, что произошло нечто совсем другое.

Сейчас мы хотели лишь отметить о том, как следует относиться ко всяким неизбежным подражаниям. Из разных стран нам приходится слышать о том же, слышать и недоумение, и негодование о том, что какое-то неумелое подражание нарушает уже созданное полезное дело. В таких случаях вы уже ничего не поделаете. Единственно, что можно посоветовать — не огорчаться и только удваивать высокое качество своего дела. Если творимое вами высоко в своем качестве, то можете быть спокойны — всякое под-

ражание окажется и подлым, и пошлым, и пожрет самое себя. Если же подражание, в конце концов, превысит ваше дело, то оно делается уже преемственностью и должно даже вызывать, с вашей стороны, известную долю признательности, видя рост семян, вами посеянных.

Итак, подражание, соперничество, соревнование, если оно не будет иметь в основе своей вредительскую зависть, оно явится лишь неизбежным разветвлением ваших же начинаний. Каждый сеятель должен прежде всего радоваться, если семена, им брошенные, вырастают в полезные злаки. Так всегда было и всегда будет, и пусть дела, даже близко возникшие, лишь взаимно побуждают к улучшению качества.

Работайте! Творите!

14 мая 1935 г.

ЖЕСТОКОСЕРДИЕ

...«Ибо, что блокада не могла отрезать и что было даже проталкиваемо врагом — это были вести, мертвящие, каждодневные, деморализующие слухи, доносящиеся об оргии святотатства и вандализма в Риме, о бешенстве фанатического иконоборчества, о том, что собор Святого Петра обращен в конюшню и ландскнехты ставят своих коней в Станцах Рафаэля в Ватикане, об извержении из гробницы тела Папы Юлия, об отрубании голов Апостолов, о шествии лютеран с копьем Святого Лонгина, о святотатстве над платом Святой Вероники, о вторжении в Святое Святых, о ночных бесчеловечных жестокостях, о кардинале в шутовском погребении и воскресении в своем гробе, об убиении аббата за отказ отслужить мессу мулу; — весть за вестью, доходящие до трещины в куполе и проверенные ежедневно своими глазами на процессиях священнослужителей, проходящих по улицам к местам их продажи и кульминирующихся в ночном конклаве пьяных ландскнехтов, под стенами самого замка кощунствовавших над мессой...» Так рассказывает историк о разграблении Рима испанцами и ландскнехтами при Папе Клименте.

Другой очевидец добавляет: «Голод и чума следовали за вторжением. Город был истощен, и армии грабили уже не из-за золота, но для хлеба, разыскивая его даже в постелях больных. Молчание, пустыньность, зараза, трупы, разбросанные здесь и там, потрясали меня ужасом. Дома были открыты, двери выломаны, лавки пусты, и на опустевших улицах я видел лишь фигуры озверелых солдат».

Приводим строки из описания именно этого очередного разграбления Рима, ибо о нем, сравнительно с другими вторжениями, обычно рассказывается мало. Обычно в школах знают, что Папа Климент должен был провести некоторое время в замке Св. Ангела, но действительные ужасы вандализма и святотатства не упоминаются. При этом и император, и прочие короли не считали это даже войною. Если мы вспомним другие документы этого же злосчастья, то увидим, что при некоторых дворах это отмечалось как печальный, непредвиденный эпизод. Когда же прибыли испанские уполномоченные для урегулирования положения, то и они, совместно с генералами грабив-

шей армии, не могли сразу овладеть положением: до такой степени вандализм, озверелость и кощунство овладели испанцами и ландскнехтами.

Откуда же могло произойти такое ярое кощунство и жестокость? Оно, конечно, произошло от жестокосердия вообще. Но откуда же вдруг могло вспыхнуть такое неслыханное жестокосердие? Разгорелось оно, конечно, от ежедневной грубости. Мы все знаем, как незаметно вторгается в жизнь зараза грубости. Начало хаоса проявляется всюду, где, хотя бы на минуту, забыто продвижение. Нельзя же на мгновение оставаться в прежнем положении, — или вниз, или вверх. О нравах ландскнехтов и других военных наемников достаточно написано литературных произведений и накоплено всяких хроник. Вот из этой повседневной грубости, питаемой и дозволенной, и вспыхивает безобразнейшее кощунство, святотатство, всякие вандализмы и всякие ужасные проявления невежества.

Пароксизмы невежества, уже не раз отмечалось, прежде всего устремлены на все самое высокое. Невежеству нужно что-то истребить, нужно отрубить чью-то голову, хотя бы каменную, нужно вырезать дитя из утробы матери, нужно искоренить жизнь и оставить «место пусто». Вот идеал невежества. Оно приветствует безграмотность, оно улыбается порнографии, оно восхищается всякой пошлостью и подлостью. Ведь где кончается одно и начинается другое и наоборот, отмерить очень трудно. И вообще меры весов невежества неисповедимы.

Если жестокосердие порождается каждодневною грубостью, то как же заботливо нужно искоренять из каждого дня всякое огрубение. Как трудолюбиво нужно изъять эти, хотя бы маленькие, огрубения из всякого быта. Ведь всякая грубость совершенно не нужна. Даже дикие животные не укрощаются грубостью. При всяком воспитании грубость уже давно осуждена, как не дающая никаких полезных результатов и только продолжающая поколения грубиянов.

Когда мы читаем исторические примеры всяких несчастий, происшедших, в конце концов, от повседневного огрубения, когда мы видим, что эти несчастья продолжаются и до сего времени, то разве не нужны спешные меры, чтобы и в школьном, и в семейном быту предохранить молодежь! Непроявленному хаосу чувствований не трудно заразиться всякою грубостью. Очень легко вводятся в обиход грубые, непристойные слова. Называются они не-

литературными. Иначе говоря, такими, которые недопустимы в очищенном языке.

В противовес очищенному языку, очевидно, будет какой-то грязный язык. Если люди сами говорят, что многие выражения нелитературны, и тем самым считают их грязными, то спрашивается, зачем же они вводят их в обиход? Ведь хозяйка или хозяин не выльют среди комнаты ведро помоев или отбросов. Если же это и случится, то, даже в самом примитивном жилье, это будет названо гадастью. Но разве сквернословие не есть то же ведро помоев и отбросов? Разве сквернословие не есть просто дурная привычка? Детей наказывают за дурные привычки, а взрослых не только не наказывают, но ухмыляются всякому их грязному выражению. Где же тут справедливость?

Привычка грубостей, сквернословий и кощунства развита до такой степени широко, что ее даже попросту не замечают. Если люди вспомнят все существующие кощунственные анекдоты, вызывающие такой потрясающий хохот, то не покажется ли странным, что сегодня эти же люди идут во храм, якобы для молитвы, а назавтра лишь ухищряют свое потрясающее сквернословие?

Никто не будет отрицать, что грубость вторгается очень незаметно. Давно сказано: «Сегодня маленький компромисс, а завтра большой подлец». Всякая грубость потрясает не только своей жестокостью, но и бессмысленностью. Невозможно представить себе ничто более бессмысленное, нежели сквернословие.

Часто люди фарисействуют, будто бы болея о потере чистоты языка, но разве сами они не потворствуют подчас именно этим нелитературным отбросам и загромождениям? Среди всякого сора — заразительная грязь грубости порождает ужасные микробы, и они поражаются целыми губительнейшими эпидемиями.

Разве так уж трудно не грубить, не сквернословить, не проявлять бессмысленную жестокость? Вовсе не трудно. Но среди просветительных учреждений, от низших до высших, от младших до старших, всюду должны быть отставлены все признаки грубости.

18 мая 1935 г.

ЛЕТОПИСЬ ИСКУССТВА

Не поспеваем выписать первую страницу курса истории русского искусства, читанного профессором Айналовым на историко-филологическом факультете Петроградского университета в 1915 году. Обратите внимание, что эти слова сказаны в 1915 году.

«Я предпринял чтение настоящего курса по той причине, что убежден в важности научного знакомства с древнерусским искусством не только для студента-филолога, но и для всякого образованного русского человека. История говорит нам о деяниях, но часто за ее повествованием скрыты от нашего взора культура и быт страны. И вот в то время, когда греческая и римская история преподаются параллельно с греческим и римским искусством и древностями, преподавание русского искусства и древностей опущено нашей университетской программой, не считается обязательным знанием для филолога с университетским образованием, а в русском древнем искусстве он не находит для себя важного дополнительного знания, способного пролить яркий свет на историю и быт Древней Руси. Причины этому обстоятельству сами по себе понятны. Недостаточность студии в области древнерусского искусства, неразработанность многих отделов наших отечественных древностей и искусства — вот главные причины тому, что древнерусское искусство не читается с кафедры. Кроме этой главной причины, есть и другая, имеющая основу в первой. Незнание своего древнего искусства повело уже издавна к ложному представлению о нем; в древнерусском искусстве видели, да и теперь еще многие видят, лишь одно варварство, мало поучительное для русского человека, в особенности если поставить его наряду с искусством античной Греции или с искусством эпохи Возрождения».

«Еще в 1866 году знаменитый Буслаев опровергал ложные представления о древнерусском искусстве, как западных, так и отечественных ученых, почерпавших свои сведения из отзывов иностранцев о национальном русском искусстве. Так, например, в общераспространенном труде Карла Шназе «История Образовательных Искусств», сделавшемся классическим в известное время во всей Европе, равно как и у нас в России, и переведенном на русский

язык, отзыв о русском искусстве стремится вызвать прямо враждебное недоверие и боязнь к России. Здесь мы видим и первобытную дикость народов, и неспособность к восприятию христианских понятий, и необозримые степи и болота, и трескучий мороз, и полярные ночи без рассвета, и титаническую борьбу с суровой природой и с дикими зверями, одним словом, все зверское, дикое и безотрадное, сгруппированное вместе, чтобы дать следующую характеристику нравов — «отсюда смесь как бы противоречивых качеств: склонность к покойному досугу и к возбуждающим чувственным удовольствиям, способность к механической работе при недостатке собственных идей и возвышенных порывов, почти сентиментальная мягкость чувств при грубой бесчувственности, колебание между благодушием и суровостью, между раболепием и патриархальным чувством равенства»...

«Русские города кажутся Шназе безобразною смесью куполов и башен, и русская архитектура хуже магометанской. Архитектурные здания отличаются своею пышностью, пестротой, произволом и влиянием чуждых форм и воззрений; церковные образа ужасают своею мрачностью, они боязливо придерживаются первобытного предания, в силу деспотизма князей, которые приказали писать иконы так, как писал их монах XIV века Андрей Рублев. В русском искусстве не нашло себе соответствующей формы глубокое настроение духа, проникающее всю жизнь и запечатленное чувством Божества. Божество является русскому в чувственных, ужасающих формах. В Новгороде на одном изображении читалось: «смотри, как ужасен Господь твой», этим вполне выражается чувство этого народа».

«Такие же превратные суждения о русской культуре и искусстве высказывают ученые Куглер и Эрнст Ферстер. К этому наш замечательный Буслаев справедливо замечает:

«Я вовсе не имел бесполезного намерения доказывать общеизвестную истину, что иностранцы нас мало знают, но полагал, что принять к соображению эти мнения будет не бесполезно, для того, чтобы по достоинству оценить их отголоски в нашем отечестве и вместе с тем возвратить их кому следует по принадлежности».

Только подумайте, что всего двадцать лет тому назад профессор Айналов справедливо мог начать свой курс истории искусств, как сказано выше, Поистине, несмотря

на все происшедшее с тех пор, мы, русские, все же должны сказать, что История искусств наших все еще не написана.

История искусств Гнедича, История русского искусства Никольского, История русской живописи Бенуа, множество отдельных хороших статей по разным предметам искусства, наконец, неоконченный труд по истории русского искусства под редакцией Грабаря — все это представляет отдельные части летописи русского Искусства, все еще не сведенной в целое.

Все еще в разных странах мира появляются самые странные суждения о русском Искусстве и о русской Культуре. Правда, становятся известными, как отдельные течения Искусства, так и отдельные личности, но все это остается и разрозненным, а главное, недоступно разрозненным. В результате же и посейчас можно видеть хаотические и вредно превратные суждения.

Что бы ни происходило в мире, какие бы ни наступали потрясения, но летопись Культуры должна протекать непрерывно. Истинные ценности человечества должны быть не только охранены, они должны быть рассказаны со всею справедливостью и обоснованностью. Ведь не нуждаемся в легковесных восторгах и не заслуживаем несправедливого, несновательного оплевания. Каждое приближение к русскому Искусству, начиная от его древнейших периодов, для внимательного исследователя даст необыкновенно разнообразный и увлекательный материал.

Об искусстве ли думать?! Да, да, именно об Искусстве и Культуре нужно думать во все времена жизни, и в самые тяжкие. Во всех условиях нужно хранить то, чем жив дух человеческий. Для того же, чтобы хранить, нужно знать это сокровище, а для знания нужно изучать.

Ведь о блистательном творчестве, о вдохновенных творениях нужно, при основательных знаниях, найти и увлекательный, достойный этих сокровищ язык. Летопись искусства не будет только археологическим изданием, так же как не будет поверхностным восхвалением или самочинным оплеванием. Знание такой летописи должно быть стройным, возвышенным, так как и самый предмет его, в основе своей, является предметом священным, вдохновляющим, возвышающим.

Как бы ни была трудна и сложна такая задача, но все же достоинство народа требует, чтобы всякая преднамеренная несправедливость была заменена основательным утверждением. Разве справедливо, что и Культура,

многогранная и увлекательная, творчество шестой части мира, не рассказана во всем своем синтезе? На пятистах языках создавалось это творчество. Самые лучшие увлекательные образы древности вносились в него и усваивались в этом богатейшем конгломерате. Там, где есть что рассказать во имя справедливости, там оно должно быть сделано, несмотря на все кажущиеся трудности. Молодые исследователи искусства найдут в себе прекрасные слова и заключения, чтоб свести воедино сокровище, которым обладает великая страна.

Надобность такой справедливой летописи искусства, во всем его многообразии, становится очевидною перед лицом всего мира. Если же что-либо становится настолько очевидным, то найдутся и средства к исполнению этой огромной задачи. Пусть еще одно благожелательное, справедливое исследование — истинная летопись — осветит в глазах всего мира Искусство русское.

5 июня 1935 г.

ДОВЕРИЕ

Письмо Ваше говорит о доверии. Вы справедливо спрашиваете, как же, наконец, объяснить всем, всем, всем неотложную нужность доверия.

Вы понимаете, как доверие необходимо на всех созвучных путях. «Без согласия дом не строится», а согласие уже есть доверие. Если трудник в сердце своем знает о сотруднике, что тот делает именно так, как надо, — это уже и будет знаком доверия.

Такое понятие, как доверие, нельзя выразить никакими наставлениями, а тем более указаниями. Его надо почувствовать. Или оно имеется налицо, или его нет. Если оно не зародилось, то ничем и никак вы его не постройте. Всякое чувство строится на очень прочном сердечном фундаменте. Если фундамент не сложился, то вся постройка будет на сыпучем песке и не принесет ничего, кроме огорчения.

Доверие настолько есть чувство, что оно не нуждается в очевидности. Можно восчувствовать доверие к чему-то или кому-то, никогда и не видев этого дела или это лицо. В своих обстоятельствах доверие похоже на убедительность. Совершенно так же убедительность является как высшее видение, как непреложность. В ней есть и вера, и сознание настоящей реальности. Те же самые обстоятельства непременно нужны при образовании доверия.

Элементы доверия настолько благотворны, что без них действительно нельзя себе представить никакую постройку, будь она земная или духовная. Доверие будет прочным цементом всякого духовного строительства.

Вы и сотрудники Ваши совершенно правы, озабочиваясь, как естественнее всего взаимно пребывать в доверии. Ведь можно вместе читать книги, можно вместе слушать лекции, можно обоюднo доброжелательствовать и все же не быть твердо уверенным в обоюдном доверии. Проверять доверие следует на всяких жизненных вопросах. Каждый должен спросить себя, может ли он совершенно быть спокойным за своего сотрудника так же, как за самого себя?

Сказано: «Не желай другому того, чего себе не желаешь». В полной мере это положение применимо в рассуждении о доверии. Так же точно сотрудники должны быть

обоюдно спокойными, поручая друг другу какое-либо добротворчество.

Если где-то зашевелится подозрение о том, сможет ли сотрудник выполнить поручение во всем высоком качестве, то это уже покажет, что доверия или нет, или оно очень призрачно. Конечно, нужно думать о доверии. В этих мыслях уже будет утверждаться возможность зарождения доверия. Когда вы будете знать, и знать неотступно, насколько непременно нужно доверие при каждом общении, то вы и будете анализировать свои чувства и мысленно обострите их в благою сторону.

Когда говорим про анализ чувств, мы не будем предполагать какое-то обдуманное мучительство чувств. Всякое такое насильствие уже будет уродством — безобразием. Анализ чувств может быть лишь в утверждении их и в обнаружении их зачатков. Одно — обнаружить зачаток, а другое — насильствовать и искривлять его.

Мы столько раз обменивались с Вами соображениями о значении и о силе мысли. Вот эту силу мысли и нужно обнаружить при Вашем благом устремлении к укреплению доверия. Не ищите его лично и в самости. Пусть оно цветет на непреложных фактах. Доверие не может расцветать на пустом месте и о пустом месте. Для него нужна действительность, не предполагаемая, но доказанно осязаемая.

Иногда люди скажут: «Тут что-то есть таинственное». Это еще не будет осуждение. В просторечии таинственность является синонимом силы и убедительности. Иначе говоря, люди хотят сказать: «В этом что-то есть». Французы очень хорошо умеют характеризовать это нечто несказуемое, но действующее и существующее. Упоминаю о довольно излюбленном в обиходе слове «таинственность», как о примере, что некоторые своеобразные определения не противоречат понятию доверия. Также, если люди скажут: «Тут что-то неспроста» — это тоже будет своеобразным признанием.

Не однажды в литературе говорилось об обезьяньих ласках. Подобно же можно выразиться по всяких своеобразных определительных, которыми люди иногда хотят выразить ощущение чего-то особенного. Ведь все неособенное у тех же людей не заслужит ни внимания, ни доверия.

Могут быть восстания против всего особенного. В страхе и в ужасе невежества кто-то захочет, чтобы все сущее стало бы неособенным, забывая, что тем самым он вы-

черкнул бы из бытия и возможности всех блестящих открытий, которыми сам же он так любит пользоваться. Какие-то изуверы в разных областях могут вопиать против всего особенного, иначе говоря, — против всего, чего они не знают. Но это будут лишь пароксизмы невежества. Все же находящееся на путях культуры отлично понимает, что неособенное есть смерть и тление, а особенное есть жизнь и преуспеяние. А разве сама жизнь, в ее несказуемой тайне, не есть высшая особенность?!

В построении доверия вы проявите высшую меру доброжелательства. Помыслите в таком доброжелательстве, которое называется оптимизмом. Ведь границы между этими понятиями совсем неприметны. Сад прекрасный, рассадник доверия, будет прежде всего цветником оптимизма. Пусть себе кто-то ухмыляется. Можно привести из Пушкина, Гоголя, из Чехова многие примеры, когда в убедительных словах говорится о необходимости доверия и справедливости.

Прочно возвращенное доверие будет справедливо. Ошибки могут быть лишь там, где была какая-то неосмотрительность и небрежность. Дом, построенный крепко, и будет прочным, и будет служить надолго. Радостно, что Вы мыслите о том, что является прочным цементом для строения человечества.

11 июня 1935 г.

ЖЕЛАННЫЙ ТРУД

Часто обсуждается, насколько желанность труда повышает продуктивность и качество. Все согласны на том, что это условие труда намного улучшает все следствия работы. Но бывает лишь разногласие в процентности отношения. Некоторые думают, что следствия улучшаются на двадцать и тридцать процентов, а другие допускают даже эти улучшения до семидесяти процентов.

Допускающие такой большой процент качества и продуктивности желанного труда не ошибаются. Даже нельзя и сравнить произведение, сделанное под насилием, с тем прекрасным результатом, который достигается при сердечном вдохновении. То же самое сказывается решительно во всех делах. Будет ли это творчество искусства или будет ли это так называемая каждодневность, основа желанности будет всюду светлым знаменем победы.

Нередко каждому приходилось встречаться с особым типом людей, во всем как бы играющих на понижение. Подобно биржевым спекулянтам на понижение, такие люди во всем решительно найдут и будут упорствовать на чем-то понижающем. Обычно они сами себе причиняют огромный и непоправимый вред и тем не менее все же будут решительно на все кисло улыбаться и находить лишь дефекты. Исправлять эти дефекты они не заботятся, ибо в них самих не будет радости создания, и желанность всякого труда будет им незнакома.

Также каждый встречался и с типами поденщиков, стремящихся к безответственности. И это свойство является вследствие того же отсутствия желанности труда. Говорю о труде желанном и не смешиваю его, в данном случае, с трудом любимым. Любить труд любимый совсем не трудно. Не в том дело. Каждому в жизни приходится встречаться со всевозможными обязательствами, в выполнении которых он должен приложить труд. Иногда этот труд будет протекать в совершенно неожиданной области. Придется спешно познавать, придется проявить доброжелательную находчивость. Достигнуть этого можно лишь, если в сердце не потухла желанность труда как такового.

Помню давнишний рассказ о том, как некто начал вы-

говаривать себе количество праздников. Собеседник пошел ему навстречу и начал предлагать ему новые и новые праздничные сроки. Наконец, сам любитель праздников начал смущаться длиннотою списка, а когда подсчитал, то оказалось их в году 366. Тогда весь этот вопрос упал сам собою. Праздник и должен быть. Праздник и есть в желанности труда. Если каждый труд осознается как благо для человечества, значит, он и будет тем самым желанным праздником духа.

Марафон качества, марафон устремленности, спешности, производительности — все это прекрасные марафоны. В них-то и испытывается качество духа. Конечно, в каждом существе есть зерно духа, но состояние и качество их различны. Так же точно, как нельзя оставаться недвижимым в космическом движении, так же точно и состояние духа должно безостановочно изменяться. Пожелаем лишь и всем, и себе прежде всего, чтобы чаша духа не расплескалась. Чтобы тяжкие капли хаоса не испепелили ценную, накопленную влагу чаши.

Вот говорят о засухах. Но где эти засухи? Разве только на земной поверхности? Говорят о пятнах на солнце. Только ли на солнце эти пятна? Запятнать все можно. Лучшим очищением этих пятен все-таки останется желанность труда. Эта желанность не выразится в физических мерах. Огненно она осветит все потемки и даст ту светлую улыбку, с которою нужно встретить грядущее.

17 июня 1935 г.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Сообщают, что общеизвестное изображение «всевидящее око», так знакомое с древнейших времен в храмах византийских и православных, ныне признано масонским изображением. При этом такая ересь твердится людьми, которые, казалось бы, должны знать историю церкви и древнейших церковных символов. Неужели же история настолько мало изучается, что всякое преднамеренно злоумышленное лганье простодушно воспринимается. Ведь это было бы более чем прискорбно!

С другой стороны, слышно, что археология негодная наука, ибо среди исследований древних памятников происходят и исследования древних погребений. Эта версия тоже наводит на самые печальные размышления. Точно человеческое сознание никуда не продвинулось и проживает во тьме средневековья!

Но ведь даже в средних веках уже начиналась изучаться анатомия. Конечно, с точки зрения свирепой инквизиции такое изучение нередко приравнивалось к колдовству. Между тем если мы попробуем стать на точку осуждения древнейших церковных символов, на точку отрицания полезности наук, то ведь такое положение вещей далеко превзойдет самую неистовую инквизицию.

Ведь таким порядком можно признать вслед за отрицанием изучения анатомии вообще вредность медицины. Можно вновь вернуться к тем темным временам, когда первый паровоз назывался в народе дьявольским конем, а безобидный картофель в ужасе назывался чертовым яблоком. На это могут возразить, что все подобные произмышления сейчас могут быть уместны лишь на Сандвичевых островах или в глубинах Африки. Но жизнь показывает совсем другое. Увы, мы встречаемся и сейчас с этими воззрениями.

Правда, каждодневно делаются блестящие открытия, за которые в средних веках полагался бы костер или, по меньшей мере, пытка. Но тоже правда, что чисто средневековые, злые предрассудки и невежество не только существуют, но, подобно ехиднам, они ползают и заражают темным ядом все на пути своем.

При этом следует обратить внимание, что всякие суеверные смущения даже не высказываются в виде вопроса;

просто они предлагаются как законченное мнение. Темные заключения утверждаются. Слов нет подумать, что в настоящее время, у нас на глазах, могут еще произрастать такие вреднейшие семена! Многим, кому не пришлось в жизни встретиться с такою тьмою, покажется, что эти остатки средневековья если и имеются, то они весьма незначительны и в бессмыслии своем могут остаться в пренебрежении.

Такое мнение, к сожалению, было бы ошибочным. Оно равнялось бы тому, что, увидя опасную заразу или зачаток бешенства, кто-то предложил бы не обращать на это никакого внимания. Мы не Кассандра и не пессимисты, но во имя профилактики нельзя молчать там, где обнаруживается несомненная, злоумышленная зараза.

В тех же средних веках существовали многие способы избавляться от врагов или от нежелательных соседей. Подбрасывались ядовитые змеи, дарились кольца со влитым внутрь ядом. Преподносились сладкие пироги, пропитанные бесцветными и безвкусными ядами. За здоровье подавался отравленный кубок вина. Много историй об отравленных перчатках, платьях и о всяких злоухищрениях. И это не выдумки. В истории много несомненных подтверждающих фактов. Отравления практиковались даже в самом недалеком прошлом, а хитроумные кольца и кинжалы со вместилищами яда каждый мог видеть в собраниях и музеях.

Поминая о музеях, нельзя не заметить, что еще недавно происходили дискуссии о том, нужны ли вообще музеи и нужно ли вообще охранять культуру? Вы скажете, что таких музееборцев и культуроборцев меньшинство, ведь и зубы сейчас вымирают, как пережиток. Пусть будет по-вашему — сеятелей тьмы меньшинство, но это меньшинство настолько сплочено, настолько агрессивно и настолько не стесняется способами действий, что их деятельность дает самые ужасные результаты. Ведь много людей почему-либо раньше не подумают о Культуре, о музеях, о значении научных исследований, и когда им в грубой настойчивой форме преподносится неистовое невежество, они могут, по слабости характера, поддаться первому впечатлению.

Вы также знаете, как много значит первое впечатление и как неизгладимо оставляет оно свой след в сознании. Такое зараженное сознание хотя бы и приняло все меры впоследствии для извлечения вредных корней,

но ведь даже зубной врач вам скажет, как трудно бывает иногда удалить гнилые корни. Тем труднее производится та же операция в пределах психических. Вследствие таких заражений сколько штатаний, сколько смущений порождается в мире, а из них произрастает множество труднопоправимых несчастий.

Там, где какое-то смущение произносится в форме вопроса, там еще опасность не окончательная. Значит, у вопрошателя еще не созрела непроломимая корка вокруг этого вопроса. Значит, зерно еще может принять любую форму. Но когда вместо вопроса вам преподносится утверждение, сложившееся мнение, тогда и всякие возможности обсуждений отпадают. Каждый из нас рад всяким вопросам, но если будет преподнесено непоколебимое антикультурное мнение, то этим будет выедена и возможность сотрудничества.

Существует рассказ о том, как два путника заметили совершенный невдалеке поджог. При этом один хотел, несмотря на позднее время, поднять тревогу и прервать путь свой, но другой сказал: «Какое нам дело, к тому же, быть может, дом и не загорится, ведь погода довольно сырая». Всякий осудит по справедливости второй эгоистический совет. Если кто-то заметит поджог, то он не может в самости продолжать путь свой и не предупредить своего брата.

Если же замечаются признаки еще не изжитого темного средневековья, то нельзя найти предлога, чтобы не обратить на них общественного внимания. Сколько отговорок, наверно, найдется. Кто-то скажет: «Да ведь это просто так сболтнулось», или: «Да ведь это была шутка». Может быть, в свое время и Каракалла шутя жалел, что у человечества не одна голова, чтобы отрубить ее сразу. Если это была шутка, то, во всяком случае, шутка очень дурного тона, непозволительная. В особенности же теперь, когда люди знают о мощи мысли, о значении внушения, — не могут быть допускаемы такие средневековые и древние произмышления, оставляющие по себе ужасный след.

Пусть все друзья Культуры, на всех путях своих, пребывают на несменном дозоре, чтобы ничто для Культуры оскорбительное не было бы произнесено и утверждаемо в жизни. Пусть не думают, что шутки и злоречия достойны лишь пренебрежения. Тьма должна быть рассеиваема беспощадно, с оружием Света и в правой, и в левой руке.

А с левой стороны находится и сердце, которое подскажет наилучшее во все времена.

Средневековье было, но оно миновало. Недаром этот период постоянно называется темным средневековьем. Пребывать в нем человечество не могло; и лучшие умы слагали времена расцвета, эпохи Возрождения.

20 июня 1935 г.

СЕЯТЕЛИ

Среди пустынных нагорий Монголии, где уже не видно ни единого дерева, каким-то чудом остался вяз, по туркестанскому — карагач. Сохранился ли он потому, что притаился в овраге, оживила ли его ближняя дождевая промоинка, но он уцелел. Какие-то злые люди отпилили и обломали некоторые ветки, но все же не дерзнули свалить все дерево. Даже у жестоких людей иногда не подымается рука сделать нечто непоправимое.

Не только уцелел вяз, как напоминание о бывших здесь лесах, но и занялся полезной деятельностью — разбросать и засеять окружающие его склоны молодыми отпрысками. Среди присов, востреца, дерасуна темнеют многие кустики вязовые. Если не произойдет здесь обвала или не пройдет жестокосердная рука истребителя, то в будущем окажется целая вязовая роща. Так неустанно трудится дерево, стремясь и в опустошенной почве опять создать жизнь.

По окрестностям можно находить пни и корни бывшего леса. Конечно, не природа, но людская невежественная жестокость расправилась с этими охранителями жизни. Пусть деревья не надобны после известной высоты, когда их жизнедеятельность уже планомерно заменяется качеством праны горной. Но ниже этих вершин пусть не поднимается жестокая рука, искоренившая всякую жизнь. Пусть навсегда укрепится сознание о всех жизнедеятелях и жизнехранителях.

Вы пишете, что времени не хватает отвечать на всю разнообразную корреспонденцию. Пишете, что двух рук мало для того, чтобы переделать все, что надлежит, в течение дня. Вспомните об этом вязе, который устоял среди всевозможных опасностей и, несмотря ни на что, продолжает благое дело сеятеля. Глядя на спиленные и обломанные нижние ветви, можно представить себе, сколько раз злонамеренная рука подбиралась к дереву, чтобы или искоренить его, или, по крайней мере, повредить.

Но все-таки вместо уничтожения произошел посев целой вязовой поросли. Если дерево может, несмотря ни на что, продолжать благотворную работу, то тем более люди не могут быть разочарованы и отпугнуты всякими безобразными личинами. Очень рад слышать, что у Вас

времени мало. Когда времени мало, оно становится ценным, и, поверьте, его хватает на все. Много времени лишь у ничего не делающих.

Если бы каждый из нас, хотя бы на час, почувствовал, что ему делать нечего и мыслить не о чем, то ведь это уже был бы час умирания. В делании, в творении, в работе мысли Вы и остаетесь молодыми, и Вас хватит на все полезное. Также представьте себе, что каким-то способом Вы были бы лишены возможности постоянного делания, ведь Вы не могли бы далее существовать вообще. Труд, живой и ведущий к жизни, отошел бы — вот было бы истинное несчастье! Организм, уже устремившийся к труду, немедленно разложился бы под смрадным дуновением безделья.

Труд, постоянное делание, творение, есть лучшее тоническое лекарство. В этой панацее не будет включено никаких наркотиков, не потребуется никакого опьянения, но здравая, ясная радость будет источником долгой, плодотворной жизни.

Может быть, кто-то, если скажете ему о Вашей занятости, пожалует Вас. Такое жаление будет лишь по неведению. Именно будем всегда радоваться каждому делателю, каждому творцу, каждому сеятелю. Даже если пахарь и сеятель возбудят чье-то соревнование и завистливое негодование, то это будет только еще одним стимулом полезного труда. Марафон творчества! Марафон труда!

Вы пишете, что люди удивляются, как многое сделано в краткий срок. Скажите им, что это происходит потому, что требуется очень мало времени скушать Ваши две морковки (как Вы говорите) и вместо бездействия опять погрузиться в радостную для Вас работу. Без нее Вы и не могли бы жить.

Всякая просветительная работа прежде всего должна быть радостной. Если на одном секторе деятельности заметятся какие-то временные препятствия, то Вы знаете, что во всем круте работы всяких секторов великое множество. Потому не пойте «На реках Вавилонских», не от сидений, но от бодрой, неизбывной, творческой работы.

Хотя Вам, как Вы пишете, и трудно успеть ответить на все разнородные письма, но все же найдите в себе бодрость не оставить этих пишущих в неведении и не создать впечатления отчужденности. Мог бы Вам привести многие примеры, как именно чрезвычайно занятые люди всегда

немедленно отвечали на письма. Они и не могли запускать это, ибо иначе плотины прорвались бы от накопившихся застоев. Вспоминая о железной дисциплине работы, приведем себе на память хотя бы Бальзака или тех обильных творцов литературы, которые находили время решительно на все. Не забудем, что Ришелье, среди множайших трудов, писал целые драмы. Вспомним, чего только не успевал сделать Ломоносов! Да мало ли таких примеров.

Пусть навсегда останутся отличием наших культурных учреждений любовь к труду, стремление к постоянному деланию, желание полезных посевов. Пусть во всем будет избегнута формальность и поденщина. Все, от мала до велика, одинаковые трудники, и трудятся не за страх, а за совесть, или, вернее, за радость. Ведь если кто не познал эту радость, значит, он еще не подумал о том, что есть просвещение во всех областях, на всех полях, во всех возможностях.

Буду рад слышать, что Вы по-прежнему завалены перепискою, что времени у Вас не хватает на все, что хотелось бы Вам сделать. В этом неукротимом желании делания будут Ваши сила и молодость.

СТРОИТЕЛЬ

Может ли сеятель наверное знать, как уродится его посев? Налетит ли град? Достанет ли коней, чтобы вывезти данную жатву? Сеятель может лишь предполагать, но знать ему не дано. Бодрость и настойчивость даны ему в проведении каждой новой борозды пашни. Знает сеятель сроки посева и спешит не упустить их, даже в одном лишь предположении.

Строители чудных храмов, твердынь не знали, будет ли им дано завершить их. Но все-таки твердо, уверенно полагали они их основание и возводили, пока хватало сил и возможностей. Иногда лишь в веках завершалось строение, но зачинатели новых основ не огорчались этим и не остывали в своем строительном рвении.

Созидание есть молитва сердца. Посев есть потребность духа. Если усумниться и заранее огорчиться всеми опасностями, возможными для будущего урожая, то ведь это будет не жизнь, но горчайшее непотребство. Если сломит дух невероятием завершения строения, то ведь это будет отступление в одичание.

Писатель вдохновляет неведомых ему читателей. Певец слагает свои зовущие лады для незнаемого ему слушателя. Творец шлет свои достижения на потребу и радость мира. Для себя или для мира поет птица? Не сможет не петь она каждое утро. Не боясь хищника, свивает в сужденный срок птица гнездо свое.

Строитель должен созидать. Он не может жить без строительства. Созидание есть его песнь, его молитва, его труд сладчайший. Строитель слагает основание твердынь, и храмов, и хранилищ, не ослабляя себя мыслью, кто и когда завершит кровлю здания? Строитель не упустит сроков начала, зная о росте зерна.

Разве остановит строителя неуверенность в средствах для кровли? Зерно растет, и с ним растет все окружающее. Корабль не знает всех возникающих по пути его вихрей и тем не менее вовремя распускает потребные паруса. Если мы просмотрим историю всяких строений, то именно поразимся, как возможности нарождались вместе с возведением стен и башен.

И творцу, и кормчему, и строителю незнакома боязнь. Не окрепнут основы в страхе и трепете. Семя мало, но

уже имеет в себе весь запас роста, и цветения, и благоухания. Семя даст и следующие семена. Сеятель не боится сеять; строитель не страшится созидать, лишь бы сердце знало неотложную нужность пашни и строения.

Для всякого начала нужно малое семя. Учить можно и в очень малом доме. Творить можно и в тесном углу. Охранять можно и в самом скромном доспехе. В каждом стремлении к созиданию будет искание и жажда нового совершенствования. В этих поисках — обнова жизни. Ее крепость слагается неудержным стремлением к достижению. Конечно, достижения эти и целесообразны, и соизмеримы.

Не будут прочными так называемые вавилонские башни, которые имеют причину свою лишь в том, чтобы превзойти. Истинный строитель стремится к совершенствованию, но ему чужда мысль о том, чтобы лишь превзойти что-то. Истинный строитель прежде всего и соизмеряет, чтобы создания его пребывали в пропорциях нужных и своею гармонией лишь увеличивали бы созвучия эпохи. Строитель понимает, что такое эволюция и вечное спиральное движение в своей беспредельности и непрестанности.

Всякое несоизмеримое уродство будет противно строителю. Чувство гармонии, соизмеримости является отличительным качеством истинного строителя. Нельзя обучить человека этим врожденным созидательным пропорциям и предвидениям. Если эти качества уже заложены — их можно разбудить. Сон качеств нарушается самыми неожиданными способами, иногда совершенно негаданными и нереченными. Мудрые собеседования, поиски расширенных горизонтов, искусство мышления могут разбудить, в тайне сохраненные, созидательные потребности. Всеми доступными средствами нужно вскрывать эти тайники, сокровища которых могут приносить человечеству истинную пользу.

Так же точно нужно развивать в себе и сознание, насколько прочное древо вырастет всегда из зерна малого. Сколько раз пытались сажать в землю уже взрослые, большие деревья, и почти никогда эти несоизмеренные посадки не давали прочных последствий. Но чтобы осознать целесообразность посадки из зерна, — нужно мысленно понять и полюбить всю чудодейственную зерновую мощь.

Наблюдение и расследование зерен вызовет необычайное размышление. Даже доподлинно зная, какие гиганты

вырастают из мельчайшего зерна, ум человеческий всегда запинается об это чудо. Как это возможно, чтобы в мельчайшей оболочке уже сохранились все формы будущего строения, все его целебные и питательные свойства? Строитель должен думать над этими зернами, из которых так мощно и целесообразно вырастает все последующее древо на многие века.

Нельзя откладывать строителю его строительные мысли, пока механически соберутся все средства выполнения. Нужно помнить, что средства растут вместе с процессом созидания. Если средства как бы иссякают до окончания строения, это лишь значит, что где-то новые запасы уже выросли, уже сложены, и надо их лишь усмотреть.

Дело строителя должно быть делом веселым. В сердце своем он знает здание свое законченным. Чем полнее и глубже сознает строитель это завершение, тем радостнее путь. В существе своем строитель уже не может быть эгоистом, ибо ведь не для себя же он строит! Строитель прежде всего понимает смысл образовательного движения, и потому в мышлении своем он не может быть недвижимым.

Каждая недвижность уже есть смерть, уже есть предвестник разложения и распада. Так же точно каждое созидание есть предвестник жизни. Потому-то при каждом решении строителя возникает прилив новой энергии. То, что казалось непереносимым вчера, становится легким, когда утвердится мысленно надобность нового построения. Поистине в каждом новом построении выявляется прекрасное.

Разнообразны строители. Касаются они всех земных пределов. Пусть это творческое разнообразие хранится, ибо и в самом великом творчестве прежде всего несчетное разнообразие. Везде, где есть хотя бы зачаток строительства, там уже будут оживляться пустыни. Помимо всех материальных пустынь, самыми грозными остаются пустыни духа. Но каждый строитель уже будет оживителем этих самых грозных пустынь.

Да живет строение прекрасное.

3 июля 1935 г.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Очень рад слышать, как Вы сердечно отозвались на мои соображения об истинной летописи русского искусства. Как-то Вы говорили мне, что в некоторых моих статьях Вы как бы читаете свои собственные мысли. То же самое я могу сказать и о некоторых Ваших очерках, которые не только мне близки в духе, но и в образной форме изложения. Не могу не выписать из Вашего последнего письма мысли, которые мне так близки.

«Как-то на днях ехал я на авто по Мостовой к Китайской. Смотрю, идет одна пара, муж и жена. Я посмотрел на них и вылез на углу Китайской, обогнал их. И когда я вылез, то подумал:

— Вот теперь я знаю будущее: сейчас выйдет из толпы неизвестных мне людей эта самая пара. И действительно, эта пара вышла. Значит, та идея, которую я имел на углу Китайской и Мостовой, что я их увижу — реализовалась. Пустой случай, но ясно мне показал, что идея, т. е. по-гречески образ, есть то, что будет. С этой точки зрения чрезвычайно глубокомысленны писания Блока — он видел то, что будет».

Это правда, но обычной публике очень трудно это уловить, как было трудно Лейбницу опознать, что в теле кроме протяженности, есть еще сила. Ведь если бы сущностью тела была только протяженность, то каждый бумажный мешок был бы камнем. А камень ведь что-то отличное от мешка. И тем не менее Декарт и прочие учили, что сущность тела — протяжение; как трудно было им оторваться от привычной схемы. И так везде — мысль очень трудна.

Зато художники — мыслящие в образах — знают эту идею отлично; образ — вообще начало знания и поэтому можно историю культуры России изложить в великодушных образах, в которых она, в сущности, и проходила в истории искусства.

Вот примерно те мысли, которые меня сжигают очень давно и о которых я вспомнил, прочтя Ваше письмо от 6 июня. Жизнь идет, воплощая идеи, а идеи ведут ее. Возможно, что идея идей по-платоновски и есть добро, которое воплощается в жизни. Но в русском так называемом интеллигентном сознании, которое лежит в области

мышления дискурсивного, разорванного, атомизирующего, — образ считается чем-то чуждым. Вот почему русская интеллигенция дореволюционного типа оторвана от народа, мыслящего образами. И народные образы — искусство, музыка, литература — великолепны.

Вот почему «Летопись русского искусства» надо сочинить так, чтобы она была в одно и то же время летописью русской истории — истории как прошлой, так и будущей. Запад утонул в своих каменных домах, в римском праве и прочем. Лишь в России звучат небывалые просторы в пространстве и во времени.

В чем мы, русские, нуждаемся? В осознании, в осознании того, что уже налично, что живет в нашей душе. А то мы «и у хлеба, да без хлеба».

Именно нужно мыслить об обновлении. Где бы ни находиться, но всюду следует объединяться в мыслях о обновлении, о лучшем. Такие мысли, единовременные в разных частях света, создают мощную атмосферу. Лишь бы только не было мыслей взаимопоедающих. Но там, где сердце действительно устремлено к благу, там не может быть гнусного взаимопоедания.

Обновление есть естественная эволюция. Или произойдет загнивание, или расцветет возрождение. Если мы знаем, то не может быть стояния на одном месте, то каждая мысль об обновлении уже будет строительным камнем будущего. Конечно, летопись искусства, летопись творчества будет летописью культуры. Иначе и быть не может, ибо творчество является выражением смысла жизни.

В возродительных мыслях не будем обременять друг друга какою-либо настойчивостью и преднамеренностью. Мыслящий о естественном обновлении знает все условия, могущие привести к такому возрождению. Естественные условия блага в сущности своей единообразны. Потому не может быть нелепых, неосновательных, беспричинных расхождений там, где говорится об единой основе.

Могут чуждаться друг друга те, которым не ясна единая, вседвигающая основа совершенствования. Люди, не чувствующие этой основы, никогда не поймут, что летопись творчества, иначе говоря, летопись культуры должна быть помышляема во все времена. Нельзя думать, что такие летописи будут слагаться лишь в полном благополучии, тем более что и само понятие «благополучие» очень условно.

Отображение культуры есть отложение в сокровищницу, есть священное свидетельство об истинных достижениях человечества. Потому-то эти мысли должны быть ценимы всегда, во всех положениях. Тогда же, когда они появляются среди особо трудных условий, тогда они особенно ценны. Впрочем, кто знает, почему каждому вручен дозор на том или ином месте. По человечеству можем предполагать, что было бы лучше не здесь, а там. А может быть, именно стража доверена здесь. Потому в полной готовности примем этот дозор, в сердце своем направляясь к желанным обновлениям.

Не будем думать, что положенное на сердце уже будет далеко от выполнения. Если не спящимся. Если проявим во всем мужество. Если, несмотря на всевозможных иуд и пилатов, добро и польза будут непререкаемы, то произрастет в жизни и все в сердце сокровенное. Ведь если мы мыслим о творчестве, значит, уже мы прилагаем мысль к самому жизненному. А такое жизнедарственное двинет и пути осуществления. Из того, что, может быть, сию минуту мы не знаем, где и как вырастет летопись русской культуры, это не значит, что мы не должны сосредоточиваться на этой мысли. Наоборот, мы должны и в себе, и в содружествах, и в сотрудничествах, и во всем мире находить к тому пути наилучшие.

И в пустынных просторах, и в пустынной тесноте города, и в песчаной буре, и в наводнении, и в грозе и молнии будем держать на сердце мысль, подлежащую осуществлению, — о летописи русского искусства, о летописи русской культуры в образах всенародных, прекрасных и достоверных.

14 июля 1935 г.

ОТКРЫТЫЕ ВРАТА

«Прошлое — ничто перед будущим». Не раз приходилось так усовещивать тех, кто сомневался в будущем и горевал лишь о прошлом.

«Из древних, чудесных камней сложите ступени грядущего». И так много раз писалось для тех, которые не хотели оценить сокровищ, накопленных в прошлом.

Странны такие противоположения. Кто обернут лишь к прошлому, а кто только смотрит на будущее. Почему же не мыслится синтез, связывающий одну вечную нить знания? Ведь и прошлое, и будущее не только не исключают друг друга, но наоборот, лишь взаимоукрепляют. Как не оценить и не восхититься достижениями давних культур! Чудесные камни сохранили вдохновенный иероглиф, всегда применимый, как всегда приложима Истина.

Естественно, невозможно жить лишь в дедовском кабинете. Сам мудрый дед пошлет внуков «на людей посмотреть и себя показать». В записи о дедовском кабинете так и сказано. Уже не говоря о многих колючих и взыскательных дедах, но даже и хорошие из них не всегда ответят будущему мужественно и открыто.

Тем не менее в дедовском кабинете накопилось то, что не найти во вновь отстроенном доме. У деда сохранились и многие рукописи, которым не пришлось быть широко напечатанными. Было бы легкомысленно вдруг отказаться от всех прекрасных накоплений.

Когда-то каждое будущее станет прошлым. Пусть шлифовка алмазов будет другая, но достоинство камня сохранится. Так говорим в полном устремлении к будущему. Конечно, будущее в своей беспредельности окрыляет и вдохновляет. И вообще, разве можно не любить будущее? Разве прошлое не является чудесными воротами к тому же будущему достижению?

Перл Бэк в своей последней статье о творческом духе Китая приводит следующий эпизод: «Мой друг, который является сыном старой конфуцианской семьи и однажды сам был последователем Конфуция, но теперь горделиво объявляет себя ничем, выразился оскорбительно: именно конфуцианизм убил в нас творчество. Конфуций учил нас смотреть лишь назад, на мертвых, как на пример для

нас. Ничто не оригинально! Все, не сотворенное по старым меркам, было неправильно. Этот обычай равняться по другим внедрялся в наше мозговое вещество целыми столетиями, и потребуются другие столетия, прежде чем мы сможем сделаться самими собою». Но молодой социалист сказал: «Нет, это имперналистические императоры, которые повредили нам. Они видели путь удержать народ от мышления и заставляли умы основываться на старых классиках, как единственных средствах для продвижения, так что лучшие мозги в стране были заняты изучением мертвой литературы вместо того, чтобы думать и творить в той современности, в которой они жили». А юный экономист сказал: «В конце концов, это просто вопрос экономики. Искусство и творческий дух могут процветать лишь во времена мира и благосостояния. Теперь уже годами мы не имеем ни мира, ни изобилия, как же мы можем мыслить, чувствовать и творить?»

Все три мнения подобраны чрезвычайно характерно. И нам не раз приходилось слышать умаления древних философов, именно с упоминанием Конфуция. Но, в конце концов, который же из заветов Конфуция запрещал мыслить о совершенствовании, о будущем? Если кто-то изверски извращал смысл его указаний, то об этом можно лишь сожалеть, но не умалять великого мыслителя Конфуция.

Еще недавно так же точно нападал на Конфуция известный профессор, и невозможно было понять, чем ему самому помешал древний мудрец, ибо профессор не был ни игнорамусом, ни отрицателем по природе. Наоборот, он был знатоком и ценителем отечественной и мировой литературы. Очевидно, всюду в преходящих волнах жизни и пророки, и мудрые должны быть временно похуляемы для будущих обновленных утверждений.

Но должна же, наконец, наступить та творческая эпоха, когда знание будет лишь отворающим, но не отвращающим. Нет новшества в осуждении. Оковы осуждения принадлежат тюрьмам, как и всякие оковы. Время ценно. Энергия благословенна. Опыт почитаем. Не на осуждение тратить все эти ценности! Безумна такая растрата, когда силы так безмерно нужны для устройства и создания.

Входя под древние своды, не собираемся остаться жить под ними, но всегда помним поучительные начертания, усмотренные на старинных камнях, Знание старины убе-

режет и от излишнего самохвальства. А вдруг окажется, что когда-то что-то лучше делали или знали нечто, нами утраченное. И в катакомбах, и в пещерах не замирала, но кипела такая творческая мысль, мощи которой можно лишь поучиться. Самоотвержение, познание труда, подвиг, неустанное творение вызовет не осуждение, но благую внимательность и проникновенность.

Люди различаются на осуждающих и на творящих. Но там, где заложено творчество, даже тюремные стены не подавят его. Сколько замечательных находений и трудов сотворено именно в тюрьмах. По счастью, дух человеческий не знает тюремных затворов. В полной готовности к творчеству, во имя славного грядущего не будем умалять прошлого со всею его поучительностью. Чаще всего подобные умаления — не что иное, как прием ораторства. Но прейдя границы минутного увлечения, люди понимают, насколько неблагоразумно пренебрежение, и начинают чувствовать ценность культуры во всем ее широком понимании.

Достаточно знаем, сколько научных данных сохранено пирамидами. Также знаем и современные государственные доходы от пирамид. А ведь сколько злословий было послано их строителям. Знаем расходы по построению версальского дворца. Также знаем, что они равняются затратам по постройке одного броненосца, который через десятилетие признается устарелым, негодным и уничтожается на слом. Знаем и то, насколько Версаль является национальной гордостью Франции и дает поучительный, образовательный отдых народным массам. Знаем и Тадж Махал, и храмы Нары, и святилища Майев, и дворцы Италии. В современных министерствах туризма все эти не раз кем-то осужденные здания занимают первые места.

Можно приводить множество примеров тому, как именно доброжелательно воспринятое знание является истинными открытыми вратами. Но всякая преднамеренность и умышленное ограничение приведут лишь к постыдным умалениям, которые прежде всего не будут полезны странам в их истинном развитии. Может быть, соображение экономиста было бы ближе к делу, но и в этом случае можно привести примеры, когда лучшее творчество проявлялось в величайшей нужде и утеснении. Во всяком случае, Конфуций, сам в свое время преследуемый и мало понятый, не может быть примером запрещающего ретро-

градства. Наоборот, в его четких и жизненных мыслях можно видеть прямой путь от прошлого к будущему. А любовь и преданность будущему должна быть врожденной. Никто и ничто не может лишить человека в устремлении к светлому будущему, к открытым вратам свега.

27 июля 1935 г.

НЕРУШИМОЕ

Нужно основание твердости для каждой постройки. Во всех степенях бытия нужно то же самое сознание нерушимости. Как в повседневности, так и в самых больших построениях нужно иметь уверенность в прочности построений. Почему же так часто происходят всякие нарушения во зло, во всей своей бессмысленности? Откуда же вторгается легче всего разъедающий хаос?

Сомнение и зависть — эти два ядовитейших змея пытаются вползти всюду, где происходит какая-либо постройка. Казалось бы, люди достаточно издревле предупреждены об этих двух чудовищах. Казалось бы, всякий знает, насколько многообразно пытаются прикрыться эти исчадия тьмы. Бесконечное число раз люди слышали о всяких масках, за которыми укрывается злая тьма, посылающая всюду своих разрушительных гонцов. Да, несчетное число раз люди слышали об ужасах сомнения и зависти.

Не только в притчах и в легендах, но на самых житейских примерах было показано людям, что нельзя продвигаться, затаив за пазухой этих смердящих ехидн. Все увещания, все проповеди предупреждают о противостоянии вторжениям зла. Люди приносят самые торжественные клятвы в том, что они не устроятся, не отступят и не впадут в предательство. А затем, после произнесения самых величественных торжественных слов, помянув все Лики наивысшие, наипрекраснейшие, люди очень легко впускают в сердце свое самых злейших ехидн.

Поистине можно изумляться, насколько несоответственны бывают торжественные клятвы и утверждения, с легкостью допущенные по самым малым поводам преступнейших мыслей. Именно удивительно, насколько самые, казалось бы, малейшие поводы вводят шатающихся в самые страшные и непоправимые последствия. Казалось бы, такая несоизмеримость уже невозможна в человеческом разуме. Самый примитивный рассудок должен бы уже воспротивиться такому предательству наибольших и наилучших мыслей и творений. Если бы графически изобразить величину и значение только что произнесенных клятв и графическую ничтожность поводов к зависти и сомнению, то действительно можно быть потрясенным.

Такого несоответствия ум человеческий не дерзнет и представить себе.

Каким путем вчерашнее солнце может оказаться черным углем? Ведь для такой инволюции нужны какие-то сильнейшие отравления. Не может же крошечная зависть, ничтожное сомнение или раздражение вдруг пребороть все лучшие устремления в светлую беспредельность. Яд ехидн настолько распространяется, что зараженному мозгу уже не нужны никакие факты. Он слеп даже к самой яркой действительности. Ему нужно лишь ублаго-творить своего вновь допущенного властелина. Ему нужно произвести какое-либо грубое, поносительное действие. Ему нужно разразиться сквернословием. Ему нужно причинить хоть какой-либо ущерб добру и свету.

Если даже такое омраченное сознание где-то внутри будет подсказывать, что свет все же не нарушится, то злобное раздражение будет пытаться напрягать всю силу легких в бесплодных ухищрениях, если не задуть, то хотя бы поколебать светлое пламя. В эти мгновения темного безумия человек отступает от всякой логики. Все более или менее разумное, все примеры лучшие, все наследия самые убедительные — для одержимого лишь повод к раздражению.

Одержимый готов нанести себе самому самый тяжкий урон. Он готов подвергнуть все свое будущее величайшим опасностям, вполне заслуженным, лишь бы только про-изнести хулу и сквернословие. Допустив злейшее кощунство, одержимый пытается чем-то оправдать себя, точно бы разрушительное зло уже не приведено им в действие. Ведь этот же одержимый слышал так явственно о том, что зло сотворенное непременно должно быть изжито. Яд, сотворенный им, будет изживаться, даже в лучших случаях, с великими болями. Казалось бы, так легко понять о вредности зла и ближайших его приспешников — предательства, зависти и сомнения.

Спросите любого строителя, какие именно основы строитель-ных материалов ему нужны при постройке. Даже в этих, таких чисто материальных, житейских соображе-ниях вы увидите, насколько строитель будет искать стой-кость и ненарушимость материалов. Если на самых жи-тейских примерах видим устремления о ненарушимости, то насколько же эти основания необходимы в духовных построениях. Строить можно лишь из добрых, вполне про-тивостоящих разрушению материалов. Посмотрите на

многие примеры, когда духовные сообщества нарушались из-за таких мелочей и пустяков, о которых разумным людям и помыслить-то стыдно.

Попробуйте дознаться до корня сомнения или зависти. Вы увидите такую малюсенькую причину, которую даже в микроскоп рассмотреть трудно. Если впоследствии вы показали бы самому человеку, впавшему в одержание, эту крошечную причину, то он первый же будет всячески отрицать какую-либо возможность такой несообразности.

Какими же клятвами можно достичь духовную ненарушимость? Ни клятвами, ни угрозами, ни приказами она не будет достигнута. Лишь просветлением сердца, уже в степени ненарушимости, достигнется и прочное сотрудничество. Светлыми трудами создается нерушимая степень просветления сердца. Сердце воспитывается в трудах. Сердце познает, что есть настоящее сотрудничество. Когда же полная степень сотрудничества будет опознана, тогда уже не зашатается человек сомнением и не осквернится завистью.

Ненарушимое сотрудничество — какое это чудесное благо. Как широко оно заповедано человечеству. Какие прекрасные начертания даны, чтобы по ним соизмерить все величие ненарушимого сотрудничества и постыдную ничтожность злобных попыток. В самом трогательном образе люди напоминали друг другу о «Нерушимой Стене». В огромных размерах, самыми твердыми материалами люди пытались закрепить свидетельство о стене Нерушимой. Очевидно, нужно человечеству твердить самому себе о благе светлой нерушимости. Очевидно, человечество само чувствует, насколько бесчисленно раз оно должно повторять самому себе о действительности блага и о постыдности зла.

Но в каких, почти незримых, скверных червях ползает по миру зло? Недаром сами люди называют червем зависти, червем сомнения, червем подлости постыдное одержание, в котором попирается все лучшее и высокое. Но ведь если люди столько раз твердили друг другу о постыдности поклонения тьме и всем ее порождениям, то неужели же они будут всегда так свободно допускать в свое сердце червей мерзких.

Много говорится об эволюции. Но ведь со всякой точки зрения, от низжайшей до высочайшей, эволюция предполагает преуспевание добра. Люди знают, что препятствовать чему-то доброму уже означает сотрудничать со тьмою.

Зачем об этом опять говорится! Если говорится, то, значит, существуют к тому причины. Не просто повторяется о том, что все уже должны знать, но твердится это по причине являющейся. Задавите в себе червя скверного. Освободите сердце от губительной заразы. Все равно «Свет побеждает тьму». Все равно Добро победоносно. В добре ведомы настоящие сроки и во благе рождается соизмеримость.

Нерушимость есть условие каждого созидания.

1 сентября 1935 г.

ВРАТА В БУДУЩЕЕ

Друзья! Разбирая старые бумаги, мы нашли набросок моих мыслей о значении культурных учреждений. Перепишем для вас эту памятку, которую сохраните в архивах. Исполнилось пятидесятилетие нашей встречи для совместной работы, и вам, знаю, будет близко вспомнить об основных, изначальных мыслях о культуре.

«Впишем на щитах культурных просветительных учреждений заветы старинные, но всегда живые, ибо в них должно быть утверждено единение всех творческих сил, ведущих к преуспеянию. Скажем:

«Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство — для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата «священного источника». Свет искусства озарит бесчисленные сердца новой любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, кому оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем»...

«Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже «земные» люди поняли действительное значение красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие, мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты открывает все «священные врата». Под знаком красоты мы идем радостно. Красотою побеждаем. Красотою молимся. Красотою объединяемся. И теперь произнесем эти слова

не на снежных вершинах, но в суеде города. И, чуя путь истины, мы с улыбкою встречаем грядущее».

Именно только единением, дружелюбием и справедливым утверждением истинных ценностей можно строить во благо, в улучшение жизни. Многие исконные понятия затмились в обиходе. Люди произносят слово «музей» и остаются далеки от мысли, что музей есть музейон, по-гречески дом Муз. Обиталище всех Муз прежде всего является символом объединения. В классическом мире понятие Муз вовсе не было чем-то отвлеченным, наоборот, в нем утверждались живые основы творчества здесь — на Земле, в нашем плотном мире. Так издавна, от самых далеких веков утверждались основы единства. Все человеческие примеры ярко говорят о том, что сила в союзе, в доброжелательстве и сотрудничестве. Швейцарский лев крепко держит щит с начертанием: «В единении сила».

Когда мыслим о созидании школы Объединенных Искусств со всеми к тому образовательными предметами, мы имеем в виду именно дело живое. Всякая отвлеченность, всякая туманность и необоснованность не должны входить в созидательный план. Туманности — не для созидания. Для постройки нужен свет, чтобы в ярких лучах иметь возможность находить прочные и прекрасные материалы. Каждый труд должен быть обоснован. Цель его должна быть ясна прежде всего самому творящему, трудящемуся. Если труженик знает, что каждое его действие будет полезно человечеству, то и силы его преумножатся и сложатся в наиболее убедительном выражении. Труд всегда прекрасен. Чем больше он будет осмыслен, тем и качество его вознесется и сотворит еще большее общественное благо. В труде — благодать.

Каждая школа есть просветительное приготовление к жизненному труду. Чем больше школа вооружит ученика своего на избранном им поприще, тем она будет жизненнее, тем она станет любимее. Вместо формального холодного окончания школы ученик навсегда останется ее другом, ее верным сотрудником. Основание школ есть дело поистине священное. Примат духа заложится среди правильных, освобожденных от предрассудков оснований. Там же, где вознесется прочно примат духа во всей своей великой реальности, там произрастут лучшие цветы возрождения и утвердятся очаги, просвещенные Светом знания неугасимым.

Школа готовит к жизни. Школа не может давать толь-

ко специальные предметы, не утвердив сознание учащегося. Потому школа должна быть оборудована всевозможными полезными пособиями, избранными предметами творчества, обдуманно составленными книгохранилищами и даже кооперативами. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно в осознании современного общественного строя. От юных лет легче воспринять условия разумного обмена; легче не погрузиться в корысть, в утаивание и самость. Школьное товарищество закладывается естественно. Дети и молодежь любят, когда им поручается серьезная работа, и потому по способностям каждого должны быть открываемы широко врата будущих достижений.

Начало сотрудничества, кооперации может быть жизненно приложено и в построении самих школьных зданий, этих музейонов всех Муз. Могут ли быть общежития при школьных зданиях? Конечно, могут. Даже желательно, чтобы люди, приобщившиеся к благим задачам Культуры, могли иметь между собою возможно большее общение. Если бы в таких кооперациях пожелали находиться и вновь подошедшие, посторонние люди, то это должно быть лишь приветствовано. Приобщившийся к Культуре неминуемо должен получить тот или иной дар ее. Таким образом, строение школьное будет не только прямым светорассадником для молодежи, но и сделается широким распространителем знаний для всех желающих подойти. Ведь вне возраста вечное обучение. Познавание беспрерывно, и в этом красота беспредельная!

Все должно быть жизненно и потому должно и в плотном отношении стоять прочно. Для этого все расчеты просветительных построений должны быть сделаны с величайшей точностью. Если все города полны бесчисленными доходными домами, значит строение, даже в житейском смысле, признается доходным и верным. Если даже без культурных заданий, лишь в желании обогащения строятся дома, то, конечно, при правильном расчете будут также доходны также просветительные строения, с общежитиями, школами, музеями, книгохранилищами и кооперативами. Не от великого знания, но от инженерно-финансового расчета зависят соотношения частей таких объединений. Все примеры нашей современности говорят о том, что существуют доходные дома, богатеют издательства, процветают кооперативы, находят средства музеи и школы, существуют галереи для продажи худо-

жественных произведений, лекторы получают гонорары и даже существуют платные библиотеки, себя окупающие.

Мы сами на своем веку удостоверились, как одно дело художественных открытых писем в течение самого короткого срока давало огромные доходы. Мы видели прекрасные результаты выставок. Мы знали, как школа взносами части учащихся могла давать бесплатное обучение шести-стам немущих. Мы видели, как процветали в самый короткий срок кооперативы. Можем свидетельствовать, как самодеятельность полезных учреждений не только содержала их самих, но и позволяла широко уделять на благотворительность. Культура не может быть чем-то необоснованным, отвлеченным. Если Культура есть следствие лучших накоплений знаний, есть утверждение примата духа, есть стремление к Красоте, то она же будет утверждением и всех правильных расчетов — построений.

Всякая корысть уже некультурна, но заработок и оплата труда есть законное право. Право на жизнь, право на знание, право на достоинство личности. Будут всегда колебаться условные ценности. Неизвестно, какой металл будет признаваем наиболее драгоценным. Но ценность труда духовно-творческого во всей истории человечества оставалась сокровищем незыблемым и всемирным. Целые страны живут этими сокровищами. Всякие перевороты, в конце концов, лишь подтверждают эти ценности; люди приглашают почетных гостей на эти пиры Культуры. Учреждаются целые министерства во имя этих неизменных ценностей. Разумно люди стараются охранить и сберечь такие всемирные памятники Культуры. Красный Крест бережет здоровье, но будет знак, берегущий Культуру! Будет Лига Культуры!

Неотложно нужно, чтобы среди мировых смущений и смятений возникали твердыни, маяки Культуры. Если кто-то подумает, что и школ, и всяких просветительных учреждений уже достаточно, — он ошибается. Если бы было достаточно просвещения, то человечество не стояло бы на пороге ужасных разложений и разрушений. Все видели достаточно мрачных развалин. Каждая газета говорит о крушениях и о набухающих несчастьях. Издавна сказано, что в основе всякого ужаса и разрушения лежит невежество. Потому-то ближайшим долгом человечества есть внесение усиленного просвещения. Мир через Культуру. А кто же не стремится в сердце своем к миру, к воз-

возможности мирного и творящего труда, к претворению жизни в сад прекрасный?

И опять, никакой сад не будет цвести и благоухать, если не было над ним надзора неусыпного. Землю надо улучшить, надо выбрать лучшие сроки для посева, отобрать лучшие зерна и рассчитать лучший день сбора. Следует настаивать на правильных расчетах. Инженер, строитель знает эти расчеты, чтобы основы башен соответствовали завершению. Сердце человеческое знает и другое неперемнное основание. Оно знает, что общественность, народ должны всемерно сочувствовать культурным построениям. Если благотворительность является священной обязанностью людей, то тем более просвещение, как основание здоровых поколений всей земной эволюции, является ближайшим и священнейшим долгом каждого обитателя Земли. Культура не есть удел богатых, культура есть достояние всего народа. Решительно каждый в своей мере, в своем добром желании может и должен вносить свое зерно в общую житницу. Сотрудничество, как основа бытия, является и взаимопомощью. Если один отдел заболевает неустройством, то остальные придут ему на помощь.

Культура не выносит злоречие и злонамеренность. Зло есть грубейшая форма невежества. Зло, как тьму, надо рассеивать. Внесенный Свет уже разгоняет тьму. Каждое сотрудничество во имя Света своим существованием уже противоборствует темному хаосу. Работники Культуры в справедливости должны наблюдать, чтобы никто из приобщившихся к делу просвещения не пострадал. Отзывчиво и сердечно они должны протянуть друг другу руку истинной помощи. Опять-таки это не будет отвлеченным благожеланием, каждый кооператив предусматривает возможность и надобность такой помощи.

Мы всегда стояли за общественное начало. В свое время в России, принимая руководство обширным просветительным учреждением, я прежде всего поставил условием установление совета профессоров, облеченного правом решающего постановления. Общее дело должно и решаться общественно. Также и вся финансовая сторона находилась в руках особого комитета, составленного из испытанных финансистов. Кроме того, строжайшая ревизионная комиссия ведала всеми отчетами. Семнадцать лет работы лишь подтвердили, что общественное начало должно лежать в основе общего дела. Сейчас мне приходилось

в разных странах встречать наших бывших учащихся. По их настроению и воспоминанию вижу, что бывшее ими оценено сердечно.

Было у нас и издательство, были выставки, были лекции и беседы, были многие мастерские, в которых дети местных фабричных работников получали первые основы своей будущей работы. Была и врачебная часть. Были собеседования и консультации по разным вопросам искусства и педагогики. Был музей — всегда помню просвещенного директора-основателя Д. В. Григоровича. Помните повести его из народной жизни? Эту любовь к народу принес он и в стены хранилища искусства, внушая доступность и целебность источников красоты. Есть о чем вспомнить.

Итак, мысля о строении, вооружимся духом несломимым. Напишем на щите слова, от которых не отречемся. Будем смотреть на сотрудников, на учащихся, на всех приобщающихся, как на ближайших деятелей и друзей. Не будем огорчаться трудностями, ибо без трудностей нет и достижения. И будем всегда твердо помнить, что все труды должны быть истинно полезны человечеству. Потому и качество этих трудов должно быть высоко. Должно быть высоко и качество взаимосердечности, ибо неразделимы сердце и культура».

На том знаменательном слове кончалась моя записка. Вы знаете, как мы, основная группа сотрудников, вносили эти же основы и в построение просветительных дел в Америке. Никто не скажет, что мыслили мы о плохом, о ненужном. Основы этики и культуры всюду нужны. Без этих целительных оснований угрожает возвращение в звериность и хаос. «С оружием Света в правой и левой руке». Все это не отвлеченность, но великая основная реальность. Сегодня первый день 1936 года. Шлю вам наши старинные мысли, как основу новых нерушимых построений. Со всем мужеством в добрый путь!

Дума о Культуре есть врата в будущее.

1 января 1936 г. Урусвати

ОБОРОНА

Оборона Родины есть долг человека. Так же точно, как мы защищаем достоинство матери и отца, так же точно — в защиту Родины приносятся опыт и познания. Небрежение к Родине было бы прежде всего некультурностью.

Культура есть истинное просветленное познание. Культура есть научное и вдохновенное приближение к разрешению проблем человечества. Культура есть красота во всем ее творческом величии. Культура есть точное знание вне предрассудков и суеверий. Культура есть утверждение добра — во всей его действительности. Культура есть песнь мирного труда в его бесконечном совершенствовании. Культура есть переоценка ценностей для нахождения истинных сокровищ народа. Культура утверждается в сердце народа и создает стремление к строительству. Культура воспринимает все открытия и улучшения жизни, ибо она живет во всем мыслящем и сознательном. Культура защищает историческое достоинство народа.

Всякое культуроборство есть невежество. Всякое против культуры сквернословие есть признак животности. Человечность и служение человечеству воздвигнутся от культуры. Нести знамя культуры — это значит охранить лучшие мировые ценности. Если мировое понятие близко душе человечества, то насколько же ближе и проникновеннее звучит слово о Родине.

Утверждение о Родине не будет отвлеченным, туманным понятием. Кто берется утверждать, тот и сознает всю ответственность подвига утверждения. Люди не могут удовлетворяться отвлеченностями. В мире все реально, и в высшей красоте реальны сияющие вершины. На земле покоится вершина. На кристалле мысли виждется осознание Родины в общечеловеческом ее понимании. Защита Родины есть защита и своего достоинства.

Защита Родины есть и оборона культуры. Поверх каждодневной пыли сияет понятие Родины. Тот, кто осознает это понятие, прекрасное и перушимое, тот может почитать себя сознательным работником культуры. В трудах, среди препятствий, будто бы необоримых, находятся молодые силы. В любви к человечеству, в любви к Родине найдут молодые сердца неосудимое, светлое стремление к под-

вигу. В этом русском слове — в подвиге — заключено понятие движения, преуспеяния и неустанного созидательства.

Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах — мы будем оборонять. Не найдется такое жестокое сердце, чтобы сказать: не мысли о Родине. И не только в праздничный день, но в каждодневных трудах мы приложим мысль ко всему, что творим, о Родине, о ее счастье, о ее преуспеянии всенародном. Через все и поверх всего найдем строительные мысли, которые не в человеческих сроках, не в самости, но в истинном самосознании скажут миру: мы знаем нашу Родину, мы служим ей и положим силы наши оборонить ее на всех ее путях.

Поверх всяких Россий есть одна
незабываемая Россия.

Поверх всякой любви есть одна
общечеловеческая любовь.

1936 г. Урусвати, Гималаи

ГОРЬКИЙ

Восемнадцатого июня в Горках, около Москвы, скончался великий русский писатель Максим Горький.

За последние месяцы ушло три великих русских: физиолог Павлов, композитор Глазунов и теперь Горький. Всех троих знал весь мир. Кто же не слышал о рефлексах Павлова. Кто, наряду с Чайковским и Римским-Корсаковым, не восхищался Глазуновым. Кто же, в ряду корифеев русской литературы, не читал Горького, запечатлевшего неувыдающие русские образы.

Более полумиллиона людей пришло поклониться праху великого писателя, а в день похорон гроб сопровождало семьсот тысяч почитателей. Представители государства держали почетный караул и несли после сожжения праха урну для установки ее в стене Московского Кремля. Присутствовал весь дипломатический корпус. Пушечный салют проводил знаменитого писателя. Некоторые французские газеты были поражены, что писателю всею нацией были оказаны такие высокие почести. Были венки от французского и чехословацкого правительств. Иностранная пресса единодушно откликнулась достойным словом, почтив память Горького.

В Москве постановлено воздвигнуть на государственный счет памятники М. Горькому в Москве, Ленинграде и Нижнем Новгороде, который теперь именуется именем Горького.

Муниципальный совет Праги постановил присвоить одной из улиц столицы Чехословакии имя Максима Горького.

Бенеш, президент Чехословакии, отправил следующую телеграмму в Москву: «Смерть Максима Горького заставит весь мир и Чехословацкую республику в частности задуматься о развитии русского народа за последние пятьдесят лет и Советского Союза со времени революции. Участие Горького в этом процессе было в духовном отношении чрезвычайно велико и убедительно. Для меня лично Горький, как и все русские классики, был учителем во многих отношениях, и вспоминаю я о нем с благодарностью».

Ромэн Роллан по телефону из Швейцарии прислал следующее письмо, почтив память умершего: «В этот

мучительный час расставанья я вспоминаю о Горьком не как о великом писателе и даже не о его ярком жизненном пути и могучем творчестве. Мне вспоминается его полноводная жизнь, подобная его родной Волге, жизнь, которая неслась в его творениях потоками мыслей и образов. Горький был первым высочайшим из мировых художников слова, расчищавшим пути для пролетарской революции, отдавшим ей свои силы, престиж своей славы и богатый жизненный опыт... Подобно Данте, Горький вышел из ада. Но он ушел оттуда не один. Он увел с собой, он спас своих товарищей по страданиям».

В парижских газетах, дошедших в Гималаи, сообщается много показательных знаков повсеместного почитания умершего писателя. Почтили его и друзья, почтили все страны и секторы. Даже в самых сдержанных отзывах высоко вспоминаются произведения Горького «На дне», «Буревестник», «Городок Окуров», «Мещане», «Мать» и его последние произведения: «Дело Артамоновых» и «Клим Самгин». И, в конце концов, добавляется: «Умер человек и художник, которого мы все любили». Итак, искусство объединило и врагов, и друзей. От самого начала своей яркой писательской деятельности Горький (его имя было Алексей Максимович Пешков, но все его знали по псевдониму) занял выдающееся место в ряду русских классиков. Как о всяком большом человеке и великом таланте, около Горького собралось много легенд, а с ними и много наветов. Кто-то хотел его представить бездушным материалистом, кто-то вырывал из жизни отдельные словечки, по которым нельзя судить ни человека, ни произведение. Но история, в своей неподкупности, выявит в полной мере этот большой облик, и люди найдут в нем черты, для многих совсем неожиданные.

Доктор Л. Левин в «Известиях» (20 июня) рассказывает о последних днях М. Горького:

— Алексей Максимович умирал, как и жил, великим человеком. В эти тяжелые дни болезни он ни разу не говорил о себе. В короткие, светлые промежутки болезни он говорил на свои любимые темы: о литературе, о так волновавшей его грядущей войне. Последний день и ночь он был в бреду. Находясь неотступно у постели, я разбирал короткие, отрывочные фразы:

«Будет война... Надо готовиться... Надо быть застегнутыми на все пуговицы».

Н. Берберова, работавшая с Горьким, сообщает о ха-

рактарном эпизоде его жизни. «Это было в день прихода очередной книжки «Современных записок», с окончанием «Митиной любви» Бунина. Все было отставлено. Работа, корреспонденция, чтение газет. Горький заперся у себя в кабинете, к завтраку пришел с опозданием и в рассеянности... И только к чаю выяснилось. «Понимаете... Замечательная вещь... Замечательная...» — и больше он ничего не мог сказать о «Митиной любви». Трудно поверить, что этот человек мог плакать настоящими слезами от стихов Лермонтова, Блока и многих других. Вот что однажды написал он мне — в этой цитате отразилось все его отношение к поэтам и к поэзии: «Очень прельщает меня широта и разнообразие тем и сюжетов поэзии. Я считаю это качество признаком добрым, оно намекает на обширное поле зрения автора, на его внутреннюю свободу, на отсутствие скованности с тем или иным настроением, той или иной идеей. Мне кажется, что определение «поэт — эхо мировой жизни» — самое верное. Конечно, есть и должны быть уши, воспринимающие только басовые крики жизни, души, которые слышат лишь лирику ее... Но А. С. Пушкин слышал все, чувствовал все, и потому не имеет равных... Разве есть что-нибудь лучше литературы — искусства слова? Ничего нет. Это самое удивительное, таинственное и прекрасное в мире сем».

Упоминание о похвале Горького повести Бунина характерно для широты взглядов Горького, тем более, что Бунин принадлежит к другой группе литературной, и потому такая похвала особенно ценна.

Многие ценные черты Горького выяснятся со временем. Мне приходилось встречаться с ним многократно как в частных беседах, так и среди всяких заседаний комитетов, собраний. Во всем этом многообразии вспыхивали постоянно новые, замечательные черты характера Горького, подчас совершенно не совпадавшие с суровой наружностью писателя. Помню, как однажды, когда в одной большой литературной организации нужно было найти спешное решение, я спросил Горького о его мнении. Он же улыбнулся и ответил: «Да о чем тут рассуждать, вот лучше вы, как художник, почувствуйте, что и как надо. Да, да, именно почувствуйте, ведь вы интуитивист. Иногда поверх рассудка нужно хватить самую сущность».

Помню и другой случай, когда в дружеском кругу Горький проявил еще одну, неожиданную для многих, сторону. Говорили о игогах, о всяких необычайных яв-

ниях, родиной которых была Индия. Многие из присутствовавших поглядывали на молчавшего Горького, очевидно, ожидая, что он как-нибудь очень сурово резюмирует беседу. Но его заключение было для многих совсем неожиданным. Он сказал, внутренне осветившись: «А все-таки замечательные люди эти индусы. Говорю только о том, что сам видел. Однажды на Кавказе пришлось мне встретиться с приезжим индусом, о котором рассказывалось много таинственного. В то время я не прочь был и в свою очередь пожать плечами о многом. И вот мы, наконец, встретились, и то, что я увидал, я увидал своими глазами. Размотал он катушку ниток и бросил нитку вверх. Смотрю, а нитка-то стоит в воздухе и не падает. Затем он спросил и меня, хочу ли я что-нибудь посмотреть в его альбоме, и что именно. Я сказал, что хотел бы посмотреть виды индусских городов. Он достал откуда-то альбом и, посмотрев на меня, сказал: «Вот и посмотрите индусские города». Альбом оказался состоящим из гладких медных листов, на которых были прекрасно воспроизведены виды городов, храмов и прочих видов Индии. Я перелистал весь альбом, внимательно рассматривая воспроизведения. Кончив, я закрыл альбом и передал его индусу. Он, улыбувшись, сказал мне: «Вот вы видели города Индии», дунул на альбом и опять передал мне его в руки, предлагая посмотреть еще. Я открыл альбом, и он оказался состоящим из чистых, полированных медных листов, без всякого следа изображений. Замечательные люди эти индусы».

Вот и такая черта Горького, разве она не свидетельствует о его вмещении и широком сознании?

Он очень хотел иметь мою картину. Из бывших тогда у меня он выбрал не реалистический пейзаж, но именно одну из так называемой «предвоенной» серии — «Город осужденный», именно такую, которая ответила бы прежде всего поэту. Да, автор «Буревестника» и не мог не быть большим поэтом. Через все уклоны жизни, всеми путями своего разностороннего таланта Горький шел путем русского народа, вмещая всю многогранность и богатство души народной.

Парижские газеты сообщают любопытное сведение: «Горький в роли Гаруна эль-Рашида». «Известия» (21 июня) печатают фотографию М. Горького в облике бродяги. Было это в 1928 году. Горькому захотелось посмотреть, что делается в новых пивных, что за люди сидят там, нет

ли среди них его старых типов со «дна», что с ними стало, каковы новые посетители и т. д. Но как реализовать такую экспедицию? Горький решил тряхнуть стариной, побродяжить. Он призраивает бороду и — волосатый, заросший, как медведь, искусно загримированный — ведет задушевные беседы. В результате этого бродяжничества появился очерк, включенный в книгу «По Союзу Советов».

Знающие Горького понимают, что этот эпизод вполне для него характерен. Будучи истинным реалистом во всей вменяемости, он считал нужным убеждаться на деле не только для внесения в свою записную книгу новых типов, но для установления синтеза для истинного расширения своего сознания.

«Он был доверчив, он доверял, он любил доверять, его обманывали... Однажды он вышел из своего кабинета напевая и выражая лицом такое сияние восторга, что все остолбенели. Оказывается, он прочел очередную газетную заметку об открытом кем-то где-то каком-то микробе».

Пришлось мне встретиться с Горьким и в деле издательства Сытина (Москва), и в издательстве «Нива». Предполагались огромные литературные обобщения и просветительные программы. Нужно было видеть, как каждая условность и формальность корбила Горького, которому хотелось сразу превозмочь обычные формальные затруднения. Он мог строить в широких размерах. Ваять хотя бы выдвинутые им три мощных культурных построения. Имею в виду «Дом всемирной литературы», «Дом ученых» и «Дом искусств». Все три идеи показывают размах мысли Горького, стремившегося через все трудности найти слова вечные, слова просвещения и культуры. Нерасплесканной он пронес свою чашу служения человечеству.

От имени Лиги Культуры принесем наши искренние чувства памяти Горького, которая прочно и ярко утвердится в пантеоне всемирной славы.

12 июля 1936 г. Гималаи

БЛОК И ВРУБЕЛЬ

Среди множества разновременных встреч по всему миру особенно сохраняются в памяти общения с Блоком и Врубелем. Оба они были особенные. Оба они имели свой самобытный, присущий только им стиль и способ выражения. Часто бывает, что особо схожие по внутреннему содержанию люди между собой не встречаются. Так, Врубель не встречался с Блоком — просто они совершали земной путь каждый по своей тропе. Но с этой тропы каждый из них видел чудесные дали, и в этих далях было так много подобного. Какими-то странными особенностями были окружены наши общения. Почему-то всегда случилось, что общения наши были какими-то особенными. Посещения оказывались наедине. Легко, казалось бы, могло случиться, что кто-то мог прийти и внести обычность в беседу, но этого не случилось. Первый раз Блок пришел с просьбою сделать ему для его книги фронтиспис «Италия». Предвидение, выраженное в образах, свойственных лишь Блоку, своеобразно сказывалось во всех его речах. Он знал, что мы азиаты, и мудро претворял это утверждение.

К Азии, или лучше сказать к Востоку, тянулся и Врубель. Он понимал и Византию, но именно ту Византию, в которой отобразился истинный Восток. Даже и в последних своих вещах, например в «Раковине», Врубель был знатоком Востока, ведь этим путем могли мыслить иранские, индийские и китайские мастера.

Незабываемо последнее посещение Врубеля, бывшее в 1905 году. Уже говорили о каких-то странностях, обозначающихся в его жизни. Помним, он пришел довольно поздно вечером, и за чаем была беседа о новых задуманных картинах. Жили мы в доме Кенига на пятой линии Васильевского острова, столовая выходила во двор, и стояла полная тишина. Вдруг Врубель примолк и пасторожился. Спросили его, в чем дело. Он прошептал: «Поет». Спросили: «Кто поет?» — «Он поет, как прекрасно». Мы встревожились, ибо была полнейшая тишина. «Михаил Александрович, да кто же, наконец, поет?» Врубель как-то неожиданно остеклился: «Да, конечно, он, демон, поет». При этом он спешно махнул рукой как бы прося не мешать. Мы замолчали. Елена Ивановна, которая очень лю-

была Врубеля, тревожно смотрела на меня, и так прешло значительное время. Наконец, Врубель как-то особенно глубоко вздохнул. Настороженность пропала. Он поспешно поднялся из-за стола и начал совершенно прозаично прощаться, ссылаясь на поздний час. Замечательно, что даже когда Врубель заболел и был признан неизлечимым, то Академия художеств продолжала его ненавидеть,— настолько он был противоположен в своей сущности. Когда мы хлопотали о пенсии ему, то именно из недр Академии посыпались возражения и множество кандидатов, которые, конечно, и в подметки Врубелю не годились. Впрочем, академические круги не только ненавидели Врубеля, но и чуждались Блока, настолько их самобытное творчество было чуждо академической рутине.

ТОЛСТОЙ И ТАГОР

«Непременно вы должны побывать у Толстого», — гремел басистый В. В. Стасов за своим огромным заваленным столом.

Разговор происходил в Публичной библиотеке, когда я пришел к Стасову после окончания Академии художеств, в 1897 году.

«Что мне все ваши академические дипломы и отличия. Вот пусть сам великий писатель земли русской произведет вас в художники. Вот это будет признание. Да и «Гонца» вашего никто не оценит, как Толстой. Он-то сразу поймет, с какой такой вестью спешит ваш «Гонец». Нечего откладывать, через два дня мы с Римским-Корсаковым едем в Москву. Айда с нами! Еще и Илья (скульптор Гинцбург) едет. Непременно, непременно едем».

И вот мы в купе вагона. Стасов, а ему уже семьдесят лет, улегся на верхней полке и уверяет, что иначе он спать не может. Длинная белая борода свешивается вниз. Идет длинейший спор с Римским-Корсаковым о его опере. Реалисту Стасову не вся поэтическая эпика «Китеж града» по сердцу.

«Вот погодите, сведу я вас с Толстым, поспорить. Он уверяет, что музыку не понимает, а сам плачет от нее», — грозит Стасов Римскому-Корсакову.

Именно в это время много говорилось о толстовских «Что есть искусство?» и «Моя вера». Рассказывались, как и полагается около великого человека, всевозможные небывлицы об изречениях Толстого и о самой его жизни. Любителям осуждения и сплетен предоставлялось широкое поле для вымыслов. Не могли понять, каким образом граф Толстой может пахать или шить сапоги.

Утром в Москве, ненадолго остановившись в гостинице, мы все отправились в Хамовнический переулок, в дом Толстого. Каждый вез какие-то подарки. Римский-Корсаков — свои новые ноты, Гинцбург — бронзовую фигуру Толстого. Стасов — какие-то новые книги, а я — фотографию с «Гонца».

Тот, кто знал тихие переулки старой Москвы, старинные дома, отделенные от улицы двором, всю эту атмосферу просвещенного быта, тот знает и аромат этих старых усадеб. Пахло не то яблоками, не то старой краской,

не то особым запахом библиотеки. Все было такое простое и вместе с тем утонченное. Встретила нас графиня Софья Андреевна. Разговором, конечно, завладел Стасов, а сам Толстой вышел позже. Тоже такой белый, в светлой блузе, потом прозванной «толстовка». Характерный жест рук, засунутых за пояс, так хорошо уловленный на портрете Репна.

Только в больших людях может сочетаться такая простота и в то же время несказуемая значительность. Я бы сказал — величие. Но такое слово не полубилось бы самому Толстому, и он, вероятно, оборвал бы его каким-либо суровым замечанием. Но против простоты он не воспротивился бы. Только огромный мыслительский и писательский талант и необычайно расширенное сознание могут создать ту убедительность, которая выражалась во всей фигуре, в жестах и словах Толстого. Говорили, что лицо у него было именно значительное — русское лицо, такие лица мне приходилось встречать у старых мудрых крестьян, у староверов, живших недалеко от города. Черты Толстого могли казаться суровыми. Но в них не было напряжения, и само воодушевление его при некоторых темах разговора не было возбуждением, но, наоборот, выявлением мощной, спокойной мысли. Индии ведомы такие лица.

Осмотрел Толстой скульптуру Гинцбурга, сделал несколько кратких и метких замечаний. Затем пришла и моя очередь, и Стасов оказался совершенно прав, полагая, что «Гонец» не только будет одобрен, но вызовет необычные замечания. На картине мой гонец спешил в лодке к древнему славянскому поселению с важной вестью о том, что «восстал род на род». Толстой говорил: «Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь все снесет. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет».

Затем Толстой заговорил о народном искусстве, о некоторых картинах из крестьянского быта, как бы желая устремить мое внимание в сторону народа. «Умейте поболеть с ним» — такие были напутствия Толстого. Затем началась беседа о музыке. Опять появились парадоксы, но за ними звучала такая любовь к искусству, такое искание правды и забота о народном просвещении, что все эти разнообразные беседы сливались в прекрасную симфонию

служения человечеству. Получился целый толстовский день. На другое утро, собираясь обратно в дорогу, Стасов говорил мне: «Ну, вот теперь вы получили настоящее звание художника».

Священная мысль о прекрасной стране жила в сердце Толстого, когда он шел за сохой, как истинный Микула Селянинович древнерусского эпоса, и когда он, подобно Бёме, тачал сапоги, вообще искал случая прикоснуться ко всем фазам труда. Без усталости разбрасывал этот сеятель жизненные зерна, и они крепко легли в сознание русского народа. Бесчисленны дома имени Толстого, толстовские музеи, библиотеки и читальни его имени. И разве можно было вообразить лучшее завершение труда Толстого, как его уход в пустыню и кончину на маленьком полустанке железной дороги? Удивительный конец великого путника! Это было настолько несказанно, что вся Россия в первую минуту даже не поверила. Помню, как Елена Ивановна первая принесла эту весть, повторяя: «Не верится, не верится! Точно бы ушло что-то от самой России. Точно бы отграничилась жизнь».

Я сейчас записываю эти давние воспоминания, а под окном от самой земли и до самого неба, через все пурпуровые и снеговые Гималаи, засияла всеми созвучиями давно небывалая радуга. От самой земли и до самого неба! Так же именно Елена Ивановна принесла и совсем другую весть. Не раз доводилось ей находить в книжных магазинах нечто самое новое, нужное и вдохновительное. Нашла она и «Гитанджали» Тагора в переводе Балтрушайтиса. Как радуга засияла от этих сердечных напевов, которые улеглись в русском образном стихе Балтрушайтиса необыкновенно созвучно. Кроме чуткого таланта Балтрушайтиса, ему, конечно, помогло и сродство санскрита с русским, литовским и латышским языками. До этого о Тагоре знали в России лишь урывками. Конечно, прекрасно знали, как приветственно имя Тагора во всем мире, но к сердечной глубине поэта нам, русским, еще не было случая прикоснуться.

«Гитанджали» явилось целым откровением. Поэмы читались на вечерах и на внутренних беседах. Получилось то драгоценное взаимопонимание, которое ничем не достигнешь, кроме подлинного таланта. Таинственно качество убедительности. Несказуема основа красоты, и каждое незагрязненное человеческое сердце трепещет и ликует от искры прекрасного света. Эту красоту, этот всесветный

отклик о душе народной внес Тагор. Какой такой он сам? Где и как живет этот гигант мысли и прекрасных образов? Исконная любовь к мудрости Востока нашла свое претворение и трогательное звучание в убеждающих словах поэта. Как сразу полюбили Тагора! Казалось, что самые различные люди, самые непримиримые психологи были объединены зовом поэта. Как под прекрасным куполом храма, как в созвучиях величественной симфонии, победительно соединяла сердца человеческие вдохновенная песнь. Именно так сказал сам Тагор о своем «Что есть искусство?».

«В искусстве наша внутренняя сущность шлет свой ответ наивысшему, который себя являет нам в мире беспредельной красоты, поверх бесцветного мира фактов».

Все поверили, и верят, и знают; что Тагор принадлежит не к земному миру условных фактов, но к миру великой правды и красоты. Прочно зародилась мечта: где бы встретиться? Не доведет ли судьба и здесь, в этом мире, еще увидеть того, кто так мощно позвал к красоте-победительнице? Странно выполняются в жизни эти повелительные мечты. Именно неисповедимы пути. Именно сама жизнь тклет прекрасную ткань так вдохновенно, как никакое человеческое воображение и не представит себе. Жизнь — лучшая сказка.

Мечталось увидеть Тагора, и вот поэт самолично в моей мастерской на Квинсгэттеррас в Лондоне в 1920 году. Тагор услышал о русских картинах и захотел встретиться. А в это самое время писалась индусская серия панно «Сны Востока». Помню удивление поэта при виде такого совпадения. Помню, как прекрасно вошел он, и духовный облик его заставил затрепетать наши сердца. Ведь недаром говорится, что первое впечатление самое верное. Именно самое первое впечатление и сразу дало полное и глубокое отображение сущности Тагора.

Таким же незабываемым и для нас осталось это явление Тагора, со всеми проникновенными речами и суждениями об искусстве. Незабываемым осталось и его письмо, насыщенное впечатлениями нашей встречи. Затем встретились мы и в Америке, где в лекциях поэт так убедительно говорил о незабываемых законах красоты и человеческих взаимопониманий. В суете левиафана-города слова Тагора иногда звучали так же парадоксально, как и волшебная страна Толстого, живая в сердце великого мыслителя. Тем больше был подвиг Тагора, неустанно обхо-

дившего мир с повелительным зовом о красоте. Сказал поэт: «Цивилизация ждет великого завершения выражения своей души в красоте». Можно цитировать неустанно из книг Тагора его моления и призывы о лучшей жизни, такие легко выполнимые в непреложной стране самого поэта.

Разве далеки от жизни эти зовы? Разве они лишь мечты поэта? Ничуть не бывало. Вся эта правда во всей своей непреложности дана и выполнима в земной жизни. Напрасно невежды будут уверять, что мир Тагора и Толстого утопичен. Трижды неправда. Какая же утопия в том, что нужно жить красиво? Какая же утопия в том, что не нужно убивать и разрушать? Какая же утопия в том, что нужно знать и напитывать все окружающее просвещением? Ведь это все вовсе не утопия, но сама реальность. Если бы хотя в отдельных, притушенных искрах не проникал в потемки земной жизни свет красоты, то и вообще жизнь земная была бы невысказана. Какая же глубокая признательность человечества должна быть принесена тем гигантам мысли, которые, не жалея своего сердца, поистине самоотверженно приносят напоминание о вечных основах жизни. Без этих законов о прекрасном жизнь превратится в такое озверение и безобразие, что упущено будет каждое живое дыхание.

Страшно проклятие безобразия. Ужасно гонение, которое во всех исторических эпохах сопровождало истинное искание и познание.

Тагор знает не по газетам, но всем своим чутким сердцем, какие мировые опасности встают в наши армагеддонные дни. Тагор не скрывает этих опасностей. Как всегда, смело, он говорит о вопросах мира и просвещения. Можно себе представить, сколько шипения где-то раздастся о его призывах о мире.

Последнее его письмо, полученное недавно, с болью отмечает мировое положение: «Мой дорогой друг. Проблема мира сегодня является наиболее серьезной заботой человечества, и наши усилия кажутся такими незначительными и тщетными перед натиском нового варварства, которое бушует на Западе с все возрастающей яростью. Безобразное проявление обнаженного милитаризма повсюду предвещает злое будущее, и я почти теряю веру в самую цивилизацию. И все же мы не можем сложить наши устремления — это только ускорило бы конец».

ИНДИЯ

От самого детства наметилась связь с Индией. Наше имение «Извара» было признано Тагором как слово санскритское. По соседству от нас во времена екатерининские жил какой-то индусский раджа, и до последнего времени оставались следы могольского парка. Была у нас старая картина, изображавшая какую-то величественную гору и всегда особенно привлекавшая мое внимание. Только впоследствии из книги Брайана Ходсона я узнал, что это была знаменитая Канченденга. Дядя Елены Ивановны в середине прошлого столетия отправился в Индию, затем он появился в прекрасном раджпутанском костюме на придворном балу в Питере и опять уехал в Индию. С тех пор о нем не слыхали. Уже с 1905 года многие картины и очерки были посвящены Индии. «Девассари», «Лакшми» (в «Весах»), «Индийский путь» (по поводу поездки Голубева), «Граница царства», «Кришна», «Сны Индии» — все это было написано еще до поездки в Индию, так же, как «Гайатри» и «Города пустынные». С 1923 года мы были уже в Индии, и с тех пор все познание Индии, любовь к ней и многие дружеские отношения возросли. Еще в 1920 году в Лондоне нас посетил Рабиндранат Тагор и звал в Индию. После этого в «Модерн ревью» в Калькутте появилась большая статья о моем искусстве. Это было как бы введением в Индию. Елена Ивановна уже давно знала книги Рамакришны и Вивекананды и любила их.

С 1923 года мы объехали главные достопримечательности Индии, начиная с Элефанты, Агры, Фатехпур Сикри, Бенареса, Сарнатха, побывали в ашрамах Рамакришны, в Адьяре, в Мадуре, на Цейлоне и всюду нашли сердечное, приветливое отношение. Установились связи не только с семьей Тагора, но и со многими представителями философской мысли Индии — Свами Рамдас, Шри Васвани, Свами Омкар, Свами Джаганишварананда, Шри Свами Садананд Сарасвати. Сблизились с Джагадиш Боше, завязались переписки с Анагарикой Дхармапалой, с Рамананда Чаттерджи, с Сунити Кумар Чаттерджи, с Раманом. Скрепилась дружба с художниками Асит Кумар Халдар, Бирешвар Сен, с художественными писателями Ганголи, Мехта, Басу, Тандап, Баттачария, Чатурведи, Равал, Куи-

читапатам, Тампи, Сиривардхана... Боше институт, Королевское азиатское общество, Маха-Бодхи, Нагари Прачарини Сабха, Индийское общество восточных искусств избрали почетным или пожизненным членом. По предложению Рай Кришнадаса устроили отдельный зал, а затем Траванкорское правительство при содействии Дж. Кезанса приобрело целую группу картин для своей государственной галереи Шри Читралайям, и в других махараджествах Индии предложения устроить выставки. Гайдерабад, Майсор... Трогательно было получать с разных концов Индии просьбы прислать напутственно-приветственные статьи индусским организациям: конгресс Махасабха, федерация студентов в Дели, бойскауты, Махабодхи, Стра-Дхарма, Школа Миры... Предисловия к книгам — Фахтулла-хан, Тежа Сингх, Моханлал Кашиап, Бхану Синг, Гупта... Не забуду встречи со «строителем нового Карачи» Джамшед Нуссерванджи. Индия радушно приняла наш институт. Сердечный привет Индии.

1937

ЛАДА

Лада — древнерусское слово. Сколько в нем лада, вдохновения и силы. И как оно отвечает всему строю Елены Ивановны. Так и звали ее. Когда Серов работал над ее портретом, он уверял, что основой ее сущности есть движение. Вернее сказать — устремление. Она всегда готова. Когда говорит она об Алтайских сестрах для все-народной помощи, то в этом призыве можно видеть ее собственные основные черты. Принести помощь, ободрить, разъяснить, не жалея сил, — на все это готова Елена Ивановна. Часто остается лишь изумляться, откуда берутся силы, особенно же зная ее слабое сердце и все те обычные явления, которым врачи лишь изумляются. На коне вместе с нами Елена Ивановна проехала всю Азию, замерзала и голодала в Тибете, но всегда первая подавала пример бодрости всему каравану. И чем больше была опасность, тем бодрее, готовнее и радостнее была она. У самой пульс был 140, но она все же пыталась лично участвовать и в устройении каравана и в улаживании всех путевых забот. Никто никогда не видел упадка духа или отчаяния, а ведь к тому было немало поводов самого различного характера.

И живет Елена Ивановна в постоянной неустанной работе. Так — с утра и до вечера. Поболит немного, но быстро духом преодолит тело, и опять можно слышать, как бодро и быстро стучит ее пишущая машина. Сейчас друзья хотят надать письма Елены Ивановны. Конечно, часть писем, да и в извлечениях. Если бы все, то получилось бы много томов.

Особа и необычайна деятельность нашей вдохновительницы. В разных странах целые очаги питаются ее помощью, прилетающей на крыльях аэропланов. Она всегда спешит с помощью. Ждут слова утешения, утверждения и пояснения. Даже из друзей многие не знают, что Еленой Ивановной написан ряд книг. Не под своим именем. Она не любит сказать хотя бы косвенно о себе. Анонимно она не пишет, но у нее пять псевдонимов. Есть и русские, и западные, и восточные. Странно бывает читать ссылки на ее книги. Люди не знают, о ком говорят. По мысли Елены Ивановны возникают женские едипения. Особая прелесть в том, что многое возникает, даже не зная истинного ис-

точника. Велика радость — давать народу широкое мировоззрение, освобождать от суеверий и предрассудков и показать, насколько истинное знание есть путь прогресса. Лада — прекрасное древнерусское имя.

1938

РУССКИЙ ЯЗЫК

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, что такой язык не был дан великому народу!» — на склоне лет сердечно выразился Тургенев о русском языке.

Истинно, великому народу дан и великий язык. Звучен язык Вергилия и Овидия, но ведь не свободен он, ибо принадлежит прошлому. Певуч язык Гомера, но и он в пределах древности. Есть соревнователь у русского языка — санскрит праотец. Но на нем даже в Индии уже не говорят. А ведь русский язык жив. Он живет для будущего. Он может обогащаться всеми новыми достижениями и сохранять свою певучую прелесть. Он не останется в пределах Пушкина, ведь слишком много вошло в жизнь и требует своего выражения. Тем более нужно подтвердить основную красоту русской речи. И для всех славянских наречий русский язык останется кормилом.

Но скажут ли достаточно в русских школах о красоте своего языка? Скучные правила пусть придут после, а сначала, от первого дня, пусть будет сказано о красоте русской речи, о богатстве, о вместимости, о подвижности и выразительности своего родного языка. Нужно знать иностранные языки. Чем больше, тем лучше. Познавая их, русский человек еще более утвердится в сознании, какой чудесный дар ему доверен. В ответственности за красоту и чистоту своей речи человек найдет лучшие средства, как выразить вновь сложные понятия, которые стучатся в новую жизнь.

Язык видоизменяется с каждым поколением. Только в суете быта люди не замечают этих пришельцев. Но пусть будут они достойны великого языка, данного великому народу. Многие отличные определения оказываются временно загнанными, ибо их твердят, не придавая истинного смысла. Во время душевных смятений человек уже не может осознать всю красоту им произносимого. В столах и воплях нарушается песнь. Но пройдет боль, и человек опять почувствует не только филологически, но сердечно, какое очарование живет в красоте речи. Прекрасен русский язык. И на нем скажут лучшие мысли о будущем.

РУССКАЯ СЛАВА

О русских изделиях сложились многие легенды. Мы слышали, что павловские ножи отправлялись в Англию, где получали тамошнее клеймо, чтобы вернуться на родину, как английское производство. Мы слышали об «английских» сукнах из Нарвской и Лодзинской мануфактур. Слышали о «вестфальской» ветчине из Тамбова. Слышали о «голландских» сырах из русских сыроварен. Слышали как некий аграрий потерял ключи от своего амбара, затем, когда выписал лучшее зерно из Германии, то в мешке нашел свои потерянные ключи. Также слышали мы, как ташкентские фрукты должны были прикрываться иностранными названиями, чтобы найти сбыт на родине. Тщетно некоторые продавцы старались уговорить покупателей, что русские продукты не только не хуже, но лучше иностранных, русские люди по какой-то непонятной традиции все же тянулись к английскому, французскому, немецкому.

Когда мы говорили о российских сокровищах, то нам не верили и надменно улыбались, предлагая лучше отправиться в Версаль. Мы никогда не опорочивали иностранных достижений, ибо иначе мы впали бы в шовинизм, но ради справедливости мы не уставали указывать на великое значение всех ценностей российских. В неких историях искусства пристрастные писатели восставали против всех, кто вдохновлялся картинами из русской жизни. Потребовалось вмешательство самих иностранцев, преклонившихся перед русским искусством, перед русской музыкой и признавших гений русского народа. Вспомним, какую Голгофу должны были пройти Мусоргский, Римский-Корсаков и вся «славная кучка», прежде чем опять-таки же иностранными устами они были высоко признаны.

Мы все помним, еще на нашем веку люди глумились над собирателями русских ценностей, над Стасовым, Погоскою, кн. Тенишевой и всеми, кто тогда уже понимал, что со временем народ русский справедливо оценит свое природное достояние. Помню, как некий злой человек писал с насмешкою о «стольчаках по мотивам чуди и мерз». Ведь тогда не только исконно русские мотивы, но даже и весь так теперь ценимый звериный стиль, которым сейчас восхищаются в находках скифских и луристанских, еще в недавнее время вызывал у некоторых снобов лишь пожимание плечами.

Теперь, конечно, многое изменилось. Версальские рапсоды уже не будут похулять все русское. Русский народ оценил своих гениев и принялся приводить в должный вид останки старины. Новгород объявлен городом-музеем, а ведь в прошедшем это было бы совсем невозможно, ибо чудесный Ростовский кремль с храмами и палатами был назначен к продаже с торгов. Только самоотверженное вмешательство ростовских граждан спасло русский народ от неслыханного вандализма. Так было и в Смоленске, когда епархиальное начальство назначило к аукциону целый ряд церковной утвари, и лишь благодаря вмешательству кн. Тенишевой эти предметы не разбежались по алчным рукам, а попали в тенишевский музей. Можно составить длинный синодик всяких бывших непризнаний и умалений ценностей русских. Потому-то так особенно радостно слышать о каждом утверждении именно русского природного достояния народа.

К чему нам ходить на поклон в Версаль, когда у нас самих лежат в скрынях непочатые сокровища. Посмотрите на результаты археологических экспедиций за последние годы. Найдено так много научно значительного и широко раздвинуты познавательные рамки. Затрачены крупные суммы на реставрацию Сергиевой лавры, киевской Софии и других древнейших русских мест. Волошин пишет книгу, где воздает должное деятелям земли русской от Олега и до Менделеева по всем разнообразным строительным областям. Для меня лично все эти утверждения являются истинным праздником. Ведь это предчувствовалось и запечатлелось во многих писаниях, которым уже и тридцать, и сорок, и более лет. Верилось, что достойная оценка всех русских сокровищ произойдет. Не допускалось, чтобы народ русский, такой даровитый, смысленный и мудрый, не вдохновился бы своим природным сокровищем. Не верилось, чтобы деятели, потрудившиеся во славу русскую в разных веках и во всех областях жизни, не нашли бы достойного признания. И вот ценности утверждены, славные деятели признаны, и слава русская звучит по всем краям мира. В трудах и лишениях выковывалась эта непреложная слава. Народ русский захотел знать, и в учебе, в прилежном познании он прежде всего оценил и утвердил свое прекрасное неотъемлемое достояние.

Радуется сердце о славе русской.

РЕАЛИЗМ

Сюрреализм и большинство всяких «измов» не имеют путей в будущее. Можно проследить, что человечество, когда наступали сроки обновления, возвращалось к так называемому реализму. Под этим названием предполагалось отображение действительности.

Вот и теперь русский народ убрал всякие «измы», чтобы заменить их реализмом. В этом решении опять сказывается русская смекалка. Вместо блуждания в тущобах непонятностей народ хочет познать и отобразить действительность. Сердце народное отлично знает, что от реализма открыты все пути. Самое реальное творчество может быть прекрасно по колориту, может иметь внушительную форму и не убоится увлекательного содержания.

Целые десятилетия люди мечтали и спорили о каком-то чистом искусстве. Отрекались от содержания, сюжетность сделалась жупелом, а в то же время засматривались на те старинные произведения, в которых мастера не избегали темы.

Мало того, что в старом итальянском и нидерландском искусстве картина имела содержание, но даже французские художники, всюду признанные, очень заботились о темах своих картин. Стоит прочесть письма Энгра, Делакруа и даже Гогена, чтобы убедиться, насколько свободно мыслили эти прекрасные художники.

Иначе и не могло быть: бесконечные говорения о чистом искусстве и ограждение от всяких привхождений сделали то, что искусство перестало быть свободным. Последователь всяких «измов», произнося свои заклинания, заключал себя в заколдованный круг всяких запрещений. А в то же время Рафаэль или Леонардо, получавшие от заказчиков точные описания содержания им порученных картин, оставались свободными. В своем широком размахе они умели вместить любые условия, не понижая достоинства своего творения.

Вот к этой-то истинной свободе замысла и выполнения и должны стремиться те, которые возлюбили реализм как прочную отправную точку. Путь реализма не обманет, и широкое воображение русского народа поможет сделать отображение действительности истинными цветами возрождения.

Сюрреализм в творческой скупости хотел представить боттичеллевскую Венеру с рыбьей головой, а Аполлона — вообще безликим, в соломенной шляпе. Художники широких замыслов, как Гойя или Эль Греко, изумились бы такому скудоумию. Значит, «измы» зашли в тупик. Пусть же красота и богатство действительности в своем реальном отображении будут основами крепкими.

Рыбья Венера вызвала не менее своеобразное осуждение. Знатoki сказали, что рыбья голова неуместна, но если бы художник снабдил Венеру рыбьим хвостом, то это было бы вполне приемлемо. Автор рыбьей Венеры — женщины с рыбьим хвостом — был тоже осужден. Впрочем, что говорить о разных осуждениях! Прекрасные картины Пюви де Шаванна и Уистлера были отвергаемы академическими авторитетами, а в Стокгольмском музее можно видеть отличную картину Рембрандта, не принятую в свое время городской ратушей. Всякое бывало. Но пути простейшие, пути вдохновения приведут к Красоте.

1939

Прислан редкий гость — «Новый мир» — четыре номера за этот год. Много ценного материала. Прекрасны мысли Алексея Толстого о детских книгах и о сохранении чистоты русского языка. Жаль двух исконных выражений. Толстой против «захоронить» и «зачитать». Но ведь народ издавна знает «клад захороненный» и «книгу зачитанную» — пропавшую у приятеля. Народ рассказывает о том, как клады захоронили, и никак иначе нельзя выразить это народное определение. Но это — подробность, а общая мысль Толстого так своевременна, неотложна.

Майский вспоминает жуткую бивальщину и взлеты молодежи. Интересны Уральские сказы. Значительны, как всегда, статьи Эренбурга. В статье о живописи наряду с Репиным и Суриковым помянут и Верещагин. Это хорошо, а то одно время его обходили молчалием.

Елена Ивановна правильно отмечает, что во всех московских присылках нет пошлости и грязи. Героическому народу нужна суровость, устремленность к труду и строению. Этим светлым качеством преоборятся трудности. Вот и победы закрепят славный путь народный. И сколько молодых полководцев выдвинулось. И сколько изобретателей, строителей создано. И сколько ученых и художников оценено народом. Народная жажда знания. Русская смекалка! Русская красота! Русское творчество! А как дружны все народы союзной семьи. Непобедимая мощь в таком единении.

Целина необъятной земли открывает несчетные сокровища. Сказочная хозяйка Урала знает, что пришло время возвысить народы, помывшие об общем благе. Каменные, непреклонны лица трудовых народов. Мыслят о будущем. И сколько безымянного подвига проявляется ежедневно, ежечасно.

Любят азиатские народы наших героев. В дальних горах и пустынях ткется сложное сказание о богатырях, возлюбивших общее дело превыше всех своих житейских выходов. Народное, священное дело. Творчество жизни незабываемое. <...>

Не о себе думает герой-воин, не о себе болеет сестра милосердия. Некоторые славные имена будут отмечены, а сколько безымянных героев, собою пожертвовавших, принесших жизнь за общее благо. Народу-труженику, народу-творцу, народу-победителю

СЛАВА!

1943

ЛЮБИТЕ РОДИНУ!

Накануне Нового года повелительно скажем: любите Родину! Скажем словами великого Гоголя. Они были произнесены ровно сто лет тому назад. Не устарела мысль Гоголя. Не устарел его полновзвучный язык. Народ чтит Гоголя, и нет такого угла в русских просторах, где бы молодое сердце не внимало заветам любимого мыслителя. Слушаем: «Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русской Россию, возлюбит и все, что ни есть в России... Но прямой любви еще не слышно ни в ком,— ее нет также и у вас. Вы еще не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всем дурном, что в ней ни делается, в вас все это производит только одну черствую досаду да уныние. Нет, это еще не любовь, далеко вам до любви, это разве только одно слишком еще отдаленное ее предвестие. Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже умных людей, то есть будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России, и будто они ей уже не нужны совсем; напротив, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с ней возможно все сделать. Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете,— последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупницу деятельности на нем всей вашей нынешней бездейственной и праздной жизни. Нет, вы еще не любите России. А не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев...» «Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

И через сто лет дала Русь ответ: «Вперед, вперед, вперед! Во благо человечеству!»

СОДЕРЖАНИЕ

В. Сидоров. Рерих и его литературное наследие 3

1

Детская сказка	26
Гримр-викинг	29
Девассари Абунту	32
Замки печали	34
Страхи	36
Клады	37
Граница царства	39
Иконный терем	41
Старинный совет	50
Знаменья	52
Пламя	54

2

По пути из варяг в греки	74
По старине	86
Сердце Азии	99
Меч Гессар-хана	199

3

К природе	208
Иконы	216
Право входа	218
Культура	221
Прекрасное	224
Сокровище дома	234
Вехи культуры	236
Привет конференции Знамени Мира	238
Гете	241
Синтез	246
Качество	251
Культурность	255
Любите книгу	259
Культура — почитание света	263
Культура — сотрудничество	265
Привет нашим обществам культуры	267
Красный Крест культуры	271
Печать века	276
Матери городов	280
Бесстрашие	285
Глаз дальний	287
Неповторимое	290

Древние источники	293
Сказки	296
Истоки	299
Россия	302
Промедление	306
Порадуемся	309
Безымянное	311
Подражание	313
Жестокосердие	316
Летопись искусства	319
Доверие	323
Желанный труд	326
Средневековье	328
Сеятели	332
Строитель	335
Возрождение	338
Открытые врата	341
Нерушимое	345
Врата в будущее	349
Оборона	355
Горький	357
Блок и Врубель	362
Толстой и Тагор	364
Индия	369
Лада	371
Русский язык	373
Русская слава	374
Реализм	376
«Новый мир»	378
Любите Родину!	380

Рерих Н. К.

Р42 Избранное /Сост. В. М. Сидоров; Худож. И. А. Гусева.— М.: Сов. Россия, 1979.— 384 с., 1 л. портр.

Творчество великого русского художника и мыслителя Николая Константиновича Рериха исключительно разносторонне. Значительное место в его наследии занимают литературные труды. В книгу «Избранное» вошли прозаические произведения Рериха: сказки, близкие по характеру к философской притче, автобиографическая повесть «Пламя», записки, запечатлевшие Трансгималайское путешествие, поездки по памятным местам России. Кроме того, в сборник включены очерки, в которых затронуты проблемы культуры и искусства.

Произведения, собранные в книге, в большинстве случаев или неизвестны, или мало известны нашему читателю.

Николай Константинович Рерих

ИЗБРАННОЕ

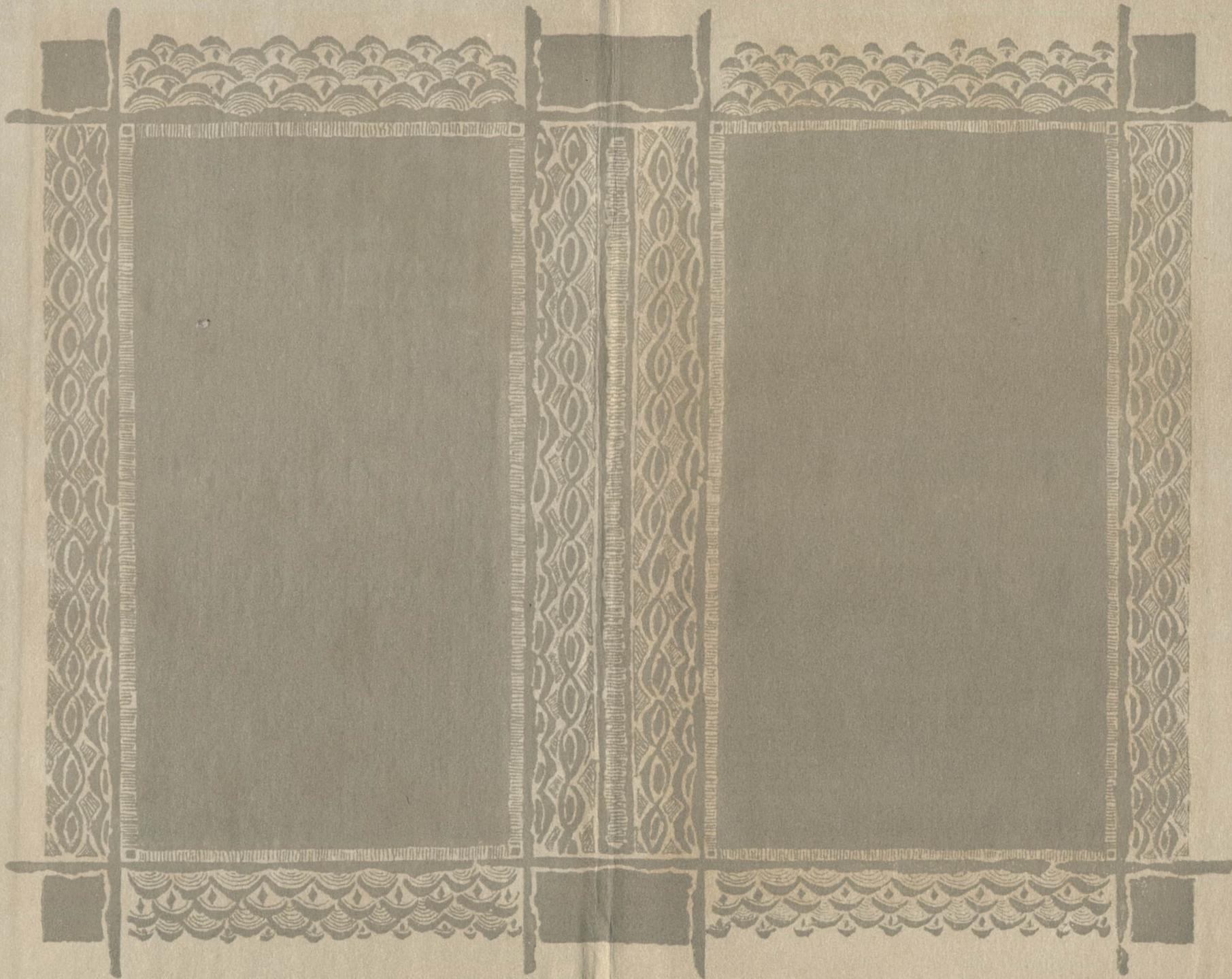
Редактор Валентин Солоухин
Художественный редактор Э. А. Розен
Технический редактор И. И. Капитонова
Корректор Л. В. Конкина

ИБ № 1728

Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Север». Сдано в набор 06.02.79. Подписано в печать 01.10.79. А10074. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 20,27 (в том числе вкл.— 0,11). Уч. изд. л. 20,20 (в том числе вкл.— 0,02). Тираж 300.000 экз. Заказ № 75. Цена 1 р. 90 к. Изд. инд. ЛХ-161.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

Н. К. РЕРИХ

ГОСТИНИЦА